

M. Weberka

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

Под редакцией

А. Дейча, М. Рыльского и Н. Ушакова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1955

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

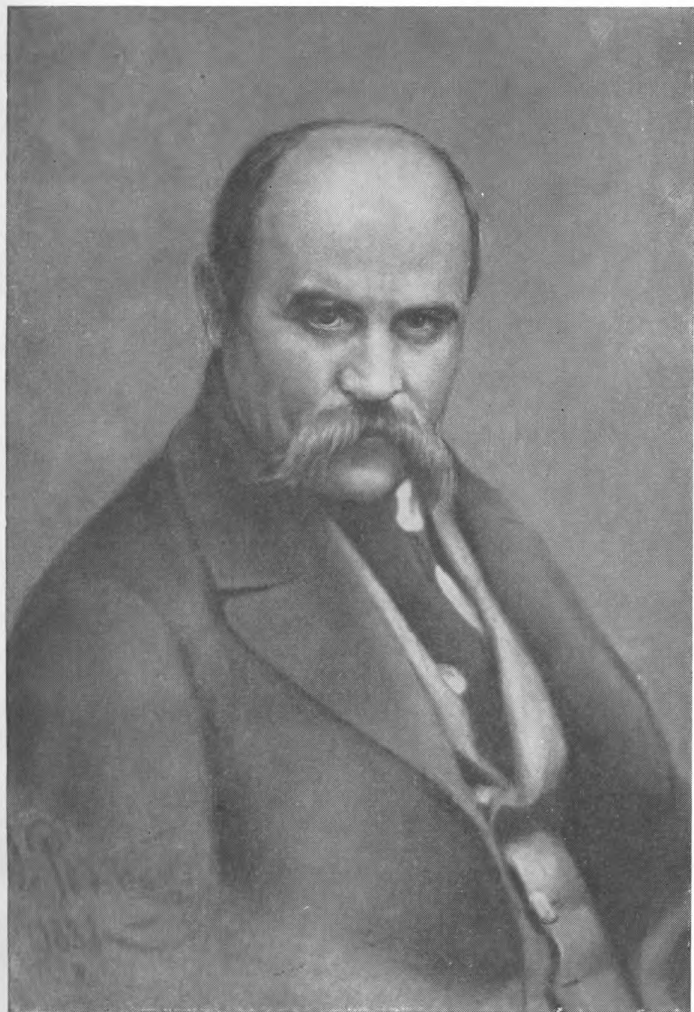
СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

1837—1847

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1955

Вступительная статья
А. Белецкого и А. Дейча

Комментарии
И. Айзенштока

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
Портрет работы И. Репина

О Т Р Е Д А К Ц И И

Настоящее Собрание сочинений Т. Г. Шевченко включает в себя почти все поэтическое и прозаическое наследие великого украинского поэта. Это Собрание сочинений является наиболее полным из всех существующих на русском языке. В него впервые включены письма Т. Г. Шевченко, представляющие значительный биографический и литературно-общественный интерес.

Собрание сочинений Т. Г. Шевченко выпускается в пяти томах. Первый том содержит стихотворения и поэмы 1837—1847 годов. Второй том включает стихотворения и поэмы 1847—1861 годов. В третий том входят драматические произведения и повести, написанные на русском языке. В четвертом томе помещены повести на русском языке. Пятый том содержит автобиографию поэта, «Дневник» и избранные письма.

В основу Собрания сочинений положены тексты украинского академического издания сочинений Т. Г. Шевченко в десяти томах, осуществляемого Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР (Тарас Шевченко, Повне зібрання творів в десяти томах, К. 1949—1953).

Стихотворные переводы выверены по этому изданию и заново отредактированы. Некоторые из старых переводов заменены новыми («Порченая», «Марьяна-черница», «Цари» и др.).

Примечания автора даны в сносках, а к «Гайдамакам» — в конце текста поэмы и отмечены цифрами.

Обстоятельные историко-литературные комментарии и объяснения отдельных слов и выражений помещены в конце каждого тома с ссылкой на страницы и строки текста.

Даты написания произведений, помеченные Т. Г. Шевченко, даны в конце текста; предполагаемые или не указанные автором даты заключены в квадратные скобки.

Краткие словари украинских слов и выражений приложены к произведениям Т. Г. Шевченко, написанным на русском языке.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Т. Г. ШЕВЧЕНКО

1

Проходят годы и столетия, сменяются поколения людей, их нравы, обычаи, верования и взгляды, но остаются великие творения искусства, надолго переживая своих создателей, по-новому говоря с каждым новым веком. Картины жизни, в них воссозданные, давно отошли в прошлое, но думы и мысли их авторов всегда обращены к будущему, и в этом их сила для нашего советского поколения.

К числу таких произведений мирового значения принадлежат и создания гениального поэта украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко.

Литературная судьба Шевченко сложилась необычно. Большая часть его произведений не могла появиться в печати при жизни поэта по цензурным условиям. Огромная прижизненная слава Шевченко, его популярность во всех концах бывшей царской империи основывались на широком распространении в рукописных списках его революционных стихотворений. Долгое время в царской России выходили лишь скромные по объему сборники поэзии Шевченко под условным названием «Кобзарь», и только после революции 1905 года стали появляться более полные издания. Их изымали из обращения и уничтожали. Нередко издатели прибегали к различным уловкам, чтобы обойти цензуру. Так, в 1911 году в Петербурге вышел двухтомный «Кобзарь», приуроченный к пятидесятилетию со дня смерти поэта. В предисловии (на русском языке) говорилось о Шевченко как о смиреннейшем поэте-христианине, проповеднике идеи всепрощения. В таком «причесанном»

виде изображался поэт-трибун, революционер, поднимавший крестьян на восстание против царя и помещиков. Между тем, именно об этом красноречиво свидетельствовали стихотворения, вошедшие в издание без искажений. Но и этот «Кобзарь» по примеру предыдущих был конфискован.

Творчество Т. Г. Шевченко и при жизни и после его смерти не раз подвергалось фальсификациям не только для преодоления цензурных рогаток, но и в реакционных целях. Украинские буржуазные националисты старались создать сусальный образ «батька Тараса», мужичка-самородка, ничего общего не имевшего с революционным движением России. Они представляли его национально-ограниченным и оторванным от передовой русской культуры.

Все такие попытки исказить образ великого народного поэта были отражением острой классовой борьбы на Украине и во всей России второй половины XIX — начала XX века.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции явилась возможность собрать все написанное великим поэтом, освободить и творчество и личность самого поэта от всевозможных искажений буржуазных националистов и реакционеров всех видов. На фоне самодержавно-крепостнической эпохи дореформенной России выступила гигантская фигура Тараса Шевченко, соратника Чернышевского и Добролюбова и друга крупнейших деятелей русской передовой культуры. Труден был жизненный и творческий путь великого украинского поэта, но не менее трудной, хоть и в ином роде, была и судьба славных русских поэтов его времени. Мы помним, что Пушкин прожил почти всю свою жизнь под тайным надзором жандармов и трагически кончил ее на дуэли с иностранным проходимцем, руку которого направляла придворная чернь и стоявший за нею царь Николай I. Такова же примерно была судьба Лермонтова и многих других передовых писателей и деятелей царской России, которых самодержавие отправляло на каторгу, заточало в тюрьмы, доводило до преждевременной смерти.

Но Пушкин и Лермонтов были дворяне и, следовательно, принадлежали к господствующему, привилегированному классу. Дворянство составляло, однако, лишь малую часть населения империи. Большая часть населения — крестьяне — не имели самых элементарных человеческих прав. Будучи крепостным, крестьянин находился в положении вещи, которую его помещик мог покупать, продавать, обменивать, с которой он мог делать, что ему было угодно.

В законах того времени крепостные не назывались рабами. Но положение их по сути ничем не отличалось от рабского. Еще в начале XIX века и в повестях и в драматических пьесах мы не найдем, словно открытие, утверждение, что и крестьяне «чувствовать умеют», что даже мужик может обладать возвышенной душой. Если это нужно было доказывать, значит многие этого еще не понимали.

Нечего говорить о том, что путь к образованию для большинства крепостных был закрыт. Правда, бывали случаи, когда помещики отдавали крестьян учиться. Богатым помещикам нужны были свои агрономы, врачи, архитекторы, музыканты, живописцы. Получив образование, иногда за границей, крепостной интеллигент возвращался домой и вновь становился рабом, а часто и жертвой помещичьего самодурства.

Трагична была участь большей части крепостных интеллигентов. Многие из них проклинали свой талант, как причину страданий. Но не лучше бывало и тогда, когда «господа» начинали «заботиться» о талантах, выходявших из крестьянства. В 30—40-х годах XIX века, почти одновременно с первыми печатными выступлениями Шевченко, в русской литературе появился забытый теперь поэт Алипанов, сын крепостного мастера, принадлежавшего собственнику стеклянных заводов Мальцеву. Алипанов писал лирические стихотворения, басни. Они были мало самостоятельны, но кое-где виднелись слабые искры таланта. На него обратило внимание «высшее учено-литературное учреждение» — Российская Академия. Ему выхлопотали волю. Царь и царица «милостиво изволили» принять от него в дар стихи и наградили его золотыми часами. Участь Алипанова — полная противоположность участи Тараса Шевченко. Стихов Алипанова сейчас никто не читает. Но в свое время они нравились дворянам-крепостникам. Рассказываемое в них не имело ничего общего с настоящим селом и его обитателями. «Господа» разнеживались: им становилось уютно, хотелось скорее вернуться из шумного города в свои деревни, где пасутся «белорунные овечки» и плетут венки, ожидая влюбленных пастухов, молодые хорошенькие пастушки.

На самом же деле в деревнях конца XVIII — начала XIX века не было ни уютно, ни спокойно. В 1803 году второстепенный русский писатель Шаликов задумал описать свою поездку «в Малороссию», как называли тогда Украину. Он побывал у знакомых помещиков, видел «чистосердечных» поселян и наблюдал их «счастье», плакал от волнения, потому что он был «чувствитель-

ный путешественник», и слезы доставляли ему большое удовольствие. Он рассказывал, например, как праздновали в деревне окончание полевых работ, как пировали «поселяне», как их добрый помещик «радовался искренне счастью их и разделял его с ними в чувствительном сердце...»

Картинка, написанная Шаликовым, конечно, чистейшая фальсификация. Если мы возьмем «Путешествие» Радищева, вспомним «Деревню» молодого Пушкина, перед нами встанут совсем другие сельские картины. Об украинской крепостной деревне совсем иначе рассказал нам и Тарас Шевченко.

Но еще до Шевченко сам народ в иных словах изображал свое крепостное житье в песнях. Народная песня была первой вдохновительницей будущего поэта, первой школой его поэтического мастерства.

Среди украинских народных песен можно выделить особый цикл песен о «панской неволе». Сохранилась лишь малая часть их, но и в тех, что дошли до нас, отношения между панами и «хлопами» далеки от какой бы то ни было «идиллии». «Добрые» паны особенно щедро наделяли крестьян работой. Изо дня в день, без перерыва, под окриками и нагайками всяких войтов, атаманов, есаулов и других панских приказчиков крестьянин должен гнуть спину на барщине. Песня стонет, рассказывая об этом:

Ой горе — не біда, не гетьманщина,
Надокучила мені вража панщина.
А із панщини йду — спотикаюся,
Дрібненькими сльозами вмиваюся...

Крепостной раб должен трудиться изо всех сил, потому что пану всегда нужны деньги,— разве мало у него потребностей? Песня не раз подчеркивает противоположность между панским благополучием и крестьянской нуждой:

А у того вельможного пана білії онучі —
Заплакали хлопи, на панщину йдучи.
А у того вельможного пана хорошії дочки —
Ходять його хлопи голі, без сорочки.
А у того вельможного пана прехороша пані —
Ходять хлопи на роботу трохи не безштанні.

В то время как реакционная дворянская литература (не один Шаликов) изображала крестьян как племя пляшущее, поющее и прославляющее в песнях «барина-отца», народная песня рас-

сказывала о тяжелом труде, о голоде и холоде, изображала горькую долю крестьянской женщины, живущей под двойным гнетом — крепостного состояния и семейного деспотизма. Молодую девушку, прекрасную, «як червона калина в лузі», силой выдают замуж, не спрашивая, хочет или не хочет она выходить. А сколько Оксан и Катерин становятся жертвами барских вожделений и гибнут, сделавшись «покрытками». Умирает муж, положение вдовы с детьми становится прямо безвыходным. Дети-сироты идут внаймы; многие и выросши остаются на всю жизнь «бурлаками» (батраками). Об их участи также повествуют особые «сиротские», «наймитские» или «бурлацкие» песни. И без ответа остается пока большой вопрос, который ставится в песне:

Летить крячок над женцями, літаючи плаче,
Коли ж тії в пана хлопи та долю побачать?

Выход один: бежать куда-нибудь на Дунай, в леса, в степи, примкнуть к народным мстителям, гайдамакам, войти в отряды знаменитых врагов панства — Гаркуши, Кармалюка...

И, когда панский произвол становится вовсе нестерпимым, вырывается на свободу стихия народного гнева. В песне, основанной на действительных событиях, рассказывается о том, как поплатились помещики Базилевские за незаконный захват земли у вольных крестьян на Полтавщине. Всея деревней бросились крестьяне села Турбаи во двор помещиков, убили их, уничтожили их имущество, сожгли дом.

Ой, хотіли Базилевці
Весь світ пережити,
Та не дали турбаївці
У віку дожити...
Ой, в Турбаях огонь горить
По всім світі димно,
Як побили Базилевців
Усім панам дивно...

Но восстания отдельных сел кончаются одинаково. Из города приходят посланные властью солдаты и начинается жестокая расправа над повстанцами. И вот село Турбаи уничтожено, сровнено с землей; вожаки восстания «биты нещадно кнутом и сосланы в Сибирь»; другие — переселены частью на Херсонщину, частью за реку Буг. Так кончилось турбаевское восстание, длившееся с 1789 по 1793 год.

Немало было других подобных восстаний и на правобережной и на левобережной Украине, и везде они кончались одинаково. Являлась карательная экспедиция, крестьян пороли, отправляли на каторгу или отдавали в солдаты, что было немногим лучше, чем каторга. Вместо одних панов являлись другие, и плохим утешением была поговорка «хоч гірше, та інше» («хоть горше, да иначе»). И вновь заводили лирники свою заунывную песню:

Чи ти, Правдо, вмерла, чи ти заключена...

Но неорганизованный протест и невысказавшийся до конца народный гнев собирались над Российской империей, как собирается перед грозой, словно набухая свинцом, растет и виснет над землей тяжелая туча. Кругом как будто бы тихо. И вдруг раздается первый удар грома, первая разрядка электричества, накопившегося в воздухе.

Так в первой половине XIX века протест и гнев, собиравшиеся веками в порабощенной массе украинского крестьянства и порой рокотавшие в народных песнях, нашли себе гениального выразителя в лице Тараса Григорьевича Шевченко.

Он сказал за всех: и за тех, кто стонал, и за тех, кто бесильно проклинал, и за тех, кто терпел страдания молча — и за своих одноплеменников и за других порабощенных обитателей царской России; за своих крепостных братьев, за всех, к какой бы нации — украинской, русской, польской, казахской или иной — угнетенные ни принадлежали.

2

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта (н. с.) 1814 года в селе Моринцы, Звенигородского уезда, Киевской губернии. Родители Шевченко были крепостными помещика Энгельгардта и жили в большой бедности. Когда Тарасу было три года, семья переселилась в соседнее село Кирилловку, принадлежавшее тому же помещику.

Детские впечатления Тараса о беспросветной крестьянской нужде сохранились на всю жизнь и отразились во многих стихотворениях поэта.

Родина Шевченко, Звенигородский уезд на Киевщине, славилась своими живописными местами. В повести «Княгиня»

Шевченко великолепно описал впечатление раннего детства от родного села и красивых окрестностей: «И вот стоит передо мною наша бедная, старая белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем, а около хаты на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник — любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба; за клунею по косогору пойдет уже сад... А за садом левада, а за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручей, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темными, зелеными лопухами».

В ряде лирических стихотворений («А. О. Козачковскому», «Тогда мне лет тринадцать было», «Мы вместе некогда росли» и др.) Шевченко изображает прекрасную природу Украины, на фоне которой вырисовываются картины крепостной неволи, встает образ «бедного, неулыбающегося мужика», который «окутал себя великолепною, вечно улыбающеюся природой и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование».

Несмотря на трудную жизнь, «кубический белокурый мальчик», как называет себя сам Шевченко, проявлял большую жизнерадостность. С детства мечтательность и любовь к жизни приводили Тараса в столкновение со страшной действительностью, разрушавшей мир фантазии. Однажды он пошел искать железные столбы, которые, как ему казалось, где-то за горой и подпирают небо. Он шел, шел до самой ночи, пока его не подобрали чумаки и не привезли сонного домой.

Мать Шевченко, добрая и кроткая женщина, умерла в тридцатидвухлетнем возрасте, надорвавшись от тяжелой работы и оставив на руках Григория Шевченко пятерых детей.

Отцу Тараса, занимавшемуся и хлебопашеством и чумачеством, никак не удавалось справиться с домашним хозяйством. Он женился вторично, на вдове, которая привела в бедную хату с соломенной крышей троих своих детей. Мачеха Тараса оказалась злой и сварливой, так что мальчик часто убегал из дому в поле или в лес, ища утешения в природе.

В семье Тарас чувствовал себя одиноким. Только отец предполагал в нем большие задатки и при разделе своего скудного крестьянского добра перед смертью ничего не оставил сыну: «Сыну

моему Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно: он не будет каким-нибудь человеком...»

Тарасу шел тогда двенадцатый год. Лишившись отца, он остался совсем одиноким. Старшая сестра Катруся вышла замуж и ушла в соседнее село, а мачеха мечтала о том, чтобы избавиться от Тараса, который ее не любил и не слушался. Она отдала его в пастухи. Целые дни проводил мальчик на пастбище в степи, глядя вдаль, зарисовывая огрызком карандаша на лоскутках бумаги высокие курганы. Рано в нем пробудилась любовь к рисованию.

Мальчик жил образами народных сказок и поверий. Полувысохший пруд, поросший осокой, окруженный седыми вербами, рождал мысли о русалках и утопленницах, а из высоких курганов по мановению его фантазии вставали запорожские казаки, чтобы рассказать о своей богатырской славе. Все это позже найдет себе место в лирических стихотворениях и поэмах Шевченко. Войдет туда и светлый, чистый образ соседской девочки Оксаны Коваленко, подруги его детских игр.

С увлечением слушал маленький Тарас бродячих слепых певцов — кобзарей, бандуристов, лирников. Его волновали «думы» — песни о подвигах запорожских казаков, храбро сражавшихся с татарами, турками, польскими панами.

Дед Иван в долгие зимние вечера рассказывал внуку о том, как украинские казаки гнали польскую шляхту со своей земли. Он рассказывал о славном полководце Богдане Хмельницком, о вожаках великого крестьянского восстания XVIII века против панов — Гонте и Зализняке (Железняке). Образы их впоследствии воплотились в поэме Шевченко «Гайдамаки».

Начаткам грамоты Тарас учился в школах у дьячков. Его первыми книгами были псалтырь и часослов. Дьячок Богорский за обучение и за кусок хлеба заставлял Тараса выполнять тяжелую работу. Тарас носил воду, убирал помещение школы. Основным средством воспитания была тогда розга. «Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди — мстью и бегством. Найдя его (то есть дьячка.— Авт.) однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все его жестокости...» (из «Автобиографии»).

Убежав от Богорского, маленький Тарас батрачил у попа, учился у маляров.

Когда Тарасу исполнилось пятнадцать лет, управляющий помещика Энгельгардта зачислил мальчика в дворовую челядь.

Теперь Шевченко особенно почувствовал на себе гнет подневольной жизни. Он сначала был поваренком на кухне, потом комнатным слугой — «казачком».

Вынужденное безделье в помещичьем доме очень томило Шевченко. По целым дням ему приходилось неподвижно и молча сидеть в передней. По первому зову барина он прибежал, подавал чубук или наливал воду в стакан из графина, стоявшего перед самым носом помещика-самодура. «По врожденной мне продерзости характера,— писал Шевченко,— я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы, украшавшие панские покои» («Автобиография»).

Помещик Павел Энгельгардт, недавно получивший наследство от своего скупого отца, владел несколькими селами Звенигородского уезда и жил на широкую ногу, часто бывая в Киеве, Вильно и Петербурге. За ним путешествовала и его челядь. Тараса вместе с другими дворовыми людьми грузили в телеги и сдавали ямщикам под расписку, как вещи, и под расписку принимали.

Когда в 1831 году семнадцатилетний юноша Тарас Шевченко вместе с крепостными Энгельгардта прибыл «пешим путем» из Вильно в Петербург, в северной столице еще жила благоговейная память о декабристах. Знал ли тогда он о восстании 1825 года на Сенатской площади, прозвучавшем на всю Россию? Быть может, еще одиннадцатилетний мальчик Тарас видел, как по селам Киевщины проходил восставший Черниговский полк под командованием С. Муравьева-Апостола, как радостно крестьяне встречали повстанцев, считая их своими освободителями.

Так или иначе, пламенные рассказы петербургских очевидцев восстания, вдохновенные слова Пушкина, обращенные к декабристам, сосланным в Сибирь, и переходившие из уст в уста, волновали свободолюбивого юношу. Позднее он не раз в своих произведениях отдаст дань уважения «первым русским благовестителям свободы».

Увидев, что страсть Шевченко к рисованию неискоренима, Энгельгардт решил сделать своего дворового «комнатным живописцем». В 1832 году помещик отдал Тараса на четыре года в ученье к «разным живописным дел мастеру Ширяеву». Ширяев был предпринимателем, человеком крутого нрава. Он держал при себе «трех, иногда и более, замарашек в тиковых халатах под именем

учеников». До последнего времени было принято считать Ширияева обыкновенным маляром, содержателем артели. Однако теперь уже вполне установлено, что Ширияев был незаурядным художником-декоратором, любителем и знатоком подлинного искусства. В квартире Ширияева можно было увидеть редкостные эстампы и картины первоклассных русских и иноземных мастеров. У Ширияева бывали художники, архитекторы, велись разговоры о живописи и поэзии. Артель Ширияева выполняла различные живописные работы в частных домах и расписывала потолки и стены петербургских театров.

За четыре года пребывания у Ширияева Шевченко немало натерпелся от жестокого характера своего хозяина, но в то же время эти годы принесли ему понимание живописи и развили художественный вкус.

После трудового дня Шевченко часто уходил в Летний сад, где находились копии античных статуй. В белые петербургские ночи он срисовывал эти статуи.

В Летнем саду произошла встреча Шевченко с земляком-художником Сошенко. Проходя аллеей, Сошенко увидел юношу в грязном тиковом халате, срисовывавшего статую Сатурна. Сошенко подошел к нему, взглянул на рисунок и сразу понял, что Тарас — талантливый художник.

Иван Максимович Сошенко, художник-портретист, был добрым и отзывчивым человеком. Он принял горячее участие в судьбе крепостного юноши и познакомил его с замечательным мастером живописи — профессором Академии художеств К. П. Брюлловым со знаменитым поэтом В. А. Жуковским, с писателем-украинцем Е. П. Гребенкой, с конференц-секретарем Академии художеств В. Григоровичем.

Новые знакомые Шевченко решили определить талантливого юношу в Академию художеств. Но туда доступ крепостным был закрыт. Нужно было выкупить Шевченко у помещика. Энгельгардт запросил за своего крепостного 2500 рублей — сумму весьма значительную.

Деньги для выкупа были добыты своеобразным путем: Брюлов написал портрет Жуковского, и этот портрет разыграли в лотерею. Долгое время существовала легенда, что все лотерейные билеты были куплены царской семьей, которая таким образом «освободила» Шевченко. Когда впоследствии поэт был арестован, шеф жандармов на допросе упрекал его в «черной неблагодарности» к царской семье. Шевченко с негодованием отвергал эти упреки

в своем «Дневнике»: «Бездушному сатрапу и наперснику царя пригрезилсь, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля (намеки на сатиру «Сон». — Авт.)... Откуда эта нелепая басня — не знаю. Знаю только, что она мне не дешево обошлась» (запись от 19 июня 1857 г.). Последние изыскания¹ документально доказали, что во дворце было куплено лотерейных билетов всего на 400 рублей. Царская семья не очень расщедрилась, да ее и не интересовала судьба какого-то крепостного художника.

Портрет Жуковского был продан. 22 апреля 1838 года Энгельгардт подписал Шевченко отпускную.

3

Шевченко стал студентом Академии художеств, близким учеником знаменитого, прославленного во всей Европе «Карла Великого» — К. Брюллова, незадолго перед тем (в 1836 г.) вернувшегося в Россию из-за границы. «Быстрый переход с чердака грубого маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего времени», как писал впоследствии сам Шевченко, был невероятным, потрясающим переворотом в его жизни. Перед молодым художником и поэтом распахнулись двери в широкий мир знания и искусства. Автобиографическая повесть «Художник» дает представление о том богатстве впечатлений от книг, произведений искусства, людей, какое хлынуло в его душу.

На первом месте стояли, конечно, впечатления от русской культуры. За годы своей короткой «воли» (с 1838 по 1847) Шевченко успел узнать все главнейшее, что создано было русскими писателями XVIII и первой трети XIX века — от Сумарокова и Державина до Карамзина, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Кольцова и других. Еще в мастерской Ширяева он с жадностью слушал стихи Пушкина, которые читал наизусть художник Зайцев. Пушкин стал для Шевченко таким же живым воплощением идеи «святого искусства», каким был для него и Брюллов. Рядом с ним особенным культом окружены у Шевченко произведения Гоголя, к которому он обратил впоследствии прочувствованное стихотворное послание, называя его «бессмертным», «благородной душой», не раз вспоминая «Мертвые души» и справедливо увидев в Гоголе учителя русских реалистов 40—50-х годов.

¹ См. М. И. Моренець, Деякі адреси і пам'ятні місця Шевченка в Петербурзі («Збірник праць першої і другої наукових шевченківських конференцій», К. 1954).

Русская культура открыла ему путь и к произведениям западноевропейской литературы; общение с Брюлловым, чтение передовых журналов 40-х годов, критические статьи Белинского научили его отделять в искусстве подлинно ценное от фальшивого и преходящего, предохранили его от увлечения Кукольников, Марлинским и Бенедиктовым; произведения великих русских писателей укрепляли его на пути реализма и народности. Революционное сознание Шевченко выросло в связи с общим ростом русского революционного движения — от декабристов до революционных демократов.

Возможно, что при посредстве Брюллова он познакомился с редчайшей книгой Радищева. Нет сомнения, что он читал «Думы» поэта-декабриста Рылеева и вольнолюбивые стихотворения Пушкина, в ту пору еще ходившие в списках. Ореолом мученичества были окружены для Шевченко «первые наши апостолы-мученики» — декабристы, о которых столько раз он вспоминал в своих позднейших произведениях («Сон», «Подземелье», «Неофиты» и др.). Отзвуки стихов Рылеева явственно слышатся в написанной по-русски поэме Шевченко «Тризна». Непокколебимая уверенность Рылеева, что рано или поздно «раздастся глас свободы и раб проснется к жизни вновь», внушавшая и Пушкину слова о «звезде пленительного счастья», которая взойдет над Россией, свергнувшей иго самовластья, жила и крепла в Шевченко.

Общение с Брюлловым, который по-товарищески и запросто относился к своим ученикам, дало очень много и для общего развития Шевченко и для его художественного мастерства. Выдающиеся способности Шевченко как графика были замечены учителем и получили у него поощрение. Брюллов учил не копировать, а всматриваться в натуру и внимательно ее изучать. У него не было односторонних пристрастий в области живописи; автор эффектного «Последнего дня Помпеи», посещая со своими учениками Эрмитаж, обращал их внимание, например, на картину фламандца Теньера-младшего (1610—1690) «Казарма» — произведение реалистического искусства, отмечая ее высокие достоинства.

Путь Шевченко-художника не был путем последователя Брюллова. Он срисовывал гипсовые слепки, он ставил натурщиков, как это полагалось, в позы античных героев, но для показательных работ предьявлял Академии не композиции на библейские и античные сюжеты, почти обязательные в Академии художеств, а «Мальчика нищего, который отдает свой хлеб собаке» (1840), или «Цыганку, гадающую малороссийской девушке» (1841). Такая те-

матика шла в разрез с направлением Академии. В результате любимый ученик Брюллова (впавшего, впрочем, в это время в немилость у царя) Шевченко не выдвинулся в первые ряды, получал лишь скромные знаки поощрения, был удостоен не звания академика, а всего только «неклассного художника» (1845), не получил и вождеденной для всех тогдашних живописцев командировки в Италию.

А между тем из него уже вырабатывался незаурядный портретист. Он овладевал и искусством гравюры, в котором так преуспел впоследствии. Он заявил о себе как хороший иллюстратор: его иллюстрации помещались в распространенных изданиях («Наши, списанные с натуры русскими» (1841—1842), «Сто русских литераторов», «Русские полководцы» (1845) и др.). У него уже складывались определенные эстетические взгляды, резко враждебные всякому идеализму, приукрашиванию действительности, всяческой фальши.

В короткий срок недавний крепостной Шевченко поднялся до уровня образованных людей, в общество которых он вошел после освобождения.

Юношу влекло не только к рисунку и краскам; ему хотелось словом выразить свою тоску по родной Украине, припомнить ее природу, сочинять песни, как те кобзари, которых он с волнением слушал в детстве. По собственному признанию Шевченко, он начал писать стихи «в светлые, безлунные ночи» 1837 года в Летнем саду. Из ранних опытов поэта сохранилась лишь баллада «Порченая» («Причинна»). Но только после его выкупа произошло подлинное рождение поэта: «Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещицкой передней, на постоянных дворах и в городских квартирах; но когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогую батьковскую стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне» («Автобиография»). В этом высказывании Шевченко умышленно подчеркнут «простонародный» характер его творчества, казавшийся вульгарным для любителей «возвышенной» дворянской поэзии.

В 1840 году в Петербурге вышел первый сборник стихотворений Т. Шевченко, отпечатанный в типографии Фишера под названием «Кобзарь» и сразу сделавший его известным украинским поэтом.

Каковы были причины неожиданного успеха стихов Шевченко и что нового внес их автор в украинскую поэзию?

Историю новой украинской литературы начинают обыкновенно с И. П. Котляревского, автора «Енеиды, на малороссийский язык перелицованной» (первые три части вышли в 1798 году) — трагедийно-сатирической поэмы и двух драматических пьес, из которых до сих пор живет на сцене «Наталка Полтавка». Но эти произведения долгое время оставались одиночками. Вся первая треть XIX века — это, так сказать, только период становления новой украинской литературы. За Котляревским следуют в хронологическом порядке П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьяненко. Но трудно еще говорить о литературе, пока нет ни устойчивой прессы, ни определившегося круга читателей и пока сами деятели этой литературы еще не имеют полной уверенности в ее праве на существование. Налицо имеются отдельные энтузиасты украинского народного творчества, любители казацкой старины, культурные деятели, собирающиеся в кружки, пробующие издавать альманахи и пока что очень скромные в своих претензиях. Значительная часть их в политических воззрениях не идет дальше умеренного либерализма. Лишь изредка в «Энеиде» и «Наталке Полтавке» Котляревского, в басне «Пан и Собака» Гулака-Артемовского в осторожной форме высказываются протесты против «плохих панов» и крепостного права.

Выступления пионеров украинского слова встречают то снисходительное поощрение, то пренебрежительное отрицание в русской журналистике. Еще в 1838 году пользующийся авторитетом Николай Полевой находил, что «мнимая малороссийская словесность просто анахронизм в нашем быту». А один из украинских реакционных романтиков А. Метлинский, собиратель народных песен, в 1839 году писал, что «южнорусский язык со дня на день забывается и молкнет», хоть, может быть, еще прозвучит — «благодаря светлomu вниманию правительства и просвещенных мужей».

Но в то время, когда украинские деятели размышляли «быть или не быть» их языку и литературе или робко отстаивали свои права, русские писатели уже занялись изучением Украины в ее прошлом и настоящем, уже создали ряд произведений в стихах и в прозе, разрабатывавших украинскую тематику. Общеизвестно, какую остроту и злободневность приобрела проблема народности в русской литературе в результате Отечественной войны 1812 года и нараставшего революционного движения в дворянской среде. Решающим моментом Отечественной войны было именно выступление народа на борьбу с наполеоновским нашествием. Национально-освободительное движение в разных странах Европы, по-

следовавшее за 1812 годом, сосредоточило литературу на вопросе о национальной самобытности, вызвало интерес к народному быту и творчеству, к специфическим особенностям жизни народов, сказывавшихся в их истории. Интерес к народности вызвал и в русской литературе увлечение народным творчеством, народной стариной, внимание к жизни народов, населявших многонациональное русское государство.

Вслед за «сентиментальными путешественниками», отправлявшимися в «полуденную Россию» еще с начала XIX века, в литературе выступает поэт-декабрист К. Рылеев, в одной из своих «дум» изобразивший Богдана Хмельницкого, вдохновлявшийся историческим прошлым Украины в поэмах «Войнаровский» и «На-ливайко». Пушкин изучает историю Украины и избирает один из решающих моментов в ней для своей поэмы «Полтава». Исключительный успех выпадает на долю «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбы» Гоголя. Все эти и подобные им факты русской литературы стали могучим импульсом развития украинской литературы. И она, наконец, закончила период своего становления, когда появился поэт, равно которому она еще не знала, в творчестве которого народные традиции и опыт предшествовавших украинских писателей вылились в создание такой простоты, задушевности и силы, что сомнениям в праве украинского народа на свою литературу уже не оставалось места. После Шевченко, по известным словам Чернышевского, не признавать украинскую литературу значило бы только проявлять собственную дикость.

А между тем первая книжечка молодого поэта содержала всего восемь стихотворений: «Думы мои», «Перебендя», «Катерина», «Тополь», «Думка» («На что черные мне брови»), «К Основьяненко», «Иван Подкова», «Тарасова ночь».

В книжку не вошла написанная в 1837 году баллада «Порченная», с ее знаменитым вступлением «Широкий Днепр ревет и стонет», сделавшимся широко известной и до сих пор у нас народной песней. В 1841 году к опубликованным в «Кобзаре» стихотворениям присоединилось еще несколько, напечатанных в альманахе «Ластовка» («Ласточка»), изданном писателем Е. Гребенкой, и отдельно выпущенная поэма «Гайдамаки». Если прибавить сюда написанные по-русски поэмы «Слепая» (1842) и «Тризна» (1844), драматический отрывок «Никита Гайдай» (1842) и драму «Назар Стодоля» (1843) — будут названы почти все произведения первого периода творчества Шевченко, когда поэт еще колеблется между

романтизмом и реализмом, между грустным отрицанием окружающей действительности и гневным протестом против социальной неправды, против угнетения трудящихся масс.

Книжка вызвала к себе живой интерес и на Украине и в Петербурге. Передовая русская печать дружелюбно встретила поэзию Шевченко. В рецензии «Отечественных записок» говорилось: «Имя г. Шевченко, если не ошибаемся, в первый раз появляется в русской литературе, и нам тем приятнее было встретить его на книжке, в полной мере заслуживающей одобрение критики». Рецензент отмечал близость Шевченко к украинской народной песне, безыскусственность стихотворений поэта и считал это главным достоинством книжки. Критик «Литературной газеты» находил в стихах Шевченко «много огня, много чувства», «горячую любовь к родине».

Престарелый украинский писатель Г. Ф. Квитка прислал Шевченко восторженное письмо: «Когда мы с женой начали читать «Кобзаря», волосы на голове поднялись, в глазах зазеленело, а сердце как-то болит. Я прижал вашу книгу к груди... ваши мысли ложатся на сердце... Хорошо, очень хорошо, больше не умею сказать».

Напротив, реакционные критики отозвались о «Кобзаре» пренебрежительно. Они находили, что Шевченко напрасно «коверкает русский язык на малороссийский лад», и называли его «мужицким поэтом».

Шевченко с гордостью принял эту кличку: «Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы только поэт, мне больше ничего и не нужно».

Шевченко чувствовал свою поэтическую силу в том, что он вырос среди крестьян, знал их стремления, чувства и мысли. Его баллады («Порченая», «Тополь» и др.) вводят читателей в богатый и певучий мир народных сказок, легенд и поверий.

Уже в первых стихах Тарас Шевченко выразил свое отношение к поэзии и призванию народного певца. Он показал кровную связь кобзаря с мыслями и чувствами родного народа. Образ кобзаря, не только скорбящего о горькой доле Украины, но и верящего в силы борцов за народное счастье, возникает в поэзии Шевченко и живет в ней от начала до конца.

Знаменательно, что поэт показал такого певца и в лиро-эпическом образе Перебенди и в лирических стихотворениях, где слил себя самого с этим образом. В известном стихотворении «Думы мои, думы мои», открывавшем «Кобзаря» 1840 года, Шевченко

говорил о том, что его страдания неразрывно связаны с тяготами закрепощенного трудового народа. Об этом же говорится и в стихотворении «Перебендя», где бродячий певец для всех находит вещее слово: для молодых и старых, для юношей и девушек. Это слово не только веселит и приносит усладу в часы досуга; оно зовет к дружбе, любви, оно будит мысль о тех временах, когда предки сражались против чужеземных поработителей. Не все может высказать кобзарь, и потому он смеется иногда, чтобы не заплакать. И сам Шевченко, как это видно из стихотворения «Думы мои», которое как бы является поэтическим предисловием к «Кобзарю», — такой певец, одержимый смятением мыслей и чувств. Он и оплакивает судьбу поработченной Украины и верит в ее будущее.

Мир поэтических образов, вызванный к жизни поэтом, раскрывается уже в этом первом стихотворении «Кобзаря». Здесь и величавый, седой Днепр с его порогами, и приветливые белые хатки, утопающие в вишневых садах, и картины прошлого — героическое запорожское воинство, отстаивающее земли свои от вражеских набегов. Шевченко, как и некоторые его предшественники и современники, украинские писатели-романтики, говорил о казацкой старине, но между ними была большая принципиальная разница. Поэт выражал стремление крепостного крестьянства к свободной и достойной человека жизни, тогда как романтики типа Метлинского, идеализируя прошлое, воспевая гетманство и казацкую старину, вместе с тем прославляли закоснелый быт отсталого хуторского хозяйства и утверждали незыблемость помещичье-крепостнического строя. Эти реакционные романтики и в отношении своем к народному творчеству стояли на позициях, явно противоположных тем, на которые пришел Тарас Шевченко. Они доказывали, что народное творчество вымирает в связи с ростом «прогресса», что историческая дума, народная песня, сказка становятся не живой, плодотворной силой, а лишь музейной редкостью.

Тарас Шевченко не только опроверг эти нелепые мысли своей поэтической практикой гения, но и показал, насколько далеки от народа и подлинной народности реакционные «любители фольклора». В своей идеализации украинской деревни они, подобно вышеупомянутому Шаликову, доходили до прямой фальсификации действительности. И. Кульжинский, преподаватель Нежинского лицея, один из учителей Н. В. Гоголя, выпустил в 1827 году в Москве книжку «Малороссийская деревня», где описал крестьянские

нравы и обычаи так, как они представлялись с барского крыльца. Книжка открывалась следующими патетическими словами: «Много есть деревень на свете, но под кротким небом Малороссии всякая деревня есть сокращенный эдем — где иногда недостает только добродетели и чувствительности сердца, чтобы людям быть совершенно блаженными...»

И впоследствии, многое перечувствовав и передумав, Шевченко гневно отвечал таким романтикам, а может быть, и самому Кульжинскому:

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно-жестоки.
За что, не знаю, называют
Там в роще хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,
И горечь самых первых слез
Я там изведал...

С первых поэтических шагов Шевченко гораздо глубже и правильнее понял значение народного творчества для украинской поэзии, чем дворянские романтики. Для Шевченко народность заключалась не в этнографическом копировании обрядов и обычаев, а в подлинном демократизме, то есть в понимании национального характера народа, его стремлений и чаяний, в человечности и оптимизме, свойственных свободолюбивому украинскому народу. В центре поэзии Шевченко стал простой человек. В этом взгляды поэта совпадали с утверждениями В. Белинского, писавшего, что для изображения жизни мужиков необходимо «уловить... идею этой жизни,— и тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого»¹.

Именно Шевченко «уловил идею» крестьянской жизни, и это привело поэта к критическому реализму, к раскрытию отрицательных сторон тяжелого крепостнического быта. Уродливые отношения между людьми создают трагедии, разбивают сердца любящих, разлучают их навсегда. «На что черные мне брови?» — скорбно спрашивает девушка в лирическом стихотворении. Для чего ей красота, если нет у нее доли. Доля — слово, крепко живущее в шевченковском поэтическом словаре. Оно означает по-украински

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, СПб. 1903, стр. 305.

не совсем то, что по-русски, это — счастье, к которому так страстно стремятся люди, и которые не могут добыть его по разным причинам и прежде всего — социальным. Родители не хотят отдать дочь за любимого ею бедняка; казак вынужден уехать в далекие края и оставить любимую; пан обольщает девушку и бросает ее с ребенком. Все эти мотивы разбитого сердца и растоптанной женской доли живут уже в ранней поэзии Шевченко. Баллада «Порченная» под покровом народной фантастики рассказывает о любви девушки к казаку, уехавшему на чужбину. Лунной ночью днепровские русалки зашекотали девушку до смерти, а вернувшийся утром казак нашел тело любимой и в отчаянии убил себя. Эта история проста, но Шевченко вложил в нее столько непосредственного и живого чувства, что она трогает своей человечностью. Поэт незримо присутствует при этой любовной трагедии и осуждает горькую жизнь, которая привела его героев к такой роковой развязке. Баллада носит резко очерченный народный колорит, живший в украинских песнях и думах. Образы русалок, плещущихся в Днепре и греющихся при лунном свете, и Соломенного духа (нечисти) пришли в поэзию из старинных поверий. Эти образы, по природе своей фантастические, сочетались с вполне реальными и такими же народными персонажами: удалым казаком и дивчиной, оплакивающей тяжкую разлуку. Тема разлуки и недоли свойственна ранней лирике Шевченко («Ветер буйный, ветер буйный», «Течет вода в сине море», «Тяжко, тяжко жить на свете»). Весь строй этих стихотворений-песен, система образов, эпитетов и метафор до того близки украинскому фольклору, что они давно стали настоящими народными песнями. Этому способствует необычайная гибкость и музыкальность шевченковского стиха. Можно изумляться тому, что Шевченко за первые два-три года поэтической работы так овладел сложной и своеобразной формой, взятой им не из литературы, а непосредственно из народной поэзии.

В первых поэтических опытах Шевченко еще придерживается постоянных эпитетов, свойственных украинскому фольклору. У него часто встречается и «сине море», и «ветер буйный», и «красная калина», и «карие очи». Это, повидимому, обусловлено желанием поэта вложить свое, новое содержание в привычные для слушателя, певца, читателя образы и формы. Если обратиться к поэме «Катерина», легко увидеть, как известный в народной песне сюжет о горькой судьбе обманутой девушки приобретает определенное социальное звучание. Катерина — не крепостная девушка, обольщенная своим паном-помещиком. Судя по всему,

она дочь «свободных» казацких родителей. По доброй воле девушка сходится с барчуком-офицером, которого глубоко любила. Но он надругался над ее любовью, потому что ему не нужна простая крестьянская девушка, он должен взять жену из богатой дворянской семьи. Образ Катерины обаятелен своей душевной чистотой и благородством, бескорытием и готовностью пожертвовать собой для любимого. Все эти качества Шевченко видел в людях из народа и потому изображал их с такой реалистической силой.

Еще больше, чем в «Порченой», Шевченко вмешивается в судьбу своей героини и вместе с ней переживает все ее страдания. Как бы подчеркивая типичность события, рассказанного в «Катерине», поэт сразу открывает произведение лирическим обращением ко всем «чернобровым» девушкам. Он призывает их не доверяться соблазнительям, которые легко могут растоптать молодую жизнь. Таких лирических отступлений в поэме немало. Шевченко выражает в них свои чувства, описывает времена года, от цветущего вишневого сада и до зимнего пейзажа, со студеной речкой, прикрытой белым саваном. Поэт проявил в «Катерине» удивительное чувство художественной меры. В немногих словах, очень скупых и волнующих, изображена гибель Катерины, бросившейся в прорубь; так же скупое, осуждающе-сдержанно дан последний эпизод, когда блестящий офицер проезжает в коляске мимо своего сына, ставшего поводырем слепца-кобзаря.

Не раз возвращается Шевченко к горемычной судьбе женщины, чья любовь не нашла ответа и не принесла полного счастья.

Вереница женских образов проходит в творчестве Шевченко, причем образов весьма различных между собой по психологии и действиям. Катерина — мать-страдалица, не выдержавшая горечи жизни, оставившая сына на произвол судьбы. Кто осудит ее за это? И рядом с ней — такая же страдалица, отдавшая всю себя рожденному в горе сыну, — наймишка из одноименной поэмы. А вот Марьяна, чью жизнь не до конца рассказал нам поэт. Ее разлучили с любимым потому, что он беден, и решили выдать за богатого. Чем должна была кончиться трагедия, мы знаем только из заглавия «Марьяна-черница», то есть девушка стала монахиней.

Многие из мучениц, героинь шевченковской музыки, пассивны, они — жертвы, которые только льют слезы бессилия. Но вот уже в 40-х годах возникает иной образ женщины, оскорбленной, страдающей, но готовой к мщению за поруганную жизнь.

Это Оксана — героиня поэмы «Слепая» (написанной на русском языке). В руках ее гайдамацкий нож для мести пану. Поэт рисует грозную картину: горит панский двор, и среди языков пламени Оксана с ножом как «будто мщение живое», как воплощение социальной мести.

Изображая крепостное село, Шевченко показывал глубокое безысходное горе крестьян, угнетенных морально и физически. Он не раз задавал себе вопрос: «Всегда ли так было?» — и в историческом прошлом Украины поэт находил те героические времена, когда славные казаки сражались за независимость против польской шляхты, татар, турок — всех тех, кто хотел надеть на них ярмо рабства. Шевченко читал о событиях из родной истории в трудах Н. Маркевича, Бантыш-Каменского, в «Истории Русов»¹ и некоторых других сочинениях. В этих работах в большей или меньшей степени выражались националистические настроения их авторов, придававших порой неверное толкование историческим событиям; все они выдвигали на первый план отдельные личности гетманов, атаманов и других представителей казацкой верхушки, игнорируя стремления и действия народных масс. В ранних творениях Шевченко, написанных на исторические темы («Иван Подкова», «Тарасова ночь», «Гамалия»), отразились влияния этих историографов и наложили на них печать национальной романтики. Однако главным источником вдохновения поэта были народные песни и думы, предания и рассказы, которые Шевченко слышал из уст старых крестьян. Недаром поэт, говоря о самой значительной поэме первого периода — «Гайдамаках», — ссылаясь на то, что он шел не за книжными источниками, а пользовался всем тем, что сам народ рассказал о Колинвщине — крестьянском восстании 1768 года.

В стихотворениях «Иван Подкова» и «Гамалия» поэт в народно-песенном духе повествует о походах запорожцев против турок и славит подвиги бесстрашных казаков, отстаивающих волю и независимость. Нередко Шевченко пренебрегает исторической достоверностью, допускает анахронизмы и вводит в свое повествование вымышленные, как бы обобщенные персонажи, хотя бы казацкого полководца Гамалию. Запорожская Сечь тогда представлялась поэту вольной казацкой республикой, в которой якобы

¹ «История Русов» псевдо-Конисского — не столько история, сколько памфлет конца XVIII — начала XIX века, сочиненный неизвестным представителем украинской шляхты.

существовало единение и братство между казацкой старшиной и рядовыми казаками. Поэт романтически идеализировал прошлое, воспевал гетманов и куренных атаманов. Он еще не понимал тогда, что эти гетманы не раз предавали и продавали народ, что среди запорожцев были привилегированные верхи и рядовые казаки из крепостных. Но, несмотря на такие заблуждения, от которых Шевченко вскоре освободился, уже в этих первых исторических стихотворениях поэта четко звучала основная мысль: в прошлом поэт находил примеры для настоящего. Он как бы призывал своих современников быть такими же отважными и бесстрашными, как их предки, он учил их не смиряться перед нами.

В небольшой поэме «Тарасова ночь» Шевченко живо изобразил эпизод борьбы украинского народа с польской шляхтой. Это как бы этюд к созданию большого монументального полотна — поэмы «Гайдамаки», вышедшей в 1841 году. Если в «Тарасовой ночи» передано лишь одно из событий многовековой борьбы — сражение 1630 года украинского воинства под предводительством Тараса Трясило против гетмана Конецпольского, то в «Гайдамаках» встает широкая историческая картина стихийного крестьянского восстания, охватившего города и села правобережной Украины.

Работая над поэмой, Шевченко искал в исторических книгах описания крестьянских восстаний на Украине. Поэтическая фантазия рисовала ему далекие времена — XVI, XVII и XVIII века, когда украинские повстанцы, гайдамаки, поднимались против польской шляхты, поработившей города и села Украины. Он как бы видел перед собою бедных хлеборобов, гнувших спину с утра до позднего вечера на плодородных землях Украины, которыми владели польские паны и жадные арендаторы. Заносчивые и жестокие шляхтичи навязывали украинскому народу свои законы, свои обычаи, свою веру. Они ввели унию, то есть соединение православной церкви с католической и подчинили церковь папе римскому.

Еще с конца XVI века украинское крестьянство не раз восставало против польских насильников. Шевченко читал в сочинениях русских, украинских и польских историков про такие восстания. Он запоминал имена героев, вожakov этих восстаний. Лобода и Наливайко, Трясило, Павлюк, Гуня поднимали народ на борьбу с польскими панами. Но вот талантливый полководец и крупнейший государственный деятель Богдан Хмельниц-

кий возглавил освободительную войну украинского народа 1648—1654 годов. «Гениальный бунтовщик» (как впоследствии назвал Хмельницкого Тарас Шевченко) всенародно провозгласил 8 (18) января 1654 года историческое решение Переяславской Рады о воссоединении украинского народа с единокровным русским. Украина освободилась от польского ига. Но вскоре начались затяжные войны. Правобережная Украина подверглась опустошительным набегам польских шляхтичей и на время опять отошла к Польше.

Снова паны-помещики стали угнетать украинский народ, и снова зрел в народе великий гнев против поработителей. В стане польских шляхтичей не было порядка и согласия. На троне сидел слабовольный король Станислав II Август Понятовский. Его поддерживала Екатерина II. Но против короля восстала часть шляхты. Она создала вооруженный союз в городе Баре, названный Барской конфедерацией.

Конфедераты как хищные звери рыскали по Украине, издевались над народом, грабили, жгли города и села. Против дикого разгула польской шляхты поднялось в 1768 году великое восстание гайдамаков, вошедшее в историю под именем Колиивщины.

Всюду в сочинениях реакционных историков Шевченко находил враждебное отношение к героям Колиивщины. Эти ученые, боявшиеся как огня свободолюбивых порывов народных масс, объявили гайдамаков «разбойниками» и «убийцами».

Но Шевченко понимал клеветническую сущность этих утверждений. Он помнил с детства, с каким уважением рассказывал старый дед Иван о славных днях Колиивщины, когда по украинской земле ходили народные мстители-гайдамаки со «свяченными» ножами.

Тарас Шевченко с трогательной нежностью вспомнил в немногих строчках о своем детстве: бывало, под праздник отец просил старого деда рассказать про вождей Колиивщины, Гонту и Зализняка, про то, как польские паны издевались над Оксаной, дочерью ктитора, про то, как отплатили им за это гайдамаки. Он изобразил стихийное и жестокое восстание гайдамаков как борьбу за мужицкую правду, за свободу, против насилия польской шляхты. В его поэме развернулись все этапы восстания — от первой его вспышки до охватившего правобережную Украину пожара, погашенного усилиями польских панов и царского войска, пришедшего им на помощь.

«Гайдамаки» с трудом увидели свет. Чиновники цензурного управления почувствовали зажигательную силу поэмы и хотели ее запретить. «Было мне с ними («Гайдамаками». — Авт.) горя, — писал Шевченко, — насилу выпустил Цензурный комитет — *возмутительно*, да и кончено...»

Предводитель дворянства Каневского уезда доносил начальству, что это сочинение «крайне опасно для дворянства и для других сословий общества, ибо народ, видя исключительно только изображения мести, резни, кровопролития, побуждается к тому, чтобы повторить эти дела, столь прославленные».

Впервые в украинской поэзии подлинным героем стал простой мужик. Этот герой, батрак шинкаря, Ярема, чувствует, что у него за плечами выросли крылья, потому что первый раз в жизни он не один.

Ощущение сплоченности и единства с такими же забытыми и обездоленными, как он, придает ему небывалые силы. Вера в победу над угнетателями превращает в его глазах кровавую расправу в светлый праздник.

Несмотря на конечное поражение гайдамаков, общий тон поэмы Шевченко оптимистичен. Поэт предвидит грядущие времена, когда между всеми славянскими народами водворится мир и согласие. В послесловии к поэме Шевченко писал: «Весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой под тыном, и весело послушать его, когда он запоем думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками; весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало», — а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть житом, пшеницею, как золотом, покрыта, неразмежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля».

Эти замечательные строки написаны поэтом, который только три года назад скинул с себя крепостное ярмо. Как родилась у него мечта о единой, неразмежеванной славянской земле? Трудно дать на этот вопрос иной ответ, чем тот, какой в свое время давал И. Франко. Напоминая о подъеме литературно-общественной мысли в России 40-х годов, о «высокообразованных кружках», в которых бывал Шевченко после освобождения, Франко говорит: «Невозможно, чтобы Шевченко, живя в то время в Петербурге, не был захвачен великой силой того прогрессивного движения».

Память о декабристах жила среди передовой русской интеллигенции. В списках широко распространено было, между прочим, стихотворение Александра Одоевского «Славянские Девы» с его рефреном:

Когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток — исполин
Ясный, как небо, как море широкий
И, увлажняя полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Стихотворение было положено на музыку одним из сотоварищей Одоевского, и Шевченко, быть может, слышал, как его исполняли. Любопытно отметить различие образов: у Одоевского — потоки, слившиеся в одну исполинскую реку; у Шевченко неразмежеванная земля, житом и пшеницею, как золотом, покрыта. Было бы наивно приписывать выбор образа у Шевченко только его крестьянскому происхождению: образ этот вырастает из идейного содержания всей поэмы.

Неожиданными могут показаться строки послесловия к поэме, казалось бы, неспособной внушить светлое видение будущего. Разве вся поэма не посвящена изображению самого дикого произвола угнетателей и самой страшной мести со стороны восставших против этого произвола? В то время как большинство польских поэтов «украинской школы» прославляли времена, когда Украина пребывала в лоне Речи Посполитой и польские рыцари делили военную славу с казацкими, выступая против общих врагов,— Шевченко избирает темой своей поэмы вражду, дошедшую до последних пределов. Польские критики долго не могли примириться и с тем, что Шевченко написал «Гайдамаков», и с тем, что находятся польские поэты, вроде Леонарда Совинского или Кондратовича (Сырокомли), которые переводят это произведение.

Поэма вызвала одобрение со стороны представителей русской революционной демократии, сочувствовавшей в 60-х годах освободительным стремлениям польского народа. Для Добролюбова, например, «Гайдамаки» — поэма «чудно-разнообразная, живая, полная силы и совершенно верная народному характеру или по крайней мере характеру малороссийских исторических дум». Добролюбов отмечал и то, чего не заметила ранняя польская критика — «лирические отступления, в которых виден поэт современный».

Проблема польско-украинского конфликта конца XVIII века у Шевченко перенесена на социальную почву.

Конечно, известную роль играют здесь и религиозные антагонизмы, но они не стоят на первом плане. Дело не в борьбе православных с католиками, а в борьбе украинских крестьян и мещан против польского панства. Социальный момент в изображении гайдамащины еще никогда не был так резко подчеркнут — даже в «Каневском замке», поэме польского поэта Северина Гошинского, ближе всех других стоящей к Шевченко. Сочувствие украинского поэта, разумеется, на стороне гайдамаков. И тем не менее поэма ни в какой мере не является выступлением против польского народа. Мало того: изображая кровавую расправу восставших, Шевченко отнюдь не любит ее. Его рассказ то и дело прерывается возгласами о том, что ему совестно за людей, не понимающих своего братства, что у него болит сердце от того, что дети старых славян враждуют друг с другом.

Шевченко, конечно, знал, какую роль в разжигании межнациональной вражды играло римско-католическое духовенство, иезуиты, ксендзы; он рано понял, что все они только пособники вельможного панства, тех самых «надменных магнатов, несчастной черни палачей», о которых говорит и герой его драматического отрывка «Никита Гайдай».

В позднейшем стихотворении 1847 года («Когда мы были казаками») Шевченко вновь обратился к вопросу об украинско-польских отношениях, еще раз подчеркивая пагубную роль магнатов и «несытых ксендзов». Отношения Украины к Польше в пору, предшествовавшую унии, представляются здесь в тонах идиллии, в образе «тихого рая». Разумеется, это не отвечает исторической правде. Но в ссылке, беседуя с новыми друзьями и товарищами по несчастью — польскими «соизгнанниками», поэту хотелось утешиться хотя бы этой мечтой и надеждой на братское единение народов после общего их освобождения. Мы знаем, сколько близких друзей было у Шевченко среди поляков (достаточно назвать хотя бы Сигизмунда Сераковского, светлый образ которого сохранили для нас также и Герцен и Чернышевский), и можем категорически утверждать, что какой-либо антагонизм по отношению к польскому народу был совершенно чужд Шевченко.

Не менее часто, чем о насилиях польских панов, говорил Шевченко о страданиях Украины от русских царей и чиновников. Он с негодованием и презрением поминал Екатерину II, не говоря

уже о том царе, который явился его палачом, о «неудобозабываемом тормозе», Николае I. И тем не менее, собрав все его отрицательные отзывы и в стихах и в прозе о русской военщине, бюрократии, дворянстве, кто, кроме врагов и отщепенцев украинского народа — буржуазных националистов — решится сказать, что Шевченко был врагом русского народа?

Вопрос настолько изучен и проверен и украинскими и русскими исследователями Шевченко, что уже перестал быть вопросом. Подобно тому, как русские передовые деятели, не отрицая того, что Шевченко украинский поэт, считали его своим, так он своими считал великих русских поэтов, художников, музыкантов, революционных деятелей, никогда и ни в какой мере не отмежевываясь от русского народа и созданных им культурных ценностей.

Здесь уместно затронуть вопрос об отношении Белинского к Шевченко, потому что украинские буржуазные националисты не раз пытались представить Белинского лютым врагом Шевченко и украинской литературы вообще, несмотря на наличие у великого критика ряда положительных отзывов о произведениях украинского народного творчества и украинских писателей начала XIX века (Котляревского, Квитки-Основьяненко, Гребенки). Есть предположение, что Белинскому принадлежит одна из первых, вполне сочувственных рецензий на «Кобзаря» Шевченко (1841) в «Отечественных записках». Но в 1842 году в краткой заметке о «Гайдамаках» Белинский с явным раздражением говорит и об украинской литературе и о поэме Шевченко, не давая ее разбора и ограничиваясь только пренебрежительными замечаниями по поводу нескольких цитат из поэмы. Объясняется ли это неустойчивостью взглядов критика или их противоречивостью?

Нет, противоречие окажется мнимым, если вспомнить борьбу, которая шла в 40-х годах вокруг вопроса об украинской литературе между разными лагерями русской общественности. Молодую украинскую литературу взяли под свою опеку и «Москвитянин» Погодина и Шевырева, проникнутый духом «официальной народности», и еще более реакционный журнал «Маяк» (Корсакова и Бурачека). В украинской литературе они поощряли «патриархальность» как средство борьбы против «вредных идей», все чаще проявлявшихся в произведениях передовых писателей, следовавших за автором «Ревизора» и «Мертвых душ». Реакционным органам было по нраву простоватое балагурство в некоторых

произведениях украинских авторов и охранительные тенденции, с которыми выступал, например, Квитка в «Листах (письмах) к любезным землякам». Борец за высокую идейность литературы, за ее соответствие интересам поработанных масс, за реализм и подлинную народность, не отождествляемую с «простонародностью», Белинский не мог относиться сочувственно к писателям, которых пропагандировали «Москвитянин» и «Маяк». Мы не знаем, как случилось, что на страницах «Маяка» появился отрывок из драмы Шевченко «Никита Гайдай» (1842). Но уже это одно могло восстановить Белинского против Шевченко. А произведений Шевченко, которые должны были составить сборник «Три літа» («Три года») и которые по своему содержанию не могли появиться в тогдашней печати, Белинский не знал. Судя по краткому и пренебрежительному отзыву о «Гайдамаках», Белинский не вник в сущность произведения и не отделил его от тех «малороссийских сочинений», которые он отвергал.

История показала, что отрицательные суждения Белинского принесли больше пользы развитию украинской литературы, чем «ласковые» слова и неумеренные восхваления органов реакционной печати. Пламенный почитатель и глубокий знаток Шевченко Иван Франк высказал в 1888 году в письме к А. Н. Пыпину заслуживающее внимания предположение: «Мне кажется, что критическая заметка Белинского о «Гайдамаках», хотя беглая и не совсем справедливая, оказала значительное влияние на Шевченко, охладила его казацкий патриотизм в направлении, соответствующем мыслям Белинского — к патриотизму на основе чисто-человеческой, социальной».

Предположение Франко вполне вероятно. Весь дальнейший рост великого украинского поэта, вся совокупность его литературно-эстетических и идейных взглядов свидетельствует, что его творческий путь шел в направлении, за которое боролся Белинский, автор пламенных статей 40-х годов и знаменитого «Письма к Гоголю». «Гайдамаки» — вершина революционного романтизма Шевченко и вместе с тем его прощание с романтизмом. Резкие, почти кричащие краски, быстрая смена контрастных картин, действующие лица, одержимые неистовыми чувствами, огненный и кровавый фон всего действия, стремительность повествования, не задерживающегося на деталях, мотивировках, психологическом анализе, резкие перебои размеров и переходы от стихов к прозе, от прозы снова к стихам, общая разорванность

композиции — все это черты романтического стиля. Но и начальная часть поэмы и лирические отступления свидетельствуют о тяготении Шевченко к реализму, о стремлении поэта осмысливать исторический процесс в его закономерности, о способности на основании исторических фактов прошлого предвидеть будущее. «Гайдамаками» завершается первый период творчества Шевченко. Обстоятельства жизни поставили его в следующие годы лицом к лицу с реальной действительностью и произвели в его творчестве решительный поворот к критическому реализму.

4

В 40-х годах Шевченко как поэт уже пользовался некоторой известностью в петербургских общественных и литературных кругах. Он был частым гостем на вечерах у Евгения Гребенки, украинца, который первым перевел «Полтаву» Пушкина. Гребенка известен как украинский баснописец. Но большую часть своих произведений он писал по-русски. Его повести и рассказы, в которых очевидно влияние Гоголя, в свое время пользовались успехом. У Гребенки Шевченко встречал земляков-украинцев. Посещал Шевченко и вечера Струговщикова, известного в то время своими переводами из Гете и Шиллера. Все эти собрания в начале 40-х годов посещались очень разнородною публикой. У Гребенки и у Струговщикова Шевченко мог встречаться с Белинским. Бывал здесь и молодой композитор Глинка и другие музыканты, артисты, художники. На квартире у Гребенки Шевченко познакомился с будущим петрашевцем Момбелли.

Разнообразие впечатлений не вытесняло у Шевченко страстной мечты побывать на родине. Он мечтал о ней и в «роскошной мастерской» Брюллова, и в гостях у литераторов, и в дружеской компании художников. Земляки-украинцы, заезжавшие в столицу, наперебой приглашали его на Украину. В 1843 году мечта эта, наконец, сбылась, и Шевченко побывал в родных местах. В сентябре 1843 года он посетил Кирилловку. Поэт погостил несколько дней у своего брата Никиты, повидал родных и близких. Его терзало сознание, что все они — рабы и жертвы помещичьего произвола. Крестьян все так же продавали, засекали, обменивали на собак.

Всюду в украинских селах Шевченко видел слезы и страдания.

«Был я на Украине,— писал он своему другу Кухаренко,— везде был и все плакал...»

Тем не менее поездка на Украину для творчества Шевченко была плодотворной.

Много рисунков сделал он за это время. Крестьяне, низенькие хаты над Днепром, старинные развалины, дороги, окаймленные тенистыми липами, поросшее бурьяном кладбище — все, что встречал во время поездок по Украине, запечатлел он в своих рисунках. Шевченко задумал сделать альбом «Живописная Украина».

В скитаниях по Украине окрепла и возмужала муза Шевченко-поэта. Наблюдая вокруг себя насилие и произвол, вступая в мелкие, но характерные стычки с помещиками-крепостниками, Шевченко зажигался пафосом борьбы и социального гнева. Он рисовал картины народного горя на разоренной, нищей Украине, он задумывал большие произведения, в которых клеймились беззакония помещиков и царских сатрапов.

В 1845 году Шевченко, закончив Академию художеств со званием «неклассного художника», отправился на Украину вторично и уже надолго. По поручению Киевской археографической комиссии он объездил Киевскую, Полтавскую и Волинскую губернии, зарисовывая исторические памятники и пейзажи. Он собирался окончательно осесть в Киеве и получить место преподавателя рисования в Киевском университете.

1844—1847 годы составили новый период в его жизни и деятельности как художника и поэта. Написанные в это время стихи самим Шевченко группировались в новый сборник, озаглавленный «Три літа» («Три года»), 1843—1845. В него входят такие шедевры революционной поэзии, как «Сон», «Кавказ», «Еретик», «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание», «Три года» и ряд других произведений, из которых особенно примечательны «Слепой» («Невольник»), «Наймичка».

Три года — это время бурного роста революционного сознания Шевченко и вместе с тем роста критического реализма в его поэзии, «переоценки ценностей» и изживания юношеской национальной романтики.

Издали земляки-украинцы, представители дворянского либерализма, казались в своем роде «очень милыми» людьми. Крупные помещики как будто бы бережно хранят память о славном прошлом Украины, собирают портреты гетманов и разные дру-

гие реликвии казацкой старины, «патриархально» относятся к своим крестьянам. Мелкие панки еще ближе стоят к народу: они добродушны, безобидно-шутливы, гостеприимны. Все они обожают украинские песни. А Шевченко так изумительно их исполняет! Как все эти представители верхнего слоя украинского народа рады встретиться с украинским самобытным поэтом, как наперебой они его к себе зазывают, как радушно угощают!

Пан Лукашевич, например, в мороз и вьюгу погнал своего дворового за несколько верст к Шевченко, приглашая поэта к себе в гости. Шевченко не поехал и написал Лукашевичу укоризненное письмо: как тому не стыдно гнать плохо одетого человека в такую даль, не позволяя ему даже отдохнуть и погреться и требуя немедленного ответа! Лукашевич пришел в ярость и тотчас же отправил того же посланца назад с новым письмом: я, писал он, никому не позволю вмешиваться в мои распоряжения, а тем более тебе, вчерашнему свинопасу!

Это один из многих случаев, когда на глазах у Шевченко с его знакомых панов внезапно спадала маска притворного «украинского» добродушия и под кроткою внешностью какого-нибудь Афанасия Ивановича вдруг показывалась хищная звериная морда. Не добродушными, а страшными оказывались эти земляки из панов, мечтательные украинские «патриоты». Вспоминая об этом, Шевченко впоследствии писал:

Если взять
Да вспомнить злодейства любого магната,
Само пекло можно было б испугать.
Последний приказчик большого вельможи
И Данта жестокостью б мог поразить.

(«Иржавец»)

Муки украинского народа от помещиков-магнатов еще ужаснее, чем мучения грешников в дантовом аду. И поэт, по собственным словам, начал «прозрівати». Потомки казацких гетманов и казацкой старшины, выявляясь в своей мерзостной сущности, помогали уразуметь и гнусную эксплуататорскую природу своих давно умерших предков, которые раньше могли казаться «национальными героями». Юношеская грусть о минувшей «славе» стала сменяться бурным негодованием.

В 1845 году создается одно из пламеннейших произведений Шевченко, названное выше,— его «дружеское послание».

Давно отошли в прошлое те, кому оно было адресовано,— все эти Лукашевичи, Тарновские, Скоропадские, Кочубей-Ногаи, которых поэт бичует за громкие фразы о свободе и братстве, соединяющиеся у них с прислужничеством не только царю, а и любому царскому сатрапу, и со страшной эксплуатацией «меньшого брата», своих крепостных. И они смеют выдавать себя за хранителей исторических традиций украинского народа! Свои громкие фразы, свой мнимый либерализм эти земляки вывозят из-за границы, и прежде всего из Германии. «Куций німець возлуватий» — вот их главный авторитет. Он устанавливает для них их же расовую принадлежность, он разъясняет им их «национальную историю». А тем временем он же незаметно, в качестве «колони-ста», занимает лучшие куски украинской земли и продает им выращенную на украинской земле картошку.

Написанное более ста лет назад «Послание» и до сих пор сохраняет свою злободневность. Оно бичевало «дворянский национализм»; но сказанное в нем бьет и по украинскому буржуазному национализму и заставляет вспомнить и украинских псевдопатриотов 1917—1919 годов и тех отщепенцев украинского народа, которые ползали перед фашистскими агрессорами, из которых и сейчас вербуются диверсанты новыми поджигателями войны.

Конец «Послания» не согласуется, однако, с его началом. У Шевченко еще остается иллюзия, что «недолюдки» могут стать людьми, могут «одуматься» («схаменутися»), что они «обнимут меньшого брата». Правда, иллюзия эта непрочна: тотчас же после «Послания» — в стихотворении «Три года» ее нет и в помине; поэт окончательно прозрел:

Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые!

В лирике Шевченко последующих лет мы не найдем уже и намека на возможность классового мира. Даже в песнях, входящих в рукописный сборник «Три года» и разрабатывающих чисто народные мотивы, резко звучит социальная тема. Здесь уже не просто девушка, страдающая по любимому, или казак, мечтающий о «карих очах». Здесь противопоставлены богачи и бедняки, чьи антагонистические отношения уродуют самое чув-

ство любви. Характерны названия этих новых песен: «Не женися на богатой», «Не завидуй богатому» и т. д.

Интересно отметить, что, путешествуя по Украине, Шевченко со страстью подлинного фольклориста собирал и записывал народные песни. Сохранились альбомы, до сих пор недостаточно изученные, с собственноручными записями поэта. Характерен отбор этих песен. Прежде всего поэт интересовался героями народных восстаний и народной борьбы. Он собрал песни об Устиме Кармалюке, которого называл «славным рыцарем». В альбоме есть ряд песен, отражающих отношение крепостных к панам-эксплуататорам, к служителям церкви и религии. Сатирическое изображение панов, попов, панских прихвостней чередуется с патетикой борьбы за лучшую долю¹.

Однако основная идея сборника «Три года» — это мысль о необходимости вооруженной борьбы против самодержавно-крепостнического строя. В этом-то и заключается «прозрение» Шевченко. Он становится певцом крестьянской революции. Цель его поэзии — обличать страшный мир гнета и беззакония и звать к его ниспровержению. Эта задача четко определена и в его русской поэме «Тризна», где воспоминания о декабристах связываются с элементами автобиографическими и с мечтой о том, как

...сохранить полет орла
и сердце чистой голубицы...

Но и в поэмах и в лирических раздумьях сборника «Три года» сильнее всего звучит протест против существующего строя, призыв к восстанию против него.

В знаменитом «Завещании», написанном в 1845 году, поэт зовет свой народ окропить свободу «злою вражескою кровью», мечтает о том, чтобы соединиться в одну великую вольную семью.

Мысль о вооруженном восстании становится ведущей в творчестве Шевченко. Если теперь он и обращается к прошлому, то немедленно устанавливает связь его с настоящим и будущим. В стихотворении «Холодный Яр» поэт вспоминает, как ополчались гайдамаки в 1768 году, готовясь в поход против польской шляхты. Картина прошлого вызывает грозное предостережение

¹ Проф. П. Н. Попов в работе «Шевченко і народна творчість» дал интересное описание альбомов Т. Шевченко с фольклорными записями.

панам-помещикам. Поэт предрекает тот день, когда «запыляет снова пламя». Вместо прежнего любования «славой запорожской» и пышными гетманскими жупанами возникают грозные образы народных мстителей, встающих на «новых врагов» — помещиков и царских чиновников.

Перелом, который произошел в сердце поэта и вызвал к жизни его политическую лирику 40-х годов, он объяснил в программном стихотворении «Три года». Горькие наблюдения над жизнью украинского народа погасили в поэте «доброе» и пробудили «злое», это значит, что на смену добродушию и национально-романтическим иллюзиям пришла ненависть к угнетателям. В поэмах «Сон» (1844), «Кавказ» (1845) и «Еретик» (1845), написанных в эту пору, Шевченко создает, в каждой по-разному, могучие образы народных борцов за социальную правду. И во всех этих поэмах выступают написанные широкими мазками картины жизни подневольного народа.

Поэма «Сон» была создана летом 1844 года в промежутке между двумя поездками Шевченко на Украину. Едва ли поэта вдохновляли какие-нибудь книжные источники; основой поэмы явились личные впечатления Шевченко, многообразные по своему содержанию; среди них — и общение с украинскими крестьянами-бедняками, и постоянные мысли о декабристах, томившихся в сибирских рудниках, и восприятие царского Петербурга — от великолепия военного парада с иллюминацией и до жалкого прозябания «маленьких людей». К этому присоединялась созданная фантазией поэта злая и гротескная сатира на царский двор, в которой сам царь Николай предстал в образе грубого косолапого медведя, превращающегося в заключение в жалкого котенка.

Как можно было объединить столь разнообразные элементы поэтического материала и слить их в единое целое? Только при помощи какой-нибудь небывальщины — сна. По прихоти сна поэт летит над огромными пространствами России, от родной Украины до далекой Сибири, попадает в северную столицу, построенную на костях трудовых людей, бродит по ее улицам, проникает в царский дворец, вспоминает тяжелое прошлое и пробуждается от страшного настоящего. Вся поэма представляет собой по существу лирический монолог автора, изредка прерываемый маленькими диалогами и описаниями. Шевченко реалистически изобразил серое петербургское утро, невский пейзаж со страшной Петропавловской крепостью и тут же дал монументальный

аллегорически-обобщенный образ сосланного на каторгу революционера — «царя свободы». Нежно, лирическими красками набросал поэт картины природы и тут же рядом в гневно-публицистических строках выразил свое презрение и ненависть к «царю проклятому и лукавому, аспиду ненасытному», к «недолюдкам-панам». Переходы от лирики к публицистике, от патетики к сатире были новым словом в политической поэзии, не только украинской, но и русской.

Разумеется, Шевченко не мог и мечтать о напечатании поэмы «Сон». Но она широко распространялась в списках и была восторженно встречена передовой молодежью.

В поэме «Сон» Шевченко дал картину самодержавной России, придавленной царской пятой. В поэме «Кавказ» (1845) он изображает царскую империю как тюрьму народов, где:

от молдаванина до финна
на всех языках все молчат.

Обращаясь к народам Кавказа, поэт воодушевляет их на борьбу:

Вы — боритесь — поборете!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Шевченко вспоминает образ Прометея — воплощение неукротимой воли к свободе и сопоставляет с ним такую же волю народных масс:

И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова...

Эти пламенные строки воодушевляли не только современников Шевченко, но и их потомков. В 1908 году выдающийся русский художник И. Е. Репин сделал акварельный набросок «Прометей» и подписал: «Памяти великого народного поэта Украины».

Путь к освобождению украинского народа Шевченко видел в революционном единении всех народов, и в частности славянских, с русским народом. Поэма «Еретик» (1845) начинается с мысли о грядущем братстве свободных славянских народов.

Со скорбью и гневом вспоминает Шевченко в своей поэме о немецких рыцарях-захватчиках, в течение столетий грабивших славянские земли, разъединявших славян и пускавших между ними «кусобиц лютую змею».

Образ чешского национального героя так же, как и образ чешского ученого Шафарика, «что слил в одно море славянские реки», привлекли Шевченко созвучием с его всегдашней мечтой о братстве славянских народов. Ян Гус в поэме не столько религиозный реформатор, сколько «сын солнца правды», борец за права народной массы. Историческая живописность, о которой так заботились романтики, не интересует Шевченко, как не интересуют его и перипетии исторической драмы Яна Гуса. Основная задача поэмы — создать образ непреклонного борца, гибнущего за народное дело. Смерть Гуса на костре не прошла даром, как и гайдамацкая расправа над польскими панями. После «гуся ринется орел с неба» — возникло реформационное движение, которое в данном случае Шевченко склонен толковать как освобождение разума из оков мрака, как восстановление поправленного народного достоинства: «Прозрейте, люди,— день настал!.. Проснитесь, чехи! Вы же люди, а не потеха чернецам!» Поэт подчеркивает, что народного заступника Гуса сожгли не только монахи, но и бароны — представители господствующего класса. От искр Гусова костра вспыхнул пожар народного восстания: «Вон над головою старый Жижка из Табора взмахнул булавою».

Так Гус у Шевченко стал не только образом борца за независимость родного народа от чужеземных поработителей, но и образом революционера, готового заплатить жизнью за свои убеждения и непоколебимого до последнего вздоха.

Даже этот беглый обзор рукописного сборника «Три года» показывает, какое разнообразие сюжетов и тем содержалось в нем и какой высоты достигло творчество Шевченко в 40-е годы. Он вырос в подлинно революционного, политического поэта. Этому способствовали действительность и сближение поэта с революционно-демократической мыслью 40-х годов. Как художник-демократ, Шевченко резко выступал против той русской и украинской литературы, которая, как и в 30-е годы, старательно затушевывала классовые противоречия между крестьянством и правящими классами. Еще во вступлении к «Гайдамакам» Шевченко осмеял советы тех «доброжелателей», которые рекомендовали ему писать не о «мужиках», а «о шпорах, султанах и паркетe». Поэт остался верен своим демократическим

принципам, а в предисловии (1847) к новому «Кобзарю» (не увидевшему света) дал свою программу передового реалистического искусства. Поставив эпиграфом к предисловию слова Грибоедова, направленные против преклонения перед чужеземным, Шевченко отстаивал право украинского народа на родной язык и родную литературу. Украинские писатели-либералы, по его словам, не знают народной жизни и смотрят на народ сверху вниз, распинаются в своем народолюбии и, по слову Дениса Давыдова, «мужичков под пресс кладут вместе с свекловицей». Говоря об украинских патриотах, Шевченко иронически замечает: «Может быть, это по их утонченной натуре и в самом деле хорошо, а на наш мужицкий взгляд это очень плохо». И дальше Шевченко призывал к глубокому и серьезному изучению крестьянской жизни: «Чтобы знать людей, надо жить с ними. А чтобы писать о них, надо самому быть человеком, а не бумагомарателем. Вот тогда пишете, и тогда работа ваша будет работой честной».

Требование правдивости в литературе Шевченко предъявлял не только к изображению современности, но и прошлого. Это сказалось и в «Гайдамаках», где намечено расслоение гайдамацкой массы, и в единственной дошедшей до нас целиком драме Шевченко «Назар Стодоля» (1843). Следуя требованиям реалистического искусства, сформулированным Белинским и другими представителями русской демократической литературы 40-х годов, Шевченко не идеализировал казацкую старину, а создал социально-бытовую драму, где конфликтом служили противоречия между бедным казаком Назаром Стодолой и богатым сотником Хомой Кичатым.

Так во всех жанрах — лирике, поэме, драме — Шевченко выступал в 40-х годах как художник жизненной правды, как борец за революционно-демократическое преобразование страны, за свержение самодержавия и крепостничества.

6

В 1846 году в Киеве Шевченко сблизился с молодым ученым, историком Н. И. Костомаровым, вокруг которого группировалась украинская либеральная интеллигенция. Поэт познакомился с единомышленниками Костомарова, мечтавшими о создании федерации славянских народов, о дружеском объединении славян.

Стихи Шевченко произвели большое впечатление на Костомарова и его друзей. «Я увидел,— писал Костомаров,— что муза Шевченко раздирала завесы народной жизни. И страшно, и сладко; и больно, и упоительно было заглянуть туда». Действительно, смешанные чувства боролись в Костомарове. Этот умеренный либерал видел правду в гневных нападках Шевченко на крепостничество и самодержавие, но его охватывал страх перед народным восстанием. Он надеялся, что мирным путем, при помощи просвещения можно искоренить «рабство и всякое унижение низших классов».

Костомаров был одним из организаторов тайного общества — Кирилло-Мефодиевского братства, выдвигавшего путаную программу объединения славянских народов, уничтожения крепостничества и распространения просвещения в массах.

Шевченко, которому Костомаров сообщил планы кирилло-мефодиевцев, заинтересовался деятельностью этого «братства». Его привлекали антикрепостнические тенденции «братчиков», хотя, по свидетельству Костомарова, Шевченко отнесся к идеям общества «с большим возбуждением и крайней нетерпимостью».

Между «братчиками» не было единства во взглядах. Либералы, возглавляемые Костомаровым и Кулишем, боялись революционных действий и надеялись на мирное преобразование страны. Другие члены общества — Н. Гулак, А. Навроцкий, И. Посяда, Г. Андрузский стояли за освобождение крестьян путем вооруженного восстания. Их вдохновителем был Шевченко. Он посещал тайные собрания общества, происходившие на квартире Гулака, читал на этих собраниях свои революционные стихи, выступал с горячими речами, упрекая членов общества за то, что они только говорят, а не действуют.

В марте 1847 года был сделан донос на братство. Тайное общество было разгромлено, а члены его — Костомаров, Кулиш, Гулак и другие — арестованы. В доносе указывалось, что на собраниях братства читались «явно противозаконные» стихи Шевченко с недопустимыми нападками на царскую фамилию.

Шевченко в это время ездил по Украине. При возвращении в Киев он был арестован у переправы через Днепр. С ним находился опасный багаж: его стихи, в том числе и поэма «Сон».

Шевченко был доставлен в Петербург, в III Отделение, где велось следствие по делу Кирилло-Мефодиевского братства.

Как ни боялось царское правительство в это время «тай-

ных обществ», оно не могло увидеть опасных революционеров в большинстве членов «братства» и наказало их сравнительно «мягко».

Иначе поступили с Шевченко. На допросах он с достоинством заявил, что писал революционные стихи потому, что, «будучи еще в Петербурге, слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство», что нищета и угнетение крестьян помещиками на Украине вызывали в нем негодование.

Шевченко был приговорен к ссылке и определен рядовым солдатом Оренбургского линейного батальона.

На приговоре Николай I собственноручно прибавил: «Под стражейший надзор, с запрещением писать и рисовать».

«Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать»,— писал впоследствии поэт.

Шевченко мужественно переносил сыпавшиеся на него удары. Еще сидя в каземате III Отделения в ожидании приговора, он писал стихи. За тюремной решеткой, под охраной «синемундирных часовых» — жандармов, поэт вспоминал родную Украину, где он родился в крепостной неволе и где в последние годы перед арестом испытал некоторое подобие воли. Он чувствовал себя кровно связанным общим делом с русскими борцами за свободу. Это четко выразилось в стихотворении «Мне, право, все равно, я буду на Украине жить иль нет».

Он писал в каземате почти каждый день. Возникали одна за другой картины детства, теперь окрашенные в мягкие, акварельные тона. Вишневый садик возле хаты, песни девушек — веселые и жалобные, новобранцы, уходившие из села, и мрачная сказка о косаре-смерти — все находило себе место в лирических стихах Шевченко-узника. Рядом с воспоминаниями о детстве выливались в стихи и непосредственные отзвуки тюремной жизни. В стихотворении «Н. Костомарову» запечатлен трогательный эпизод, когда мать сотоварища по заключению приходит проведать сына в тюрьму. Здесь оставляют глубокое чувство реалистические детали стихотворения: солнечные лучи за решеткой, окрики часовых, облик несчастной матери, которая «черней земли, идет, едва-едва шагает...» Пройдет время, и уже в ссылке Шевченко будет создавать стихи, подобные этим и воспроизводящие обстановку, в которой ему пришлось находиться свыше десяти лет.

После вынесения приговора, состоявшегося без всякого суда, Тараса Шевченко увезли из тюрьмы в далекий Оренбург.

Жандармы загоняли лошадей, и через восемь суток Шевченко был доставлен на место ссылки.

9 июня 1847 года по распоряжению начальника корпуса генерала Обручева рядовой Тарас Шевченко был направлен к начальнику 23-й дивизии для зачисления в пятый батальон, расположенный в Орске.

Там, где теперь у подножья южных отрогов Уральских гор раскинулся мощный Орско-Халиловский металлургический комбинат, созданный трудовой силой советского народа, — там свыше ста лет назад находилась заброшенная Орская крепость.

Непригляден был вид Орска. На унылой равнине возвышалась одинокая гора. По одну сторону — убогие домики местного населения, по другую — казармы для каторжников, пригнанных сюда на работы. Единственная растительность — колючий бурьян и хилая осока.

После великолепной украинской природы, зеленых берегов Днепра, крутогорбых улиц красавца Киева, привольных южных степей Шевченко с грустью смотрел на эту пустыню.

Здесь началась жизнь рядового Тараса Шевченко. Днем его муштровали как рядового солдата. По вечерам, в душных казармах сидя с другими солдатами, Шевченко слушал их невеселые рассказы о том, кого из них били и кого собирались бить.

Несмотря на строгое запрещение, поэт не мог отказаться от писания стихов. Он заносил их в маленькие самодельные книжечки, которые называл «захалывными», потому что прятал их за «халяву» (голенище) сапога.

Он продолжал воспевать любимую родину, мечтать об ее освобождении от панского ига, говорил о своих страданиях и утверждал свою непреклонность:

О думы мои! о слава злая!
Из-за тебя напрасно я страдаю,
Терзаюсь, мучусь, но... не каюсь!

В письмах ссыльного поэта к друзьям содержалась просьба о присылке ему книг, бумаги, карандашей, красок. Чувство художника пробуждалось всякий раз, когда он видел живописный караван бухарских купцов, пересекавший пустыню, широкий степной пожар или группу киргизов возле их кибиток.

Творчество, никому не открытое, ни с кем не разделенное, смягчало тяжесть безотрадного существования рядового за № 191 по ранжирному списку.

С начала 1848 года группа офицеров генерального штаба во главе с А. И. Бутаковым предприняла научную экспедицию по изучению Аральского моря. В задачу экспедиции входило исследование особенностей Аральского моря, флоры и фауны его берегов, метеорологические и астрономические наблюдения.

Бутаков был энергичным человеком, старательно подготовившим свою экспедицию. Особенно внимательно относился он к подбору людей, нужных для выполнения его задач, и не удивительно, что он заинтересовался художником Тарасом Шевченко, которому мог поручить зарисовку видов Аральского моря.

Тарас Шевченко с радостью вошел в состав экспедиции. Он освобождался из-под власти грубых фельдфебелей, оставлял духоту и смрад казарм, не страшась трудностей, которые стояли перед участниками экспедиции.

Экспедиция началась переходом из Оренбурга через пески пустыни Кара-Кумы к укреплению Раим. Огромный «тележный транспорт» вез в разобранном виде шхуну «Константин», предназначенную для плавания по Аральскому морю.

Переход длился свыше месяца. Нестерпимо палило солнце, раскаляя пески. Острый глаз художника Шевченко замечал все красочное, что встречалось на пути. Шевченко зарисовывал мерно качающихся верблюдов, чахлую растительность пустыни, характерные лица киргизов и уральских казаков, участвовавших в походе.

Шевченко быстро вошел в круг научных интересов экспедиции. Он вникал в работы ботаников и геологов, астрономов и гидрографов и отдавал свой талант художника общему делу.

В течение месяца шхуна «Константин» была собрана и подготовлена к плаванию. 25 июля экспедиция вышла в море.

Прошло два месяца в напряженной работе, полной опасностей и неожиданностей. Шхуну трепали штормы, погода была переменчива, воды капризны. Шевченко сделал множество рисунков и акварелей. С большой выразительностью он зарисовал суровую природу Аральского моря и его берегов. Рисунки и акварели Шевченко стали интересными художественными документами.

В конце сентября шхуна бросила якорь в устье Сыр-Дарьи, в форте Кос-Арал. Здесь экспедиция расположилась на зимовку.

В Кос-Арале Шевченко много писал. Стихи, написанные в ссылке, сам поэт назвал в «Дневнике» «невольничьей музой». Тут и лирика и поэмы («Марина», «Сотник», «Дочка ктитора» и др.).

Кос-аральский цикл представляет собой своеобразные поэтические записи, в которых отразилась жизнь в «незапертой тюрьме». Удивительны картины пустынной природы Кос-Арала: «неумытое небо» и «сонные волны» Аральского моря, камыш, словно пьяный, качающийся под дуновением ветра.

Многие стихи кос-аральского цикла носят интимный, лирический характер. Они проникнуты элегическим настроением. Однако в поэзии Шевченко этой поры нет безнадежности и пессимизма. Боевой темперамент поэта, лишенного возможности действовать, не смирялся перед обстоятельствами. Шевченко верил в будущее, и его поэтический взгляд был обращен вперед, к лучшим временам. Сквозь туманную завесу современной ему действительности поэт видит ясные очертания счастливой Украины, на которой не будет ни панов, ни холопов.

Никогда свобода не казалась Шевченко такой дорогой и желанной, как здесь, в ссылке и неволе. Он рвался сердцем на Украину, но и там не было свободы:

Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо...

(«И вырос я в краю чужом»)

В ту пору сложилось у Шевченко много песен — грустных и веселых, серьезных и шуточных, плясовых, близких к народным. Недаром в свое время возникали споры шевченковедов, принадлежат ли эти песни самому поэту, или он только записывал по памяти и обрабатывал их. Шевченко брал песни у народа и как бы возвращал их ему. Впоследствии, вернувшись из ссылки, поэт с изумлением и радостью слышал от кобзарей созданные им стихи. Были среди этих песен и песни, звавшие к борьбе. Вот потомок гайдамаков мечтает раздобыть нож и пойти искать правду на земле:

Поговорю с кабатчиком,
Да с богатым паном,
Да со шляхтичем поганым
В жупане поганом.

(«Ой, наточу товарища»)

Теперь уже Шевченко до конца понял сущность казацкой старины, и если не писал исторических поэм, то в отдельных стихотворениях персценивал прошлое и не раз попрекал гетманов в прямой измене интересам трудового народа.

Кос-аральский цикл органически входит в поэзию времен ссылки, вдохновенную «невольничьей музой».

Весной 1849 года экспедиция Бутакова снялась с Кос-Арала и двинулась в обратное плавание по Аральскому морю. В конце сентября плавание было закончено. Экспедиция через Раим направилась в Оренбург, везя с собой богатый материал, собранный во время плавания. Важную роль играли многочисленные рисунки и акварели Шевченко, дававшие точную картину берегов Аральского моря.

6 ноября 1849 года Шевченко вернулся в Оренбург. Ему разрешили пребывание в этом городе по ходатайству лейтенанта Бутакова для приведения в порядок альбомов с рисунками и акварелями.

Оренбург тех времен был глухим, грязным и пыльным городом. В автобиографической повести «Близнецы» Шевченко, описав впечатление от своего въезда в город, заметил, что «в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное...»

В этом захолустье прозябал Тарас Шевченко, общаясь с несколькими знакомыми, земляками из весьма немногочисленной украинской колонии. Ссылный поэт подружился здесь с двумя польскими революционерами — Брониславом Залесским и Сигизмундом Сераковским, сосланными сюда, как и Шевченко, царскими властями.

Поэт все-таки пользовался в Оренбурге известной свободой. Он жил не в казарме, а на частной квартире, где устроил мастерскую и писал портреты.

Бутаков представил начальнику края Обручеву вместе с докладной запиской о работах экспедиции и альбом с рисунками Тараса Шевченко.

Альбом понравился Обручеву. Было решено произвести Шевченко в унтер-офицеры, но для этого требовалось разрешение из Петербурга. Обручев послал в столицу подробное донесение.

Шевченко имел все основания рассчитывать на ближайшее улучшение своего положения, но надежды поэта не оправдались. Под новый, 1850 год из Петербурга пришло сообщение, что ходатайство Обручева о рядовом Шевченко оставлено без послед-

ствий. Вновь подтверждалось высочайшее запрещение писать и рисовать.

Над головой поэта скоплялись новые тучи. На имя Обручева поступил донос, что рядовой Шевченко ходит по городу в штатском платье, пишет стихи и занимается живописью, и это противоречит приговору и высочайшему распоряжению.

Обручев велел немедленно арестовать Шевченко и произвести обыск на его квартире. Шевченко просидел две недели на оренбургской гауптвахте, а затем этапным порядком был направлен в опостылевшую ему уже раньше Орскую крепость. Положение его здесь значительно ухудшилось по сравнению с тем, в каком он находился до Аральской экспедиции: генерал Обручев велел установить за Шевченко строжайший надзор и не давать ни малейшей возможности писать и рисовать.

В Петербурге между тем шло расследование дела Шевченко по доносу из Оренбурга и в связи с результатами обыска. Следствие вел шеф жандармов граф Орлов, распорядившийся арестовать одного из адресатов Шевченко, Левицкого, в письме которого были обнаружены «крамольные» строки, Левицкий упоминал Николая Алексеевича Головка, магистра математических наук из Харькова: «Он очень хороший человек, и как только мы сойдемся с ним, то первое слово об вас; он сотрудник некоторых журналов и очень умный молодой человек; жаль только, если он своей справедливостью наделает того, что его сошлют куда-нибудь, потому что и теперь он под надзором полиции... Много здесь есть таких, которые вспоминают вас, а Головка говорит, что хотя вас не стало, но на ваше место есть до тысячи человек, готовых стоять за все то, что вы говорили и что говорят люди, для которых правда так важна...»

Левицкий не понес никакого наказания и был вскоре освобожден. Упомянутый им в письме Головка сделал попытку застрелить жандарма, явившегося за ним, и вслед за этим застрелился сам. Это побочное обстоятельство создало вокруг дела Шевченко атмосферу особой серьезности.

Однако, как ни старались жандармы, они не могли сделать из результатов обыска какие-либо категорически осуждающие Шевченко выводы. Никаких обвинительных материалов не дало и следствие, произведенное в Орской крепости.

Наконец, 30 июня 1850 года из Петербурга пришло предписание «освободить рядового Шевченко из-под ареста, перевести на службу под строгий надзор ротного командира в одну из рот

1-го оренбургского батальона, расположенного на Каспийском море в Новопетровском укреплении, отправив его туда немедленно под присмотром благонадежного унтер-офицера».

Таким образом, донос на Шевченко повлек за собой крайне тяжелые для поэта последствия, несмотря на то, что против него не было никаких новых улик. К счастью, «захалавные книжки» Шевченко уцелели при обыске. Сохранились творения «невольничьей музыки» за три года 1847—1850, созданные в Орской крепости, на Кос-Арале, в Оренбурге. Здесь по преимуществу лирика и притом, на первый взгляд, глубоко интимного характера. Поэт говорит о тяготах казарменной жизни и сравнивает ее с жизнью крепостных на родине. Но как определить, которая из них горше? Поэт сетует, что ему приходится как вору прятаться за крепостным валом, чтобы писать стихи, рассказывает, как он с замиранием сердца ждет почту, чтобы получить весточку из родных краев. В стихотворения вкрапляются отрывки разговоров, пейзажи, безрадостные и наводящие тоску, и все же как в кос-аральском цикле, так и во всей поэзии этих лет не чувствуется безнадежности. Поэт-революционер, говоря о своем, личном, делает обобщения политического характера. Это поднимает его поэзию на большую принципиальную высоту.

Стоит вспомнить ему типичное крепостное село с кичливым помещичьим домом и убогими хатами, как тотчас в сердце поэта закипает лютая ненависть к панам-либералам, которые гуляют «в свитке меж панами», пьют водку с мужиками и «вольнодумствуют порой». Шевченко может назвать этих панов по именам, он хорошо знает волчьи натуры в овечьей шкуре. Под инициалами «П. С.», поставленными над стихотворением, узнается Петр Скоропадский, украинский помещик, кичившийся происхождением от гетманов:

Он гетмана-глупца потомок;
Завзятый, ярый патриот, —

этот «распутный знатный пан», «откормленный кабан».

Разоблачительная тема, направленная против злодейства панов, проходит через лирику и поэмы лет ссылки. В поэме «Княжна» (первоначально написанной в Орске в 1847 году и доработанной в 1858 году в Нижнем-Новгороде) дан ужасающий портрет распутного и жестокого князя, потерявшего человеческий облик. А ведь и этот зверь выдает себя за народолюбца и слывет «патриотом» среди соседей помещиков. Как и в стихотво-

рении «П. С.», здесь мастерски обрисован разительный контраст между нищетой села и крикливой роскошью панского двора. В эпический тон повествования врываются резко субъективные ноты поэта-рассказчика. Он проклиная и его пышные палаты:

О, чтоб вы терном поросли!
Чтоб люди следу не нашли,
Чтоб не искали вас, проклятых.

Суровое воображение Шевченко без устали рисует картины деспотической дикости и разврата в темном царстве панов-душегубов. Поэма «Марина» вызывает к жизни образ распутного управляющего пана, который разлучает бедную крестьянскую девушку Марину с любимым и уводит ее в панские палаты. Марина — один из постоянных, неотвязных образов женщин-страдалиц в поэзии Шевченко. Поэт — не просто бытописатель, собирающий и описывающий факты. Он с глубочайшим состраданием относится к несчастной девушке, не нашедшей счастья, к ее опозоренной матери.

Для Шевченко нет ничего святее матери с младенцем на руках, и для него святотатством звучат циничные рассуждения о брачных и внебрачных детях. Он глубоко страдает за всех своих «покрыток», обесчещенных, обездоленных девушек. Недаром поэма «Марина» открывается словами:

Как гвоздь в груди кровоточащей,
Марину эту я ношу.

Марина уже по своему поведению и образу мыслей далеко ушла от женственно-кроткой Катерины. Она сродни мстительнице Оксане из поэмы «Слепая». Но в «Марине» несравненно сильнее и резче обличительные тенденции поэта: антикрепостнические, антипанские высказывания звучат грозно, в них слышатся проклятия и призывы к расправе с панами-душегубами.

Все бары смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята,
Сгорели белые палаты...

В поэме «Варнак» встает картина крестьянского восстания, вожак расправы с панами говорит:

Я резал все, что паном звалось,
Без милосердия и зла.

Шевченко не только выступает против крепостников как мучителей трудового народа. Он идет против тех, кто опекает и поддерживает этих крепостников,— против царей. Поэт не находит среди них ни добрых, ни злых, они все для него — проклятые мучители. Подлость, измена, коварство, скопище самых страшных преступлений неразлучны с идеей и системой самовластья. Поэма «Цари» — обвинительный приговор властителям прошлого и настоящего.

Еще выше поднимается Шевченко как строгий прокурор своего века: он грозит богу и его прислужникам, он обличает их и клеймит позором за равнодушие к небывалым страданиям подневольных людей. Шевченко не раз обращается к богу, клянется именем его и даже к нему взывает, но это только поэтическая форма выражения гневной мысли о том, что не все в мире устроено «по-божески». Бог у Шевченко — защитник богатых. Поэт язвительно обращается к нему:

Ты, может, сам на небесах
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром?

Нельзя утверждать, что Шевченко был последовательным атеистом. В его мировоззрении крестьянского революционера встречались и противоречия и непоследовательности. Но, как материалист, Шевченко был чужд метафизики и веры в сверхъестественные силы. Он не раз ополчался против официальной религии и ее «косматых жрецов», служителей православного культа, и против всякого религиозного культа. Не посягая на самое существо бога, Шевченко вместе с тем понимал, что религия служит правящим классам для одурманивания народа, и поэтому был врагом «крестных ходов», икон, церковной службы, всего, что он называл «японской комедией».

В поэзии Шевченко этой поры особенно четко выступает чувство патриотизма, любви к родине, такой дорогой и далекой. Он говорит о ней с нежностью и большой теплотой, вызывая в памяти дорогие видения юных лет, вспоминая друзей и знакомых (подругу детства Оксану Коваленко, переяславского врача А. О. Козачковского, писателя Я. Кухаренко и др.). Он живет верой в будущее, в счастливое время, когда Украина освободится от гнета. Это освобождение должно прийти ко всем народам Российской империи—к русским, украинцам, среднеазиатским

народам, полякам. Живя среди киргизов (собственно — казахов), Шевченко интересовался их бытом, народным творчеством, обычаями.

В стихотворениях и письмах ссыльного поэта звучит глубокое сочувствие к «киргизам убогим». Он сделал много рисунков из быта казахов-кочевников и переложил в стихи их легенду «Топор был за дверью у господ бога».

Как разнообразно содержание поэзии «невольничьей музыки», так разнообразны ее жанры и формы. Ритмика, как и вообще у Шевченко, строится на тонико-силлабической системе, поскольку здесь и «чистая силлабика» народного стиха и четырехстопные ямбы. Интонационный принцип звучания стиха остается господствующим и в этот период. Больше того: обличительное содержание поэзии обогащает стих ораторско-разговорными оборотами, эмоциональными обрывами фразы, логически обоснованными переходами с одной темы на другую, ей родственную.

Творчество Шевченко ссыльного периода — творчество революционера, поднявшегося на новую ступень сознательной борьбы с самодержавно-крепостническим режимом.

7

Новопетровское укрепление, находившееся на полуострове Мангышлак, входило в те времена в состав Оренбургского края. Там помещался гарнизон, состоявший из двух рот первого линейного батальона; Тарас Шевченко был зачислен в роту, поселен в казармах и снова очутился на положении рядового.

Местные офицеры, начальники Шевченко, были предупреждены, что они имеют дело с политическим ссыльным, которому запрещено писать и рисовать. Поэтому за Шевченко был установлен особый надзор, и здесь он не мог и мечтать о том, чтобы записывать стихи в «захалавные» книжечки.

Рядовой Тарас Шевченко нес тяжелую гарнизонную службу; ему часто приходилось стоять в карауле. С высокой скалы, на которой развевался флаг, часовой Шевченко видел широкую гладь Каспийского моря, а с трех сторон тянулись унылые, пустынные степи, да вдалеке, на берегу, чернели убогие рыбацьи поселки. Отсюда, из этого постылого поэту места, он посылал своим друзьям горестные письма, когда ему удавалось это делать, нарушая запрет.

Через два года после прибытия в Новопетровское укрепление поэт писал своему другу Бодянскому: «...покойный Данте говорит, что в нашей жизни нет горшего горя, как в несчастье вспоминать о прошлом счастье. Правду сказал покойный флорентинец, я это на себе теперь каждый день испытываю. Хоть тоже, правду сказать, в моей прошлой жизни немного было радостей, по крайней мере все-таки было похоже немного на свободу, а одна тень свободы человека возвышает. Прежде, бывало, хоть посмотришь на радости людей, а теперь и чужого счастья не видишь. Кругом горе, пустыня, а в пустыне казармы, а в казармах солдаты, а солдатам какая радость к лицу! В такой-то сфере, друже мой, я теперь прозябаю. И долго ли еще продлится это тяжкое испытание!» (15 ноября 1852 г.).

Положение Шевченко несколько улучшилось, когда в Новопетровское укрепление был назначен новый комендант — майор Усков. Это был человек сравнительно культурный и не злой, мягко относившийся к ссыльному поэту и художнику. Разумеется, он хорошо знал об отношении властей к Шевченко. Он не мог рисковать собой и давать особые поблажки политическому ссыльному. Шевченко попрежнему нес военную службу, но в свободное время бывал в доме Ускова, нянчил детей коменданта, напевая им украинские песни и рассказывая о своей родине.

Комендант Усков, желая облегчить участь Шевченко, обратился с рапортом к оренбургскому начальству, прося разрешить ссыльному художнику Шевченко написать масляными красками запрестольный образ для церкви Новопетровского укрепления.

Разумеется, это был дипломатический маневр со стороны нового благожелателя Шевченко. Усков надеялся, что генерал Перовский, сменивший Обручева, даст согласие ввиду «богоугодной» цели. Но Перовский, относившийся крайне враждебно к Шевченко, ответил Ускову резким и сухим отказом. Так не удалось передать в руки Шевченко кисть и краски.

Несколько иначе обстояло дело с запретом писать. Правда, за семь лет пребывания поэта в Новопетровском укреплении мы не находим его стихов. Он лишь переделывал там свою поэму «Солдатов колодец» да в 1854 году, когда началась война с Турцией, обронил несколько гневных строк, направленных против самодержавного режима Николая I:

Опять настало время злое!
А было тихое такое...

Мы собирались расковать
Невольников, разбить оковы —
Но глянь,— опять струится кровь
Мужичья... Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова...

В Новопетровском укреплении 25 января 1856 года Тарас Шевченко урывками, потаенно начал писать повесть «Художник».

Он писал эту повесть, желая отвлечься от окружающего, желая вновь пережить, хотя бы в мечте, лучшую и короткую пору своей жизни — годы, увы, слишком короткой свободы!

Перед ним вставали стройные улицы, широкие площади далекого Петербурга. Мысленно он входил, как бывало, в великолепные залы Академии художеств, шел по гранитной набережной Невы, посещал театры, музеи, магазины. С какой жадностью подбирала теперь, по прошествии многих лет, память Шевченко малейшие крохи воспоминаний, и как много их сохранила его изумительная память!

Мог ли хотя бы смутно представить себе корпусный ефрейтор — один из тех, кто зажал поэта, по его же словам, в кулак без всякого милосердия,— мог ли понять он, что таится и живет под крутым, упрямым лбом по-солдатски остриженной головы никуда негодного рядового Шевченко!

Вспоминались прочитанные книги, ныне совершенно недоступные. Крепче всего любимые стихи Пушкина жили теперь только в памяти Шевченко, только самому себе мог он повторять пленительные строки гениального русского поэта. Жили в памяти бессмертные образы Гоголя; «Ревизор» был для Шевченко вдвойне близок, воплощенный основоположником русского реализма на театре ближайшим другом ссыльного поэта Щепкиным. Не только любимые образы русских гениев жили в памяти Шевченко; во всей силе — все впечатления, полученные в недолгую пору его непосредственного общения с деятелями русского искусства в Петербурге. Жили в его памяти идеалы человеческой красоты в портретах знаменитых русских художников, лучшие образцы античного искусства, Ренессанса, живописи голландцев, живопись любимого учителя и друга К. Брюллова. Оживали впечатления и очаровывали вновь звуки «Ивана Сусанина», «Руслана и Людмилы» и других творений гениального Глинки. О необычайной живости всех этих впечатлений свидетельствуют и письма, и «Дневник», и повести поэта. Огромный,

неистребленный десятилетней ссылкой мир образов, мыслей и чувств жил в душе Тараса Шевченко!

У человека было отнято все: родина, свобода, друзья, право на творчество. Сделано все, чтобы убить в нем живую душу. Но того, что некогда вобрал в себя его гений, что стало неотъемлемой частью его существа, этого не могли отнять ни «неудобозабываемый тормоз» — царь Николай, ни жандармы III Отделения, ни оренбургский генерал-губернатор, ни новопетровские унтер-офицеры, фельдфебели и ефрейторы.

И насколько этот несчастный человек, который сам себя называл «нищим в полном смысле слова», насколько он был богаче не только тех, кто его окружал, но и тех, кто правил всей огромной николаевской Россией!

Повесть «Художник» — драгоценный документ для суждения о культуре и интеллекте Шевченко. Вместе с тем она красноречивое опровержение выдумок украинских буржуазных националистов насчет того, будто Шевченко враждебно относился ко всему «московскому» — к русскому языку и к русской культуре.

В литературном наследии поэта «Художник» — одна из девяти дошедших до нас русских повестей Шевченко, имевших своеобразную, до сих пор не во всех подробностях ясную для нас судьбу.

Ни одна из повестей не была напечатана при жизни поэта. Читателям они стали доступны лишь через двадцать лет после его смерти, а первое полное их собрание вышло только в 1888 году. Когда же они были написаны?

Первые упоминания о них мы встречаем в письмах поэта из ссылки в 1856 году. До этого времени ни он сам, ни общавшиеся с ним люди ни словом не обмолвились о его прозе. Между тем на сохранившемся автографе повести «Наймичка» рукою Шевченко написано: «25 февраля 1844. Переяслав». Другая повесть — «Варнак» — помечена 1845 годом. Остальные — «Княгиня», «Музыкант», «Несчастный», «Капитанша», «Близнецы», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали» — либо датированы пятидесятью годами, либо не имеют датировки, но с полным вероятием могут быть отнесены к тому же времени.

Не трудно убедиться, читая эти повести, что датировка их не отвечает действительности. Она вызвана, повидимому, необходимостью скрывать, особенно в начале 50-х годов, нарушение строгого запрета, наложенного самим царем на творчество

Шевченко. Если бы при возможном всегда обыске рукописи попали на глаза жандармам, Шевченко мог бы сослаться на то, что они написаны им еще до ссылки.

В настоящее время у нас нет сомнений, что все русские повести Шевченко написаны им в мрачные годы его подневольной солдатчины. Только вторая часть «Прогулки» закончена в 1858 году, когда поэт жил уже далеко от Новопетровского укрепления, пользуясь относительной свободой.

Из переписки Шевченко видно, что ему очень хотелось увидеть свои повести напечатанными. Он умудрялся разными способами пересылать рукописи, подписанные псевдонимом «Кобзарь Дармограй», своим петербургским и московским друзьям. Большинство этих друзей отнеслось к повестям равнодушно. Считавший себя другом и руководителем Шевченко Пантелеймон Кулиш в ответ на запрос поэта, что ему делать с русскими повестями, отвечал не без некоторого злорадства: «Если бы у меня были деньги, я бы у тебя купил их все вместе и сжег. Читал я твою «Княгиню» и «Матроса». Может, ты мне не поверишь, может скажешь, что я москвичины не люблю, потому браню. Так вот же тебе: ни одна редакция журнальная не захотела их печатать».

Мотивы, заставлявшие националиста Кулиша отрицательно отнестись к русским повестям Шевченко, понятны. Еще не разбиравшийся в литературной жизни конца 50-х годов Шевченко направляет свою рукопись престарелому С. Т. Аксакову, рассчитывая напечатать ее в «Русской беседе» — органе ожившего после репрессий славянофильства. Но повесть («Прогулка») не понравилась и С. Т. Аксакову, вероятно по резкости ее обличительной тенденции. «Она несравненно ниже,— писал поэту С. Т. Аксаков,— вашего огромного стихотворного таланта. Вы — лирик, элегист; ваш юмор невесел, а шутка не всегда забавна. Правда, где вы касаетесь природы, где только дело доходит до живописи, там все у вас прекрасно, но это не выкупает недостатков целого рассказа»¹.

Отзывы такого рода в конце концов, видимо, повлияли на Шевченко. Повести остались лежать в рукописи.

На серой плохой бумаге, которую некогда даже было сшить в тетрадки, торопливым, меняющимся почерком, в редкие часы и дни, свободные от солдатской муштры, писались эти повести.

¹ Письмо, писанное около 10 июля 1858 года.

На воспоминания о жизни, прошедшей до рокового 1847 года, наплывали впечатления настоящего — ссыльной жизни 50-х годов.

Прошлое было богато контрастами. «Милые, очаровательные видения» раннего детства, сменяемые домашним адом после того, как в отцовской хате водворилась злая мачеха. Ученье у пьяниц-дьячков и служба мальчика, крепостного лакея («казачка») в панских покоях. Поездки вместе с паном и дворовой челядью в Киев, в Вильно, и вдруг — Петербург, мастерская «комнатного живописца» Ширяева, побеги в Летний сад для срисовывания статуй.

А затем «после многих тяжелых длинных дней неволи» — несказанное счастье свободы: книги, картины, статуи, дружески расположенные люди, первые лавры художника и поэта.

И снова поездки 1843—1847 годов, родная Украина, увиденная уже иными глазами, — взрослого, осознавшего и себя и всю страшную действительность самодержавно-крепостнической России поэта и человека.

Повести «Варнак», «Музыкант», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали» разрабатывают в разных вариантах тему «крепостного интеллигента» — актуальную и для русской литературы 30—40-х годов.

В повестях «Наймичка» и «Капитанша» основной является тема крестьянской девушки, обесчещенной и брошенной соблазнителем из среды чужого, господствующего класса. Как уже говорилось, к этой теме Шевченко обращался в своих стихах, начиная от «Катерины», неоднократно. Разрабатывалась эта тема и в русской и в украинской литературе первых десятилетий XIX века. Но ни у кого эта тема не получила такой глубокой и трагической трактовки, как у Шевченко.

Повести «Княгиня», «Несчастный», «Близнецы» раскрывают перед нами картины морального вырождения дворянского класса, главной опоры государственного строя Российской империи.

Таким образом, внимание автора сосредоточивается на трех социальных группах, известных ему и по непосредственному общению с ними, изображавшихся им и в его стихах.

Первая — это народ, крепостное крестьянство Российской империи. Частью это пассивные страдальцы, частью — бунтари. Преимущественное внимание уделено не массе, а личностям, исторгнутым из нее силою обстоятельств, — представителям

«крепостной интеллигенции». Вторая — это крупные помещики. Третья — мелкие земельные собственники — «старосветские помещики», чиновники, осевшие на земле, зажиточные хуторяне.

Нет надобности еще раз говорить, что Шевченко, «поэт совершенно народный» (Добролюбов), всей душой стоит на стороне первой из этих трех групп. Достаточно посмотреть хотя бы на то, как внешне выглядят в его повестях герои, вышедшие из крестьянской массы.

Вот варнак, крепостной, ставший атаманом разбойников, не дававших панству покоя, отбывший каторгу, доживающий дни свои в ссылке. Его высокое душевное благородство сказывается уже в самой наружности. Это величавый старик, который «мог бы быть прекрасной моделью для Моисея-боговидца¹ или для гомеровского Нестора» («Варнак»).

Вот крепостная девушка, готовая стать по прихоти помещика Курнатовского его женою. «Рафаэлю и во сне не снилась подобная красота и гармония линий. А знаменитый Канова вдребезги разбил бы свою сахарную «Психею», если бы увидел это божество, грациозно принимающее чашку с чаем» («Прогулка»).

Таковы и все прочие представители крепостного или случайно ускользнувшего от крепостного ярма крестьянства. Совершенно иными чертами обрисованы образы крупных помещиков-дворян.

Вот, например, портрет земельного магната Арновского из повести «Музыкант» — портрет, сделанный, очевидно, с натуры:

«Руина, совершенная руина! Он не старик еще, но опередил даже дряхлых стариков. Повисшие, едва сжимающиеся губы, полуоткрытые, бесцветные глаза, желто-зеленый цвет лица и вдобавок серые, жиденькие волосы и глухота — делают его чем-то отвратительным, чем-то на полипа похожим».

Это представитель старшего поколения. А вот другой, Ипполитушка — «Митрофан» XIX столетия, по просьбе любящей матери отданный в солдаты и встреченный рассказчиком на улице Орска в сопровождении подтрунивавшей над ним солдатской толпы. «Статный, белокурый юноша» и в то же время «что-то вроде идиота. Трезвый, он упорно молчал, от одной рюмки водки он пьянел и начинал проклипать мать свою, самого себя и все, что его окружает» («Несчастный»).

¹ Шевченко имеет в виду статую Микеланджело.

С одной стороны, образы высокой физической и душевной красоты, с другой — «руины» и «полуидиоты». К этим последним у автора нет никакого снисхождения. Трагедии «лишних людей», «кающихся дворян» были бы для него непонятны. Психология Арновских и им подобных Шевченко не интересует. Для него все они «конченные люди».

Резко отделены они от своих жертв и от той прослойки, которая вносит в кромешный ад изображаемой писателем жизни смягчающее начало человеколюбия. Зажиточные хуторяне — Яким Гирло и его жена Марта, у которых «покрытка» Лукия служит работницей («Наймичка»); Степанович и Микитовна, трогательно ухаживающие за ребенком сошедшей с ума княгини Мордатовой («Княгиня»); арендатор корчмы, бывший солдат Туман, женившийся на обольщенной офицером девушке («Капитанша»); лекарь Антон Карлович и его жена Марьяна Акимовна, бескорыстно воспитывающие брошенных на произвол судьбы дочерей помещика («Музыкант»); супруги Прехтели — Степан Иосифович и Софья Самойловна (в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали»); наконец, еще одна пара — переславский сотник Сокира, «истинный филантроп», и его жена Прасковья Федоровна, усыновившие и воспитавшие двух подкидышей («Близнецы»), — вот представители этой прослойки, изображаемые Шевченко с симпатией, тихие, скромные люди, довольствующиеся малым, не претендующие ни на какую видную роль в обществе, похожие на «старосветских помещиков» Гоголя, но отличающиеся от них тем, что с внешним добродушием они соединяют способность к деятельному добру.

Тем не менее не им принадлежит основная роль в действии. Они — в стороне от борьбы. Их задача лишь корректировать или смягчать по мере возможности зло, вносимое в жизнь господами положения, — «жестокими, несатыми панами». Но возможности их ограничены, тогда как произвол господ ограничен разве только сопротивлением самих угнетаемых да еще блюстителями закона, не обнаруживающими, впрочем, большой активности в борьбе против «злоупотребления».

«Добрые люди» выкупают на волю героя повести «Художник» музыканта Тараса Федоровича. Но никто не может обуздать князя («Княгиня»), графа Болеслава («Варнак») или «заслуженного вора, пьяницу и привилегированного картежника» Зосиму («Близнецы»).

Являются ли эти «добрые люди» прямым отражением непосредственных впечатлений Шевченко от действительности? В известной мере, конечно, являются. Но в то же время очевидно их родство с Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной Гоголя и с человеколюбивыми, смиренными, но умеющими «блюсти свою копейку» героями Квитки-Основьяненко. Ясно, что образы этой категории в некоторой мере подсказаны действительностью и образами предшествующей русской и украинской литературы. Но, повидимому, все эти Прехтели, Сокиры, Гирлы и прочие еще в большей степени отражают «пожелания» автора, чем самое действительность.

Создать человеческие образы, которые могли бы приобрести «нарицательное» значение для читателей и для дальнейшей литературы, Шевченко удавалось не часто. Не удалось ему справиться и с задачей эпической композиции. Но ему удалось, как мы увидим, нечто иное.

Шевченко в русских повестях выступает в личине «Кобзаря Дармограя», и о том, о чем поэт Шевченко говорил прямо, Кобзарь Дармограй говорит только обиняками. Автор «Кобзаря» как известно, в основном, конечно, «лирик», как правильно говорил о нем старик Аксаков. Начиная от «Катерины» и кончая поэмами 50-х годов, он всегда один и тот же; его поэмы — не лиро-эпичны, а «лиричны» по преимуществу. Он не только перебивает свой рассказ лирическими отступлениями, как это делали Пушкин или Лермонтов. Нет, он, рассказывая о вещах, которые его глубоко волнуют, повествует о них главным образом для того, чтобы сообщить читателю свое волнение: он торопится, пренебрегает деталями, перебивает сам себя и в конечном счете дает не столько познание действительности, сколько познание своего отношения к этой действительности.

Проза налагает обязанности, которые он сознает, но которые ему тем не менее трудно выполнить. Для того чтобы стать эпиком из лирика, он вводит в свои повести значительный элемент описаний — пейзажей, портретов, бытовых зарисовок: он пытается всячески обуздать свое чувство, ввести его в русло спокойного наблюдения, прямой констатации, рассчитанной на понятливого читателя. Иногда это ему удается, например в повести «Несчастный». Но чаще он демонстрирует нам себя самого в борьбе с непреодоленными трудностями.

И тут начинается искание всяких обходных путей. Наиболее часто автор повестей прибегает к старинной форме «путевых

заметок». Она недостаточна. Недочеты ее восполняются всякого рода вставными рассказами, иногда поданными в форме чужих повествований, приводимых якобы по рукописи; иногда это чужие письма, чаще всего — записи чужих рассказов. Это не «сказ» в том виде, в каком его надолго установил для украинской прозы Квитка-Основьяненко. Кобзарь Дармограй у Шевченко не является аналогией И. П. Белкину, Рудому Паньку или квиткинскому мещанину с Основы. Ближе всего к композиционной манере Шевченко приемы Лермонтова в «Герое нашего времени», а еще больше Герцена в «Записках молодого человека», в романе «Кто виноват?» и других произведениях. У писателя много фактов, о которых ему хотелось бы рассказать; у него есть определенное отношение к этим фактам, которое ему хотелось бы высказать, хоть он хорошо сознает трудность прямого высказывания. Перед этими задачами отступает на второй план проблема характеров, проблема психологии действующих лиц. О психологии предлагается догадываться по ситуациям, в которые персонажи попадают, по их поступкам. В итоге рассказ, за немногими исключениями, не разворачивается прямолинейно и свободно; действующие лица, опять-таки за немногими исключениями, показаны больше с внешней, чем с внутренней стороны. Но зато мы широко и всесторонне, несмотря на неизбежный «эзоповский язык», познаем одно присутствующее почти везде лицо — лицо самого автора, главного героя всех повестей — самого Тараса Григорьевича Шевченко.

Главное значение повестей, может быть, в этом и заключается. Может быть, именно повести вместе с «Дневником» наиболее полно раскрывают перед нами замечательную личность «крепостного интеллигента», питомца двух братских культур — русской и украинской, революционера-демократа, мыслителя-материалиста, поэта, художника, историка-археолога, фольклориста.

Легко видеть, какое большое место в повестях занимают мемуарные элементы.

Перед нами не только большое количество данных для внешней биографии, но и ряд драгоценных сведений, восполняющих наши представления о художественных вкусах и эстетических взглядах Т. Г. Шевченко, о его научных интересах, о его социальных идеалах, о его интимной жизни.

Автор повестей — убежденный сторонник реализма в искусстве. В этом он сходится с деятелями передовой русской

литературы 40-х годов, хотя о теории и практике русской «натуральной школы» он мог судить только по ее первым выступлениям. Но зато он хорошо знал творчество Гоголя — «истинного ведателя сердца человеческого» (выражение Шевченко из письма к Репниной 1850 года), представителя той «благородной сатиры», которую в своем «Дневнике» он считал насущной необходимостью современного искусства. Исследователи повестей находили следы влияния Гоголя в «Княгине», «Варнаке», «Близнецах». Влияние сказывается не столько в отдельных местах, сколько в общей тенденции к правдивому изображению действительности и в сдержанно-сатирической бытописи, вдруг прерывающейся лирическим отступлением, доходящим до высокого пафоса. Подражателем Гоголя Шевченко во всяком случае не стал. К наиболее популярному в 30-х годах повествователю Марлинскому у Шевченко было иронически-отрицательное отношение, как и к другим представителям «риторической школы», осмеянной в блестящих критических статьях Белинского, вероятно известных Шевченко.

Как ни странно, Шевченко-художник сравнительно мало отразился в своих стихотворных произведениях, но очень сказался в прозе Кобзаря Дармограя. Примером может служить любая из повестей. Достаточно вспомнить хотя бы описание вечера на первых страницах «Наймички». Ни в одной поэме, ни в одном лирическом стихотворении Шевченко мы не найдем такого обилия цветowych эпитетов. Но художника-живописца выдает не только это внимание к краскам, линиям, формам в описательных частях повестей, но и многочисленные ассоциации изображаемого с любимыми и знакомыми картинами, эстампами, статуями.

Этим повести отличаются от стихов. Зато они сходятся в другом: в постоянном стремлении автора не только показывать действительность, но и выразить свое личное отношение к ней.

Как уже было сказано, Кобзарь Дармограй пишет с постоянной оглядкой на «старую дуру» — цензуру и старается не возбудить ее бдительности ни одним неосторожным словом. Но революционному демократу далеко не всегда удается скрыть свое подлинное лицо под принятой на себя личиной. Его выдает уже сама избранная им тематика, в которой цензор тотчас установил бы опасную тенденцию к изображению отрицательных сторон жизни и «к возбуждению недовольства одной части населения против другой».

Стараясь казаться просто любопытствующим путешественником, объективным свидетелем, повествователь то и дело срывается с тона. Написав в «Наймичке» идиллическую картину возвращения «прекрасных жниц» с полевой работы, он не удерживается от того, чтобы не указать на темные пятна «на светлорозовом фоне», не указать на тяжесть труда этих жниц.

«О, агрономы-филантропы! — восклицает он. — Выдумайте вы, вместо серпа, какую-нибудь другую машину! Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжкий труд человечеству».

Нерадостно для автора зрелище необозримых полей, засеянных житом и пшеницею: «Я думал и у бога спрашивал: «Господи, для кого это поле засеяно и зеленеет?» («Музыкант»). С одной стороны, паразитирующие на чужом труде, бездельничающие и распутные паны, а с другой — оборванные крестьяне, голодные крестьянские дети, выпрашивающие хлеб у арестантов. Бывают и «добрые паны», точнее, добрые панские жены («Княгиня»), но филантропия их либо остается безрезультатной, либо ведет к еще большему ухудшению положения голодных. И, обращая мысль к своим «непорочным землякам», к трудовому народу, из среды которого он сам вышел, автор не может удержаться от скорбной лирики: «Земля ваша, как рай, как сад, насаженный рукою бога-человеколюбца, а вы только безмездные работники в этом плодоносном, роскошном саду. Вы Лазари убогие, питающиеся падающими крупичками от роскошной трапезы ваших прожорливых, ненасытных братьев».

Одной из частных причин нравственного вырождения дворянства является дурное воспитание. Преклоняясь перед матерью-крестьянкой, Шевченко не находит в кругу своих наблюдений матерей-помещиц, сколько-нибудь достойных доброго слова. Размышления об этих матерях приводят его в негодование: «Зачем они детей родят, эти амфибии, эти бездушные автоматы? С какой целью они выходят замуж, эти мертвые красавицы? Чтобы сделать карьеру... А дети — это уже необходимое следствие карьеры, и ничего больше. Бедные, бездушные матери!» («Прогулка»).

От каких-либо широких общественных выводов и прогнозов Кобзарь Дармограй вынужден воздерживаться.

В пору писания повестей Шевченко не думал о возможности мирного перехода от царства насилия к царству свободы. Автор «Гайдамаков», хорошо знавший панов, по своему жизненному

опыту ясно понимал, что никакой компромисс между враждебными классами невозможен. Но в повестях он должен был утаивать это. Конечно, он не думал обобщать ни фактов, вроде изображенного в «Прогулке», ни счастливых исключений, какими являются судьба художника в одноименной повести или судьба музыканта Тараса Федоровича. Но высказать то, о чем говорилось в поэмах, подобных «Сну» (1844), и в лирике эпохи «Трех лет», в своей прозе, писанной в расчете на публикацию, он, конечно, не мог.

Кобзарь Дармограй много сдержанней автора «Кобзаря». А все же он полагает, что «имеющий уши слышать» услышит и то, что скрыто под текстом, и не отступает от идеалов поэта Шевченко. И мечта у обоих одна: видеть обездоленных счастливыми. «Я ужасно люблю смотреть на счастливых людей, и, по моему, нет прекраснее, нет усладительнее зрелища, как образ счастливого человека». Это говорится в «Музыканте» по поводу благополучного исхода истории Тараса Федоровича. Это повторено и в повести «Художник»: «Много, неисчислимо много прекрасного в божественной, бессмертной природе, но торжество и венец бессмертной красоты — это оживленное счастьем лицо человека. Возвышеннее, прекраснее в природе я ничего не знаю».

Поэт Шевченко даже тогда, когда он призывал «злою вражескою кровью волю окропить» («Завещание»), когда он говорил, что нужно «наточить топор острее» («Я на здоровье не в обиде»), послать врагов народа на плаху, одушевлен чувствами того же высокого гуманизма, что и Шевченко-повествователь.

В этих пронизывающих все повести чувствах Шевченко непреходящее их значение.

8

Когда в 1855 году умер Николай I, Тарас Шевченко надеялся на то, что его, наконец, возвратят из ссылки.

Действительно, Александр II, взойдя на престол, объявил амнистию, но собственноручно вычеркнул из списка имя Шевченко.

Петербургские друзья Шевченко, главным образом вице-президент Академии художеств граф Ф. П. Толстой и его жена, хлопотали за поэта. Вторая амнистия, объявленная царским

правительством по случаю коронации Александра II, также не принесла Шевченко освобождения.

Из Петербурга приходили в Новопетровское укрепление письма, то ободрявшие поэта, то приводившие его в уныние перспективностью положения.

Только в начале июня 1857 года от одного из друзей Шевченко пришло радостное известие, что час освобождения близится. Письмо призывало Шевченко быть благоразумным и не испортить дела напоследок каким-нибудь необдуманным поступком.

Начались томительные дни. А бумаги из столицы все не приходили. В ожидании радостного часа Шевченко стал вести «Дневник» («Журнал») на русском языке.

Он взялся за дневник «от нечего делать», просто потому, что пришла «охота писать страшная», потому что захотелось упражняться в писании: «Как инструмент виртуозу, как кисть живописцу, так литератору необходимы упражненья в писаньи». Своих возможных читателей он обозначал, вспоминая Кольцова, как «милых, искренних друзей».

У него не было никаких литературных претензий. Он не думал о «жанре». Сто две страницы большого формата, переплетенные в сафьян, написаны четко, почти без поправок. Писавший, конечно, не ожидал, что его «Дневник» станет одной из замечательнейших книг, им созданных.

Это не только биографический документ жизни Шевченко с 12 июня 1857 года по 13 июля следующего года. Это не только материал, важный для суждений о психологии его художественного творчества, для суждений о его умственном кругозоре, начитанности и образованности. Это своеобразный автопортрет того, кого Некрасов назвал «русской земли человек замечательный», — автопортрет, позволяющий нам интимно сблизиться с поэтом, с его чувствами, мыслями, философскими и политическими убеждениями.

В своем «Дневнике» Шевченко сам удивляется, как ему удалось выжить страшное десятилетие ссылки: «Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем облике не изменилась».

Вглядимся же в этот внутренний облик. Мы привыкли представлять Шевченко по самым распространенным его портретам — по Крамскому, Репину, по офорту Матэ. Немолодое, суровое с длинными, свисшими усами лицо. Но этот суровый и хмурый человек был человеком тонкой и чуткой души, человеком глубокой и разносторонней мысли, передовым человеком своего времени. У него есть свои особенности, но ему свойственны и все черты просветителей 60-х годов, знакомые нам по характеристике В. И. Ленина: и горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области, и горячая защита просвещения, и отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян.

Обещанной свободы поэту пришлось ждать долго, и последние месяцы жизни в Новопетровском укреплении — время сплошного мучительного томления. Более чем когда-либо стала нестерпимой «мрачная декорация и бездушные грубые лицедеи, с которыми привелось разыгрывать эту десятилетнюю драму». С одной стороны, солдаты — «самое бедное, самое жалкое сословие в нашем отечестве». С другой — командиры, офицеры, претендующие на образованность, но невежественные, издевающиеся над подчиненными и, подобно им, проводящие свои досуги в беспробудном пьянстве. И русской, и украинской литературе первой половины XIX века по цензурным причинам нельзя было правдиво показывать быт и нравы царского «христоролюбивого воинства». «Дневник» Шевченко — одно из немногих произведений, раскрывающих то тяжелые раздумья автора, то записываемые в него трагические и отвратительные события жизни маленького гарнизона, в котором поэту, уже почувствовавшему веянье воли, жить стало окончательно нестерпимо.

«Свинцовые мерзости жизни», на борьбу с которыми встал впоследствии Горький, вызывают не только негодование у Шевченко, но и глубоко оскорбляют его веру в человека. Его мучает вид «вертепов-казарм», его возмущают сливки гарнизонного общества, «заплесневшие, прокисшие сливки». Но и после того, как он с ним расстался, всюду, где бы он ни был, он страдает при виде всякого внешнего и внутреннего безобразия, грязи, нищеты, уродства, на каждом шагу встречаемых им в городах царской России. Отвратительно все — от недавно закончившего жизнь «неудобозабываемого тормоза», «дрессированного медведя» — царя Николая I, до его «бездушных сатрапов», помещиков, «собачников», «пьяных косматых жрецов». Оскорбляет урод-

ство организованной всеми ими жизни: неблагоустройство городов, экзамен в женском институте, где все «чисто и гладко, как в любом манеже», жалкий обелиск, поставленный в Нижнем-Новгороде в память народных героев Минина и Пожарского, икона — трехаршинная круглая доска, на которой намалевано «безобразное чудовище» — все, вплоть до храма Христа Спасителя в Москве, сооруженного выразителем «официальной народности» — архитектором Тоном, пользовавшимся особым покровительством Николая. «Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилась среди белокаменной», — записывает Шевченко.

А жизнь могла бы быть иной. Как радуется автор «Дневника» всякое проявление хороших чувств в людях, всякое достижение их творческого труда, великие создания искусства, красота природы. Душа его тянется к родной Украине, ее степям и садам, к ее «непорочной и меланхолической красоте». Но у него нет никакой национальной исключительности. Он любит «красавицей Волгой». Его пленяют старинные нижегородские церквушки, «милые и гармонически пестрые», он с уважением осматривает здание астраханского собора, построенного в конце XVII века «простым русским мужичком»; «не мешало бы Константину Тону поучиться у этого русского мужичка», — замечает он. Вот он, еще до отъезда из ссылки, заслушивается старинной народной песней про атамана Булавина, в начале XVIII века поднявшего восстание на Дону, и записывает в свою тетрадь начало песни. На пароходе его очаровывает музыка крепостного скрипача Алексея Панова, и в своей записи он благодарит музыканта, из чьей «скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ». В Петербурге с живейшим восторгом он слушает «Ивана Сусанина» — «гениальное произведение бессмертного Глинки». Все, что создано с любовью к народу, с мыслью о народе, что естественно и правдиво, — просветляет и животворит его душу.

А душа эта жаждет красоты и необычайно чувствительна к ней, даже в унылой пустыне Новопетровского укрепления. Вот он прогуливается один, после обеда у коменданта. — «Вечер был тихий, светлый. На горизонте чернела длинная полоса моря, а на берегу его горели в красноватом свете скалы, и на одной из скал блестели белые стены второй батареи и всего укрепления. Я любовался своей семилетней тюрьмой». А возвращаясь, он любит отпечатком миниатюрных детских ножек на засохшей

грязи. У этого человека в поношенной форменной солдатской одежде, рваных сапогах, почти без белья — нежная, иногда совсем молодая душа. В лунную ночь в той же «семилетней тюрьме» он идет, вспоминая и читая вслух стихи Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». И воспоминания о невольничьей жизни перестают быть тягостными. Да, он прошел свой кремнистый путь, но не потерял силы духа, не унизил своего человеческого достоинства.

Но главное для него везде и всегда люди. Не изуродованных жизнью людей мало в Новопетровском укреплении: солдат Скобелев, тяжело поплатившийся за попытку отстаивать свое достоинство перед обокравшим его командиром; ссыльные солдаты-поляки, рядовой Обеременко, славные девочки — дочери коменданта Ускова. Зато весь путь от Астрахани до Петербурга полон встреч со старыми и новыми друзьями, окружающими нестрадавшего поэта сердечной заботой. Тут и милый капитан парохода В. В. Кишкин, и новые знакомые в Нижнем, и старый друг М. С. Щепкин, не поколебавшийся приехать к поднадзорному другу по первому его зову, и москвичи, встречающие Шевченко с самым теплым радушием, а в Петербурге семья Толстых, литераторы, художники, друзья по заточению — поляки, в их числе польский революционер Сераковский. Шевченко необычайно чуток к проявлениям дружбы, но умеет различать друзей настоящих и мнимых, людей либеральной фразы и людей подлинно гуманного дела.

Особым орсолом окружена у него память о декабристах, и он тщательно отмечает встречи с Анненковым, Волконским, Штейнгелем, так же как отмечал чтение стихов Рыльева в капитанской каюте на волжском пароходе. Когда в Нижнем П. В. Шумахер, недавно вернувшийся из-за границы, показал ему номер «Колокола», он благоговейно поцеловал газету. Герцена на своем своеобразном языке он называет «нашим апостолом-изгнанником». С жадностью он прочитывает «Крещеную собственность» Герцена — «сердечное, задушевное человеческое слово».

В «Дневнике» нет еще упоминаний о Чернышевском и Добролюбове, личная близость с которыми началась позже. Мимоходом брошено отрицательное суждение о каких-то стихах Некрасова. Оно не существенно для нас. Бывший крепостной Шевченко и сын захолустного помещика Некрасов по существу одними глазами смотрели на жизнь, одно и то

же любили и ненавидели. В 1858 году Некрасовым написаны «Размышления у парадного подъезда». А в 1857 году Шевченко, проходя через нижегородский кремль, видит у подъезда губернаторского дворца толпу мужиков с открытыми головами: они пришли просить защиты от своего грабителя-помещика Демидова. «А губернатор, не будучи дурак, велел их посечь за то, чтобы они искали управы по начальству, то есть начинали со станового». «Размышления» Шевченко ограничиваются фразой: «Интересно знать, что дальше будет». А может быть то, что случилось у волжского помещика Дадьянова: «...мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благоприятном ветре... Отрадное происшествие», — лаконически добавляет Шевченко. Ему, как и Чернышевскому, перспектива крестьянской революции кажется близкой. Подобрал случайно листок «Русского инвалида» и прочитав там, что в Китае вспыхнуло народное восстание против мандаринов, «жирного убойного скота», он записывает: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать и про русских бояр то же самое?»

Рядом с записями о встречах с людьми в «Дневнике» стоят записи от встреч с книгами.

Читая книгу по эстетике польского философа-идеалиста Либельта, Шевченко записывает свои возражения, противопоставляя идеалистической системе материалистические воззрения на искусство, близкие к тому, что развил в своей знаменитой книге («Эстетические отношения искусства к действительности») Чернышевский. На пароходе открываются широкие возможности чтения, и «Дневник» наполняется выписками: среди них и революционные стихи Барбье в переводе Бенедиктова, и Беранже в переводах Курочкина, и еще не печатавшиеся стихи Хомякова о николаевской России, которая «в судах черна неправдой черной и игом рабства клеймлена», и тютчевские стихи о «крае родном долготерпенья».

Восторженно приветствует Шевченко «Губернские очерки» Щедрина, в котором видит продолжателя дела, начатого Гоголем. И он обращается к братьям-писателям с горячим призывом: «Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь. За этого поруганного, бессловесного смерда!»

Искусство должно служить интересам трудового народа, быть орудием в борьбе за его счастье. Оно должно получить ши-

рокое распространение в массах: вот почему призвание гравера, который делает шедевры живописи доступными народу, представляется Шевченко таким заманчивым. Очередная задача времени — «умная, благородная сатира» типа Федотова, Островского и Гоголя. Воевать с пороками высшего сословия уже поздно, для искоренения их нужны иные средства. Но сатира может учить и в какой-то мере облагораживать нравы «среднего сословия». Шевченко уже видел, как пробирается на командную высоту русская буржуазия. Она еще не пришла к власти. Крупный рыбопромышленник миллионер Сапожников на пароходе читает нелегальные стихи, печется о материальном положении Шевченко. Откупщик Кокорев произносит либеральные речи и печатает свои статьи в «передовом» в конце 50-х годов «Русском вестнике». Буржуазные либералы и революционные демократы еще только начинают борьбу друг с другом. У Шевченко нет никаких колебаний между двумя лагерями. Путь истории для него — это путь, начатый «славными рыцарями», вроде Степана Разина или Устима Кармалюка, а еще раньше восставшим на панов «гениальным бунтовщиком» Богданом Хмельницким. Борьба продолжается. Развитие техники ей поможет.

Ночью в каюте пароход представляется Шевченко «каким-то огромным, глухо реющим чудовищем с раскрытой огромною пастью, готовой проглотить помещиков-инквизиторов». И поэт обращается мысленно к изобретателям парового двигателя. То, что начали во Франции XVIII века энциклопедисты, идеологи буржуазной революции, довершит «колоссальное, гениальное дитя» нового времени — технический прогресс.

«Мое пророчество несомненно», — кончает Шевченко.

Таким выступает в «Дневнике» Тарас Шевченко — гуманист, неспособный на компромиссы, исполненный твердой веры в конечную победу масс над поработившей их властью, в первую очередь над представителями феодализма. Бывший крепостной Шевченко острейшим вопросом дня считал падение крепостничества. Поэтому из украинской литературы конца 50-х годов ближе всех к себе он считал Марко Вовчок (М. Маркович-Вилинскую), автора рассказов из украинского и русского народного быта. Как и она, Шевченко не ощущал никакой границы между собой и передовой русской литературой. Ее и не было между стремлениями трудовых масс двух братских народов.

Второго августа 1857 года Тарас Шевченко, получивший, наконец, официальное освобождение, отплыл на рыбацкой лодке из Новопетровского укрепления и после трехдневного плавания по Каспийскому морю прибыл в Астрахань.

Здесь местные украинцы — почитатели поэта — устроили ему восторженный прием.

Эта радушная встреча поддержала поэта. Но он спешил в Петербург, где надеялся найти добрых, отзывчивых друзей и где хотел окунуться в гущу литературной и общественной жизни.

Из Астрахани Шевченко отправился на пароходе «Князь Пожарский» вверх по Волге до Нижнего-Новгорода. В Нижнем его ожидало неприятное известие. Оказалось, что ему был запрещен въезд в столицу, а комендант Усков, не зная этого, выдал бывшему солдату увольнительное свидетельство в Петербург. Нижегородская полиция имела предписание отправить Шевченко в Оренбург для получения отставки по всем правилам. С трудом удалось поэту под предлогом болезни добиться оставления в Нижнем-Новгороде.

С 20 сентября 1857 года по 10 марта 1858 года Шевченко провел в Нижнем.

В ту пору это был шумный торговый, ярмарочный город. В Нижнем были библиотеки, неплохой театр; в городе сохранились интересные памятники старины.

У Шевченко образовался обширный круг знакомых. Он жадно читал книги, газеты, журналы, посещал театр.

Особенно привлекала его революционно-демократическая литература: зарубежные издания Герцена, «Современник», где печатались статьи Чернышевского и Добролюбова, «Отечественные записки». Освобождение вернуло перо Шевченко-поэту. Он начал с того, что перечитывал, исправлял и переделывал написанное ранее, еще более заостряя свое поэтическое слово.

Одновременно поэт стал работать над новой поэмой «Неофиты». Действие на этот раз было перенесено в эпоху древнеримской империи. Нетрудно догадаться, для чего это было сделано. Впоследствии Некрасов иронически раскрыл такой прием, характерный для революционно-демократической литературы:

Переносится действие в Пизу,
И спасен многотомный роман...

Еще до ссылки Шевченко говорил о жестоком римском императоре Нероне, имея в виду Николая I. Любой читатель «Неофитов» легко мог понять маскировку и разгадать, что Нерон — это Николай, патриции — помещики и вельможи, плебеи — народ, а неофиты — борцы за народное счастье, революционеры. Нетрудно было догадаться, и о какой стране идет речь в поэме.

Ее герои неофиты — «рыцари свободы», во главе которых стоит юноша Алкид, предвещающий тот светлый день, когда падет тирания и царя-деспота закуют в железные оковы.

Борьба неравная: с одной стороны кучка пламенных революционеров, с другой — императорская власть. Алкид гибнет, гибнут его соратники. Но Шевченко писал свою поэму не для того, чтобы показать безнадежность такой борьбы. Наоборот, он внушал веру в неисчерпаемость народных сил. Место погибшего Алкида занимает его мать, мужественная, стойкая женщина. Если в неофитах отразились черты декабристов, то в образ матери Алкида, несомненно, внесены прекрасные человеческие качества жен декабристов, сохранивших преданность им и их делу и воспетых впоследствии Некрасовым в поэме «Русские женщины».

Шевченко посвятил «Неофитов» другу, знаменитому русскому актеру М. С. Щепкину. Обращаясь к «актеру-чудотворцу», Шевченко выражал надежду, что его слово:

...огнем-слезою
Упадет на нашу землю
И пойдет по странам
Притчей деспотам народным,
Грядущим тиранам.

В Нижнем Шевченко вернулся к замыслу, возникшему в Новопетровском укреплении. Это была поэма, названная им «Сатрап и дервиш», где действие должно было развиваться на Востоке. От этого замысла дошел отрывок «Юродивый». Вставляли страшные образы фельдфебеля-царя и его верных слуг — капитанов и унтеров. Они глумились над страной, грабили и разрушали, а лучших людей загнали в Сибирь. И Шевченко снова с благоговением вспоминает мужественных патриотов-декабристов.

Повидимому, Шевченко многое передумал, заново приступая к поэтической работе. Он как бы оглядывался на пройденный

путь, нища в нем и творческие радости и ошибки, вольные и невольные. В результате размышлений о судьбе поэта и о его нравственном долге родился своеобразный триптих — «Доля», «Муза», «Слава». Это три обращения народного певца, и первое из них к своей судьбе. Что она дала ему, кроме горя и учения у пьяного дьячка? Шевченко как бы отвечает: он получил от своей судьбы огромную моральную силу и сознание великой правоты своего дела. Поэт утверждает как высшее счастье, быть правдивым перед своим народом:

Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.

Второе обращение к Музе. И здесь то же требование высокой жизненной правды. Поэт-демократ боится всякой фальши, всякой подтасовки фактов, идей, явлений действительности. Он просит Музу:

Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни...

Третье обращение — к славе. Оно — самое трудное для истолкования, и не раз его понимали таким образом, что поэт, столько лет якобы обойденный славой, теперь мечтал о ней. Но и «доля», и «муза», и «слава» — иносказания, прозрачные символы жизненных и творческих принципов поэта. В общественно-эстетическом манифесте певца-демократа, составленном из этих трех стихотворений, «слава» имеет свое значение. В «Доле» Шевченко говорит, что «слава — заповедь моя». Речь идет, разумеется, не о тщеславном удовлетворении самолюбия, а о том признании певца народом, без которого его слово не может учить и звать к правде и борьбе. Поэт хорошо знает изменчивую сущность славы, которая «по шинкам гуляла» и «с пьяными царями». И если он хоть на время призывает ее, то это только потому, что она принесет распространение проповеди революционной борьбы. Три стихотворения, выражающие сокровенные желания и стремления народного певца, написаны в один день — 9 февраля 1858 года — и связаны между собой единством идеи о кровном слиянии поэта и народа.

В ожидании решения своей участи Шевченко из Нижнего написал Кулишу, Щепкину и другим, прося их приехать к нему на свидание.

Кулиш решительно отклонил приглашение: «Не подобает мне ездить на свидание к тебе, потому что о тебе хлопочут, как бы перетащить тебя в столицу; если же пойдет слух, что к тебе и теперь съезжаются земляки,... то это, того и гляди, повредит твоему делу перед знатными господами, я, *на горе, человек в обществе заметный*, и сразу все узнают, что поехал за семь верст киселя хлебать».

Шевченко понял, что Кулиш, бывший участник Кирилло-Мефодиевского братства, стал откровенным карьеристом, боявшимся скомпрометировать себя свиданием с опальным поэтом. Только семидесятилетний актер Михаил Семенович Щепкин горячо откликнулся на призыв друга. Он приехал в Нижний, не боясь ни зимней стужи, ни трудностей переезда, и пробыл рождественскую неделю с Шевченко. Эту встречу с восторгом отметил поэт в своем «Дневнике».

25 февраля (9 марта н. с.) 1858 года, в день своего рождения, Шевченко получил радостное известие: ему разрешили въезд в Петербург.

В марте Шевченко на санях выехал из Нижнего в Москву, чтобы еще раз повидаться со Щепкиным и другими друзьями.

В Москве Шевченко бывал и раньше; ему приходилось проезжать через этот город по дороге из Петербурга на Украину. Но с 1845 года Шевченко в Москве не был. За долгий промежуток здесь появилось много нового, яркого, интересного. Поэт остановился у Щепкина, в гостеприимном доме которого бывали писатели, актеры, общественные деятели. Все они тепло отнеслись к Шевченко и наперерыв приглашали к себе. «В Москве более всего меня радовало то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии», — записывал Шевченко.

25 марта поэт сел в вагон недавно построенной железной дороги и выехал в Петербург.

Шевченко прибыл в Петербург 27 марта 1858 года. Вскоре ему отвели помещение в Академии художеств. Он работал в мастерской, занимаясь главным образом офортами. Вверху, на

антресолях, помещалась скромная жилая комнатка, где стояли кровать и письменный стол.

Петербург был кипучим центром революционно-демократической мысли. В Российской империи назревал революционный взрыв. С каждым годом возрастало число стихийных крестьянских волнений. Правительство, испуганное всеобщим брожением в стране, готовило крестьянскую реформу, чтобы избежать «революции снизу». Но подготовка реформы шла медленно, встречая противодействие реакционных помещиков. Революционные демократы непреклонно верили в неизбежность крестьянской революции и делали все, чтобы ее ускорить. В период 1859—1861 годов, по определению В. И. Ленина, складывалась «революционная ситуация» в России.

Шевченко с первых же дней приезда в Петербург искал сближения с единомышленниками. Он встретился с бывшими ссыльными поляками, жившими теперь в Петербурге: Сигизмундом Сераковским, поэтом Желиговским (Антонием Совой) и Я. Станевичем. С. Сераковский, впоследствии принимавший активное участие в польском восстании 1863 года, был убежденным сторонником свержения самодержавия. Близость взглядов сдружила его с Чернышевским и другими революционными демократами, группировавшимися вокруг журнала «Современник», который к концу 50-х годов стал настоящей трибуной для передовых идей своего времени. «Современник» печатал лучшие стихи Некрасова, почти все статьи Добролюбова и Чернышевского.

Шевченко, естественно, находился в тесном общении с кружком «Современника». Если у нас нет достаточно точных данных о личных связях Шевченко с Чернышевским и другими революционными демократами, то этому нетрудно найти объяснение. Тут играли роль вопросы конспирации, вследствие чего ни в «Дневник» Шевченко, ни в его письма не попали имена Чернышевского и Добролюбова, Михайлова и Шелгунова, а Некрасов упоминается один раз мимоходом. Однако мы узнаем из «Автобиографии» Н. Костомарова, из другого, не вполне достоверного источника, из мемуаров А. Мордовцева, что Шевченко встречался с Чернышевским, хотя бы в Балабинских номерах, где жил Костомаров. Есть данные, что Шевченко вместе с офицером Н. Д. Новицким, близким Чернышевскому, побывал у него на даче в Любани в мае 1860 года. Осталось и «вещественное доказательство» этого посещения семьи Чернышевских: Шевченко сде-

лал в альбоме О. С. Чернышевской пять карандашных рисунков, в том числе портрет ее сына Саши¹. Сохранилась и записочка родственницы Чернышевского Полиньки Пыпиной от 22 сентября 1859 года, гостившей в Петербурге. Девушка пишет родным в Саратов: «Сегодня, может быть, будем у Костомарова, опять увижу Шевченко, один раз уж видела у нас...»²

Свидетельства Костомарова и Мордовцева относятся, повидимому, к 1859 году, но кажется неправдоподобным, чтобы Шевченко, приехав в Петербург в марте 1858 года и вращаясь в кругу людей, близких к Чернышевскому, не встретился с ним в течение года и даже более. Никакого положительного ответа на этот вопрос мы не можем найти, и к числу домыслов приходится отнести предположение, что Сераковский познакомил Шевченко с Чернышевским у себя на квартире. Несравненно важнее, что Шевченко находился под идейным воздействием Чернышевского и Добролюбова и что Шевченко в свою очередь, по выражению Чернышевского, был «непререкаемым авторитетом» по волновавшему революционных демократов крестьянскому вопросу.

В последнее время советские историки пришли к мысли о существовании в период 1859—1861 годов конспиративной организации, созданной Чернышевским и его соратниками для свержения самодержавия в России³. Высказывается предположение, что и Т. Г. Шевченко входил в эту организацию, хотя точных данных об этом пока нет. Несомненно одно, что у Шевченко и русских революционных демократов было полное единодушие во взглядах и методах борьбы за свержение самодержавия. Шевченко, как народный поэт, был ценным союзником в этой борьбе. Значение его революционных стихов для Украины и всей России правильно расценивали еще в 40-х годах петрашевцы. Некоторые члены этого революционного кружка (Момбелли, Плещеев, Ханьков и др.) в той или иной степени знали Шевченко лично или переписывались с ним и высоко ценили художественное и идей-

¹ М. Шагинян, Тарас Шевченко, М. 1946, стр. 324.

² Н. М. Чернышевская, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М. 1953, стр. 186.

³ См. М. Нечкина, Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861), «Лит. наследство», т. 61, стр. 459—489; С. А. Рейсер, Н. А. Добролюбов, Л. 1954, стр. 14 и след.

ное значение его стихотворений и поэм¹. Петрашевский говорил, что сочинения Шевченко «были причиной сильного волнения умов, вследствие которого и теперь Малороссия находится в брожении», Момбелли писал, что, если бы намерения Шевченко осуществились, «весь юг и запад России взялся бы за оружие». Характерно, что провокатор Липранди, предавший кружок петрашевцев, в своем донесении подчеркивал, что на Украине умы находились «в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко». Известно, что за годы ссылки популярность Шевченко как поэта не только не ослабела, но усилилась. На Украине многие крестьяне помнили свои встречи с Шевченко и беседы с ним, а стихи из «Кобзаря» и другие, ходившие в списках, знали наизусть. Опальный поэт стал легендарной личностью, о нем славились рассказы, в которых он неизменно выходил победителем из стычек с царем и помещиками. Вернувшись в Петербург, Шевченко был восторженно встречен передовыми кругами столицы. Перед ним раскрылись двери литературных салонов, он вошел в среду выдающихся деятелей русской культуры. Шевченко с громадным успехом выступал на литературных вечерах.

Вместе с Чернышевским Шевченко подчеркивал невозможность мирного разрешения крестьянского вопроса в России. Он звал в своих стихах к топору. Его земляки — буржуазные либералы — надеялись, что новый царь, Александр II, даст, наконец, освобождение крестьянам. Но Шевченко слишком хорошо знал, что значит царская милость. Он писал:

...Доброго не жди,—
Не жди свободы невеселой,
Она заснула: царь Никола
Заставил спать. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.

В этот период политические стихи Шевченко приобрели особую силу. Один из современников писал: «Обличения Шевченко стали безудержными; он разит и бьет; он весь пылает каким-то бешеным, всеистребляющим огнем». На этом новом этапе многие из политических стихотворений Шевченко становятся про-

¹ «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 1, М. 1955, стр. 559 и след.

кламациями. Они в прямой и открытой форме выражают призыв «к топору». Шевченко, как и его соратники — революционные демократы, твердо уверен, что час для этого приходит. Крестьянская революция для них — великая Правда. Поэтический образ Правды, которая придет на смену всему старому и прогнившему, имеет определенный политический эквивалент. Эта Правда — вооруженное восстание против самодержавия и крепостничества. Поэт приветствует зарю этого восстания:

Уж солнце всходит над землей
И день приводит за собой,
Зашевелились на престоле
Крепкохребетные цари...
И правды свет горит вдали.

Шевченко призывает всех колеблющихся отбросить сомнения и решительно при первых лучах восходящего солнца Правды взяться за работу, за сокрушение «трухлявой» твердыни царизма. Теперь не время говорить «Нигде ни в чем отрады нету». Надо действовать! Поэту представляется уже недалеким время, когда «царя на плаху поведут!»

Наряду с великолепными образцами революционно-политической лирики, Шевченко не оставляет сатиры, бичующей конкретных представителей реакции. Смерть царицы Александры Федоровны, которая лицемерно объявляла себя попечительницей сирот, кончина митрополита Григория, выступления журналиста-мракобеса Аскоченского и славянофильских публицистов, — на всю эту злобу дня отзывался Шевченко-сатирик. Нетрудно убедиться в совпадении тем и образов сатиры Шевченко с публицистикой Герцена и Чернышевского, с лучшими сатирами Некрасова и Салтыкова-Щедрина, со стихами поэтов-«искровцев» (Курочкина и др.). Такое единодушие совершенно естественно. Шевченко органически вошел в общее русло революционно-демократической литературы. Это не лишало его стихи своеобразия, это не уменьшало значения их для украинской литературы, где его новаторство было особенно плодотворно. Он расширил рамки украинского литературного языка, используя архаизмы, библейскую церковнославянскую лексику, резкие переходы от них к народному «просторечию», к нарочитым вульгаризмам. При этом современное, почти злободневное содержание сатиры получает особенно острое звучание. Стихотворение «Умре муж велий», написанное в елейно-постном духе церковных проповедей,

представляет собой памфлет на весь лагерь реакции — от церковных пастырей типа митрополита Григория до славянофила Хомякова и редактора реакционнейшего органа «Русская беседа» Аскоченского. Это были постоянные мишени для насмешек и карикатур сатирических журналов «Искра», «Свисток» (приложение к «Современнику», выходившее в 1859—1863 гг.). Герцен в «Колоколе» резко ополчился против митрополита Григория и всей реакционной клики, которая «засела на большой дороге в рай господень».

Шевченко не всегда применяет жанр «беспримесной» сатиры: он вводит в свою сатиру элементы лирики и публицистического пафоса. Так, в стихотворении «О люди! бедные, слепые!» в сатирическом виде представлен подлинный облик «матери сирот» царицы Александры Федоровны. При этом сама «героиня» в стихотворении не фигурирует. Дана лишь жалостная картинка: несчастный сторож-инвалид гонит бедных девочек — голодных и полуголых сирот, воспитанниц царского приюта — «последний долг отдать» «опекавшей» их царице. Сценка написана Шевченко в лирических тонах, и переход к обличительной патетике вполне логично вытекает из всего стихотворения. Лицемерие, ложь, обман народа любимыми средствами — вся гниль монархии должна быть сметена справедливым народным судом:

Когда же суд! Придет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти...

В ожидании этого светлого дня Шевченко неустанно обличает в своей поэзии чудовищные злодеяния царей и их прислужников. Он говорит о ветхозаветных царях («Саул»), он слагает «Молитву», направленную против «царей, кровавых шинкарей», и воспеваает силу «работящих умов» и «работящих рук». Словами библейских пророков, подобно Пушкину, Лермонтову, Языкову, поэт предрекает гибель отжившему миру и создает прекрасные видения будущего на обновленной земле («Подражание Иезекиилю. Глава 19», «Осии, Глава 14. Подражание»).

Антицерковная тема занимает большое место в поэзии Шевченко этих лет. Для него, как революционно-демократического борца, существенно важно сорвать мистические покровы с религиозных догматов и предметов «священного культа». В стихо-

творении «Свете тихий! Свете ясный!» он призывает смело бросить в печь иконы, драть багряницы на онучи и кропилом подметать горницу. В поэме «Мария», одном из совершеннейших произведений Шевченко, переосмысливается миф о рождении Христа. Поэт лирически-любовно говорит о Марии, потому что она женственно-прекрасная в своих чистых чувствах «покрытка», а не осененная какой-то особой божественной благодатью «святая дева». Шевченко свою Марию низвел с облаков и сделал ее совершеннейшим воплощением идеи материнства. Задолго до Горького поэт создал образ матери революционера, завершив этим образом галерею женских портретов, начатую «Катериной».

В произведениях Шевченко последних лет звучала все та же мысль, обращенная в будущее, о необходимости торопить приход того времени, когда подневольные, забытые люди обретут счастье, когда явью станет их мечта о свободе. Первое стихотворение Шевченко, написанное им по возвращении в Петербург, называется «Сон». Бедная крестьянка, гнущая спину на барщине, только во сне видит своего маленького сына счастливым. Непрестанно думая о родине своей, Украине, Шевченко мечтал о превращении сна о свободе в явь.

В 1859 году Шевченко в последний раз побывал на родине. Он посетил своих родных и увидел ту же бедную, подневольную жизнь, тот же каторжный труд за кусок хлеба. Все время полиция тайно следила за ним. В конце концов поэт был снова арестован. В полицейских донесениях указывалось, что Шевченко произносил богохульственные речи и говорил, что «не надо ни царя, ни попов, ни панов». С трудом поэту удалось добиться освобождения. Ему запретили жить на Украине и вернули в Петербург.

Шевченко многого достиг в области офорта и гравюры. За великолепные работы он получает в 1860 году звание академика гравюры.

В том же году Шевченко после длительных хлопот получил, наконец, возможность издать «Кобзарь» — новое собрание своих стихотворений. Разумеется, такие революционные произведения, как «Сон», «Кавказ», «Еретик», «Завещание», не вошли в эту книгу.

Добившись разрешения цензуры на новое издание «Кобзаря» в Петербурге, Шевченко писал: «Сегодня цензура выпустила из своих когтей мои несчастные песни и так, проклятая, их почистила, что я едва узнал моих деточек».

Революционные демократы старались широко распростра-

нить стихи Тараса Шевченко и ознакомить читателей с его жизнью. В журнале «Современник» появилась статья Н. А. Добролюбова о «Кобзаре». Революционный демократ М. И. Михайлов, ближайший друг и соратник Чернышевского, приветствовал новое издание стихотворений Шевченко в газете «Русское слово». Он писал: «Тесная связь певца с народом, связь и кровная и нравственная, одинаковые радости, одинаковые страдания дали характер чисто народный его песням». Михайлов подчеркивал в Шевченко «силу поэтического чувства, глубокое сердечное понимание лишений и нужд, печалей и радостей народных». В обеих статьях была опубликована автобиография Тараса Шевченко. М. И. Михайлов был одним из первых переводчиков Шевченко на русский язык. Заключение в Петропавловскую крепость, Михайлов вспоминал стихи великого украинского поэта, о чем свидетельствует его письмо из крепости.

Революционные стихи Шевченко в многочисленных рукописных списках ходили в народе. Друг поэта Курочкин и другие писатели переводили его стихи на русский язык. Слава о мужественном кобзаре распространялась по всей стране. Грузинский общественный деятель Д. Кипиани писал из Петербурга своей жене в Грузию: «Вчера я был на публичном чтении писателей в Пассаже. Читали: Достоевский, Писемский — так себе; Шевченко — поэт и художник, — наоборот, прекрасно. Зал был переполнен».

Выдающийся грузинский писатель Акакий Церетели, в ту пору бывший студентом Петербургского университета, встретился с Шевченко. Он рассказал украинскому поэту о жизни грузинского народа. Шевченко, выслушав рассказ Церетели, вздохнул и заметил: «Как много общего между вашим народом и украинским!» Впоследствии Церетели писал о Шевченко: «Встреча осталась для меня светлым воспоминанием на всю жизнь. Признаюсь, он первый дал мне понять, как надо любить родину и родной народ».

Шевченко была чужда мысль о какой-либо расовой или национальной исключительности. Все трудовые люди, независимо от национальности, были для него соратниками в борьбе против угнетателей. Когда в Петербурге гастролировал знаменитый негритянский трагик Айра Олдридж, Шевченко, плененный его талантом, подружился с ним. Олдридж часто приходил в мастерскую Шевченко. Тарас Григорьевич писал его портрет и при этом пел украинские народные песни. Олдридж отвечал ему негра-

тянскими. Так они понимали друг друга без слов. Украинского поэта, перенесшего столько тяжелых испытаний, волновало и возмущало то, что Олдридж был лишен возможности играть на своей родине: в Америке неграм доступ на сцену был закрыт, и актер, объезжавший с триумфом Европу, не мог показать свое искусство белым соотечественникам-американцам.

Шевченко был полон самых широких творческих планов, подготовил к изданию «Букварь» для украинских крестьян, готовил офорты, рисующие казарменную жизнь и быт украинской деревни. Особенно часто его мысли обращались к Украине, к ее подневольному народу, к родным, которые все еще были крепостными.

Русские литераторы во главе с Чернышевским принимали меры к облегчению участи родственников Шевченко — крепостных. Друзья Шевченко обратились с просьбой к помещику, владевшему родными Шевченко, освободить их «из уважения к литературе вообще и, в частности, к заслугам Тараса Григорьевича».

Но помещик соглашался отпустить на волю родных поэта, в том числе его любимую сестру Ярину, только без земли. Это обрекало их на голодную смерть.

Шевченко так и не увидел своих родных вольными. Они получили отпускную только после его смерти по царскому манифесту 1861 года.

Измученный лишениями ссылки, тюрьмами и солдатчиной, поэт задумал поселиться на Украине, среди той природы, которую он так любил и так воспевал. Но из этих планов ничего не вышло. Его сразила тяжелая болезнь (водянка). Утром 10 марта (н. с.) 1861 года Шевченко умер. Ему было всего сорок семь лет.

Не сразу исполнилось желание поэта быть похороненным на Украине. В холодный мартовский день над раскрытой могилой на Смоленском кладбище в Петербурге собрались многочисленные друзья.

Много было пролито слез над могилой, много сказано сердечных слов. Прощальные речи звучали на украинском, русском и польском языках. В похоронах участвовали Некрасов, Тургенев, Курочкин и другие известные писатели.

Н. А. Некрасов написал прочувствованное стихотворение на смерть Шевченко. Осуждая самодержавный режим, загубивший поэта, Некрасов писал:

Все он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость... В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом — с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Герцен, которому Шевченко за год до смерти переслал за границу «Кобзарь», поместил в зарубежном «Колоколе» проникновенный некролог.

Через сорок дней было получено разрешение перевезти тело поэта на Украину. На том месте, где Шевченко мечтал поселиться, высоко над Днепром, неподалеку от города Канева, схоронили народного певца.

Смерть Шевченко вызвала волну народных манифестаций. К могиле поэта стекались людские толпы, она стала символом объединения народных сил Украины. О могиле возникали легенды: говорили, что в ней зарыто оружие, которое в должный час возьмут в руки крестьяне-повстанцы и пойдут на царя и помещиков. Имя Шевченко и после его смерти вызывало страх и ненависть царских властей. В столетие со дня рождения поэта, в 1914 году, было запрещено чествование его памяти. В. И. Ленин писал по этому поводу: «После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»¹.

Народность поэзии Шевченко высоко ценили его друзья — революционные демократы. Добролюбов писал о нем: «Он — поэт совершенно народный... Весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслю, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

Максим Горький также отмечал неразрывную связь поэзии Шевченко с родным народом: «Шевченко, Пушкин, Мицкевич — люди, воплощающие дух народа с наибольшею красотой, силой и полностью».

В автобиографии поэта есть такие замечательные слова: «История моей жизни составляет часть истории моей родины».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 199.

Любовь к родине была у Шевченко неразрывно связана с любовью к трудовому народу.

В дошедшем до нас отрывке из драмы «Никита Гайдай» поэт воспевает высокие патриотические чувства:

В ком нет любви к стране родной,
Те сердцем нищие калеки,
Ничтожные в своих делах
И суетны в ничтожной славе.

Украинские писатели-демократы — И. Франко, М. Коцюбинский, Леся Украинка, Панас Мирный, Павло Грабовский и другие — свято хранили и продолжали революционные традиции своего учителя — Тараса Шевченко.

Великий украинский поэт сыграл огромную роль в развитии социального и национального самосознания угнетенного крестьянства.

Шевченко стал подлинным основоположником новой украинской литературы, до него имевшей только местное значение. Нет почти ни одного выдающегося украинского писателя-демократа XIX — начала XX века, который не заявлял бы о себе как об ученике Шевченко, не старался, подобно великому поэту, «поставить свое слово на страже» интересов угнетенного трудового народа. Прямою последовательницей Шевченко была та, которую он сам называл своей духовной дочерью, писательница Марко Вовчок, в конце 50-х — начале 60-х годов выступившая с рассказами из украинского и русского народного быта, высоко оцененными русской революционно-демократической критикой. У писательницы тот же враг, что у Шевченко, — крепостное право, те же героини, жертвы панского произвола, каких мы встречали у Шевченко. Если ей не удастся по свойствам таланта подняться до шевченковской силы, она не уступает ему в нежности по отношению к жертвам несправедливого строя. Для других украинских писателей второй половины XIX века чтение «Кобзаря» было событием, утверждавшим их в стремлении отдать свой талант на служение народу, стать на трудную стезю украинского литератора, действовавшего в еще больших тисках, чем передовые русские писатели. Самый крупный деятель украинской культуры и литературы Иван Франко весь свой творческий путь проходил, так сказать, под знаком Шевченко, в своих критических работах много сделав для правильного понимания произведений великого предшественника и в своем художественном творчестве продолжая его революционные традиции.

Создатель монументальных социальных романов, Панас Мирный еще в юности заявил, что один из главных стимулов к творчеству для него было знакомство с «Кобзарем»; в благоговейном отношении к «отцу Тарасу» вырастали и поэт-революционер Павло Грабовский, и мастер социально-психологической новеллы М. Коцюбинский, и Леся Украинка, о которой И. Франко писал, что со времен Шевченко украинские читатели не слышали столь «мужественного голоса», который раздался в стихах этой поэтессы в эпоху особенно острой борьбы с натиском буржуазной упадочнической литературы конца XIX и первых десятилетий XX века.

Так все передовое, все подлинно народное, что создавалось в украинской литературе второй половины XIX и начала XX века, связано с традициями Шевченко, с его поучительным примером беззаветного служения родине и страстной ненависти к врагам трудового народа.

11

Великий поэт украинского народа — революционер-демократ Тарас Шевченко, любимый и почитаемый ныне всеми народами нашей многонациональной советской родины,— поэт мирового значения.

В течение девяноста с лишним лет, прошедших со дня смерти поэта, образ его безмерно вырос и возвысился.

Это, конечно, не значит, что творчество Шевченко утратило украинскую специфику. Нет! Он был, остается и останется навсегда украинским поэтом, как Пушкин — русским, Мицкевич — польским, Данте — итальянским.

Это значит только, что наше понимание Шевченко углубилось вместе с ростом нашего сознания, вместе с пониманием той всемирно-исторической роли, которую украинский народ вместе с братским русским и другими народами СССР выполняет в процессе коренного преобразования всего мира.

Как ни странно, против утверждения мирового значения Шевченко не раз выступали украинские буржуазные националисты. Претендуя на роль представителей украинской нации и являясь на самом деле злейшими врагами украинского народа, они всячески пытались отгородить Шевченко от всех других народов (в первую очередь от русского), сделать из него некое «святое святых», куда никому, кроме них, нет доступа.

Националисты пытались доказать, что основное и главное в поэзии Шевченко — это его борьба за освобождение и независимость украинского, якобы «бесклассового» народа. Этим суживалось до крайности содержание его творчества. Достаточно прочитать произведения Шевченко в их совокупности, чтобы увидеть, что «основным» в них является не это.

И вообще нужно осторожно подходить к установлению «основных идей» какого-либо поэта. Поэт — человек, который развивается, меняется, вырастает. На примере Шевченко это легко увидеть.

На первых своих шагах музе Шевченко была не чужда некоторая идеализация украинского прошлого времен козаччины («було колись добре жити на цій Україні»). Идея противоположности классовых интересов возникла у него постепенно. Даже в «Гайдамаках» он думает, что «шляхта» и «хлопы» — по сути «одних отцов дети» («того ж батька діти»). Однако осознание настоящего заставило по-иному посмотреть и на прошлое. Стали ясно вырисовываться два лагеря: в одном паны независимо от их национального происхождения («в серебре и злате»), похожие на откормленных кабанов, пузатые, толстомордые; готовые пресмыкаться и перед шляхетской Варшавой и перед царской Москвой, рабы с кокардами на лбах; в другом — их жертвы, их противники, непримиримые враги — трудящиеся; и не только украинский народ, вся «бессловесная чернь», и русские солдаты, «накормленные, обутые и закованные в цепи», и народы Кавказа, и белорусы, и все население царской России, безмолвствующее «от молдаванина до финна на всех языках».

Большую ошибкою было бы рассматривать творчество Шевченко как нечто неподвижное и не учитывать его идейно-художественного роста. Величие поэта именно в том и заключается, что он развивался, что его стихийный революционный протест приобретал конкретное содержание, что этот крестьянский хлопец, воспитанник полуграмотных дьячков, захваченный в Петербурге великой волной русского прогрессивного движения, постепенно вставал в один ряд с самыми передовыми деятелями политической и философской мысли первой половины XIX века. В одной из своих статей о творчестве Шевченко это хорошо подметил и разъяснил другой крупный деятель украинской культуры Иван Франко: «Перед наплывом этих новых идей, прежние его (Шевченко.— Авт.) староказацкие идеалы бледнеют... его узкий украинский национализм постепенно претворяется сам собою, пере-

рождается в любовь ко всем славянам, угнетенным чужаками, а далее в любовь ко всем людям, угнетенным путами общественного неравенства, неправды и неволи».

Когда у нас говорят о «мировом значении» того или иного поэта, обычно начинают с собирания отзывов, исчисления изданий и переводов, подбора фактов, свидетельствующих о влиянии данного поэта на литературу других стран. Много таких фактов собрано и относительно Шевченко. Наиболее известны те, которые касаются русской культуры. Живейшее влечение к ней Шевченко нашло не менее живой отклик и со стороны ее деятелей — от Чернышевского и Добролюбова до Горького, от Горького до наших дней. Представители разнообразных течений и направлений в русской литературе сходились в симпатиях к Шевченко и в высоких оценках украинского поэта — Добролюбов и Аполлон Григорьев, Некрасов и А. Майков, Плещеев и Мей, Курочкин и Суриков, Полонский и Дрожжин, Лев Толстой и Лесков, Златовратский, Г. Мачтет, — всех и не перечислить. Произведения Шевченко переводились и широко расходились в массах русских читателей.

Известно, какое значение имело творчество Шевченко для прогрессивных деятелей западного и южного славянства — поляков, чехов, болгар, хорватов и других.

Освоение его творчества славянскими литературами проходило неравномерно. В Чехии, например, Шевченко стали переводить лишь с 1860 года и не ранее 1896 года появился подлинно художественный перевод Ружены Есенской, несколько раз переизданный позже. Нельзя не отметить, что именно в Праге в 1875—1876 годах появилось первое, более или менее полное издание «Кобзаря», какое и в XX веке все еще не могло появиться в царской России. В настоящее время Шевченко почти целиком доступен чешским читателям. Один из его переводчиков в издании 1946 года писал о значении украинского поэта: «То, что видел когда-то поэт в туманной дали — союз и братство всех славянских народов и освобождение трудящихся — стало действительностью и для нас, чехов, и для словаков».

Живой связью стал Шевченко между болгарской и украинской литературой. От Жинзифова, Каравелова, Славейкова до Крума Кюлявкова непрерывной нитью тянутся в болгарской литературе переводы Шевченко — поэта, ставшего одним из заочных участников борьбы болгар за политическое и социальное освобождение.

В приветствии, присланном Союзу советских писателей Украины в связи с 125-летием со дня рождения Шевченко, болгарские писатели говорили: «Часть огня, бушевавшего в поэзии Шевченко, перешла... в кровь и плоть болгарского народа в эпоху его национально-освободительной войны». Это писано до Великой Отечественной войны, это не устарело и сейчас.

В публикации новых переводов Шевченко благородно состязаются поэты стран народной демократии. Шевченко переведен на большинство языков народов Советского Союза. Шевченко переводили на немецкий, английский, французский, итальянский, шведский, каталонский, турецкий, новогреческий и другие языки.

Из всех украинских поэтов Шевченко наиболее известен в разных странах Европы и за пределами Европы вплоть до Китая и Индии.

Но можно ли только этим определить мировое значение Шевченко? Нет, это только одна сторона дела. Мировая слава Шевченко и мировое значение его творчества не тождественные понятия. Популярность еще не означает объективной ценности. Чтобы определить последнюю, недостаточно подобрать восторженные отзывы, сведения о переводах и об изданиях. Нужно, так сказать, взвесить Шевченко на весах истории.

Марксизм учит нас при разработке любого вопроса из области общественных явлений рассматривать его в определенных исторических рамках. Попробуем это сделать для Шевченко.

Для Шевченко эти рамки — конец 30-х и начало 60-х годов. Облик эпохи в общих чертах нам известен. На Западе — это время победоносного наступления капитализма, разрушающего так называемый «Священный союз». Это время, приводящее Францию после июльской революции 1830 года к освобождению от остатков «старого режима» и превращающее ее государственный строй в цензовую, парламентскую монархию, которую с своей стороны начинает расшатывать снизу непрерывное движение пролетарской массы. В 1848 году это движение достигает силы новой, февральской революции, в которой активно выступает пролетариат, не без труда подавленный буржуазией.

Во Франции эта эпоха выдвинула ряд поэтов. Еще накануне июльской революции прославился Беранже. Выразителем гнева и разочарования после неудачи июльской революции стал Барбье. Возвращаясь из ссылки, Шевченко с увлечением читал некоторые стихи этих поэтов в русских переводах.

В Германии наиболее ярко революционное движение отобразилось в творчестве Гейне. Ряд поэтов второстепенного значения от неустойчивого Гервега до преданного пролетарскому делу Веерта в разной степени отразили думы и чаяния передовых слоев общества.

В Англии с 30-х годов начинается «первое широкое подлинно массовое, политически оформленное, пролетарское революционное движение» (В. И. Ленин) — движение чартистов. Его поэтами были Э. Эллиот, Т. Купер, Э. Джонс, Дж. Масси.

В границах Российской империи после разгрома декабристов внешне как будто бы все спокойно.

Но неминуемая ликвидация феодального строя под влиянием роста капиталистических отношений встает угрозой перед правительством и господствующим классом. Царское правительство всячески пробует хоть задержать этот процесс. Но задержать ход истории невозможно. Можно разгромить «заговор идей», как называли известное дело петрашевцев, арестовать участников Кирилло-Мефодиевского братства, отдать Полежаева в солдаты, выслать молодого Салтыкова в Вятку, посадить на «съезжую» Тургенева за некролог о Гоголе, но не удастся положить конец крестьянским восстаниям, число которых, по официальным данным, с 1825 по 1854 год достигает 674.

Свирепствует цензура, запрещаются журналы, но ненапечатанное письмо Белинского к Гоголю распространяется в сотнях списков. Ничего нельзя сделать с растущей популярностью Гоголя и его последователей, с интересом к ненапечатанным стихам Пушкина и Лермонтова, с «отрицательным направлением», которое ширится в литературе, увлекает публику, потерявшую интерес к драмам Кукольника, к кудреватым стихам Бенедиктова.

С 1847 года Шевченко фактически выбыл из жизни, был изолирован от культуры, стал подобен Прометею, прикованному к скале на пределах античного света. Но он жил и писал, жадно ловил доходившие в его изгнание слухи и известия из России. Ссылка не сломила его, и по возвращении оружие его поэтического слова стало еще острее.

Попытаемся сопоставить его с русскими и зарубежными поэтами крестьянства и мелкобуржуазной демократии.

Немало было на Западе и до Шевченко и в его годы поэтов, отстаивавших интересы трудящегося народа. Но большинство этих поэтов требовало от господствующих классов сочувствия, сострадания, взывало к их совести, и никто из них — ни поэты-

чартисты, ни французские поэты июльской революции, ни вышедшие в 30—40-х годах во Франции, в Англии, в Германии «поэты из народа», поэты-ремесленники, поэты из крестьянской бедноты — не поднимались до высоты такого гневного, огненного, страстного протеста против всех несправедливостей строя, основанного на эксплуатации человека человеком, как Шевченко.

В истории мировой литературы первой половины XIX века Шевченко был, может быть, единственным поэтом, который целиком сосредоточился на идее освобождения трудящихся и выразил эту идею с несравненно силой поэтического слова, не зная никаких колебаний, никакого компромисса. Редко у кого была такая твердая вера, что *«будет правда на земле»*, должна быть, потому что иначе

Сонце встанет
I осквернену землю спалить!

Если бы Шевченко был только «мужицким поэтом», память о нем осталась бы в истории литературы, но он не стал бы тем, чем он является для нас и для всего мира.

Но этот якобы «мужицкий» поэт не был только «стихийным явлением». Он был революционером не потому только, что от деда и отца слышал песни про панщину и про восстание гайдамаков, не потому, что на себе самом испытал тяжесть крепостного рабства, а потому, что его мысль непрестанно работала над проблемой освобождения и, работая, встретила с тем, что думали самые передовые представители революционной мысли первой половины XIX века — от декабристов до петрашевцев, от Белинского до Герцена, от Герцена до Чернышевского.

Нет надобности преувеличивать значение Шевченко как поэта и мыслителя. Мы знаем, что не сразу он явился таким титаном, которого мы видим теперь, через много десятилетий после его кончины.

Его поэтическое мастерство несомненно, но несомненно и то, что в XIX веке было немало поэтов с большим, чем у Шевченко, мастерством в области эпоса, с большей способностью создавать характеры, с большим даром психологического анализа. В своем творчестве Шевченко прежде всего лирик, который всегда кипит, бушует, плачет, проклиная, умиляется, перебивает самого себя и в конце концов в своих балладах, поэмах, повестях показывает нам прежде всего себя самого и — более свое отношение к героям, чем самих героев.

Является ли это его недостатком? Нет, именно в этом его сила, то, что нас больше всего к нему привлекает: непрестанное волнение, кипение; огонь. При этом Т. Шевченко отнюдь не монотонен. Не забудем, что гневный поэт, автор «Сна», «Кавказа», «Подражания Осии», «Погибнешь, сгинешь, Украина» и других обличений существующего строя и его прислужников, в то же время был автором стихотворений мягких и нежных вроде стихотворения «Вишневы садик возле хаты», трогательных обращений к детям и матерям — самому священному для него в мире. Изучение его словаря показывает, что наиболее частым в нем словом является слово «мать» (326 раз), за которым следуют слова о детях (діти, дитяточко, дитинка и т. д.), что он нередко обращается к слову «слезы» (164 раза) и что вообще рядом с гневом и ненавистью в его поэтической душе живет глубокая нежность, умиленное преклонение перед страдающими (к образам которых он прилагает обычно слово «святой»); святыми у него являются и «покрытки», и ссылаемые в Сибирь каторжники, и солдат-инвалид в поэме «Солдатов колодец», и писательница Марко Вовчок, возвысившая голос против крепостного рабства, и декабристы, и Лермонтов («святой великомученик, пророк божий»).

Яростный гнев и кроткая нежность живут в душе Шевченко, и это противоречивое единство и разрастается к концу его творчества. Украинский язык богат уменьшительно-ласкательными формами слов; ими широко пользуется Шевченко, чередуя их с нарочито грубыми и жесткими словами, когда ему приходится говорить не о жертвах, а о врагах.

Его поэзия в первой половине XIX века — образец подлинно революционной поэзии. Он призывал бороться за лучшее будущее и твердо верил в торжество правды. Он не видел, не мог видеть конкретно той силы, которая приведет человечество к социализму. Тем не менее он понимал, какое значение будет иметь развитие техники для разрушения старого строя. Он понимал обреченность русского самодержавия и, не имея представления о диалектическом материализме, чувствовал, что в основе исторического процесса лежит непрерывное движение (см. в «Гайдамаках»: «Все в мире проходит, живет, умирает... Куда ж оно делось? Откуда взялось?» и т. п.). В поэтическом прозрении он изображал будущее так, что и сейчас эти картины волнуют всех читателей, всех, кто борется за мир, за народную демократию и за победу коммунизма. Разве не о нашей современности говорит он своими вещими словами:

И ширь пустыни неполютой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, и озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

Давно отмечена перекличка этих стихов Шевченко со стихами Некрасова, с одним из «снов» Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?» В 50-х годах XIX века это было «утопией»; в 50-х годах XX века в нашей стране это стало действительностью. И ни у кого это не было выражено с такою страстностью, как у великого украинского поэта. Думал ли он, создавая эти стихи, только о своей родной Украине? Да, конечно, он думал и об Украине. Но в то же время и о раскованных невольниках всего света, которые сойдутся широкими свободными путями со всего мира на праздник новой жизни. В том-то и заключается величие Шевченко, что он в национальном своем искусстве показал красоту и силу общечеловеческого.

Мировое значение Шевченко определяется не его исключительностью, а своеобразием его жизненной судьбы и его поэтической индивидуальности. Об этом в 1914 году хорошо сказал Иван Франко:

«Он был крестьянский сын и стал князем в царстве духа. Он был крепостным и стал великой силой в совокупности человеческих культур... От терпел десять лет от российской военщины и сделал больше для свободы России, чем десять победоносных армий.

Судьба преследовала его всю жизнь, но не покрыла ржавчиной золота его души, не превратила его любви к человечеству в ненависть, его веры — в отчаяние.

Судьба не скупилась для него на страдания, но не подавила его радости, которая была в нем здоровым ключом жизни.

Но наилучший, самый драгоценный дар судьба дала ему уже по смерти — бессмертную славу и вечно новое наслаждение, которое доставляют его произведения миллионам человеческих сердец».

*Александр Белецкий
Александр Дейч*

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я
И
П О Э М Ы

1837—1847

ПОРЧЕНАЯ

Широкий Днепр ревет и стонет,
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет.
А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал.
Как челн, настигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.
Еще в селе не просыпались,
¹⁰ Петух зари еще не пел,
Сычи в лесу перекликались
Да яшень гнулся и скрипел.

В этот час у темной чащи —
Внизу под горою —
Что-то белое мелькает,
Бродит над водою.
То ль русалка мать родную
Ищет среди ночи,
То ли хлопца поджидает,—
²⁰ Встретит — защекочет.
Не русалка, нет,— дивчина
Порченая бродит,
И сама о том не знает,
Что с ней происходит.
Вот что сделала колдунья,
Чтоб не тосковала,
Чтобы сонная бродила,

Ночью поджидала
Казака, что вдаль уехал,
30 Что ее покинул.
Обещал он возвратиться,
Да, как видно, сгинул!
Не китайкой ему очи
Люди принакрыли,
И лицо его не слезы
Девичьи омыли:
Черный ворон вынул очи
В том ли чистом поле,
Тело волки разорвали,—
40 Вот казачья доля
Видно, зря дивчина бродит,
Друга ожидает.
Чернобровый не вернется
И не приласкает,
Косу ей не расплетет он,
Платок не повяжет;
Не в постель, а в домовину
Сиротина ляжет!

Такой ее жребий... О, боже мой милый!
50 За что на беднягу наслал ты беду?
За то, что всем сердцем она полюбила
Казакские очи?.. Прости сироту!
Кого же любить ей? Она одинока,
Одна, словно пташка в далеком краю.
Пошли ты ей счастье, пошли черноокой,
Не то ее люди совсем засмеют.
Виновна ль голубка, что голубя любит?
Виновен ли голубь, что мертвым упал?
Летает подружка — воркует, тоскует,
60 Зовет и не знает, где он запропал.
И все же ей легче: она ведь летает,—
Помчится и к богу — о милом узнать.
А та — сирота — у кого распытает,
И кто ей расскажет, и кто о том знает,
Где милый: поит ли коня на Дунае?
Собрался ли в темном лесу ночевать?
А может,— с другой он, другую ласкает,

Ее же он начал уже забывать?
Когда б она птицей была быстрокрылой,—
70 Весь мир облетела б, а друга нашла;
Коль жив он — любила б, а ту задушила б,
Коль умер,— с ним рядом в могилу легла.
Не так любит сердце, чтоб с кем-то делиться,
Не так оно хочет, как богом дано:
Дано ему в жизни страдать и томиться
Но жить и томиться не хочет оно.
Такая твоя уж, о господи, воля,
Такое и счастье у бедной, и доля!

Все бродит — молча, как немая.
80 Угомонился Днепр ночной;
У моря ветер отдыхает,
Развев тучи над землей.
Сверкает месяц в небе чистом;
И все — и Днепр, и лес тенистый —
Полно глубокой тишиной.
Как вдруг русалочки над плёсом
Поднялись, выплыв из Днепра
(Нагие; из осоки — косы),
Кричат: «Погреться нам пора!»
90 «Пора! — ушло уж солнце за-лес...»

Их мать спросила: «Все собрались?
Идемте ж ужин добывать.

Поиграем, погуляем,
Попоем, пораспеваем:
Ух, ух!

Соломенный дух, дух!

Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила.

Месяц ясный!

100 Голубочек наш!
Иди скорей вечерять к нам:
Лежит казак в пещере там,
Он в пещере на песке
И с колечком на руке;
Молодой он, чернобровый,—
Мы нашли его в дуброве.

Свети дольше в чистом поле,—
Погулять хотим мы вволю.
Пока ведьмы здесь летают,
110 Петухи не запевают,
Посвети нам... Кто там бродит?
Что у дуба происходит?
Ух, ух!
Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила».

На все лады гогочет нежить...
Лес отозвался; гам и крик,—
Сошли с ума, иль кто их режет, —
120 Несутся к дубу напрямик...
Вдруг они остановились,
Смотрят: у опушки
Кто-то лезет вверх по дубу
До самой макушки.
Это ж та, что под горою
Сонная бродила:
Вот какую злую порчу
Ведьма напустила!
Взобралась, на зыбких сучьях
130 Молча постояла,
На все стороны взглянула
И спускаться стала.
А русалочки у дуба
Ее поджидали;
Слезла — взяли сиротину
И защекотали.
Долго, долго любовались
Девичьей красою...
А запел петух — мгновенно
140 Скрылись под водою.
Поднялся над полем с песней
Жаворонок ранний,
А ему кукушка с дуба
Вторит кукованьем;
Соловей в кустах защелкал —
Эхо отвечает;

За горой краснеет небо;
Пахарь напевает.
Лес чернеет, где походом
150 Шли когда-то паны;
В дымке утренней синеют
Дальние курганы;
Зашептались лозы, шелест
Прошел по дуброве.
А дивчина спит под дубом
У большой дороги.
Спит, не слышит кукованья,
Глаз не открывает,
Сколько лет ей жить на свете —
160 Уже не считает.

Той порою из дубровы
Казак выезжает;
Добрый конь устал в дороге
И едва ступает.
«Притомился, друг мой верный! —
Дом уж недалеко,
Где ворота нам дивчина
Распахнет широко.
А быть может, распахнула
170 Да не мне — другому...
Поспешай же, мой товарищ,
Торопись до дому!»
Конь шагает через силу, —
Ступит и споткнется.
А на сердце тошно — словно
Гадина там вьется.
«Вот и дуб знакомый... Боже!
То ж — она, касатка! —
Знать, заснула, ожидая,
180 Знать, жилось не сладко!»
Соскочил с коня и — к дубу:
«Боже ж ты мой, боже!»
Он зовет ее, целует...
Нет, уж не поможешь!
«Да за что же разлучили
Люди нас с тобою?»

Разрыдался, разбежался
Да — в дуб головою!

- Идут дивчата утром ранним,
¹⁹⁰ Идут с серпами — жито жать;
Поют — как бились басурмане,
Как провожала сына мать.
Идут, знакомый дуб все ближе...
Понурый конь под ним стоит,
В траве казак лежит, недвижим,
Дивчина рядом с ним лежит.
Их, ради шутки, захотели
Дивчата малость поугасть.
Но подошли и... онемели,
²⁰⁰ И в страхе бросились бежать.

Как собралися подружки,—
Слезы вытирают;
Как товарищи собрались,—
Две ямы копают;
А пришли попы с крестами.—
В церкви зазвонили.
Их обоих честь по чести
Люди схоронили.
У широкой у дороги,
²¹⁰ В поле закопали.
А за что они погибли —
Так и не узнали.
На его могиле явор
И ель посадили,
А червонную калину —
На ее могиле.
Днем кукушка прилетает
Куковать над ними,
А ночами — соловейка
²²⁰ С песнями своими.
Он поет, пока сверкает
Месяц над землею,
И пока не выйдут греться
Русалки гурьбою.

{Петербург 1837 (?)}

* * *

Ветер буйный, ветер буйный,
С синим морем споришь,—
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем.
Оно милого, бывало,
На волне качало;
Далеко ли сине море
Милого умчало?
Если друга утопило,—
10 Разбей сине море;
Пойду искать миленького,
Топить свое горе.
Утоплю свою недолю,
Русалкою стану,
Поищу в пучине черной,
На дно моря кану.
Найду его — прильну к нему,
На груди землю.
Неси меня, море, с милым,
20 Куда ветер веет!
Если милый там, за морем,—
Ты, мой буйный, знаешь,
Как живет он, где ночует,
Ты его встречаешь.
Если плачет — и я плачу;
Нет — я распеваю;
Коль погиб мой чернобровый —
И я погибаю.

Тогда неси мою душу
30 Туда, где мой милый,
И поставь калиной красной
Над его могилой.
Будет легче сиротине
В могиле постылой,
Если милая склонится
Цветком над могилой.
И цветком я и калиной
Цвести над ним буду,
Чтоб не жгло чужое солнце,
40 Не топтали люди.
На закате погрузу я,
Всплакну на рассвете;
Взойдет солнце — вытру слезы,
Никто не заметит.

Ветер буйный, ветер буйный,
Ты ведь с морем споришь,—
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем...

[Петербург 1838]

**ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
КОТЛЯРЕВСКОГО**

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину,
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где ж соловушка сокрылся?
Да где же? Кто знает.
Вспомнишь горе — позабудешь:
¹⁰ Отошло, пропало;
Вспомнишь радость — сердце вянет;
Зачем не осталось?
Погляжу я да припомню:
Как начнет смеркаться,
Запоет он на калине —
Все молчат, дивятся.
Иль богатый да счастливый,
Кто судьбой-судбиной
Облюбован, избалован,
²⁰ Станет пред калиной;
Иль сиротка, что работать
Встает до рассвета,
Остановится послушать,
Словно в песне этой

Мать с отцом ведут беседу,—
Сердце бьется; любо...
Всё на свете, точно пасха,
И люди как люди.

Или девушка, что друга
30 Долго поджидает,
Вянет, сохнет сиротою,
Как быть ей — не знает,
На дорогу выйдет глянуть
И поплакать в лозы;
Чуть соловушка залется —
Высыхают слезы;
Послушает, улыбнется,
В лесу погуляет —
Точно с милым говорила.

40 А он не смолкает,
И кажется, будто он молится богу,
Пока не выходит злодей погулять
С ножом затаенным,— и эхо над логом
Пойдет и замолкнет: к чему распевать!
Жестокую душу смягчить ли злодею!
Лишь голос истратит, к добру не вернет;
Пусть тешится злобный, пока, холодея,
Не сляжет, коль ворон беду предречет.

Заснет долина. На калине
50 К утру соловушка заснет,
Повеет ветер по долине,
И эхо по лесу пойдет.
Гуляет эхо — божье слово...
Бедняги примутся за труд.
Стада потянутся в дубровы,
Дивчата по воду пойдут,
И солнце глянет — краше рая,
Смеется верба — свет зари,
Злодей опомнится, рыдая.

60 Так было прежде... Но смотри:
Солнце греет, ветер веет,
С поля на долину;
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;

На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где соловушка сокрылся?
Да где ж он? кто знает.

- Недавно, недавно над всей Украиной
70 Старик Котляревский вот так распевал;
Замолк он, бедняга, сиротами кинул:
И горы и море, где прежде витал,
Где ватагу твой бродяга
Водил за собою,
Все осталось, все тоскует,
Как руины Трои.
Все тоскует. Только слава
Солнцем засияла.
- 80 Жив kobзaрь — его навеки
Слава увенчала.
Будешь ты владеть сердцами,
Пока живы люди;
Пока солнце не померкнет,
Тебя не забудем!
- Ты, душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встретить!
В сиротстве не брось, как ты бросил
дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.
- 90 Пускай улыбнется душа на чужбине,
Хоть раз улыбнется, увидев, как ты
С единственным словом приносишь и ныне
Казацкую славу в дом сироты.
Орел сизокрылый, вернись! Одиноко
Живу сиротою в суровом краю;
Стою пред морскою пучиной глубокой,
Море переплыл бы — челна не дают.
Припомню я родину, вспомнив Энея,
Припомню — заплачу; а волны, синяя,
- 100 На тот дальний берег идут и ревут.
Я света не вижу, я точно незрячий,
За морем, быть может, судьба моя плачет,
А люди повсюду меня осмеют.

Пускай улыбнется душа на чужбине —
Там солнце, там месяц сияет ясней,
Там с ветром в беседу курганы вступают,
Там с ними мне было бы сердцу теплей.
Ты, душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встреть!
¹¹⁰ В сиротстве не брось, как ты бросил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.

[*Петербург 1838*]

* * *

Течет вода в сине море,
Да не вытекает;
Ищет казак свою долю,
Нигде не встречает.
И пошел казак по свету.
Буйно сине море,
Буйно сердце казацкое,
Разум с сердцем спорит:
«Куда пошел, не спросился?»
10 На кого покинул
Отца и мать родимую,
Милую дивчину?
На чужбине не те люди,
С ними жить не сладко;
Не с кем будет слово молвить,
Не с кем и поплакать».
Грустит казак на чужбине,
Буйно сине море,
Думал счастье где встретится,—
20 Повстречалось горе.
А журавли летят себе
К чужедальним странам.
Плачет казак,— все дороги
Заросли бурьяном.

[Петербург 1838]

* * *

Тяжко, тяжело жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприятно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
10 Колосья собирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Все богатого встречают,
Кланяясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый,—
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
20 Свысока ответит.
«Иль тебе не нравлюсь силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко,
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,

- Как вспомнишь порою.
Я покинул край родимый —
30 Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтелый». —
И ушел казак далеко,
Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал — смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжело на чужбине
40 С жизнью распроститься!

Гатчина
2 ноября 1838 года

* * *

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..

Ведь вас горе на свет на смех породило.
¹⁰ Поливали слезы... Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле?..
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклинаяю долю,
Почему томлюся. «Ничего, иди!» —
Не сказали б на смех...

Цветы мои, дети!
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,
Как я с вами плакал... Может, угадал?..
²⁰ Может, карие найдутся
Молодые очи,
Что заплачут с вами, думы,—
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...

И... пан над панами!..
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!..

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
30 Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи...
И поля, и те курганы,
Что на Украине...
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине...
40 На совет казачье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Сзывать не хотело...
Пусть же там, на Украине,
Души их витают,—
Там веселье, там просторы
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
50 Степь и степь, режут пороги,
И курганы — горы.
Родилась там, красовалась
Казачья воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом поле,
Прилегла: устала.
И курган высокий вырос,
Пока отдыхала.
60 И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают.

Распевают про былое,
Убоги, незрячи,—
Петь умеют... А я... А я...
Только горько плачу,
Только плачу об Украине...
А слов не хватает.
70 А про горе... Да чур горю!
Кто его не знает?!
А кто пристально посмотрит
На людей душою,—
Ад ему на этом свете,
На том же...

Тоскою

Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пускай злыдни живут три дня,—
Я их закопаю.
80 Закопаю, пусть у сердца
Грусть змеей свернется,
Чтобы враги не видели,
Как горе смеется...
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и кричит,
А сердечко соловейком
И поет и плачет
Тихо,— люди не увидят
И не посмеются...
90 Слез моих не утирайте,
Пусть ручьями льются,
Пусть они чужое поле
Моют дни и ночи,
Пока попы не засыпят
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж сироте завидует,
Карай того, боже!

100 Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ваш кров на свете?
В край родной идите, дети!
К нам на Украину,
Сиротине ж на чужбине
Гибнуть мне — судьбина.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
110 Там найдете, дети, правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна!
Моя Украина!
Моих деток неразумных,
Как родного сына.

{*Петербург 1839*}

ПЕРЕБЕНДЯ

Перебендя — седой, слепой —
Кто его не знает?
Он по белу свету бродит,
На кобзе играет.
Кто ж играет, — того знают,
И все им довольны.
Грусть он людям разгоняет,
Хоть самому больно.
Под забором горемыка
10 Днюет и ночует,
Так судьба над ним смеется, —
Бродит он, бедует,
Хоть бедует, да не тужит,
Не ведая крова,
Сядет себе да затянет:
Не шуми, дуброва!
А затянет, сразу вспомнит,
Что он — сиротина,
И тоскует и горюет,
20 Сидючи под тыном.

И чудак же Перебендя, —
С ним порой бывает:
Начинает про *Чалого*,
Горлицей кончает.
С дивчатами на выгоне
Он поет *веснянку*,

А в шинке он распевает
 С хлопцами *Шинкарку*,
 На пирушке с женатыми
³⁰ (Где свекруха злая) —
 О дивчине, злой судьбине,
В роще напевает,
 На базаре — о *Лазаре*,
 Или, чтобы знали,
 Грустно, скорбно он затынет,
 Как Сечь разоряли.
 И чудак же Перебендя,—
 С ним порой бывает:
 Запевая — он смеется,
⁴⁰ Слезами — кончает.

Ветер веет, повеваает,
 По полю гуляет.
 На кургане кобзарь сидит,
 На кобзе играет.
 Вокруг него степь, как море
 Вольное, синее,
 За курганами курганы
 Вдалеке темнеют.
 Чуб седой, усы седые
⁵⁰ Ветер развеивает,
 Уляжется, послушает,
 Что кобзарь играет,
 Как сердце смеется, хоть и плачут очи...
 Послушает ветер... повеет опять...
 Кобзарь в далях скрылся,
 слепой, старый хочет,
 Чтобы людям было его не слышать,
 Чтоб ветер развеял в степях его слово,—
 Ведь сердце тихонько с богом говорит,
⁶⁰ Ведь сердце щебечет господнюю славу...
 А дума вкруг света на тучке скользит.
 Орлом сизокрылым летает, ширяет,
 Голубое небо широкими — бьет,
 Отдохнет на солнце, у него узнает,
 Где оно ночует, как оно встает,
 Беседует с морем — с волной на просторе,

С горой: «Что молчишь ты, мне дай свой ответ?»
И на небо снова: где земля — там горе,
Земля хоть без краю, хоть обширен свет,
70 А крова не даст он тому, кто все знает:
О чем спорят волны, где солнце блуждает,—
У солнца ведь тоже прибежища нет.
И он — будто солнце — один и высоко.
Известен он людям лишь тем, что живет.
А если бы знали, что он — одинокий —
С морем через степи беседу ведет,
Святую беседу люди б осмеяли,
Его б разбранили и прочь бы прогнали.
Сказали бы люди: «Пусть к морю идет!»
80 Хорошо, слепой да старый
Кобзарь, поступаешь,
Что с простором в разговоры
Тихонько вступаешь.
И ходи себе, мой голубь,
В степь, в степные дали,
Пока ты жив, чтобы люди
Песен не слыхали.
А тебя чтоб не чурались,
Потакай им, старый,
90 Скажи, враже, как пан скажет:
Богат пан не даром.

И чудак же Перебендя,—
С ним порой бывает:
Начинает свадебною,
А грустной кончает.

[Петербург 1839]

КАТЕРИНА

*Василию Андреевичу Жуковскому
на память 22 апреля 1838 года*

I

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями.
Москали — чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали.
А дивчина погибает
В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
10 Кляня долю злую,
Но, бывает, за собою
Тянет мать родную.
Если есть за что увянуть —
Сердце с песней вянет,
Хоть никто о том не спросит
И жалеть не станет.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
20 Москали — чужие люди,
Смеются над вами.
Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —

С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.
Полюбила молодого,
В садик выходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.

- Мать звала вечерять дочку —
30 Дочка не слыхала:
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Много ночек кари очи
Крепко целовала,
Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Но пускай дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
40 Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась,—
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли.
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.
Обещался чернобровый:
50 Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь,
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —
Слезы вытирает,
А на улице дивчата
60 Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина,
А ночной порою

Берет ведра молчаливо,
Идет за водою,
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,
Тихо станет под калиной,
Запоет о *Грице*.
Так зальется, что калина
70 Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина,
Ничего не знает,
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело.
Захворала Катерина,
80 Слегла, ослабела.
Занедужила, бедняжка,—
Еле-еле дышит...
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
«Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
90 Стройна и красива,
И не зря она качает
Солдатского сына:
Что искала — получила...
Уж не ты ль учила?..»
Дай вам боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как дивчину, что вам на смех
Сына породила!

Катерина, мое сердце!
100 Ой, беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С горьким сиротою?

Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться!

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу,
Под окном ласкает сына,
110 Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет?..
Хоть бы в сад пошла поплакать —
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина
В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
120 Здесь его встречала,
А вон там... сынок, сыночек!..»
И не досказала.

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни.
В тихий садик Катерина,
Как и прежде, вышла.
Но уже не запеваёт,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
130 Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали,
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты...
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,

¹⁴⁰ И ему не видно,
Как враги над ней смеются
И как ей обидно.
Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?
Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
¹⁵⁰ Нигде он не сыщет.
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.
Черны брови, кари очи,
Молодая сила.
Только счастье мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья ты на свете,
¹⁶⁰ Как в поле цветочек:
Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами!
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился
И на свет смотреть не хочет,
¹⁷⁰ В думу погрузился.
На скамейке, возле мужа,
Села мать старуха
И, слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
«Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?»

Где жених запропастился?
Куда делись сваты?
Все в Московщине. Ступай же,
180 Там проси защиты,
А о матери родимой
Людям промолчи ты.
Знать, в несчастную годину
Тебя породила.
Коли б знала, что случится,—
Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
190 Мой цветочек ясный!
Словно ягодку на солнце,
Я тебя растила.
Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?..
Что ж... ступай в Москву к свекрови!
Так уж, видно, нужно,—
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
200 Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся,
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края...
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
210 Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?..
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек вешний!..
Что ж... иди!»

И пошатнулась,
В путь благословляя:

«Бог с тобою!» — и упала,
Словно неживая...
220 «Уходи! — прибавил старый.—
Что остановилась?..»
Зарыдала Катерина,
В ноги повалилась:
«Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!»
«Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!»
230 Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет».

Еле встала, псклонилаь,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики сироты.
В тихом садике вишневом
Помолилась богу
И взяла щепоть землицы
С собою в дорогу.
240 «Не вернусь я в край родимый.—
Катря говорила,—
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу.
Но пускай своей хоть малость
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Людам пусть расскажет...
Не рассказывай, не надо,
Где б ни закопали,
250 Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь... Он вот скажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Матерь пресвятая?
Знать найду приют навеки
Под тихой водою.

Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
260 Без отца!..»

Идет Катруся.

Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет,
Назад оглянулась —
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.
Стала в поле, словно тополь
270 У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина,
Только крепче прижимает
Да целует сына.
А сыночек-несмышлениш
Не знает заботы:
Ищет пазуху ручонкой
280 Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село,
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали.
Только тех речей родные
Уже не слышали...

Вот что делают на свете
290 Людям сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит.
А за что? Господь их знает!
Глянешь — свет широкий,
Только негде приютиться
Людям одиноким.
Одному даны просторы

От края до края,
А другому — три аршина,
300 Могила сырая.
Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,
С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?
Есть на свете люди —
310 В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают —
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся —
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж золото,
Богачами станьте,
А горькие слезы
320 Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!

III

Кричат совы, спит дуброва.
330 Звездочки сияют.
У дороги в свежих травах
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла —

Кого счастье, кого горе
За день утомило.
Собрала всех, уложила,
Словно мать колышет...
Где ж Катруся приютилась,
340 Под какую крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Брови черные, вам лучше б
Вовсе не родиться,
Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что-то дальше будет с нею?
350 Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги...
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына,
Или отвернется?
С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!
Он и встретит и приветит,
360 Как свою родную.

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного...
А пока что разузнаем,
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
370 Дай бог век не мерять!..
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: «Врет он — и признаться
В том, что врет, не хочет.

Слова тратит понапрасну
Да людей морочит...»
Правда, люди, правда ваша!
Вам какое дело
До того, что мое сердце
380 Выплакать хотело!
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо...
Чур же, хватит! А покамест
Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе,
Чтобы после снилось,—
Да ну его, братцы, к бесу!
390 Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки шагают,
Пугача в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодица —
С богомолья, что ли...
Отчего ж печально смотрит,
400 От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поровнялась,
Малыша прикрыла.
«Укажите, где дорога
На Москву?» — спросила.
«На Москву? Вот эта будет.
410 А идешь далеко?»
«До Москвы я... Христа ради
Дайте одинокой!»
Попросила, застыдилась:
Ой, как брать ей тяжело!

И не надо б... да ребенок
Голоден, бедняжка!
Обливаясь слезами,
Пошла, заспешила.
В Броварах медовый пряник
420 Ивасю купила...
Шла Катруся. У прохожих
Путь разузнавала.
Приходилось — под забором
С сыном ночевала.

Вот на что Катрусе — дивчата, смотрите,
Глазагодились, — слезы проливать!
Кайтесь-зарекайтесь, учитесь, живите,
Чтоб не довелось москаля искать,
Чтоб не блуждать вам, как она блуждает,
430 Не спрашивать после — за что осуждают,
За что не пускают в хату ночевать.
Что же спрашивать напрасно!
Люди разве знают!
Кого сам господь карает,
И они карают...
Люди гнутся, словно лозы,
Куда ветер веет.
Сиротине солнце светит —
Светит, да не греет.
440 Но и солнце б люди скрыли,
Если б сил хватило, —
Чтоб несчастной не светило
Да слез не сушило.
А за что, отец небесный,
Такая награда?
В чем бедняга провинилась?
Чего людям надо?
Чтобы плакала, томилась...
Не плачь, Катерина!
450 Горьких слез не лей при людях,
Терпи, сиротина!
А чтоб личико не блекло
С черными бровями,

До зари в лесу дремучем
Умойся слезами!
Умоешься — не увидят
И не насмеются.
И вздохнет свободней сердце,
Пока слезы льются.

460 Вот какое горе может повстречаться:
Поиграл и бросил Катрусю москаль!
Недоля не видит, к кому приласкаться,
А люди хоть видят, да людям не жаль:
«Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,
Коли не умела себя уважать!»
Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину
И вам москаля не пришлось бы искать!

Где же Катря бродит?
Под забором ночевала,
470 До зари вставала.
До Москвы дойти спешила —
Вдруг зима настала.
Свищет в поле завируха,
Тяжко Катерине:
В рваной свитке, в лаптях старых
На морозе стынет.
Идет, смотрит Катерина —
Что-то там мелькает?
Москали, наверно, едут...
480 Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
«Может быть, видали,
Где Иван мой чернобровый?»
«Не знаем!» — сказали.
Насмеваются над нею,
Шутят, озоруют:
«Ай да баба! Ай да наши!
Хоть кого надуют!»
Поглядела Катерина:
490 «Ой вы, люди, люди!..
Успокойся, мой сыночек!
Что будет, то будет.

Побредем с тобою дальше —
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище».

Поднялась навстречу выюга
С буйными ветрами.
500 Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:
Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
510 Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась,
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет,
А под лесом чья-то хата
Прямо перед нею.
«Пойдем, сын мой... Скоро вечер...
Пустят, может статься.
А не пустят — у порога
520 Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Как меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,
С собаками вместе!
Злы собаки — покусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
530 Злобно насмехаться...
Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться?»

Есть на свете счастье у собаки даже:
Ласково встречают сироту порой;
Побьют, поругают, но никто не скажет
Ничего худого о его родной.
А этому скажут, грязью забросают,
Не дадут подняться — заключут, забудут...
На кого собаки на улице лают?
540 Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый...
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают...

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с белой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завейанный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать.
550 Сквозь тучи робко поглядело
На землю солнышко с небес.
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Воет, свищет завируха,
Ревет над землю,
В белом поле, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
560 Только разве выйдешь!
Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!
«Вот так вьюга! Завируха!
Тут уж не до леса!..
Что такое?.. Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит.
А может, за делом,

Может, москали, Ничипор?
570 Все от снега белы!»
«Москали? — У Катерины
Руки затряслися.—
Где они, мои родные?»
«Да вон там, взглядися!»
Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
580 До света металась...
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один, верхами.
«Ой ты, горе, ой ты, доля!»
Как вперед заглянет,
Видит — первым едет старший.
590 «Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!
Словно в воду канул...»
Ухватилась за стремя,
А он и не глянул.
На ходу коня пришпорил...
«Что ж спешишь ты очень?
Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
600 Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну».
А он — будто и не видит,
Погоняет, скачет.
«Пожалей меня, голубчик!
Видишь, я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, взглядися!
Видит бог, что я — Катруся!»

610 «Дура, отвяжися!
Прочь безумную возьмите!»
«Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?»
«Уведите! Что стоите?»
«Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
620 В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила?
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану...
С другою встречайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что тебя ласкала,
Народила тебе сына,
630 Позор принимала,
Принимала-горевала,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки —
Не покинь хоть сына!
Не покинешь? Не оставишь,
Как меня когда-то?..
Ты его сейчас увидишь...» —
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
640 Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит сиротина.
«Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Куда ты девался?..
Нет... уехал... От родного
Сына отказался...
Боже мой, куда ж я денусь
С горьким сиротою?
Ой, москалики, возьмите,
650 Возьмите с собою!

Не чурайтесь, не дайте
Погибнуть родному.
Отвезите сиротину
К своему старшому!
Если сына он покинул,
То и я покину.
Пусть отца не покидают
Горе да кручина.
Сын мой! Я в грехе великом
660 Тебя породила,
Вырастай же на смех людям! —
И в снег положила. —
Поищи отца родного,
А я — наискалась...»
Да с дороги — прямо в чашу,
А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б, да на горе
670 Люди подобрали.

Бежит по лесу босая,
И в сугробах тонет,
То Ивана проклиняет,
То просит, то стонет.
До опушки добежала —
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
«Прими, боже, мою душу,
680 А ты — мое тело!..»
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла, что искала...
Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.

То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает.

То не горе, то не злое,
690 Что мать умирает.
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —
Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
700 А тому на белом свете —
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось?
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали? —
Подарила их, не скрыла...
710 Лучше б полиняли!

У

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою,
Мальчик чернобровый.
Головой на грудь склонился,
Дремлет, засыпает.
А тем временем *Исуса*
Кобзарь напеваеѣ.
Кто проходит, тот не минет —
720 Грош иль бублик кинет;
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
«Голый, босый, хилый.
Мать дала такие брови —
Счастье дать забыла!»

Едет пышная карета
В Киев шестернею,
Господин сидит в карете
730 Со своей семьею.
Вот она остановилась
Перед бедняками.
Подбежал Ивась к оконцу,
Замахал руками.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся
Сразу от Ивана.
Он узнал и эти брови,
740 Он узнал и очи;
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
«Как зовут?» — спросила пани.
«Ивась». — «Какой милый!»
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло...
Посчитали, что собрали,
Потихоньку встали,
Помолилися на солнце,
750 Пошли, зашзгали.

[Петербург 1839]

ТОПОЛЬ

В темной роще ветер воеет,
По полю гуляет,
Он на тополь налетает,
К земле пригибает.
Стан высокий, лист широкий
Зачем зеленеет!
Кругом поле, словно море,
Широко синеет.
Поглядит чумак на тополь,
10 Сердцу грустно станет;
Чабан утром с сопилкою
Сядет на кургане,
Глянет — и душа заноеет:
Кругом ни былинки!
Гибнет тополь, как в неволе
Гибнет сиротинка!

Кто же наградил беднягу
Судьбою проклятой?
Погодите, все скажу вам,
20 Слушайте ж, дивчата!

Полюбила пригожая
Казака дивчина,
Полюбила, только милый
Ушел, да и сгинул...

Кабы знала, что покинет,
Его б не любила;
Кабы ведала, что сгинет,
Его б не пустила;
Кабы знала, за водою
30 Поздно б не ходила,
Не стояла б до полночи
Возле вербы с милым;
Кабы знала!..

И то горе —
Если знать да ведать,
Впереди какие с нами
Приключатся беды!
Вы не спрашивайте лучше!..
Сердце молодое
40 Знает, как любить... Пусть любит,
Пока не зареют!
Ведь недолго ваши брови,
Дивчата, чернеют,
И недолго ваши лица
Нежно розовеют,—
Лишь до полдня,— и завянут;
Брови полиняют...
Так не ждите и любите,
Как сердечко знает.

50 Начнет песню соловейко
В роще на калине,
Запоеет казак тихонько,
Идя по долине.
Выйдет из дому дивчина
Повидаться с милым,
А казак дивчину спросит:
«Тебя мать не била?»
Станут рядом, обнимутся,
Соловей зальется;
60 Послушают, разойдутся,
А сердечко бьется!
И никто их не увидит,

И не спросят люди:
«Где была ты, с кем стояла?»
Она лишь знать будет!
И любила и ласкала,
А сердечко млело.
Сердце чуяло тревогу,
А сказать не смело.
70 Не сказало,— и трепещет,
Воркует все тише,
Как голубка без голубя;
А никто не слышит...

Не поет уж соловейко
В роще над водою.
Не поет уже дивчина,
Под вѣрбою стоя.
Убивается дивчина,
Не зная, что будет.
80 Без него ее родные
Как чужие люди;
Без него и солнце светит,
Будто враг смеется;
Без него могила всюду...
А сердечко бьется.

Год прошел, второй промчался,
Не вернулся милый;
Как цветок, дивчина сохнет,
Молчит, как могила.
90 «Что ты вянешь?» — мать родная
Ее не спросила,—
За старого, богатого
Выдать дочь решила.
«Выйди замуж! — мать сказала,—
Я тебя пристрою.
Он богатый, одинокий,
Будешь госпожою!»
«Не пойду я за такого,
Не пойду я, мама!
100 Лучше дочь свою родную
Опусти ты в яму.

Пусть попы свои молитвы
Поют надо мною.
Лучше умереть, чем стать мне
Старика женою!»

- Не сдавалась мать старуха,
Делала, что знала,
Чернобровая дивчина
Сохла и молчала.
- 110 Темной ночью ворожею
Расспросить решила:
Долго ль ей на этом свете
Не видаться с милым?
«Бабусенька, голубонька,
Моя дорогая!
Ты скажи мне только правду.
Я узнать желаю:
Жив ли милый? Крепко ль любит?
Иль забыл — покинул?
- 120 Ты скажи мне: где мой милый?
Ты не мучь дивчину!
Бабусенька, голубонька,
Скажи, если знаешь!
Выдают меня родные
За старого замуж.
Никогда его, такого,
Сердцем не полюбишь.
Я давно бы утопилась,—
Жалко, душу сгубишь.
- 130 Если умер чернобровый,
Сделай, моя пташка,
Чтоб домой я не вернулась..
Тяжко сердцу, тяжело!
Там со сватами тот старый...
Я умру, горюя!»
«Ладно, дочка! Делай только
Все, что прикажу я.
Сама была молодою,
Это горе знаю.
- 140 Все минуло,— научилась,
Людам помогаю.

Твою долю, моя дочка,
Я давненько знала.
Для тебя давно-давненько
Зелье припасала».
В пузырек лихое зелье,
Как чернила, льется.
«Ты возьми вот это диво
И встань у колодца.
150 Петухи пока не пели,
Водою умойся.
Отхлебни немного зелья,
Ничего не бойся!
Не оглядывайся, дочка,
Что б там ни кричало,
Ты беги туда, где с милым
Своим расставалась,
А на середину неба
Выйдет ясный месяц,—
160 Выпей снова; не придет он,—
В третий раз напейся.
В первый раз,— ты прежней станешь,
Прежнюю, былою.
Во второй — в степи далекой
Топнет конь ногою.
Если жив твой чернобровый,
Он тотчас прибудет.
А на третий... лучше, дочка,
Ты не знай, что будет!
170 Не крестись. Не то погибнет
Все, что дать могу я...
А теперь иди любуйся
На красу былую».

Взяла зелье, поклонилась:
«Спасибо, бабуся!»
Тихо вышла. «Может, бросить?
Нет уж, не вернуся!»
Умылася, напилася,
Тихо усмехнулась,
180 Выпила еще два раза
И не оглянулась,—

Поднялась, как бы на крыльях,
И в степь полетела,
И упала, заплакала,
А потом... запела:

«Ты плыви по морю, лебедь,
Далеко, далеко.
Ты расти, расти, мой тополь,
Высоко, высоко.

190 Тонким вырастай, высоким —
До туч головою,—
Спроси бога: чернобровый
Будет ли со мною?
Ты взгляни, взгляни, мой тополь,
За синее море.
Ведь на той сторонке — радость,
А на этой — горе.
Где-то там мой чернобровый
По полю гуляет,

200 А я плачу, годы трачу,
Его поджидаю.
Ты скажи ему, что люди
Надо мной смеются;
Я погибну, если милый
Не сможет вернуться!
Закопать меня в могилу
Матери охота...
Кто ж теперь тебя, родная,
Окружит заботой?

210 Кто утешит, приласкает,
Старухе поможет?
Мама моя!.. Радость моя!..
Боже милый, боже!..

Если милого, мой тополь,
И за морем нету,—
Ночью, чтоб никто не видел,
Поплачь до рассвета!
Ты расти, мой милый тополь,
Высоко, высоко.

220 Ты плыви по морю, лебедь,
Далеко, далеко!»

Вот такую песню пела,
Так она томилась
И на удивленье людям
В тополь превратилась.
В дом родимый не вернулась,
Счастья не узнала —
Стала тоненькой, высокой,
До тучи достала.

²³⁰ В темной роще ветер воет,
По полю гуляет.
Он на тополь налетает,
К земле пригибает.

[Петербург 1839]

* * *

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья,—
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные густые
От ветра линяют.
Сердце вянет и томится,
¹⁰ Как птица в неволе...
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко жить мне сиротою
Без родного крова,
И родные — что чужие,
Не с кем молвить слова.
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи.
Сказать некому дивчине,
²⁰ Чего сердце хочет,
Отчего оно, как голубь,
Воркует, чуть дышит;
Никто знать того не знает,
Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им —
Пускай плачет сиротина,

Пускай годы тратит...
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
30 Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море,
Пригожему, неверному
На лютое горе.

[Петербург 1839]

К ОСНОВЬЯНЕНКО

Бьют пороги; всходит месяц,
Как в древнее время.
Нету Сечи; нет того, кто
Верховодил всеми.
Нету Сечи! Очереты
Над Днепром вздыхают:
«Куда наши дети делись?
Где они гуляют?»
Чайка с криком реет, словно
10 Мать над сыном стонет,
Солнце греет, ветер веет,
Пыль по степи гонит.
А над степью той курганы
Стоят и тоскуют,
У буйного спрашивают:
«Где ж наши пануют?
Где пануют, где пируют?
Где запропалились?
Воротитесь, гляньте: в поле
20 Колосья склонились
Там, где ржали ваши кони,
Где трава шумела,
Там, где кровь татар и ляхов
Морем багровела...
Воротитесь!»
«Не вернутся! —
Грянули, сказали

- Волны в море.— Не вернутся,
Навеки пропали».
- 30 Правда, море, правда, волны:
Такая их доля!
Не дождемся долгожданных,
Не дождемся воли,
Схоронили казачество
Седые курганы,
Не покроют Украину
Красные жупаны.
Убогая, сиротою
Над Днепром рыдает;
- 40 Мук ее никто не видит,
Слез не замечает.
Видит недруг и смеется...
Смейся, враг лукавый,
Да не очень: знай — все гибнет,
Но не гибнет слава!
Встанет слава и расскажет,
Что было на свете,
И где — правда, и где — кривда,
Скажет — чьи мы дети.
- 50 Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет...
Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украины!
Не украшена ни золотом,
Ни хвастливой ложью,
Громозвучна и правдива,
Будто слово божье:
Правда ль, батько-атамане?
Правда ль — песня эта?
- 60 Эх, если бы!.. да что скажешь,
Коль уменья нету.
А к тому же здесь мне люди
Враждебны и чужды.
Скажешь ты: «Не уступай им!»—
Да что в этом нужды?
Посмеются над псалмами,
Что вылью слезами;
Посмеются... Тяжко, батько,

Тяжко жить с врагами!
70 Поборолся бы я с ними,
Если б сил хватило;
И запел бы я, да песню
Нужда задушила.
Таково-то мое горе!
Я зимой суровой
По снегам брожу, и трудно
Не шуми, дуброва,
Мне запеть... А ты, как прежде,
С песней неразлучен!
80 Тебя люди уважают
За голос могучий.
Пой про Сечь им и степные
Курганы-могилы,
Где какой курган насыпан,
Кого схоронили;
Пой про диво, что пропало
В минувшие лета!
Батько! Грянь же, чтобы стало
Слышно всему свету:
90 Как рубилась Украина
За волю и право,
Как по свету полетела
Казацкая слава;
Батько, грянь, орел наш сизый!
Пусть хоть раз единый
Нагляжуся я сквозь слезы
На мать-Украину;
Пусть хоть раз еще услышу,
Как море играет,
100 Как девушка под вербою
Гриця запеваает;
Пусть я вспомню на чужбине
Радость молодую,
Пока в гроб чужой не лягу
И в землю чужую!

[Петербург 1839]

ПВАН ПОДКОВА

В. И. Штернбергу

I

Было время — на Украине
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
¹⁰ Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...
Внук услышит — песню сложит
²⁰ И с той песней косит.

Было время — на Украине
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!

Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомняешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

II

Встала туча над Лиманом,
30 Солнце заслоняет:
Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. «Что ж, ребята,
Время мы теряем?
В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!»

Высыпают запорожцы,
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. «Играй же, море!»
40 Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
Плещут весла, песня льется,
Чайка вокруг летает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам все ходит вдоль по лодке,
50 Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево —
Где б сойтись с врагами?
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый.
Поднял шапку — лодки стали.
«Сгинь ты, враг проклятый!
Поплывемте не к Синопу,
Братцы-атаманы,
А в Царьград поедем — в гости
60 К самому султану!»

«Ладно, батько!» — загремело.
«Ну, спасибо, братцы!» —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья,
На волну косится.

[Петербург 1839]

ТАРАСОВА НОЧЬ

Сидит кобзарь у дороги,
Зазвенел струною,
Кругом хлопцы да дивчата
Веселой толпою.
Поет кобзарь, припевает,
Говорит словами,
Как соседи — орда, ляхи —
Бились с казаками;
Как сходились запорожцы
10 На рассвете рано,
Хоронили товарища
Посреди поляны.
Поет кобзарь, да так поет,
Что горе смеется:
«Была пора гетманщины,
Назад не вернется;
Была пора — пановали,
Да больше не будем...
Только славы казачества
20 Вовек не забудем!
Идет туча от Лимана,
А другая с поля;
Затужила Украина —
Такая ей доля!
Затужила, зарыдала,
Как младенец малый.
Никто больше не поможет...

Казачество пало;
Пала родина и слава;
30 Спасения нету...
Некрещеными гуляют
Казацкие дети;
Невенчаными любятся,
Так и помирают;
Запродана врагам вера —
В церковь не пускают!..
Как воронье, черной стаей
Ляхи, униаты
Налетают — не дождемся
40 Поныне расплаты!
Поднимался Наливайко —
Кравчины не стало!
Поднялся казак Павлюга —
И сила пропала.
Поднялся Тарас Трясило
С горькими словами:
«Бедная ты Украина,
Сломлена врагами!»
Украина, Украина!
50 Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю:
Куда делось казачество,
Красные жупаны?
Куда делась доля-воля,
Паны-атаманы?
Где все это? Ушло с дымом?
Или затопило
Сине море твои горы,
60 Курганы-могилы?
Дремлют горы, шумит море,
Туман над водою,
Гнутся дети казацкие
Под вражьей рукою!
Спите, горы! Шуми, море!
Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети казацкие,—
Такая вам доля!

Поднялся Тарас Трясило
70 На защиту веры,
Отплатил он, сизокрылый,
Врагам полной мерой!
Поднялся Тарас Трясило:
«Довольно томиться!
А пойдем-ка, паны-братья,
С поляками биться!»
Уж не три дня, не три ночи
Бьется наш Трясило.
От Лимана до Трубайла
80 Поле кровь покрыла.
Ослабел тут казачина,
Духом омрачился,
А проклятый Конецпольский
Вмиг возвеселился;
Собрал шляхту воедино
И всех угощает.
На ту пору казаченек
Тарас созывает:
«Атаманы-товарищи,
90 Братья мои, дети!
Дайте совет по совести —
Как жить нам на свете?
Упились вражьи ляхи
Казачкою кровью».
«Что ж, пускай они пируют
Себе на здоровье!
Пускай ляхи веселятся
Нынче до заката,
А ночь-матерь нам поможет,—
100 Найдем супостата».
Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.
Как стал месяц среди неба,
Мортиры взревели;
Пробудились ляшкí-панкí —
Бежать не успели!

Пробудились ляшкí-панкí,
110 А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшкí-панкí
Вповалку лежали.

Вся от крови багряная,
Течет Альта, кличет,
Чтоб слеталось гайворонье
Живиться добычей.
Налетало гайворонье
Ляхами живиться;
Собирались казаченьки
120 Богу помолиться.
Закаркало гайворонье,
Выпивая очи;
Заиграли казаченьки
Песню о той ночи —
Ночи грозной и кровавой,
Что славу добыла
Тарасу и казачеству,
А ляхов сгубила.

Над речкою, в чистом поле
130 Курганы чернеют;
Где кровь текла казацкая —
Трава зеленеет.
Сидит ворон на кургане
Да с голоду стонет...
Казак вспомнит дни былые
И слезу уронит».
Умолк кобзарь, потупился:
Руки не играют!
Кругом хлопцы да дивчата
140 Слезы утирают...

Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы пустились в пляс,
А он подпеваает:

«Коли сталося — значит сталося!
Погодите, детки, малость,
А я с тоски да к шинкарке,
Да ударю там по чарке,
Вместе с жинкой пьян напьюся,
150 Над врагами посмеюся».

[*Петербург 1839*]

Н. МАРКЕВИЧУ

Хорошо тебе, орел мой,
Бандурист мой милый:
Есть и крылья для полета,
И досуг и силы.
Так лети ж на Украину —
Там ждут тебя, любят.
Полетел бы за тобою,
Да кто приголубит?
Одинок и тут я, братец,
10 И на Украине,
Голубь мой, я сиротина,
Как и на чужбине.
Что же сердце бьется, рвется,
Что же сердце ноет?
Сиротина... А Украина —
Раздолье степное!
Там, как брат, обнимет ветер
В степи на просторе;
Там в широком поле воля;
20 Там синее море
Шумит, плещет, славит бога,
Тоску разгоняет;
Там курганы с буйным ветром
В беседу вступают.
Вот такая между ними
Беседа ведется:

«Было время — пролетело,
Назад не вернется...»
Полетел бы, послушал бы,
30 Поплакал бы с ними...
Где там! Силу потерял я
Меж людьми чужими.

С.-Петербург 9 мая 1840 года

НА ПАМЯТЬ ШТЕРНБЕРГУ

Поедешь далеко,
На многое взглянешь.
Насмотришься, соскучишься,
Меня, брат, вспомянешь!

[*Петербург 1840*]

ГАЙДАМАКИ

Поэма

*Василию Ивановичу Григоровичу
в память 22 апреля 1838 года*

Все в мире проходит. Живет — умирает...
Куда ж оно делось? Откуда взялось?
Ни глупый, ни мудрый про это не знает.
Извечно ведется: одно зацвело —
Другое увяло, навеки увяло...
И ветры сухую листву разнесли.
А солнце встает, как и прежде вставало,
И звезды плывут, как, бывало,плыли
И плыть всегда будут; и ты, белолицый,
¹⁰ По синему небу ты будешь гулять
И будешь смотреться в болотце, в криницу,
В бескрайнее море — и будешь сиять,
Как над Вавилоном, над его садами
И над тем, что будет с нашими сынами.
Конца ты не знаешь! Люблю толковать,
Делиться с тобою, как с братом, с сестрою,
И петь тебе песни твои же спроста...
Скажи ты мне ныне: как быть мне с тоскою?
Я не одинокий, я не сирота:
²⁰ Есть у меня дети, да куда подеть их?
Закопать с собою? Грех: душа жива!

Может быть, ей легче будет на том свете,
Как прочтет кто-либо те слезы-слова,
Что так бескорыстно она изливала
И ночью украдкой над ними рыдала.
Нет, не закопаю. Душа-то жива!
Как синему небу, как белому свету —
Конца либо края душе моей нету.
А где она будет? Чудные слова!

30 Пускай ее вспомнят хоть на этом свете,—
Бесславному тяжко его покидать.
Дивчата, вам надо ее вспоминать,
Она вас имела всегда на примете
И песни любила про вас напевать.
Пока солнце встанет — отдохните, дети!
Вожака вам, дети, хочу подыскать.

Сыны мои, гайдамаки!
Волен свет широкий.
Погуляйте, поищите

40 По себе дороги.
Сыны мои молодые,
Несчастные дети,
Кто без матери родимой
Встретит вас на свете?..
Сыны мои, на Украину
Летите орлами.
Пусть хоть горе приключится
Не в чужбине с вами.
Там и ласковую душу

50 Повстречать не чудо.
Там помогут, там наставят,
А тут... А тут — худо.
Пустья в хату — насмеются,
Дурачком считают.
До того умны-учены —
Солнце осуждают.
Мол, зошло, да не оттуда,
Да не так и село.
Мол, вот так-то лучше было б...

60 Что тут будешь делать?!
Надо слушать, может, вправду

Не так солнце светит.
Потому — народ ученый:
Знают всё на свете.
А уж вам-то к ним явиться —
Как зовут — не спросят.
Поглядят, поведут носом —
И под лавку бросят.
Дескать, ладно, подождите,
70 Найдется писака:
Он по-нашему расскажет
И про гайдамаков,
А то вышел дурачина
С мертвыми словами
Да какого-то Ярему
Ведет перед нами.
Неуч, неуч, дурачина!
Видно, били мало.
От казачества — курганы
80 (Что еще осталось?),
Да и те давно разрыты,
Ветер пыль разносит.
А он думал, слушать станем,
Как слепцы гундосят.
Понапрасну ты старался,
Человек хороший.
Хочешь славы, денег хочешь —
Так пой про Матрешу,
Про Парашу — радость нашу,
90 Султан, паркет, шпоры.
Вот где слава! А то тянешь —
Шумит сине море...
А сам плачешь. Да с тобою
Весь твой люд сермяжный...
Вот спасибо умным людям,
Рассудили важно!
Только жаль, что кожух теплый —
На другого шитый.
Очень умны ваши речи,
100 Да брехней подбиты.
Не прогневайтесь, а слушать
Я вас не желаю.

Вы разумны, а я глупый...
И я вас не знаю.
Я один в родимой хате
Запою украдкой,
Запою про то, что любо,
И заплачу сладко.
Запою — играет море,
110 Ветер в поле ходит,
Степь темнеет, и курганы
С ветром речь заводят.
Вот раскрылись, развернулись
Курганы глухие.
И покрыли степь до моря
Казачи лихие.
Атаманы с бунчуками
Войско озирают.
Пляшут кони. А пороги
120 Ревут, завывают.
Ревут, стонут, негодуя,
Сурово бушуют.
«Чем вы, батьки, недовольны?» —
У старых спрошу я.
И ответят мне седые:
«Молчи, сиротина.
Днепр сердитый негодует,
Плачет Украина...»
И я плачу. А тем часом
130 В жупанах богатых
Идут, идут атаманы
С гетманами в хату.
Входят разом в мою хату
Ради доброй встречи
И со мной про Украину
Начинают речи.
Рассуждают, вспоминают,
Как Сечь собирали,
Как через пороги к морю
140 Лихо проплывали.
Как гуляли в Черном море.
Грелися в Скутари,
Как закуривали люльки

В Польше на пожаре,
Как в отчизну возвращались,
Как они гуляли.
«Жарь, кобзарик, лей, шинкарик!» —
Бывало, кричали.
Шинкарь мечется, летает,
150 Шинкарь так и вьется.
Кобзарь жарит, а казаки —
Аж Хортица гнется —
Гопака дают такого,
Метелицу разом.
Кухоль ходит, высыхает —
Не моргнешь и глазом!
«Гуляй, паны, без жупанов,
Гуляй, ветер, в поле!
Жарь, кобзарик, лей шинкарик,
160 Пока встанет доля!» —
Друг за другом ходят кругом
Парубки с дедами.
«Так-то, хлопцы! Добре, хлопцы!
Будете панами».
Пир горою. А старшины
На совете вроде:
Меж собою речь заводят,
По рядам проходят.
Не стерпели, не сдержали
170 Лихости казачьей —
Припустили каблуками...
Я смеюсь и плачу.
От радости плачу, что в хате убогой,
Что в мире великом я не одинок.
И в хате убогой, как в степи широкой,
Казаки гуляют, гомонит лесок.
В хате предо мною сине море ходит,
Темнеют курганы и тополь шумит.
Тихо-тихо *Гриця* дивчина заводит.
180 Я не одинокий, людьми не забыт.
Вот где они, мои деньги,
Вот где моя слава!
А за ваш совет спасибо,
За совет лукавый.

Пока жив, с меня довольно
И мертвого слова,
Чтобы вылить горе, слезы...
Бывайте здоровы!
Пойду сынов-гайдамаков
190 В путь отправлю снова.
Может быть, найдут какого
Казака седого.
Может, он их встретит лаской,
Теплыми слезами.
И того с меня довольно —
Пан я над панами.

Так-то, сидя в своей хате,
Думаю в тревоге:
«С кем пойду и кто им будет
200 Вожаком в дороге?»
На дворе давно светает,
Встали гайдамаки.
Помолились, снарядились
Добрые казаки.
Поклонились, как сироты,
Печально и строго.
«Благослови,— молвят,— батько,
В дальнюю дорогу,
Пожелай нам доброй доли,
210 Радости на свете».
«Стойте, хлопцы, свет — не хата,
А вы точно дети
Неразумные. Кто будет
Вожаком надежным?
Кто наставит? Тяжело мне,
На душе тревожно.
Сам растил вас, мои дети,
На ноги поставил.
В свет идете, а теперь там
220 Все книжные стали.
Не судите, что в науках
Помочь не пытался.
Самого учили — били.

Какой был — остался!
Тма, мна знаю, а оксию
Не знаю доныне...
Ладно, дети, погодите:
Есть вожак — не кинет.
Есть у меня батько славный
230 (Родного-то нету!).
У него пойдем попросим
Доброго совета.
Сам он знает, что не сладко
Сироте без роду;
Сам — казак, душа простая
Казачьего роду,
И простое наше слово
Он любит и знает,
Что певала мать родная,
240 Сына пеленая.
Не чурался того слова,
Что слепец под тыном
Напеваает, пригорюнясь,
Про мать-Украину.
Любит батько песню-правду
О казацкой славе.
Любит крепко. Идем, хлопцы,
Он нас не оставит.
Кабы он меня не встретил,
250 То, наверно б, ныне
Я лежал бы под снегами
На дальней чужбине.
Схоронили б меня люди,
Забыли б то место...
Тяжело страдать и гибнуть...
За что — неизвестно.
Но минуло... Чтоб не снилось!
Идемте-ка, дети.
Коли мне не дал погибнуть,
260 Запропасть на свете,
То и вас любого примет,
Как родного сына.
Там помолимся — и гайда
В путь на Украину!»

Принимай поклон наш, батько!
С твоего порога
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!

*С.-Петербург
1841 апреля 7*

И Н Т Р О Д У К Ц И Я

Было время, гордо шляхта
270 Голову носила,
С москалями и с ордою
Мерялася силой,
С турком, с немцем... Было время —
Мало ль что бывало!
Шляхта Польшей управляла,
Чванилась, гуляла.
Королем играла шляхта.
И король тот — горе! —
Так скажу: не Ян Собеский,
280 Не Степан Баторий!
Все другие перед шляхтой
В рот воды набрали.
Сеймы, сеймики ревели,
Соседи молчали.
Да смотрели, как из Польши
Короли сбегают,
Да слушали, как шляхетство
Глотки надрывает.
«Nie pozwalam! Nie pozwalam!» * —
290 Шляхта завывает.
А магнаты палят хаты,
Сабли закаляют.
Испокон дела такие
Творились в державе,
Да уселся Понятовский
На престол в Варшаве.

* «Не позволяю!» (Польск.)

Решил он с шляхтой быть построжее,
Прибрать к рукам — да не сумел! —
Добра хотел ей, а быть может,
300 Еще чего-нибудь хотел.
Одно лишь слово «nie rozwalam»
Отнять у шляхты думал он
Сперва... Но Польша запылала,
Паны взбесились. Крик и стон...
«Гонору слово, дарма праця!
Пся крив! Прислужник москаля!»
На клич Пулавского и Паца
Встает шляхетская земля...
И — разом сто конфедераций ¹.

310 Разбрелись конфедераты
По Литве, Волыни,
По Молдавии, по Польше
И по Украине.
Разбрелись — и позабыли
О воле, о чести.
Сговорились с торгашами,
Чтобы грабить вместе.
Что хотели, то творили,
Церкви осквернили...
320 А в ту пору гайдамаки
Ножи освятили.

Г А Л А Й Д А

«Ярема, герш-ту *, хам ленивый,
Веди кобылу, да сперва
Подай хозяйке туфли живо,
Неси воды, руби дрова.
Корове подстели соломы,
Посыпь индейкам и гусям.
Да хату вымети, Ярема.
Ярема, эй! Да стой же, хам!

* Слышь ты (евр.).

330 Как справишься, беги в Ольшану² —
Хозяйке надо. Да бегом!»
Ярема слушает молчком.

Так измывался утром рано
Шинкарь над бедным казаком.
Не знал Ярема о другом...
Не знал горемычный, что зрела в нем сила,
Что сможет высоко над небом парить,
Не знал, покорялся...

О боже мой милый,

340 Трудно жить на свете, а хочется жить!
Любо видеть солнце, как оно сияет,
Хорошо послушать, как море играет,
Хорошо весною по лесу ходить,
Знать, что сердце чье-то по тебе томится...
О боже мой милый, как радостно жить!

Сирота Ярема, сирота убогий,
Ни сестры, ни брата — никого не знал.
Вырос у хозяйских, у чужих порогов,
Но не проклял доли, людей не ругал.
350 И за что ругать их? Разве они знают,
Кого встретить лаской, кого истязать?
При готовой доле пусть себе гуляют,
А сиротам долю самим добывать.
Бывает, заплачет Ярема украдкой
И то не о том, что невесело жить,
Что-нибудь припомнит, помечтает сладко...
Да и за работу. Живи — не тужи.
Мать, отец не в радость, светлые палаты,
Если не с кем сердце сердцу поверять.

360 Сирота Ярема — сирота богатый:
Есть ему с кем плакать, кого утешать.
Есть карие очи — звездами сияют,
Есть белые руки — нежно обнимают,
Есть девичье сердце — согрето любовью —
Что плачет, смеется, стучит, затихает.
Над сиротским изголовьем
Средь ночи витает.
Вот такой-то мой Ярема,
Сирота богатый.

370 Был и я таким когда-то,
Да прошло, дивчата.
Поразвеелось, минуло,
И следа не видно.
Плачет сердце, как припомню...
Горько и обидно.

Куда все девалось, куда запропало?
Легче было б слезы, тоску выливать.
Люди увидали, ведь им было мало:
«Зачем ему доля? Лучше отобрать.
380 Он и так богатый!..»

Богат на zapлаты
Да еще на слезы — кому утирать?
Доля моя, доля! Где тебя искать?
Вернись, моя доля, вернись в мою хату,
Приснись мне хотя бы... Не хочется спать!..

Люди добрые, простите,
Что не к ряду начал.
Про свою запел недолю...
Да не мог иначе.

390 Может, встретимся, покамест
Еще ковыляю
За Яремою по свету,
А может... не знаю.
Худо, люди! Всюду — худо!
Нет нигде отрады.

Куда гнут, как говорится,
Туда гнуться надо.
Гнуться молча, улыбаться,
Не подавать виду,
400 Чтобы люди не узнали
Про твою обиду.
Пусть их ласка... достается
Тому, кто доволен,
Пусть во сне ее не видит
Сиротская доля!
И рассказывать постыло
И молчать нет силы.
Лейся ж, слово! Лейтесь, слезы,
Чтобы легче было.

410 Я поплачу, поделюся
Моими слезами —
Да не с братом, не с сестрою,—
С глухими стенами
На чужбине. А покамест
Корчму приоткроем:
Что там делается?

Лейба

Согнулся дугою,
У постели над светильней
420 Считает монеты.
А в постели — вся раскрыта
И полураздета —
Спит еврейка молодая
На жарких подушках,
Разметалась, раскидалась,
Томно ей и душно.
Спит тревожно, беспокойно,—
Одинокой тяжко,
Ночью словом обменяться
430 Не с кем ей, бедняжке.
Хороша, бела еврейка!
Что-то шепчет пылко!
Это — дочь. Отец же — рядом,
Чертова копилка.
Дальше — Хайка, спит хозяйка
В перинах поганных.
Где ж Ярема? Тот шагает
По пути в Ольшану.

К О Н Ф Е Д Е Р А Т Ы

«Открывай живей, Иуда,
440 Пока не битый ты у нас!
Ломайте двери, ждуть докуда,
Прокуда старый!»

«Я сейчас!

Сейчас, постойте!..»

«Или с нами
Шутить задумал? Что там ждать!»

Ломайте двери!»

«Я? С панами?

450 Как можно? Дайте только встать!
(А сам: «Вот свиньи-то!») Как можно?»

«Ломайте двери, что смотреть!»

«Прошу панов ясновельможных...»

Упала дверь, взвилась плеть,

Метнулся Лейба с перепугу.

«На, лукавый, на, поганый,

На, свиное ухо!»

За ударами удары

Посыпались глухо.

«Не шутите, ваша милость!

460 Прошу, прошу в хату!»

«На еще раз! На еще раз!

Получай, проклятый»

Поздоровались. «Где дочка?»

«Померла, панове...»

«Лжешь, Иуда!»

Снова плети.

«Носи на здоровье!..»

«Ой, паночки-голубочки,

В живых ее нету!»

470 «Брешешь, шельма».

«Провались я

На месте на этом».

«Признавайся, куда спрятал.

Поганая рожа!»

«Померла. Не стал бы прятать,

Карай меня, боже!»

«Ха, ха, ха, ха! Литанию

Читает лукавый,

А не крестится!»

480

«Панове,

Не умею, право».

«Вот так!» Лях перекрестился,

А за ним Иуда.

«Браво, браво, окрестили!

За такое чудо

Могарыч с тебя придется,

Слышишь, окрещенный,

Могарыч!»

«Сейчас! Минутку!»

⁴⁹⁰ Ревут оглашенно.

Поставец, горилки полный,

По столу гуляет.

«Еще Польска не згинела»,—

Не в лад запевают.

А хозяин окрещенный

Из погреба в хату

Знай шныряет, наливает,

А конфедераты

Знай кричат: «Горилки! Меду!»

⁵⁰⁰ Лейба суетится.

«Эй, собака, где цимбалы?! —

Ходят половицы.—

Краковяк играй, мазурку,

Давай по порядку!»

Лейба служит, хоть бормочет:

«Панская ухватка!..»

«Ладно, будет. Запевай-ка».

«Не могу, не стану»

«Запоешь, да будет поздно!»

⁵¹⁰ «Что же петь вам? *Ганну?*..

Жила-была Ганна

В хате при дороге,

Божилая

И клялася,

Что не служат ноги;

На панщину не ходила,

Охала, стонала,

Только к хлопцам

Что ни вечер,

⁵²⁰ В потемках шныряла».

«Будет, будет. Не годится,

Схизматская песня!

Пой другую!» — «А какую?

Вот такую если:

Перед паном Федором

Ходит жид ходором,

И задком,
И передком —
530 Перед паном Федорком».

«Ладно, хватит! Плати деньги!»
«Как? За что же плата?»
«А ты думал, даром слушать
Будем мы, проклятый?..
Думал, шутим? Доставай-ка
Да плати, небитый».
«Где же взять мне? Ласка ваша —
Вот весь мой прибыток».
«Лжешь, собака! Плати деньги!
540 Доставай — да быстро!»
И пошли гулять нагайки
По спине со свистом.
Вдоль и поперек стегали,
Аж клочье летело.
«Нету, нету ни копейки,
Режьте мое тело!
Ни копейки! Гвалт! Спасите! —
Кричит Лейба криком.—
Погодите... Я скажу вам...»
550 «Скажи-ка, скажи-ка!
Да опять брехать не вздумай,
Брехня не поможет».
«Нет... В Ольшане...»
«Твои деньги?»
«Мои? Спаси, боже!..
Я хотел сказать... В Ольшане,
Там живут схизматы...»³
«Да! Живут по три семейства
560 На каждую хату?»
Знаем, знаем! Мы их сами
Туда посогнали».
«Нет, не то... Прошу прощенья,—
Чтоб беды не знали,
Чтоб вам только деньги снились!
Ктитор там в Ольшане.
Может, слышали, есть дочка
У него, Оксана.

Спаси, боже, как красива,
570 Да и деньги тоже...
Не его, а все же деньги,
Хоть они и божьи...»
«Лишь бы деньги! Правда, Лейба,
Лучше и не скажешь.
А чтоб справдилась та правда,
Дорогу покажешь.
Собирайся!»

Поскакали
Прямиком в Ольшану.
580 Лишь один в корчме под лавкой
Конфедерат пьяный.
Встать не может, распростерся,
Как мертвое тело:
«Мы żyjemy, ты żyjemy,
Polska nie zginęła»*.

БТИТОР

«В лесу, в лесочке
Не веет ветер;
Высоко месяц,
И звезды светят.
690 Выйди, голубка,
Я поджидаю.
Хоть на часок ты
Приди, родная!
Хоть погорюем
Да поворкуем.
Сегодня ночью
Уйду далеко.
Прощусь, расстанусь
С тобой до срока.
600 Выгляни, пташка,
Моя отрада.
Проститься надо...
Ох, тяжко, тяжко».

* Перефразированные Шевченко слова польского национального гимна: «Мы живем, мы живем, Польша не погибла».

Так поет себе Ярема
В роще той затишной,
Поджидает, но Оксаны
Не видно, не слышно.
Светят звезды. Среди неба —
Месяц белолицый.

610 Соловей поет, и верба
Никнет над криницей.
Соловей над речкой песню
Так и разливает,
Словно знает, что дивчину
Казак поджидает.
А Ярема ходит-бродит,
Все ему не мило.
«Зачем меня мать родная
Красой наделила?..

620 Доля да удача ко мне не идут.
Годы молодые даром пропадут.
Один я на свете, без роду, а доля —
Сиротская доля, что былинка в поле,
Холодные ветры ее унесут, —
И меня вот люди не хотят приветить.
За что ж отвернулись? Что я сирота?
Одно было сердце, одна на всем свете
Душа — моя радость — да, видно, и та —
И та отвернулась... —

630 Заплакал убогий,
Заплакал и слезы утер рукавом. —
Бывай же здорова! В далекой дороге
Найду либо долю, либо за Днпром
Голову сложу я. А ты не заплачешь,
А ты не увидишь, как буду лежать,
Как выключет ворон те очи казачьи,
Те, что ты любила нежно целовать.
Забудь же про слезы сироты-бедняги,
Забудь, что клялася. Найдется другой!

640 Я тебе не пара, я хожу в сермяге,
Ктиторовой дочке нужен не такой.
Люби кого хочешь. Что себя неволить!
Забудь меня, пташка, забудь обо всем.
А коли услышишь, что в далеком поле

Голову сложил я, помолишь тайком,
Хоть одна ты, мое сердце,
Вспомни добрым словом». —
И заплакал, подпершись
Посошком дубовым.

650 Плачет тихо, одиноко...

Обернулся, глянул:
Осторожно по опушке
Крадется Оксана.
Все забыл... Бежит навстречу...
Друг к другу припали.
«Сердце!» — Долго одно это
Слово повторяли.
«Будет, сердце!» — «Нет, немножко...
Еще, сизокрылый!»

660 Возьми душу! Еще, милый!

Как я истомилась!»
«Звездочка моя, ты с неба,
Ясная, слетела!»
Стелет свитку. Усмехнулась,
На ту свитку села.
«Сам садись со мною рядом,
Обними же, милый!»
«Где ж ты, звездочка, так долго
И кому светила?»

670 «Я сегодня запоздала:

Отец занедужил,
До сих пор за ним смотрела...»

«А я и не нужен?»

«Ну, какой ты, вот, ей-богу!» —

И слеза блеснула.

«Я шучу, шучу, голубка».

«Шутки!» —

Улыбнулась.

И склонилась головкой,

680 Будто бы уснула.

«Слышь, Оксана, пошутил я,

Не думал обидеть.

Глянь же, глянь же на меня ты:

Не скоро увидишь.

Завтра буду я далеко,

Далеко, Оксана...
Завтра ночью нож свяченный
В Чигрине достану.
С тем ножом себе добуду
690 Золото и славу,
Привезу тебе наряды,
Богатую справу.
Как гетманша сядешь в кресло,
Завидуйте, люди!
Стану тобой любоваться...»
«А может, забудешь?..
Будешь в Киеве с панами
Ходить важным паном,
Найдешь панну-белоручку,
700 Забудешь Оксану».
«Разве ж есть тебя красивей?»
«Может быть... Не знаю».
«Не грехи! На белом свете
Краше нет, родная!
Ни на небе, ни за небом,
Ни за синим морем».
«Перестань же, что ты, милый,—
Нашел о чем спорить
Попустому!»
710 «Нет, родная!» —
И снова и снова
Целовались, обнимались
Они что ни слово,
Обнимались крепко-крепко,
То вместе молчали.
То плакали, то клялися
И вновь начинали.
Говорил он ей, как вместе
Славно жить им будет,
720 Как он долю и богатство
Сам себе добудет,
Как вырежут панов-ляхов
Всех на Украине,
Как он будет красоваться,
Если сам не сгинет.

- Говорил... Дивчата, слушать
Противно, ей-богу!..
Не противно, говорите?
Зато отец строгий,
730 Либо мать, когда застанет
Вас за книжкой этой,
Тут греха не оберешься —
Сживут вас со света.
Ну, да что про то и думать,
Занятно же, право!
А еще бы рассказать вам,
Как казак чернявый
Над водою, под ветлою,
Прощаясь, тоскует,
740 А Оксана, как голубка,
Воркует, целует.
Вот заплакала, сомлела,
Голову склонила:
«Мое сердце! Моя радость!
Соколик мой милый!»
Даже вербы нагибались
Послушать те речи.
Нет, довольно с вас, дивчата,
А то близко вечер...
750 Не годится против ночи:
Приснится такое..
Пусть их тихо разойдутся,
Как сошлись, двое.
Пусть еще раз обнимутся
И разнимут руки,
Чтоб никто их слез не видел
Горькой их разлуки.
Пусть... Кто знает, приведется ль
Им на этом свете
760 Вновь увидеться. Посмотрим...
Мудрено ответить.
А у ктитора в окошках
Свет. Не спит, похоже.
Надо глянуть, но и видеть
Не дай того, боже!..

Не дай того видеть среди мирной хаты,
За людей от срама сердцу не страдать.
Гляньте, посмотрите: то конфедераты,
Люди, что собрались волю защищать! ⁴
770 Вот и защищают. Да падет проклятье
На их мать родную, что их зачала,
На день тот, в который собак родила.
Гляньте, что творится у ктитора в хате...
Адские творятся на свете дела!

В печи — огонь! Огнем вся хата
Освещена. В углу дрожит,
Как пес, шинкарь. Конфедераты
Терзают ктитора:

«Скажи,

780 Где деньги, если хочешь жить!»
Но тот молчит. Скрутили руки,
Об землю грохнули. Молчит,
Ни слова ктитор...

«Мало муки!

Смолы сюда! Заговорит!
Кропи его! Вот так! Что — стынет?
А ну — горячею золой!
И рта, проклятый, не разинет!
Однако, бестия! Постой!

790 Давай еще побольше жару!
Да в темя — гвоздик! Что смола!»
Старик не вынес адской кары,
Упал бедняга. Отошла
Душа его без отпущенья...
«Оксана... дочь!» — И все слова...
И палачи в недоуменье:
«Что делать дальше? Ничего,
Панове, бросимте его,
Запалим церковь!»

800 «Помогите,
Кто в бога верует! Спасите!» —
С надворья крик. Стучатся в двери.
В смятенье ляхи: кто такой?
Оксана вдруг: «Убили! Звери!» —
И падает. А лях старшой

Уже махнул рукою своре —
И та понуро вышла вон,
И сам за ней выходит вскоре
С Оксаной на руках...

810

«Где ж он,

Ярема? Что не заступился?
Не оглянулся?» Он идет
И песню старую поет,
Как Наливайко с ляхом бился.
И ляхи тронулись вперед,
С собою захватив Оксану.
И снова стихнула Ольшана.
Собаки гавкнут, замолчат.
Сияет месяц. Люди спят.

820

И ктитор спит. Вовек не встанет;
Он не проснется поутру.
Светец мигает через силу...
Погас... И как бы вздрогнул труп...
И темень в хате наступила ⁵.

ПРАЗДНИК В ЧИГИРИНЕ

Гетманы седые, если б вы да встали,
Встали, посмотрели на свой Чигирин,
Что вы созидали, где вы управляли, —
Заплакали б горько и вы — не узнали
Умолкнувшей славы убогих руин.

830

Базары — где войско строилось шумливо,
Где оно, бывало, морем гомонит,
Где ясновельможный на коне ретивом...
Взмахнет булавою — море закипит.

Закипело — разлилося
Степями, ярами.
Вражьи силы отступают
Перед казаками.
Ну, да что там! Все минуло!

840

О том, не вздыхайте,
Не вздыхайте, мои други,
И не поминайте.

Что с того, что вспомнишь славу?
Вспомнишь и заплачешь.
А каков он нынче город,
Чигирин казачий?

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает,
Багровеет круглолицый,
Горит, не сияет,
850 Не иначе, что не хочет
Свет свой тратить даром:
Нынче ночью Украину
Осветят пожары.
Потемнело — и в Чигрине
Мрачно, как в могиле.
(В эту ночь по всей Украине
Огни не светили,
В ночь под праздник Маковея,
Как ножи святили.)
860 Только совы за заставой
На выгоне выли.
Только тень летучей мыши
Прошмыгнет случайно.
Где же люди? Над Тясьмином,
В темной роще, тайно
Собрались. Старый, малый,
Босой и обутой —
Все сошлись, ожидают
Великой минуты.

870 Средь темного леса, зеленой дубровы
Стреножены кони отаву жуют.
Оседланы кони, к походу готовы,
Куда-то поскачут? Кого повезут?
А что там за люди в затишьи долины
Лежат притаившись? Лежат себе, ждут.
Лежат гайдамаки... На зов Украины
Орлы прилетели. Они разнесут
Врагам своим кару,
За кровь и пожары
880 Жестокою кару они воздадут!

Оружье на возах лежит,
Ножи — железною таранью —
Императрицын дар восстанью...
Дарила — знала — угодит!
Пускай царицу на том свете
Не оскорбят намеки эти!
Среди возов народ стоит,
Казачья сила налетела —
Со всей округи казаки:

⁸⁹⁰ И юноши и старики
На доброе собрались дело.
И ходят меж возов старшины,
В киреях черных, как один,
Беседуют спокойно, чинно,
Поглядывая на Чигрин.

Старшина первый. Старый Головатый что-то мудрит слишком.

Старшина второй. Умная голова! Сидит себе на хуторе, будто не знает ничего, а посмотришь — везде
⁹⁰⁰ Головатый. «Если сам, говорит, не покончу дело — сыну передам!»

Старшина третий. Да и сын — тоже штука! Я вчера встретился с Железняком; такое рассказывает про него, что ну его! «Кошевым, говорит, будет, да и только; а может, еще и гетманом, ежели...»

Старшина второй. А Гонта на что? А Железняк? Гонте сама... сама писала: «Если говорит...»

Старшина первый. Тише! Сдается, звонят!

⁹¹⁰ Старшина второй. Да нет, это люди гомонят...

Старшина первый. Догомонятся, что ляхи услышат. Ох, старые головы да разумные! Чудят, чудят, да и сделают из лемеха шило. Где можно с мешком, там торбы не надо. Купили хрену — надо съесть; плачьте, глаза, хоть вон повылазьте: видели, что покупали, — деньгам не пропадать! А то — думают, думают, ни бслух, ни молча, а ляхи догадаются — вот тебе и шиш! Что там за сходка? Почему они не звонят? Чем народ остановишь, чтоб не шумел? Не десять душ, а слава богу, вся Смелянщина, коли не вся Украина. Вон, слы-
⁹²⁰ шите, поют.

Старшина третий. Правда, поет кто-то. Пойду
остановлю.

Старшина первый. Не надо. Пусть себе поют,
лишь бы не громко.

Второй старшина. Это, должно быть, Валах⁶.
Не утерпел-таки старый дурень: поет — да и только.

Третий старшина. А славно поет. Когда ни
слушаешь — все другую. Подкрадемся, братцы, да
слушаем. А тем часом зазвонят.

⁸³⁰ Старшина первый и второй. А что ж?
И пойдем!

Старшина третий. Добре, идем!

Старшины тихо стали за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь,
вокруг него запорожцы и гайдамаки.

Кобзарь поет медленно и негромко.

«Ой, валахи! Как мало
Вас на свете осталось!
И вы, молдаваны,
Теперь вы не паны.
Господари недаром
Служат верно татарам
Да турецким султанам.
⁹⁴⁰ Вы в цепях, молдаваны!
Ладно! Будет журиться,
Время богу молиться.
Поднимайтесь-ка с нами,
С нами с казаками.
Помянем, молдаваны,
Гетмана Богдана.
Будете панами —
Поднимайтесь с ножами,
Как мы, со святыми,
⁹⁵⁰ При батьке Максиме.
Мы ночь погуляем,
Ляхов погоняем,
Да так погуляем,
Что ад содрогнется,
Земля затрясется,
Небо запыхает.
Добре погуляем!..»

Запорожец. Добре погуляем! Правду старый поет, коли не врет. А что б из него за кобзарь был, кабы он не валах!

Кобзарь. Да я и не валах,— так только: был когда-то в Валахии, а люди и зовут Валахом, сам не знаю за что.

Запорожец. Ну да все равно. Затяни еще какую-нибудь. А ну-ка, про батька Максима ахни!

Гайдамак. Да не громко, чтоб не услышали старшины.

Запорожец. А что нам ваши старшины? Услышат — так послушают, коли есть чем слушать, вот и всё. У нас один старшой — батько Максим; а он, как услышит, то еще карбованец даст. Пой, старче божий, не слушай его.

Гайдамак. Да оно так, дружок; я это и сам знаю, да вот что: не так паны, как подпанки, а еще: пока солнце взойдет, роса глаза выест.

Запорожец. Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона не дождемся — заснем.

Все вместе. Правда, заснем; спой нам что-нибудь.

Кобзарь
(поет)

- 980 «Летит орел, летит сизый
Да под небесами.
Железник гуляет батько
Степами, лесами.
Ой, летает сизокрылый,
А за ним орлята.
Ой, гуляет славный батько,
А за ним — ребята.
Те ребята — запорожцы,
Сыновья Максима.
- 990 Обо всем толкует с ними
Батько их родимый.
Он запляшет — все запляшут,
Земля затрясется.
Запоет он — все подтянут,
Горе засмеется.

Поставцом горилку тянет,
Чаркою не любит,
А врага в бою, не глядя,
Найдет и загубит.
¹⁰⁰⁰ Вот таков-то у нас батько,
Орел сизокрылый,
И воюет и танцует
Со всей мочи-силы.
Нет ни хутора, ни хаты,
Ни стада, ни сада.
Степь да море — на просторе
Богатство и слава.
Берегитесь нынче, ляхи,
Горе вам, собаки!
¹⁰¹⁰ Железняк идет к вам в гости,
А с ним гайдамаки».

З а п о р о ж е ц. Вот это — да! Отколос, ничего не скажешь: и складно и правда. Хорошо, право, хорошо. Что захочет — то так и режет. Спасибо, спасибо!

Г а й д а м а к. Я что-то не раскусил, что он пел про гайдамаков.

¹⁰²⁰ З а п о р о ж е ц. Какой же ты бестолковый, право! Видишь, вот что он пел: чтоб ляхи поганые, бешеные собаки, каялись, потому идет Железняк Черным шляхом с гайдамаками, чтоб ляхов, видишь, резать...

Г а й д а м а к. И вешать и мучить! Хорошо, ей-богу, хорошо! Ну, так! Право, дал бы карбованец, если б не пропил вчера. Жаль! Ну, пускай старая вязнет — больше мяса будет. Сделай одолжение, будь ласков, — завтра отдам. Хвати еще что-нибудь про гайдамаков.

К о б з а р ь. До денег я не очень жаден. Была б ваша ласка слушать, — пока не охрип, буду петь; а охрипну — чарочку-другую той «ледащицы-живицы», как это говорится, да и снова. Слушайте ж, панове-громада!

¹⁰³⁰ «Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
На лугу ходили кони
В седлах наготове...

Ночевали паны-ляхи
В шинках с шинкарями,
Напились, растянулись
Да и...»

В с е. Стой-ка. Кажется, звонят. Слышишь? Еще раз... о!..

1040 Зазвонили, зазвонили,
Покатилось эхо.
— Поднимайтесь-ка, а песня —
Делу не помеха.

Повалили гайдамаки,
Аж стон по дуброве.
На плечах возы до церкви
Понесли воловьи.
А Валах за ними следом
Затянул суровой:
1050 «Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве».
Ковыляет, напевает
Потихоньку старый.
«Дай другую, старче божий,
Поддай, поддай жару!» —
И с возами в пляс пустились.
Плясовую грянул:
«Так-то, хлопцы, добре, хлопцы,
А я не отстану.
1060 Ахнем, хлопцы!»

Заходила
Земля под ногами.
А Валах на кобзе режет,
Додает словами:
«Ой, гоп таки-так!
Кличет Ганну казак:
Иди, Ганна, побалую,
Иди, Ганна, поцелую.
Пойдем, Ганна, до попа
1070 Богу помолиться.
Нету жита ни снопа —
Бурьян колосится.

Оженился, зажурился,
Нужда одолела.
Дети голы, а их батько
Поет то и дело:
И по хате ты-ны-ны
И по сеням ты-ны-ны,
Пеки, жинка, блины,
1080 Ты-ны-ны, ты-ны-ны!..»

«Добре, добре! Дай еще раз!» —
Кричат гайдамаки.

«Ой, гоп, диво, диво,
Наварили ляхи пива,
А мы будем пировать,
Панов-ляхов угощать.
Панов-ляхов угощая,
С панянками поиграем.
Ой, гоп таки-так!
1090 Кличет панну казак:
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»
Не стыдися, дай мне ручку,—
Нечего стыдиться!
Пускай людям горе снится,—
Будем веселиться!
Запоем, затынем,
Друг на дружку глянем.
Панна, пташка моя,
1100 Панна, доля моя!»
«Еще! Еще!» —

«Кабы если б или так, или сяк,
Кабы если б запорожский казак!
Кабы если б молодой, молодой,
Хоть по хате походил бы со мной.
Страх как мне не хочется
Да со старым морочиться!
Кабы если б...»

«Цыц! Ошалели! Что за погань
1110 Поет здесь, да в час такой,
Да где! — у божьего порога!

- Все ты затеял, пес слепой!» —
Так атаман кричит. И встали
У церкви хлопцы. Клир поет.
Попы с кадилами, с крестами
Идут, идут. Затих народ.
Кропя оружие, меж возами
Попы торжественно прошли.
Хоругви следом пронесли,
1120 Как на святой над куличами.
«Молитесь, братия, молитесь!
Так благочинный возгласил.—
Восстанет стража из могил
На помощь. Духом укрепитесь!
Не даст господь Чигрин распять,
А вы Украину охраняйте,
Не дайте матери, не дайте
В руках у палача стенать.
От Конагевича донине
- 1130 Пожар не гаснет, люди мрут,
Томятся в тюрьмах, на чужбине...
А дети в нехристях растут,
Казачьи дети. А дивчата —
Земли украинской краса —
Посрамлены, в руках у катов.
И непокрытая коса
Сечется с горя. Кари очи
В неволе гаснут: расковать
Казак сестру свою не хочет
- 1140 И не стыдится сам стонать
В ярме у ляха. Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
Нам ляхи-палачи несут!
И разольется крови море...
А вспомним гетманов своих:
Богдана вспомним, Острицицу.
Кто знает, где могилы их,
Где их священный прах хранится?
Где Наливайка славный прах?
- 1150 Кто плакал на его могиле? ⁷
Кошунственно в глухих степях
Враги их пепел распылили.

- Они поруганы. Не встанут.
 Не встанет праведник Богун,
 Чтоб зимний запрудить Ингул
 Телами шляхты⁸. Нет Богдана,
 Чтоб Воды Желтые и Рось
 Окрасить кровью, как бывало.
 И Корсунь — город древней славы —
 1160 Тоскует ныне. Довелось
 Угаснуть в забвении на свете.
 И Альта плачет: «Где Тарас?»
 Не слышно... Нет. Не в батька дети!
 Не плачьте, братия: за нас
 И души праведных и сила
 Архистратига Михаила,—
 Не за горами кары час.
 Молитесь, братия!..»
- Молились,
- 1170 Молились с верой казаки
 По-детски чисто. Не журились
 И не гадали, чтоб спустились
 Над их могилами платки.
 Вся и слава — что платочек
 На кресте накинута...
 А диакон возглашает:
 «Враги да погинут!..
 Братия, ножи берите!
 Благослови, боже»
- 1180 «Освятили! Освятили!» —
 Аж мороз по коже.
 «Освятили, освятили!
 Шляхта да погинет!.. —
 И ножи те заблестели
 По всей Украине⁹».

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

И день еще под игом катов
 Стонал народ. Еще один
 Земля носила их, проклятых,
 И плакал древний Чигирин.

- 1190 Тот день прошел, день Маковея,
Что многих праздников святее,
Прошел,— и лях и жидовин
Горилкой, кровью упивались,
Кляли схизмата, распинали,
Кляли, что нечего и взять.
А гайдамаки молча ждали,
Покуда ляхи лягут спать.
Легли, поганые, не знали,
Что завтра им уже не встать.
- 1200 Заснули ляхи, а Иуды
Еще не спят в ночной тиши,
Впотьмах считают барыши,
Над золотой склонившись грудой.
И так, на золоте своем,
Нечистым задремали сном.
Заснули — навеки, даст бог, улеглись...
А в ту пору месяц плывет озирать
И небо, и звезды, и землю, и море,
И счастье людское, и горькое горе,—
- 1210 Чтоб господу богу про все рассказать.
Светит белолицый на всю Украину...
Видит ли он с неба мою сиротину,
Видит ли Оксану, мою сироту?
Кто ее терзает, где она страдает,
Знает ли Ярема? Или знать не знает,—
Мы после увидим, а нынче не ту,
Не ту, а другую я песню сыграю.
Горе — не дивчата — будет танцевать;
Спою про неволю, казацкую долю,—
- 1220 Слушайте, чтоб детям после рассказать.
Чтобы дети знали, внукам рассказали,
Как казаки шляхту мукам предавали
За все, что от шляхты пришлось испытать.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
Текла, текла — пересохла.

- Степи зеленеют.
- 1230 Спят казаки, спят вояки,—
Курганы синеют.
Да кому о дедах вспомнить,
Поплакать над ними?
Не горька их доля внукам,
Не дорого имя.
Только ветер тихо-тихо
Повеет порою,
Только росы, будто слезы,
Окропят, омоют.
- 1240 Солнце ласковое встанет,
Осушит, пригреет.
Что же внуки? Все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая
Праведная сила?
Железняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
- 1250 Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.
Испокон веков Украина
Не знала покоя.
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
День и ночь — пальба, сраженья,
Земля стонет, гнется.
Жутко, больно, а как вспомнишь —
Сердце усмехнется...
- 1260 Месяц яснокрылый, брат мой одинокий,
Укройся за тучей, за горой высокой,
Не гляди на землю, хоть и видел Рось,
И Альту, и Сену ¹⁰, хоть и пролилось
Там не мало крови людской понапрасну —
То ли нынче будет! Закатися, ясный,
Спрячься, друг любимый, чтоб не довелось
На старости плакать...

- Грустно, грустно среди неба
Светит месяц смутный.
- 1270 Вдоль Днепра казак шагает —
С вечеринки будто.
Он шагает невеселый,
Еле служат ноги.
Не дивчина ль осмеяла
За жупан убогий?
Нет, дивчина его любит,
Хоть жупан залатан.
Добрый хлопец, а не сгинет —
Будет и богатый.
- 1280 Что ж идет он невеселый,
Идет, чуть не плачет?
Что поникнул молодою
Головой казацкѣй?
Чует сердце, да не скажет,
Что за горе встретит...
А вокруг — как будто люди
Вымерли на свете.
Петухов еще не слышно,
Собаки замолкли,
- 1290 Заунывно в отдаленье
Завывают волки.
Хоть бы что! Идет Ярема,
Спешит не в Ольшану,
Не к своей зазнобе милой, —
На ляхов поганых,
На Черкасы. Скоро третьих
Петухов услышит...
Ну, а там... Глядит Ярема,
Волны Днепр колышет...
- 1300 «Ой, Днепр мой могучий, стремяся к низовью,
От крови казацкой бывал ты багрян,
И море ты красил казацкою кровью,
Да сам еще не был от крови той пьян.
А нынче упьешься. Кромешное пламя
Над всей Украиной в ночи заревет,
И хлынет ручьями, волнами, реками
Кровь шляхты поганой; казак оживет.

Гетманы воскреснут в жупанах старинных,
Вольной песней станут грозные слова:
1310 «Врагов мы прогнали!» И над Украиной,
О боже великий, блеснет булава!»

Так думал Ярема в одежде убогой,
С ножом освященным идя на врагов.
А Днепр—он подслушал—могучий, широкий,
Поднял волны-горы — и у берегов
Грозно волны завывают,
Лозы нагибают.
Гром грохочет, а молнии
Тучи рассекают.

1320 Напрямик идет Ярема,
Головы не прячет.
Одна дума улыбнется,
Другая заплачет...
«Там — Оксана, там — весело
И в худой одежде.
А тут, а тут — сам не знаю —
Пропаду, быть может!»
Вдруг — недалний из-за леса
Петух: ку-ка-ре-ку!!!
1330 «А! Черкаassy! Боже правый,
Не убавь мне веку!»

К Р О В А В Ы Й П И Р

Зазвонили по Украине
Со всех колоколен.
Загуляли гайдамаки
Да на вольной воле.
«Смерть шляхетству! Погуляем,
Тучи разогреем!» —
Запылала Смелянщина
И Корсунь за нею.
1340 А Медведевка ¹¹ давно уж
Небо подпекает.
Горит Смела; Смелянщина
Кровью подплывает.

Польшают разом Канев,
 Чигирин, Черкассы.
 Черный шлях ¹² окутан дымом,
 И кровь полилася
 До Волыни. На Полесье
 Гонта пир справляет.
¹³⁵⁰ Железняк же в Смелянщине
 Саблю закаляет
 Да в Черкассах, где Ярема
 Поспевает рядом.
 «Добре, хлопцы, режьте ляхов,
 Никому пощады!»
 Железняк своих казаков
 В дыму окликает.
 Ад кромешный, а по аду
 Казаки гуляют.
¹³⁶⁰ А Ярема губит ляхов
 С Максимом бок о бок.
 Так и косит! «Добре, хлопец,
 Тряси их хвороба!
 Валяй, хлопец! В раю будешь,
 А то есаулом.
 Ну-те, детки!» Переполнен
 Город криком, гулом.
 В лавках, в каменных палатах
 Души не осталось.
¹³⁷⁰ «Подсчитаю! Добре, хлопцы,
 Отдохните малость».
 Город трупами завален,
 Улицы, базары
 Черной кровью подплывают.
 «Мало ляхам кары!..»
 Недорезанных кончали:
 Не встанут собаки!
 Собралися, запрудили
 Площадь гайдамаки.
¹³⁸⁰ Железняк зовет Ярему,
 Тот идет, смущаясь.
 Батько снова: «Поди, хлопец,
 Не бойсь, не кусаюсь».
 «Не боюсь».— Снимает шапку

- Перед атаманом.
«Кто ты будешь и откуда?»
«Я-то? Из Ольшаны».
«Это где конфедераты
Ктитора убили?»
1390 «Где? Какого?..»
«Там, в Ольшане,
И дочь захватили.
Дочь, дивчину, может, знаешь?»
«Дочку?! Из Ольшаны?»
«Да, у ктитора. Не помнишь?..»
«Оксана! Оксана!» —
Только вымолвил Ярема,
Как сноп повалился.
«Эге!.. Вон что! Жалко хлопца,
1400 Славно хлопец бился!»
Отдышался. «Батько, брат мой!
Что я не сторукий?
Дайте нож мне, дайте силу,
Муки ляхам, муки!
Да такой, чтоб под землю
Пекло занемело!»
«Добре, сынок. Ножей хватит
На святое дело.
Гайда с нами до Лысянки,
1410 Там ножи наточим».
«Иду, батько, иду, милый,
Веди, куда хочешь.
Хоть за море, на край света
Пойду с атаманом.
Палача злодея-ляха
Под землей достану
С того света... Только, батько,
Найду ли Оксану?»
«Там увидим... Как зовут-то?»
1420 «Яремою звали».
«Так. А прозвище какое?»
«Прозвища не дали».
«Что, безродный? Ну, да ладно.
Запиши, Микола,
Хлопца в список. Пускай будет...

Пускай будет... Голый.

Пиши Голым...»

«Не годится».

«Ну, пиши... Бедою».

1430 «Тоже худо».

«Тьфу ты, черт вас!

Пиши Галайдою» *.

Записали.

«Ну, Галайда,

С нами в путь-дорогу.

Найдешь долю, а быть может...

Ну-те, хлопцы, трогай!»

Конь нашелся для Яремы —

Дали из обоза.

1440 Рад бедняга; улыбнулся

Да и снова в слезы.

Выехали за ворота —

В зареве Черкаassy.

«В сборе, детки?»

«В сборе, батько!»

«Гайда!»

Понеслася

Правым берегом днепровским

Казачья ватага.

1450 И кобзарь за нею следом,—

Где трюшком, где шагом,—

Поспевает на лошадке,

Песню запеваёт:

«Гайдамаки, гайдамаки!

Железняк гуляет!..»

Едут, едут... А Черкаassy

Позади пылают.

Ну, и ладно! И не смотрят,

Шляхту проклинают.

1460 Кому шутки, кому песни —

Кобзарь наготове.

Железняк же едет молча,

Нахмутивши брови,

* Скиталец, бездомный (укр.).

- Курит люльку, смотрит зорко
В даль перед собою.
А за ним Ярема едет,
Поник головою.
Темный лес, днепровский берег,
Горы, звезды, небо.
- 1470 Счастье, доля и недоля,
Люди, быль и небыль —
Все пропало, отступило,
Не видит, не знает.
Как убитый. Только тяжко
Изредка вздыхает,
Но не плачет, нет, не плачет,
Хотя слезы душат,—
Злоба лютою змеею
Охватила душу...
- 1480 «Ой вы, слезы, мои слезы,
Смойте мое горе!
Тяжко, больно! Только знаю,—
Ни синего моря,
Ни Днепра не хватит нынче,
Чтобы горю кануть.
Душу, что ли, загубить мне?..
Оксана! Оксана!..
Где ты, где ты, моя радость,
Что жизни дороже?
- 1490 Хоть приснися, покажися...
Где ты? Гибнешь, может?
Может, горькую судьбину
Клянeshь ты, Оксана?
Может, мученица, стонешь
В застенке у пана
Да Ярему вспоминаешь,
Родную Ольшану...
Сердце мое. Лети, сердце,
Обними Оксану!
- 1500 Обоймемся, позабудем
Все на белом свете.
Пускай ляхи жгут, пытаются —
Не услышим!.. Ветер,
Ветер веет от Лимана,

Гнется тополь в поле,
И дивчина туда гнется,
Куда гнет недоля.
Потоскует, погорюет,
Забудет... и, может...
1510 Станет панной, гордой, чванной...
А лях... Боже, боже!..
Карай пеклом мою душу,
Сожги адским жаром.
Карай, боже, мукой вечной,
Но не тою карой!
Будь хоть каменное сердце —
Не вынесет раны.
Моя доля, моя радость,
Оксана! Оксана!
1520 Куда скрылась-удалилась,
Приди покажися!»
Вдруг — и слезы полилися,—
Откуда взялися!
Не велит казакам батько
Нынче ехать дале.
К лесу, хлопцы! Вон светает,
И кони устали.
Покормить бы!» — Своротили.
И в лесу пропали.

Г У П А Л И В Щ И Н А

1530 Встало солнце. Украина
Дымилась, пылала.
Где в живых осталась шляхта,—
Запершись дрожала.
А по виселицам в селах
Ляхи в ряд висели
Чином старшие. На прочих
Веревоч жалели.
По улицам, по дорогам —
Груды трупов с ночи.
1540 Псы грызут их, а вороны
Выклевали очи...

По дворам везде остались
Дети да собаки.
Даже бабы, взяв ухваты,
Ушли в гайдамаки.

И творилося такое
По родным округам...
Хуже ада... За что ж люди
Губили друг друга?..
1550 Поглядеть — такие ж люди,
Жить, водить бы дружбу.
Не умели, не хотели —
Разделиться нужно.
Захотели братской крови, —
Потому — у брата
И скотина, и холстина,
И светлая хата.
«Убьем брата, спалим хату!» —
И пошла работа.
1560 Ну, убили! А на муки
Остались сироты.
Подросли в слезах, в неволе,
Развязали руки,
Ножи взяли. И зуб за зуб
И муки за муки!
Сердцу больно, как помыслишь:
Что людей побито!
Столько крови! Кто ж виновен?
Ксендзы, езуиты...¹³

1570 Проносились гайдамаки
Степями, лесами.
А за ними и Ярема
С горем да слезами.
Вот минули Вороновку,
Вербовку, — в Ольшану
Прискакали: «Не спросить ли
Кого про Оксану?
Нет, не надо, пусть не знают,
За что пропадаю».

- 1580 Кони скачут. Гайдамаки
Село покидают.
Наклоняется к мальчонке:
«Ктитора убили?»
«Да нет, дядька, не убили —
На огне спалили
И Оксану, дочку, взяли.
А ты кого ищешь?
Коли ктитора, то даром:
Лежит на кладбище...»
- 1590 Не дослушал и галопом
Вороного кинул.
«Лучше б я вчера, не зная,
Не ведая, сгинул.
А сегодня я и мертвый
Из могилы встану
Ляхов мучить. Сердце мое!
Оксана! Оксана!
Где ты?..»
- Стихнул, зажурился.
- 1600 Сдержал вороного.
Горе тяжкое, немое
Охватило снова.
Поровнялся со своими
За хутором старым.
Где корчма была — огнище,
И Лейбы не стало.
Усмехнулся мой Ярема.
Грустно усмехнулся.
«Вот где, вот где я недавно
- 1610 Перед Лейбой гнулся!
А сегодня...» И взгрустнулось
О том, что минуло.
А ватага у оврага
С дороги свернула.
Догоняют мальчугана;
На спине котомка,
Лапти, рваная сермяга...
Окликнули громко:
«Эй, убогий, погоди-ка!»
- 1620 «Я не нищий, пане».

«Ну, а кто ж ты?»

«Гайдамака!»

«Ишь ты как, поганец!..»

«Сам-то дальний?»

«Кирилловский»¹⁴.

«А Будища слышал?»

«Знаю, как же!»

«А озеро?»

«Озеро повыше,
1630 Вон где озеро. Езжайте
Тропинкой вот этой». —
«Много ляхов нынче видел?»
«То-то вот, что нету!

А вчера их было пропасть!

Венков не святили

Из-за них, собак проклятых,—

За то ж их и били!..

И мы с баткой их карали,

А мать все хворает,—

1640 А то б тоже...»

«Добре, хлопец! —

Железняк кивает.—

Вот возьми себе на память

Об этой дороге

Золотой». —

«Спасибо, пане!..»

«Ну, казаки, трогай!

Да без гомону, потише!

Галайда, за мною!

1650 Там вон озеро в долине

И лес под горою.

А в лесу добро зарыто,—

Как подъедем, скажешь,

Чтобы хлопцы окружили,

Может, кто на страже

Там остался».

Подъезжают,

Встали вокруг леса.

Смотрят, смотрят — нету ляхов...

1660 «Да тут их до беса!

Гляньте, хлопцы, на деревья,

Сшибайте проклятых!» —
И посыпались, как груши,
Вниз конфедераты.
«Поживей сшибайте, хлопцы,
Будут знать, как лазить!
Вот так славная потеха —
Как бы да не сглазить!»
Отыскали гайдамаки
1670 Потайные ямы,
Все забрали, что годилось,
И в Лысянку ¹⁵ прямо
Поскакали...

П И Р В Л Ы С Я Н К Е

Над Лысянкой ¹⁶ клубы дыма
К небу повалили:
Железняк да Гонта люльки
На ночь закурили.
Страшно, страшно закурили,
Земля пламенеет.
1680 Вряд ли даже в преисподней
Так курить умеют!
Багровеет Тикич кровью
Евреев да ляхов.
Горят хаты и палаты,—
Заодно — все прахом...
И богатство и убогость...
А среди базара
Железняк гуляет с Гонтой:
«Кара ляхам, кара!»
1690 Чтоб покаялись собаки —
Всех подряд карают.
Стоны, слезы. Один молит,
Другой проклинает,
Третий кается напрасно
Перед мертвым братом.
Старикам пощады нету
И малым ребятам.
Не милуют гайдамаки,

Не щадят, зверея,
1700 Ни красу, ни возраст юный
Шляхтянок, евреек.
Ни убогих, ни здоровых,
Ни калек горбатых
Не осталось,— не спаслися
От грозной расплаты.
Ни души — легли все, пали,
Свершилася кара.
Трупы стынут, багровеет
Небо от пожара.
1710 Разгорелся, распылался
Под самые тучи.
А Галайда всюду слышен:
«Мучить ляхов, мучить!»
Как безумный, мертвых режет,
Рубит, как попало.
«Дайте ляха, дайте пана,
Мало крови, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Тех собак поганных!
1720 Море крови!.. Мало моря!
Оксана! Оксана!
Где ты?» — крикнет, пропадает
В полуме пожара.
А тем часом гайдамаки
Столы средь базара
Расставили. Отовсюду
Несут, несут блюда.
Собирают, накрывают,—
Тешат свою удаль.
1730 «Пейте, лейте!» — Загуляли.
А вокруг что было:
Трупы панские, качаясь,
Висят на стропилах
Обгорелых. Вдруг стропила
Пламенем обнимет —
Треск да искры! «Пейте, детки,
С панами такими,
Может, встретимся еще раз,—
Авось, не сплошаем!» —

- 1740 И черпак единым духом
Батько осушает.
«За собачьи эти трупы,
За собачьи души
Пью, казаки! Пейте, детки!
Выпьем, Гонта, друже!»
«Выпьем, выпьем, погуляем
Заедино, вместе!
Где Валах наш? Запевай-ка
Веселую песню!
- 1750 Не про дедов — сами шляхту
Караем не хуже!
Не про горе, потому что
Живем, а не тужим.
Грянть веселую такую,
Чтоб земля ломилась!
Про вдовицу-молодицу,
Как она журилась!»

К о б з а р ь
(играет и припевает)

- «От села до села
Праздник, пир великий.
- 1760 Я курицу продала,
Ношу черевики.
От села до села
Танцевать пойду я.
Ни коровы, ни вола,—
В хате ветер дует.
Я отдам-запродам
Куму свою хатку.
На виду, на ходу
Поставлю палатку.
- 1770 Стану я торговать
Горилкою горькой
Да гулять, танцевать
С молодыми только!
Ох вы, детки мои,
Я вас пожалею.
Поглядите, как танцую,—
Станет веселее.

Я в батрачки пойду,
Деток в школу отдам,
1780 Своим новым черевичкам
Таки дам, таки дам!»

«Славно! Славно! Плясовую!
Поддай жару в ноги!» —
Заиграл кобзарь, пустились
Посреди дороги.
Ходит площадь. «Ну-ка, Гонта,
Тряхнем стариною,
Пока живы — погуляем,
Притопнем ногою!»

1790 «Не смотрите вы, дивчата,
Что я обтрепался...
Родной батько делал гладко,—
Я в него удался».

«Добре, братец! Ей же богу!»
«Дорогу Максиму!»
«Погодите ж!»

«Даром, что ли, так поется:
Люблю дочку, чью придется,—
Хоть попову, хоть дьячкову,
1800 Хоть и просто мужикову».

Все танцуют, а Галайда
На гулянье плачет.
У стола сидит печальный,
Слез своих не прячет.
А с чего бы ему плакать?
Сидит себе паном:
Есть и деньги, есть и слава...
Да нету Оксаны!
Не с кем долей поделиться,
1810 Не с кем веселиться,
Сиротою довелось
На свете томиться...
И не знает, не гадает,
Что его Оксана

За рекой, в плену у ляхов,
У панов тех самых,
Что отца ее убили.
Над нею глумились,
Хвост поджали — убежали,
1820 В страхе притаились.
Только слушаете, сидя
За стеной надежной,
Стоны братьев! А Оксана
В окошко тревожно
Смотрит, смотрит на пожары.
«Где-то ты, мой сокол?»
А того она не знает,
Что он недалеко,
1830 Здесь, в Лысянке, да не в прежней
Старой свитке рваной.
В жупане сидит, горюет:
«Где моя Оксана?
Где она, моя голубка,
Томится да плачет?..»

А в потемках вдоль заборов,
В кирее казачьей
Идет кто-то...

«Что за люди?» —

Казак окликает.
1840 «Я посыльный пана Гонты,
Пускай он гуляет,
Подожду я».
«Ловок, Лейба,
Ловок жид, однако!»
«Спаси, боже,— не был жидом.
Видишь — гайдамака.
Вот копейка — знак имею».
«Да напрасно ищешь...»
И свяченый вынимает
1850 Из-за голенища.
«Признавайся, пес лукавый,
Ты привел в Ольшану
До ктитора ляхов пьяных?
Я шутить не стану.

Я батрак твой. Я Ярема.
Узнаешь, поганый?
Говори же, признавайся:
Где моя Оксана?» —
Замахнулся.

1860 «Спаси, боже...

За рекой... у пана...»
«Выручай же, а иначе —
Протянешь ты ноги». —
«Добре, добре... Ах, какой вы,
Пан Ярема, строгий!..
Тотчас все исполню. Деньги
И стену ломают.
Скажу ляхам: вместо Паца...»
«Ладно. Понимаю.

1870 Лети духом».

«Добре, пане,
Вы себе гуляйте,
Да часок-другой... покамест
Гонту забавляйте.
А куда везти Оксану?»
«В Лебедин... к монашкам».

С Гонтой весело танцует.
Жупан нараспашку.
Железняк же берет кобзу:
1880 «Потанцуй-ка, старый!
Я сыграю!»

И вприсядку
Слепец средь базара
Чешет рваными лаптями,
Говорит словами:

«В огороде пастернак, пастернак;
Чем я тебе не казак, не казак?
Иль я тебя не люблю, не люблю?
Иль я тебе черевичков не куплю?»

1890 Куплю, куплю, черноброва,
Куплю, куплю пару новых.
Буду часто ходить,
Буду крепко любить.

Ой, гоп-гопака!
Полюбила казака,
Некрасивого, рябого
Да седого старика.
Иди, доля, за бедою,
А ты, старый, за водою,
1900 А я сбегаю в шинок.
Выпью чарку да другую,
Выпью пятую, шестую,
Да и хватит мне, ей-ей!
В пляс — старуха, а за ней
Выбегает воробей,
Так и чешет — людей тешит.
Веселей, воробей!
Рябой, старый бабу кличет,
А та ему дулю тычет: —
1910 «Оженился, сатана,
Нет ни хлеба, ни пшена!
Надо деток воспитать,
Обувать, одевать.
А я буду добывать,
А ты, старый, не греши,
А ты зыбку колыши,
Да замри — не дыши!»

«Как была я молодою, жила весело я,
По-над ставней новый фартучек повесила я.
1920 Кто идет — не минет,
То кивнет, то моргнет,
А я шелком вышиваю
И в окошечко киваю.
Надевайте, хлопцы, свитки,
Приходите до калитки.
Погуляем, хлопцы, вместе,
Заиграем, хлопцы песни».

«Загоняйте квочку в бочку,
А цыпляток в вершу!..
1930
.

И... Гу!..
Взялся батька за дугу,
А старая — за гужи.
Дочка, повод подвяжи!»

«Хватит, что ли?»

«Еще! Еще!

Сами ноги носят!»

«В миску хлеба кроши
1940 Да побольше квасу.
Дед да баба — оба рады,—
Тюрька задалася!

Квасу, квасу подливай
Да кроши петрушку...

.
.

Квасу, квасу подливай,
Кроши больше хрену.
А дед бабе...

1950
.

Ой, лей воду, воду,
Поищи-ка броду, броду!..»

«Будет, будет! — крикнул Гонта.—
Хватит! Погуляли!

Поздно, хлопцы. А где Лейба,
Лейбу не видали?

Найти Лейбу и повесить!
Где он, сын собачий?

1960 Гайда, хлопцы! Погасает
Каганец казачий!»

А Галайда атаману:

«Погуляем, батько!

При пожаре на базаре

И светло и гладко!

Потанцуем! Играй, старый!»

«Нет, конец пирушке!

Огня, хлопцы! Дегтю! Пакли!

Волоките пушки!

1970 Наведите на тот берег.

Думают — шучу я!»
Заревели гайдамаки:
«Добре, батько, чуем!»
Через греблю повалили,
Орут, запевают.
А Галайда: «Батько, батько,
Стойте, погибаю!
Погодите, не палите,—
Там моя Оксана!
1980 Хоть немного погодите,
Я ее достану!»
«Ладно, ладно! Максим, братик,
Приступаем, друже!
Что возиться! А ты, хлопец,
Другую, не хуже
Облюбуешь».

Оглянулся —
Где он? Был иль не был?..
Взрыв гремучий. Стены вражьи
1990 Взметнулись под небо
Вместе с ляхами. Что было —
Пеклом запылало.
«Где ж Галайда?» — Максим кличет —
Следа не осталось...
Покамест хлопцы снаряжались,
Ярема с Лейбою пробрались
В подвалы к ляхам, и казак
Оксану вынес, чуть живую,
И поскакал напрапалую
2000 На Лебедин... 17

Л Е Б Е Д И Н

«Сирота я из Ольшаны,
Сирота, бабуся...
Отца ляхи замучили,
А меня... боюся
Даже вспомнить, мое сердце,
Увезли с собою.
Не спрашивай, родная,

Что было со мною.
Сколько плакала, молилась,
2010 Сердце надрывала!
Не хватало слез, голубка,
Душа замирала.
Кабы знала, что увижу
Друга дорогого,—
Молча б вытерпела муки
За одно то слово.
Ты прости, прости, голубка,
Может, согрешила,
Может, бог меня карает,
2020 Что я полюбила,
Полюбила молодого.
И что тут поделать?
Полюбила, как умела,
Как сердце велело.
Не за батьку, не за матку
Молилась в неволе,—
За него молилась богу,
Чтоб дал ему долю.
Карай, боже, карай, правый,
2030 Все скажу, что было:
Страшно молвить, что я душу
Свою не сгубила.
И наверно б на себя я
Руки наложила,
Да как вспомню сиротину,—
Боже ты мой милый!
Кто ж его на белом свете
Приветит, не бросит?
Кто про долю, про недолю,
2040 Как я, порасспросит?
Кто обнимет крепко-крепко,
Как я, горевого,
Кто подарит сиротине
Ласковое слово?
Так я думала, бабуся,
И сердце смеялось:
Я сама на свете круглой
Сиротой осталась.

Только он один на свете,
2050 Один меня любит.
Как узнает, что решилась,—
И себя загубит.
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала.
Нет и нету — не приходит,
Одна я осталась!» —
И заплакала.

Черница

Склонилась над нею,
2060 Опечалилась.

«Бабуся,
Скажи ты мне, где я?»
«В Лебедине, моя пташка,
Ты лежишь больная».
«В Лебедине? А давно ли?»
«Третий день, родная».
«Третий, третий... Погоди-ка...
Пожар над водою...
Лейба... Вечер... Майдановка... 18
2070 Зовут Галайдою...»
«Галайдой себя, Яремой
Называл, родная,
Тот, что спас тебя...»

«Где? Где он?!

Теперь все я знаю!..»
«На неделе обещался
За тобой явиться».
«На неделе! Близко! Близко!
Будет мне томиться!
2080 Вышел, вышел срок, бабуся,
Несчастной судьбине!
Тот Галайда — мой Ярема!..
По всей Украине
Его знают! Я видала,
Как села пылали!
Я видала — каты-ляхи
Все дрожмя-дрожали,
Как услышат про Галайду!

- Знают они, знают,
2090 Кто такой он и откуда,
За что их карает.
Отыскал меня в неволе,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубочек милый!
Ах, как весело на свете,
Как весело стало!
Сколько дней прошло, бабуся?
Еще три осталось?
2100 Ах, как долго!..
«Загребай, мама, жар, жар,
Будет тебе дочки жаль, жаль...»
Ах, как весело на свете,
А тебе, бабуся?»
«На тебя гляжу я, пташка,
Гляжу, веселюся».
«Что ж, бабуся, не поешь ты?»
«Бывало, певала...»
Тут к вечерне зазвонили,
2110 Оксана осталась.
А черница, помолившись,
В храм заковыляла.

- Через три дня там *Исайя*,
Ликуй! возглашали:
Утром рано там Оксану
С Яремой венчали.
А под вечер мой Ярема,
Хлопец аккуратный,
Чтоб не сердить атамана,
2120 Поскакал обратно
Ляхов резать. И с Максимом
В Умани справляет
Пир кровавый. А Оксана
Сидит-поджидает,
Поджидает, не едет ли
С дружками Ярема,
Чтоб из кельи взять Оксану
И ехать до дому.

Не тоскуй, молися богу,
2130 Поджидай, Оксана.
А покамест — на пожары,
На Умань я гляну.

ГОНТА В УМАНИ

Похвалились гайдамаки,
На Умань идучи:
«Из китайки да из шелка
Будем драть онучи».

I

Проходят дни, проходит лето,
А Украина, знай, горит;
Сироты плачут. Старших нету,
Пустуют хаты. Шелестит
Листва опавшая в дубровах,
Гуляют тучи, солнце спит;
И слова не слышать людского,
2140 Лишь воют волки у села,
Останки панские таская:
Кормились ими серых стаи,
Пока метель не занесла
Объедки волчьи...

Но и вьюга не укрыла
Палачей от кары.
Ляхи мерзли, а казаки
Грелись на пожарах.
Землю, спавшую под снегом,
2150 Весна разбудила,
Муравой-травой одела,
Цветами покрыла.
В поле жаворонок звонкий,
Соловей на вербе
Пробужденную встречают
Землю песней первой.
Рай цветущий! Для кого же?
Для людей? А люди?..
Ходят мимо — и не смотрят,
2160 Посмотрят — осудят.
Кровью надобно подкрасить,

Осветить пожаром
Рай земной — тогда и будет
Хорошо, пожалуй...
Чего нужно? Люди, люди,
Когда же вам будет
То, что есть на свете, мило?
Чудные вы, люди.

Не смирила весна злобы,
2170 Не уняла крови.
Страшно видеть, а как вспомнишь, —
Так было и с Троей
Было, будет...

Гайдамаки

Гуляют, карают,
Где пройдут — земля пылает,
Кровью подплывает.
Не родной хоть он, не кровный
Сынок у Максима —
2180 Поискать такого надо
Хорошего сына.
Батько режет, а Ярема —
Не режет — лютует,
Со свяченым на пожарах
Днюет и ночует,
Не милует, не минует —
Карает сурово,
За ктитора платит ляхам,
За отца святого,
2190 За Оксану... холодеет,
Вспомнив об Оксане...
А Максим: «Гуляй, Ярема!
Пока доля встанет,
Погуляем!»

Погуляли

Казачи до срока.
От Киева до Умани
Легли ляхи впокот.

Словно туча, гайдамаки
2200 Умань¹⁹ обступили,

До рассвета, до восхода
 Умань подпалили.
 Подпалили, закричали:
 «Карай ляхов снова!»
 Покатились, отступая,
 Бойцы пагодowi²⁰.
 Побежали старцы, дети,
 Хворые, калеки.
 «Гвалт! Ратуйте!» Полилися
 2210 Кровавые реки.
 Море крови. Атаманы,
 Стоя средь базара,
 Кричат разом: «Добре, хлопцы!
 Кара ляхам, кара!»
 Но вот ведут гайдамаки
 С езуитом рядом
 Двух подростков. «Гонта! Гонта!
 Твои, Гонта, чада.
 Раз католиков ты режешь,
 2220 То зарежь и этих.
 Что же смотришь? Твои, Гонта,
 Католики-дети.
 Подрастут, тебя зарежут —
 И не пожалеют...»
 «Пса убейте! А щенят я —
 Рукою своею...
 Признавайтесь перед всеми,
 Что веру продали!»
 «Признаемся... Мать учила...
 2230 Мать... А мы не знали!..»
 «Замолчите! Боже правый!..»
 Собрались казаки.
 «Мои дети — вражьей веры!
 Чтобы видел всякий,
 Чтоб меня не осудили
 Братья-гайдамаки,—
 Не напрасно присягал я
 Резать ляхов-катов!
 Сыны мои! Мои дети!
 2240 Малые ребята!
 Что ж не режете вы ляхов?»

«Будем резать, будем!..»
«Нет, не будете, не верю:
Проклятою грудью
Вы кормились. Католичка
Вас на свет родила.
Лучше б ночью вас приспала,
В реке б утопила!
Греха б меньше. Умерли бы,
2250 Сыны, не врагами,
А сегодня, сыны мои,
Отцу горе с вами!
Поцелуйте ж меня, дети,
Не я убиваю,
А присяга!» И свяченный
На них подымает.
Повалились, захлебнулись.
Кровь, слова глотали:
«Тату... Тату... Мы — не ляхи!
2260 Мы...» — И замолчали.
«Закопать бы?..» — «Нет, не нужно —
Католики были.
Сыны мои! Мои дети,
Что вы не убили
Мать родную католичку,
Что вас породила,
Ту, проклятую, что грудью
Своей вас кормила!
Идем, друже!»
2270 Взял Максима,
Побрели базаром.
Снова вместе закричали:
«Кара ляхам, кара!»
И карали. Страшно-страшно
Умань запылала.
Ни в палатах, ни в костеле
Ляхов не осталось,
Все легли. Такое видеть,
Прежде не случалось
2280 Пламя в небо полыхает,
Умань освещает.
Католическую школу

Гонта разрушает.
«Ты моих детей учила
На позор, измену!
Ты учила неразумных,—
Разносите стены!
Бейте! Жгите!» —

Гайдамаки

2290 Стены развалили.
Головами об каменья
Езуитов били,
А школяров — тех в колодцах
Живьем утопили.

До ночи глубокой палили и били.
Души не осталось, кого бы казнить.
«Где вы,— кричит Гонта,— людоеды,
скрылись?»

Детей моих съели, постыло мне жить!
Тяжело мне плакать, не с кем говорить!
2300 Сынов моих милых навеки не стало;
Где вы, мои дети? Крови, крови мало!
Шляхетской мне крови хочется испить!
Хочу, хочу видеть, как она темнеет,
Как она густеет... Что ветер не веет,
Ляхов не навеет! Постыло мне жить!
Тяжело мне плакать! Звезды в небе ясном!
Сокройтесь за тучу — не нужен мне свет!
Я детей? зарезал! Горький я, злосчастный,
Куда притулиться? Нигде места нет!»

2310 Так метался Гонта.
А среди базара
Столы гайдамаки накрывают в ряд.
Мед несут, горилку, с яствами спешат.
Над лужами крови, в зареве пожаров
Пир идет последний.

«Гуляйте, сыны!

Пейте — пока пьется! Бейте — пока
бьется! —

Максим возглашает.— А ну-ка, кобзарь,
Ахни плясовую — пусть земля трясется
2320 От гульбы казачьей,— такую ударь!»
И кобзарь ударил:

«А мой батько был шинкарь,
Чеботарь;
А мать была пряха
Да сваха.
Братья-соколы росли,
Привели
И корову из дубровы
И мониста принесли.
2330 А я себе — Христа
В монисте;
На паневе листься
Да листься,
Черевики да подковы.
Пойду утром я к корове,
И корову напою,
Подою,
Да с хлопцами постою,
Постою».

2340 «Ой, гоп среди круга!
Не журись, моя старуха,
Закрывайте, дети, дверь,
Стели, старая, постель!»

Все гуляют. Где же Гонта?
Что он не гуляет?
Что не пьет он с казаками?
Что не подпевает?
Нету Гонты. Не до песен
Ему — не иначе...
2350 А кто поздно по Умани
В кирее казачьей
Ходит-бродит одиноко,
Как тень на кладбище,
Груды мертвых разрывает,
Все кого-то ищет?
Отыскал два детских тела
И пустым базаром,
Пробиваясь через трупы,
В зареве пожаров,
2360 Их уносит. Это Гонта,
Горем удрученный,

Сыновей несет, укрывши
Киреею черной,
Чтоб предать земле казачье
Тело по порядку.
Переулками проходит
Темными украдкой.
Пусть никто того не видит
И никто не знает,
2370 Как сынов хоронит Гонта
И как он рыдает.
Вынес в поле, от дороги
В сторону шагает.
И ножом копает яму.
А Умань пылает,
Озаряет степь, могилу,
Детям в лица светит...
Будто спят в одежде мирно,
Набегавшись, дети.
2380 Что же Гонту в дрожь кидает,
Будто клад скрывает
Гонта ночью? По Умани
Его окликают.
Как не слышит — роет Гонта
Ножом, что лопатой.
Сыновьям в степи готовит
Просторную хату.
Приготовил. Кладет рядом
Сыновей в ту хату.
2390 Слышит Гонта, снова слышит:
«Мы не ляхи, тату!»
Кумачовый из кармана
Платок вынимает.
Крестит их, целует в очи,
Платком покрывает.
Покрывает по закону
Головы казачьи.
Приоткрыл, взглянул еще раз...
Горько-горько плачет...
2400 «Сыны мои! Поглядите
На мать-Украину.
За нее и вы погибли,

И я тоже сгину.
А кто меня похоронит?
В чужедальнем поле
Кто заплачет надо мною?
Доля моя, доля!
Несчастливая, лихая,
Горькая судьбина,
2410 Для чего детей послала,
Меня не убила?
Лучше б меня проводили,
Как я провожаю —
Осенил крестом последним,
Землей засыпает.—
Почивайте, мои дети,
В могиле унылой.
Для сынов другой постели
Мать не постелила.
2420 Без цветов в земле холодной
Почивайте, дети.
За меня молитесь бога:
Пусть на этом свете
Покарает страшной карой —
Иного не чаю.
Только вы меня простите,
Я вам все прощаю.—
Закопал, сровнял с землею,
Чтоб не видно было,
2430 Чтоб никто не знал на свете
Сыновей могилы.
Почивайте. Поджидайте:
Скоро постучуся.
Не дал вам дожить я веку —
Сам не заживуся.
И меня убьют. Скорей бы!
Да кто закопает?
Гайдамаки! Напоследок
С ними погуляю!»
2440 И пошел понуро Гонта,
Идет, спотыкнется,
Глянет Гонта на пожары,
Глянет, усмехнется.

Страшно, страшно усмехался,
На степь озирался...
Вытер слезы... Будто канул —
В дыму затерялся...²¹

Э П И Л О Г

Давно это было, как я, босоногий,
В одежде убогой, ребенком блуждал
²⁴⁵⁰ По родной Украине, по тем по дорогам,
Где Гонта когда-то с Максимом гулял.
Давно это было, как теми путями,
Где шли гайдамаки, и я со слезами
Бродил сиротою, годами был мал,
Добру поучиться людей я искал.
Припомнил — и жалко, что горе минуло,
А с горем и юность. Когда б ты вернулась,
Нынешнюю б отдал за тебя судьбу.
Вспоминаю детство, хату, степь без края,
²⁴⁶⁰ Вспоминаю батька, деда вспоминаю.
Дед еще гуляет, а батько в гробу.
Как в праздник, Миней закрывши, бывало,
И выпив с соседом по чарке по малой,
Попросит он деда, чтоб тот рассказал
Про то, как Украина пожаром пылала,
Про Гонту, Максима, про все, что застал.
Столетние очи, как звезды, сияли,
Слова находились, текли в тишине:
Как Смела пылала, как ляхов карали...
²⁴⁷⁰ И слезы соседи порой утирали,
Мальчонкою плакать случалось и мне
О ктиторе бедном. В ту пору, однако,
Никто и не видел, как маленький плакал.
Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайдамаков —
А я ее внукам передал, как мог.

Не судите меня, люди,
Кому не по нраву,
Что писал я не по книгам
Про казачью славу.

2480 Дед рассказывал когда-то,
Я за дедом следом.
Не знал старый и не ведал,
Что его беседу
Люди книжные услышат,
Ученые люди.
Прости, дедусь! Ну, да пусть их
Как хотят, так судят.
Я к своим вернусь покамест,
Доведу — не кину,
2490 Да хотя б во сне увижу
Свою Украину,
Где гуляли гайдамаки
С святыми ножами;
Те дороги, где ходил я
Босыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть не целый год шляхетской
Кровью заливали
2500 Украину. Да и стихли,
Ножи притупили.
Нету Гонты, и креста нет
На его могиле.
Поразвевял буйный ветер
Степью прах казачий.
Кто о нем молиться станет,
Кто о нем поплачет?
Только брат, хоть не родной мне,
Не кровный, да лучший,
2510 Услыхал, какую мукой
Гонта был замучен,—
В первый раз, быть может, сроду
Никто б не подумал!
Железник заплакал горько
И от горя умер.
Доконала весть лихая
В чужедальнем поле.
В чужом поле схоронили —
Такая уж доля!

2520 Грустно, грустно гайдамаки
Батька схоронили.
Холм насыпали высокий,
Навеки простились.
Поплакали — разошлись,
Кто откуда взялся...

Лишь Ярема, опершись
На посох, остался
У могилы. «Спи, мой батько,
Средь чужого поля!»
2530 В родном поле нету места,
Нету нашей воли.
Почивай, казак, далеко
От родного края».

И пошел Ярема степью,
Слезы утирая.
Все оглядывался хлопец,
Пока видно было.
А потом — одна осталась
Средь степи могила ²².

2540 Посеяли гайдамаки
На Украине жито.
Только жито вражьим коням
Легло под копыта...
Кривда выросла, а правда
Не выросла — нету.
Разошлись гайдамаки
Кто куда по свету.
Под мостами на дорогах
Засели иные,
2550 А про всех такая слава ²³
Живет и доньше.
Той порой и Сечь былую
Дотла разорили.
На Кубани, на Дунае
Казачи укрылись.
А днепровские пороги
В степи завывают:

«Схоронили сынов наших
И нас разрывают».
2560 Ревут себе, вспоминают
Про то, что минуло.
И навеки Украина,
Навеки уснула.

С той поры в степях широких
Жито зеленеет,
Ни пальбы, ни криков бранных,—
Только ветер веет.
Низко вербы нагибает,
Ковыль в чистом поле.
2570 Все затихло, замолчало,—
На то божья воля.
Только деды-гайдамаки
Под вечер проходят
Над Днепром-рекой и песню
Давнюю заводят:

«У нашего Галайды — богатая хата!
Гей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!»

П Р И М Е Ч А Н И Я Ш Е В Ч Е Н К О

1. Энциклопедический лексикон, том 5. Барская конфедерация и «Historja Królowstwa Polskiego» g. s. Bandtke, tom 2

2. Вильшана или Ольшана — местечко Киевской губернии, Звенигородского уезда; между Звенигородкой и Вильшаной, по старой дороге, Боровиков хутор и корчма, в которой Ярема Байстриук, а потом Галайда, был у еврея батраком (от старых людей).

3. Неуниатов ляхи называли схизматами.

4. Про конфедератов так рассказывают очевидцы; и не удивительно — это ведь была все шляхта z honorem, без дисциплины; работать не хочется, а есть надо.

5. Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою, а не летом.

6. За гайдамаками ходил кобзарь; его называли слепым Балахом (дед рассказывал).

7. Павла Наливайка заживо сожгли в Варшаве, Ивана Острицу и тридцать казацких старшин после страшной муки четвертовали и развезли их тела по всей Украине. Зиновий Богдан и сын его Тимофей были похоронены в Субботове около Чигирина; Чарнецкий, коронный гетман, не взяв Чигирина, со злости сжег их трупы (Георгий Конисский).

8. Полковник Богун потопил ляхов в Ингуле. Зиновий Богдан вырезал сорок с чем-то тысяч ляхов над Росью в Корсуне. Тарас Трясило вырезал ляхов над Альтою и ночь, в которую это случилось, называется Тарасовой, или кровавой (Бантыш-Каменский).

9. Так про чигиринский праздник рассказывают старые люди.

10. Тарасова и Варфоломеева ночи одна другой стоят, к стыду римской тиары.

11. Третьи петухи — сигнал; рассказывают, что есаул Железняк, не дожидаясь третьих петухов, поджег Медведевку — местечко между Чигирином и Звенигородкой.

12. Черный шлях начинался у Днепра между устьями речек Сокировки и Носачовки и шел через Запорожские степи, через воеводства Киевское, Подольское и Волынское на Червонную Русь до Львова. Черным он назван потому, что татары ходили по нему в Польшу и своими табунами вытаптывали траву.

13. До унии казаки с ляхами жили мирно и если бы не иезуиты, то, быть может, и не резались бы; иезуит Поссевин, папский легат, первый начал унию на Украине.

14. Кереливка или Кирилловка — село Звенигородского уезда. Червонец, который дал Железняк пареньку, и до сих пор хранится у сына этого паренька, я сам его видел.

15. Село Будища, недалеко от Кирилловки; в овраге озеро и над озером небольшой лес, называемый Гупаливщиною за то, что там Железняк сбивал ляхов с деревьев. Погреба, где было спрятано шляхетское добро, существуют и поныне, но уже разрушаются.

16. Лысянка — местечко Звенигородского уезда, над речкой Гнилым Тикичем; здесь встретились Гонта с Железняком и разорили старинный замок, построенный едва ли не Богданом.

17. Лебедин — девичий монастырь между Чигирином и Звенигородкой.

18. Майдановка — село, недалеко от Лысянки.

19. Умань — уездный город Киевской губернии.

20. Kawaleria Narodowa — так назывались польские драгуны; их тогда было в Умани 3000, и все были побиты гайдамаками.

21. В Умани Гонта убил детей своих за то, что их мать, католичка, помогла иезуитам обратить их в католичество. Младоджович, товарищ сыновей Гонты, видел с колокольни, как они умерли и как школяров базилианской школы Гонта утопил в колоде. Он много написал о гайдаматчине, но напечатано ничего не было.

22. Вероломством взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его в кандалах в польский лагерь недалеко от Балты с отрезанным языком и правою рукой; Браницкий, польский генерал, велел так сделать, чтоб он чего-нибудь не сказал про него. Потом палачи раздели его, как мать родила, и посадили на раскаленное железо; потом сняли двенадцать полос кожи со спины. Гонта повел глазами и страшно глянул на Браницкого; тот махнул рукой — и розняли Гонту на четыре части, развезли тело и прибили на перекрестках дорог. Железник, услышавши, что так страшно поляки замучили Гонту, заплакал, захворал и умер; его гайдамаки схоронили в степи над Днестром и разошлись.

23. Вор, разбойник или гайдамак — такими остались гайдамаки после Колинвщины, такими они славут и до сих пор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После слова — предисловие. Можно бы и без него. Так вот, видите ли: все, что я видел напечатанного, — только видел, а прочитал очень немного, — все имеет предисловие, а у меня нет. Если бы я не печатал своих «Гайдамаков», то было бы не нужно и предисловие. А если уж выпускаю в свет, то надо с чем-нибудь, чтоб не смеялись над оборванцами, чтоб не сказали: «Вот какой! Разве деды да отцы глупее были, что не выпускали в свет даже букваря без предисловия!» Да, ей-богу, да, извините, надобно предисловие. Только как же его скомпановать. Чтобы, знаете, не было ни неправды, ни правды, а так как все предисловия компануются. Хоть убей, не умею: надо бы хвалить, — да стыдно, а хулить не хочется.

Начнем же уже начало книги сице: весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой, под тыном, и весело послушать его, когда он запоет

думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками, весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало»,— а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть житом, пшеницею, как золотом покрыта, неразмежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля.

О том, что происходило на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей, напечатанного и критикованного ничего не читал, ведь, кажется, и нет ничего. Галайда наполовину выдуман, а смерть ольшанского ктитора правдива,— ведь есть еще люди, которые его знали. Гонта и Железняк — атаманы этого кровавого дела, может, выведены у меня не такими, какими они были,— за это не ручаюсь. Дед мой, доброго ему здоровья, когда начинает рассказывать что-нибудь такое, что не сам видел, а слышал, то сперва скажет: «Если старые люди врут, то и я с ними».

ГОСПОДА ПОДПИСЧИКИ!

«Видим, видим, что надул, да еще и хочет отбрехаться!» — Вот так вы вслух подумаете, прочитав моих «Гайдамаков». Господа почтеннейшие, ей-ей, не брешу. Вот видите что! Я думал, и очень хотелось мне напечатать ваши казацкие имена рядышком, хорошенько; уже было и нашлось их десятка два, три. Слушаю, выходит разноречиво: один говорит — «надо», другой говорит — «не надо», третий ничего не говорит. Я думал: «как тут быть?» Взял да и протрынькал хорошенько те деньги, что надо было заплатить за листок напечатанного, а вам и ну писать эту цидулу! Все бы это ничего! Что не случается на веку! Всякое бывает, как на долгой ниве. Да вот — горе мое! — Есть еще и такие паньчи, что стыдились свою благородную фамилию (Кирпа-Гнучк-шиенко — *вз*) и напечатать в мужицкой книжке. Ей-ей, правда!

* * *

Ветер веет, повеваает,
Шепчется с травкою;
Плывет челнок по Дунаю,
Гонимый волною.
Плывет в волны водой полный —
Никто не приметит;
Кому глядеть? Хозяина
Давно нет на свете.
Поплыл челнок в сине море,
10 А оно взыграло...
Поднялися волны — горы,
И щепок не стало.

Короткий путь что челноку
До синего моря,—
Сиротине — до чужбины,
А там — и до горя.
Словно волны, поиграют
С ним добрые люди;
Потом станут удивляться,
20 На что он в обиде;
Потом спроси — где сирота?
Никто и не видел...

[Петербург 1841]

МАРЬЯНА-ЧЕРНИЦА

*Оксане К...ко. На память о том,
что давно минуло*

Ветер стонет, долу клонит
Лозу на просторе,
Дуб ломает, катит полем
Перекасти-поле.
Так и доля: того согнет,
Иного сломаёт;
Меня катит, а где бросит –
И сама не знает

- В какой стороне бедняка закопают?
¹⁰ Где я успокоюсь, навеки засну?
Коль знаешь на свете лишь бедность одну,
То жизни не жалко. Никто не узнает,
Не скажет хоть в шутку: «Пускай почивает!
В одном его счастье, что рано заснул».
Не правда ль, Оксана? голубка чужая!
Ты тоже не вспомнишь того сироту,
Что счастлив был, в свитке по свету блуждая,
Когда видел чудо — твою красоту.
Кого ты без речи, без слов научила
²⁰ Очами, душою, сердцем говорить,
С кем пела *Петруся*, чтоб горе забыть,
С кем в песнях всю душу умела раскрыть.
Ты тоже не вспомнишь. Оксана! Оксана!
Поныне я плачу, тоскую, томлюсь,

Проливаю слезы над моей Марьяной,
Тобою люблюсь, за тебя молюсь.
Припомни ж, Оксана, голубка чужая,
Украшь же сестрицу Марьяну венком,
Взгляни на Петруся, печали не зная,
³⁰ И хоть невзначай помяни о былом.

*Санкт-Петербург
Ноября 22 1841 года*

I

В воскресенье на выгоне
Дивчата гуляли,
Танцевали с парубками,
Песни распевали,
Вспоминали вечерницы,
Как мать дочку била,
Чтоб с казаком не стояла.
Ясно, молодые...
Каждая и напевает
⁴⁰ О своем, что знает...
Вот кобзарь с сумой своею
В село ковыляет.
Сапоги в руках, а рядом
С ним — поводыренок
Семенит едва... ребенок!
Несчастный ребенок!
Ободранный; не рубаха,
А одни заплаты...
(Ну, точь-в-точь — сынок Катруси.)
⁵⁰ Всмотрелись дивчата...
«Кобзарь идет! Кобзарь идег!»
По слову такому,
Хлопцев бросив, побежали
Навстречу слепому!
«Дедушка, сыграй, голубчик,—
Закричали дружно.—
Я дам грошик. Я — черешен.
Все дадим, что нужно —

- Все, что хочешь... Мы станцуем,
60 А ты нам сыграешь...
Заиграй нам, что придется...»
«Знаю, дочки, знаю...
Вам спасибо, благодарен
За ласку премного.
Я б сыграл вам, да, признаться,
Не на чем, ей-богу...
Я вчера был на базаре,
Кобза поломалась...
Разладилась...» — «А струны есть?»
- 70 «Только три осталось».
«Хоть на трех сыграй, что хочешь».
«На трех... Ох, дивчата!
Я и на одной, бывало,
Игрывал когда-то...
Погодите, дорогие,
Отдохну немного.
Сядем, хлопчик». Опустились
В траву при дороге.
Вынул кобзу, два-три раза.
- 80 Ударил по рваным.
«Что б сыграть вам? Погодите.
Черницу Марьяну
Вы слышали?» — «Не слышали».
«Так слушайте, дети,
Да кайтесь!.. Давным-давно
Жила мать на свете,
И отец был, да не стало;
Осталась вдовою,
Да не молодою,
- 90 И с волами,
И с возами,
И с дочкой родною.
Росла ее Марьяна,
Как панночка румяна,
Горделива
И красива,—
Хоть за гетмана-пана!
Мать о дочке хлопочет,
За богатого прочит.

- 100 А Марьяна
Ждет не пана,
И гулять с ним не хочет,—
С тем усатым, пузатым
Богатеем проклятым,
А к родному,
Молодому
Хлопцу Петру из хаты
Убегала,
С ним гуляла,
110 Обнимала, млела...
А порою улыбалась,
Плакала, робела...
Спросит Петр ее: «Что плачешь?
Поведай, родная...»
Она взглянет, усмехнется:
«И сама не знаю...»
«Или, думаешь, покину?
Нет, моя дивчина,
Буду ходить, буду любить,
120 Покуда не сгину!..»
«Разве было так на свете,
Чтоб жарко любили,
А потом вдруг разлучились
И в разлуке жили?
Нет, такого не бывало...
Только сочиняют
Кобзари об этом песни...
Слепые не знают
И не видят, что на свете
130 Есть ты, черноокий,
Что есть гибкий стан девичий,
Казацкий высокий.
Что есть косы, чудо-косы,
И твой чуб, мой милый,
Что на слово на Петрово
И в глухой могиле
Улыбнуса; скажу ему:
«Орел сизокрылый,
Люблю тебя и по смерти,
140 Как в жизни любила.—

Пусть нас вместе, мое сердце,
В землю закопают!
Обниму вот так, покрепче...
Умру... Не узнаю.
Не узнаю...» — Обнялись,
Обнялись, замлели...
Вот любовь была какая!
На тот свет хотели
Обнимаясь удалиться;
150 По-иному сталося!
Каждый вечер сходилися,
А мать и не знала,
Где Марьяна до полночи
Играет-гуляет?
«Дочь моя еще ребенок,
Ничего не знает».
Угадала мать, да только
Не все угадала,
Знать, забыла, что когда-то
160 И сама гуляла.

Она угадала: ее молодая
Марьяна не знает, как надобно жить.
Думала — ни люди, ни доленька злая
Петра не похитят... Умела любить.
Думала, что только кобзари играют,
Не видят, слепые, тех карих очей;
Что попусту только пугают людей...
Пугают, дивчата, правдою пугают!
И я вас пугаю, того, что я знаю,
170 Пускай никому не придется узнать —
Изведал я горе... Прошли мои лета!
Сердце не заснуло, я вас не забыл.
Люблю вас, дивчата, как мать своих деток,
Играть я вам буду пока хватит сил.
Когда же меня, мои дети, не станет,
Добром помяните меня и Марьяну,—
Я вам с того света тогда улыбнусь,
Улыбнуся...» — И заплакал.
Дивчата смотрели,
180 Отчего кобзарь заплакал

Спрашивать не смели.
Все минуло. Помогало
В годы молодые
Слово девичье, простое...
И глаза слепые
Вытер старец... «Вы простите,
Меня, ради бога.
Так вот, видите, Марьяна
С убогим Петрусем
190 До полуночи гуляла,
А мать и не знала,
Удивлялась, что такое
С Марьяною стало?
Сглазил кто? Бывало, сядет —
И не вышивает;
Лишь *Петруся* вместо *Гриця*
Тихо напевает.
По ночам во сне подушку
К груди прижимает...
200 Мать смеялась поначалу,
Думала — играет;
Потом видит, что не шутки.
Говорит: «Марьяна!
Ждать пора уже нам сватов
И, может, от пана!
Выросла ты, чтоб не сглазить,
Уже погуляла:
Думаю, сама ты видишь...»
Насилу сказала:
210 «Уж пора б и замуж, что ли...»
«А за кого, мама?»
«За того, кто тебе пара».
Запела Марьяна:

«Отдай меня, моя мама,
Да не за седого,
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого.
Пускай старый бобылюет,
Гребет денег вволю,
220 А молодой меня любит,

Не ждет лучшей доли.
Он не ищет, он не рыщет
Чужими степями:
Свои волы, свои возы,
А меж парубками
Точно мак между цветами,
Цветет, расцветает.
Есть и поле, есть и воля,
Лишь доли не знает.
230 Его счастье, его доля —
Мои очи, брови,
Длинные мои ресницы,
Ласковое слово.
Отдай меня, моя мама,
Да не за седого, —
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого».

«Дочка моя, Марьяна!
Отдам тебя за пана,
240 За знатного, богатого —
За сотника Ивана».
«Умру, сердце-мама,
За сотником Иваном».
«В дом его войдешь по праву,
Деток вырастишь на славу».
«Пойду внаймы, пойду в люди,
Женой сотника не буду».
«Пойдешь, дочка Марьяна,
За сотника Ивана».
250 Заплакала, зарыдала
Бедная Марьяна.
«За старого... богатого...
За сотника Ивана... —
Сама себе повторяла,
А потом сказала: —
Срок положенный девичий
Я не отгуляла.
Ты ходить мне не давала
Поутру к кринице,
260 Ни жито жать, ни лён трепать,

Ни на вечерницы,
Где и хлопцы и дивчата
Смеются, гуляют,
Обо мне, о чернобровой,
Шепотком болтают:
«Богатого отца дочка,
Шляхетского рода».
Горько жить мне. Горько, мама!
Горше год от года!
270 Ты мне брови подарила
И карие очи,
Все дала мне, только счастья,
Счастья дать не хочешь!
Зачем меня пеленала?
Кормила, ласкала?
Пока горя я не знала,
В землю б закопала!»
Отмахнулась мать седая,
Слушать не желая;
280 Дочка вся в слезах из хаты
Вышла, как слепая.

II

«Ой, гоп! Не пила,
Я на свадьбе была,
К себе домой не попала,
А к соседу зашла,
У соседа
До обеда
Спать в чулане легла,

Потом со всех ног
290 С неженатым — в горох,
И в чулане, и в бурьяне,
Там, где яр, там, где лог,
Целовались,
Обнимались,
Потоптали горох.

Ой, гоп! Не сама —
Напоила кума,
Помогла домой добраться,
Не увидел Фома.
³⁰⁰ С кем пью брагу.
С тем и лягу,
Мне не надо ярма!

Поразило б тебя громом!
Я, Фома, не буду дома,
А у кума,
У Наума
Выплюсь в клуне на соломе.
Ну-ка, ну-ка, весела!
Наша с нами в пляс пошла!
³¹⁰ Фартук-фартучек алеет,—
Нету девушки честнее!»

Так гости шли и пели рьяно
Ордою пьяной; а Марьяна
На них из сада своего
Смотрела, у плетня упала
И тяжело, тяжело зарыдала.
Беда! А все из-за того,
Что любит. Тяжело на свете
Век одинокому прожить,
³²⁰ Еще страшнее, мои дети,
Себе неравного любить.
Смотрите: живу без очей, среди ночи,
Давно я их выплакал, мне их не жаль.
Мне нечего видеть. Те девичьи очи...
Что давно... Когда-то... Думы и печаль,—
Вот все, чем владел и владею на свете,
С богатством таким мне невесело жить.
Под тыном ночью, беседую с ветром,
Хозяева в хату стыдятся впустить
³³⁰ И словом приветить седого калеку.
Долго жить не стоит тому человеку,
Кому не судилось счастливо любить.

Уж лучше со света уйти поскорее,
Чем видеть, как старый, скупой богатеи
Целует за деньги, венчается с нею...
О боже, мой боже! волею своею
Разбей мое тело и душу разбей».

Зарыдал кобзарь, заплакал
Слепыми очами.

340 Удивляются дивчата:

Смерть уж за плечами,
А он слепой, сивоусый
Про былое плачет.

Вы, дивчата, не дивитесь
Тем старым, казачьим

Святым слезам. То не утром

Выпавшие росы

При дороге, и не ваши

Бисерные слезы.

350 Наплакался. К струнам рваным

Припал головою.

«Вплоть до вечера Марьяна

В роще под вербою

Проплакала; пришел Петрусь,—

Все ему сказала,

Что от матери слыхала

И что сама знала.

Не сдержалась, рассказала,

Как ордою пьяной

360 Гости шли и пели песни.

«Марьяна! Марьяна!

Скажи, почему я убог, ты богата?

Скажи, почему нет коней у меня?

Меня бы насильно никто не сосватал,

Молчала бы мать. Ты, судьбу не кляня,

Спросила б лишь сердце, дала б ему волю

Любить, кого знает. Тебя б я умчал

Далеко! Далеко! Никто чтоб не знал,

Никто чтоб не видел, где светлая доля,

370 Моя доля, мое счастье —

Ты, моя Марьяна!

Почему же ты не в свитке,

А я не в жупане?»

Плачет девушка, — так дети
Плачут от обиды.
Петро ее обнимает,
Ничего не видит,
Кроме частых слез Марьяны;
Коль девушка плачет —
380 И средь бела дня тоскливо,
А ночью — тем паче!
«Не плачь, сердце, у меня есть
И сила и воля,
Люби меня, мое сердце,
Найду свою долю.
За высокими горами,
За широкими степями,
На далеком поле
По воле-неволе
390 Найду счастье-долю!
И не в свитке, а сотником
Я к тебе вернусь,
Не в бурьяне, — среди церкви
Обнимешь Петруся.
Обнимемся, поцелую —
Завидуйте, люди!
А ты стоишь, раскраснелась...»
«Когда ж это будет?»
«Скоро, скоро, моя рыбка!
400 Только веру в это
Храни свято, ступай в хату,
А я до рассвета
В чистом поле помолюся
Звездам яснооком,
Чтобы без меня светили
Тебе, одинокой.
Я глазами степь окину...»
«Ты меня покинешь
Этой ночью?» — «Нет, я в шутку,
410 Теперь Украине
Солдат царских и татарвы
Нечего бояться».
«Слышно, ляхи нападают».
«Они лишь грозятся.

Разойдемся, мое сердце,
Пока не светает.
Что ж ты снова заплакала?»
«И сама не знаю».

[Петербург 1841]

УТОПЛЕННИЦА

Дремлет ветер до рассвета
В дуброве высокой,
А проснется — потихоньку
Шепчется с осокой:
«Кто здесь, кто здесь ночью чешет
Косу под откосом?..
Кто там, кто там в страшной злобе
Рвет на себе косы?..
Кто же? Кто же?» — тихонечко
¹⁰ Спрашивает-веет
И задремлет, пока неба
Край не заалееет.

«Кто же, кто же?» — вы, дивчата,
Спросите, я знаю.
Дочка здесь, а там поодаль
Мать ее родная.

Было то на Украине
В старину когда-то.
Посреди села вдовица
²⁰ Жила в новой хате.
Белолица, черноока,
Гибок стан высокий,
И в жупане, кругом пани,—
Спереди и сбоку.
Молодая — чтоб не сглазить.

А за молодую,
Да к тому ж еще вдовою,
Казачи ордою
Так и ходят. Всѣ ходили,
30 Коротали ночку,
И беспутная вдовица
Родила вдруг дочку,
Родила — и горя мало,
И, забот не зная,
Отдала чужим ребенка.
Вот ведь мать какая!
Подождите, то ли будет!
Выкормили люди
40 Дочку малую, вдова же
В праздники и в будни
С женатыми, с холостыми
Пила да гуляла,
Пока горя не узнала,
Пока не та стала.
Незаметно пролетела
Пора молодая...
Горе, горе! Мать все вянет,
Дочка, расцветая,
Подрастает... Вырастает
50 Ганной черноокой,
Словно тополь в чистом поле
Стройной да высокой.
«Я Ганнуси не боюсь!» —
Хвалится мамуся;
А казаки, хмелем вьются,
Вьются вокруг Ганнуси.
Пуще всех рыбак кудрявый,
Ему не до лова,
Все забудет, повстречавшись
60 С Ганной чернобровой.
Увидала мать старуха
И расвирепела:
«Ишь, нищенка приبلудная,
Мало тебе дела!
Подросла уже, невеста,
С хлопцами гуляешь...

Погоди ж! вот я тебе!..
Мать не уважаешь?!
Нет, голубка...» —

70 И от злости

Скрежещет зубами.
Вот какая мать. Не сердце
У нее, а камень,—
Сердце матери! Ох, горе,
Красотой своею
Похваляться да кичиться,
Сердца не имея!
Он согнется — стан высокий,
Полиняют брови,

80 Не заметите... А люди
После позлословят,
Вспомнят годы молодые,
Скажут: «Потаскуха!»
Ганна плакала, не зная,
За что мать старуха
Измывается над нею,
Ее проклиняет,
Дочь — страдалицу — приبلуднсь
Зовет, называет

90 Приблудною... Кого ж, кого,
Палач, истязает?!
За что, за что дитя свое
Юное терзаешь?

Была Ганну мать немало,—
Да не помогало.
Словно мак на огороде,
Ганна расцветала.

Как калина при долине
Утром под росую,
100 Так Ганнуся хорошела,
Умывшись слезою.
«Заколдована!.. Постой же,—
Мать-злодейка шепчет.
Видно, надо сходить к ведьме
Да яду покрепче
Раздобыть...»

Сходила к ведьме,

Яду раздобыла
И тем ядом на рассвете
110 Дочку напоила.
Да не вышло... Мать с досады,
Что не отравила,
Проклинает час рожденья
Дочери постылой.
«Жарко мне! Пойдем-ка, дочка,
К пруду искупаться!»
«Пойдем, мама».

И вот Ганна

Стала раздеваться,
120 Разделася, раскинулась
На сорочке белой;
Молодой рыбак кудрявый
Смотрит, оробелый...
Так и я следил когда-то
Тоже не за рыбкой...
Ганна, как дитя, калиной
Тешится с улыбкой.
Разгибает стан высокий,
На солнышке греет...
130 Мать родная перед нею,
От злости немая,
То желтеет, то синеет;
Страшная, босая,
Пена изо рта, и космы
Рвет, в песок бросая.
Кинулася на Ганнусю,
Вцепилась ей в косы.
«Мама! Мама! Что с тобою?!»
Волны у откоса
140 Закипели, застонали
И обеих скрыли...
Бросился рыбак кудрявый
И что было силы
Поплыл к ним; плывет он быстро,
Волны рассекает.
Плывет, плывет... вот доплыл он!..
Нырнул, выплывает

И бесчувственную Ганну
На берег выносит.

- 150 Из рук матери застывших
Вырывает косы.
«Сердце мое! Счастье мое!
Раскрой свои очи!
Погляди же! Улыбнись же!
Не хочешь... Не хочешь?! —
Опустился рядом с нею,
Поцелуем дышит
В очи мертвые.— Взгляни же!
Не слышит!.. Не слышит!»
- 160 Руки белые раскинув,
Лежит на песочке
Голая, а там, поодаль,
Мать в одной сорочке,
С вылупленными глазами,
Как от страшной муки;
Запустила в песок желтый
Скрюченные руки.
Долго плакал рыбак бедный:
«Нет мне, видно, доли,
- 170 Счастья нет на этом свете,
Жить в воде мне, что ли!..»
И, целуя, поднял Ганну...
Застонали волны,
Разомкнулись и сомкнулись
Без следа безмолвно...

Заросли с тех пор осокой
Голубые воды,
Не купаются дивчата,—
Пруд горой обходят.

- 180 Крестьятся, когда увидят.
И зовут заклятым...
Грустно, грустно стало в роще...
Ночью же, дивчата,
Выплывает мать-злодейка,
Садится на кочке,
Страшно синяя, босая
И в мокрой сорочке,

Все глядит сюда, на берег,
Рвет на себе косы...
190 Волны синие тихонько
Ганнусю выносят:
Она сразу встрепенется,
Сядет на песочке...
Тут рыбак плывет на берег,
Кладет на сорочку
Водоросли да кувшинки...
Поцелует в очи —
Да и в воду: он стыдится
Даже и средь ночи
200 Наготой ее прельститься...
И никто не знает,
Что в дуброве той творится.
Только повевает,
Только замолчать не может
Ветер под откосом:
И все шепчет: «Кто здесь, кто же
Ночью чешет косы?»

[Петербург 8 декабря 1841]
[1860]

ПЕСНЯ КАРАУЛЬНОГО У ТЮРЬМЫ

*Из драмы «Невеста»**

Старый гордый воевода
Ровно на четыре года
 Ушел на войну.
И дубовыми дверями,
И тяжелыми замками
 Запер он жену.
Старый, стало быть, ревнивый,
Бьется долго и ретиво.
 Кончилась война,
¹⁰ И прошли четыре года.
Возвратился воевода.
 А жена? она
Погрустила — и решила:
Окно в двери превратила.
 И проходит год,—
Пеленает сына Яна
Да про старого про пана
 Песенку поет:

«Ой, баю, баю, сын мой, Ян мой милый!
²⁰ Когда б воеводу татары убили,
Татары убили или волки съели!
Ой, баю, баю, на мягкой постели».

[*Петербург*
декабрь 1841]

* Написана на русском языке.

СЛЕПАЯ

*Поэма**

«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?
Угасну, бедный, я в неволе!
Тоску мою, печаль мою
О прежней воле, прежней доле
Немым стенам передаю.
О, если б стон моей печали,
¹⁰ И звук заржавленных цепей,
Святые ветры, вы домчали
На лоно родины моей
И в мирной куще повторили,
Где мой отец и мать моя
Меня лелеяли, любили!
А братья? Грешная семья!
Иноплеменникам за золото
От стад, еля и вина
Родного продали вы брата,
²⁰ Как на закланье овна.
О боже, боже Иудеи,
Благий творителю земли,
Не наказуй родных злодеев,
А мне смирение пошли!»

¹ Написана на русском языке.

Такую песню тихо пела,
 Сердечной грусти предана,
 Слепая нищая; она
 У барского двора сидела
 У незатворенных ворот.
 30 Но из ворот никто нейдет,
 Никто не едет, опустели
 Хоромы барские давно;
 Широкий двор порос травой;
 Село забвенью предано;
 С патриархальной простотою,
 С отцовской славою святою
 Забыто все. Село молчит;
 Никто села не посетит,
 Не оживит его молвою.
 40 Как у кладбища, у ворот
 Сидит скорбящая слепая
 И псалму грустную поет.
 Она поет, а молодая
 Дочь несчастливцы моей
 Головкой смуглою прильнула
 К коленям матери своей;
 Тоски не ведая, заснула
 Сном непорочной простоты.
 В одежде грубой нищеты
 50 Она прекрасна; полдень ясный
 Моей Украины прекрасной
 Позолотил, любя, лелея,
 Свое прекрасное дитя.
 Ужели тщетно пролетят
 Дни упоения над нею
 И светлой радостью своею
 Ее тоски не усладят?
 Она прекрасна, мать калека —
 Кто будет ей руководить?
 60 Придет пора, пора любить,
 И злое сердце человека
 Ее любви не пощадит.

 невинным сном
 Оксана спит, а мать слепая,

Уныло-тихо напевая,
И каждый шорох сторожит.
И если ветер, пролетая,
Упавший лист пошевелит,
70 Она немеет, и дрожит,
И робко к сердцу прижимает
Свое единое дитя,
Свою единую отраду,
Незрящей памятью следя
Давно минувших дней усладу
Печальной юности своей.
Она извела людей!
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадят;
80 Они готовы растерзать
Ее дряхлеющие руки...
Для них невнятен стон разлуки,
Чужда им матери любовь.
Они твердят — закон таков:
«Не должно в прахе пресмыкаться
И подаянием питаться
Прекрасной юной сироте;
И мы ее оденем златом,
Внесем в высокие палаты
90 И поклонимся красоте,
Раскроем мир иных видений,
Иных страстей высокий мир.
Потом... потом...» — И ваш кумир,
Богиня ваших поклонений,
От фимиама упиалась
И закоптела от курений;
А ваша мудрость отrekлась
От обещанья; горстью злата,
Великодушно бросив ей,
100 Затмили блеск ее очей.
И вот она в грязи разврата,
Во славу дряхлых ваших дней,
Перед толпою черни пьяной
Пьет кубок...
И запивает сердца раны.
Не вы виновны, но она!

Вы дали все, что должно было
 Наложнице презренной дать.
 А сон девичий обновили
 110 И возвратили ль благодать
 Ее невинных помышлений?
 Ее невинную любовь,
 И радость тихих упоений,
 И целомудренную кровь
 Вы обновили ль? Не могли!
 Но, чада грешные земли!
 Вы дали ль ей восторг объятий
 Родного, милого дитяти,
 Кому бы, бедная, она
 120 Себя в сей мир переливала
 И тайну жизни открывала,
 Сердечной грусти предана?
 Развратной, бедной вашей кровью
 Вы не могли ей повторить
 Восторги девственной любви;
 Ее пустили вы влачить
 Остаток дней в мирской пустыне;
 И о родном, едином сыне
 Ей не придется получить
 130 Отрадной весточки сдалека.
 Чужие дети напоят
 Ее в предсмертный час жестокий,
 И одинокий гроб с упреком
 Чужие дети понесут,
 Но если ей судьба судила,
 Чтобы родимая рука
 Очи уснувшие закрыла,
 Тесна ее тогда могила,
 Постеля вечная жестка!
 140 Ее малютка за позором
 Безмолвно по миру пойдет,
 И в светлый праздник у забора
 Яичко красное возьмет,
 И со слезами и укором
 Свою родную помянет.
 Осенний полдень, полдень ясный
 Родимой, милой той земли,

Мои где годы расцвели,
Где так напрасно, так несчастно
150 В недоле бедной протекли,—
Осенний полдень, полдень ясный,
Как друга юности, любя,
Чужими звуками тебя
Позволь приветствовать, прекрасный!
Ты тот же тихий, так же милый,
Не знаешь времени,— а я!
Не то я стал, что прежде было,
И путь унылый бытия
И ноша тяжкая моя
160 Меня ужасно изменили.
Я тайну жизни разгадал,
Раскрыл я сердце человека,
И не страдаю, как страдал.
И не люблю я: я калека!
Я трепет сердца навсегда
Оледенил в снегах чужбины,
И только звуки Украины
Его тревожат иногда.
Как эхо памяти невинной,
170 В них узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И в них я таю, в них тону.
И сердца тяжкие недуги,
Как благодатною росой,
Врачую ими, и молюся,
И непритворною слезой
С моей Украиной делюся.
Но глухо все в родном краю!
Я тщетно голос подаю,
180 Мне эха нету из дубровы
Моей казачки чернобровой.
Там все уснуло! Пустота
Растлила сердце человека,
И я на смех покинут веком —
Я одинокий сирота!

Осенний полдень, догорая,
Поля нагие освещал,

И лист увядший, опадая,
Уныло грустное шептал
190 О здешней жизни человеку.
Такой порой моя калека,
Слепая нищая моя,
И дочь красавица ея —
Она спала, а мать сидела
И тихо, грустно тихо пела,
Как пел Иосиф про свой род,
Сидя в египетской темнице,
А в поднебесье вереницей
С дубров украинской земли
200 На юг летели журавли.
Чему ж бы ей, как вольной птице,
Туда, где лучше, не лететь
И веселее не запеть?
Какая тайна приковала
К жилищу мрачной тишины?
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пела и грустила,
210 Но звуки дочерних речей
В ней радость тихую будили,
Быть может прежних светлых дней.
Или ограда и тополи,
Что грустно шепчут меж собой,
Свидетели минувшей доли,
Или дубовый пень сухой,
Плющом увянувшим повитый,
Как будто временем забытый,
Ее свидетель? Все молчит!
220 Она поет, она грустит
И в глубине души рыдает,
Как будто память отпевает
О днях минувших, молодых,
О прошлых радостях святых.
И эти звуки выходили
Из сердца бедного ея,
И в этих звуках много было
Ее земного бытия.

И в сотый раз она кончала
230 Псалом невольничий, глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздыхнула тяжко и сказала:

«Ах песня, песня, песня горя,
Ты неразлучная моя,
В моем житейском бурном море
Одна ты тихая струя!
Тебя, и день и ночь рыдая,
Я всякий час пою, пою
И в край далекий посылаю
240 Тебя, унылую мою!
Но ветер буйный, мягкокрылый,
Что прежде весело летал,
Теперь так тихо, так уныло,
Как будто друга потерял,
Как будто люди научили,
Чтобы не слушал он меня
И не домчал он в край далекий
Тебя, унылая моя!
Не видя вас, не зная дня
250 В моей печали одинокой,
Чем оскорбить я вас могла?
Что я вам сделала? Любила,
За ваши грешные дела
Творца небесного молила,
Молила, плакала... А вы
В моей тоске, в моей печали,
Как кровожаждущие львы,
Упреком сердце растерзали,
Растлили ядом мою кровь,
260 И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное,
Тяжелым словом понесли
И непотребницей слепою
Меня со смехом нарекли!
Я вам простила, я забыла,
Я вашей славы не взяла,
Я подаяннем кормила
Мое дитя!» — И залилась

Слезами, горькими слезами.
270 Она рыдает, а Оксана
Раскрыла черные глаза:
Скорбящей матери слеза
Прервала сон отроковицы;
С улыбкой черные ресницы
Она закрыла. «Какой сон
Смешной и глупый и как живо!..»
И покраснелась стыдливо,
Сама не зная отчего.
«Как холодно, а ты все плачешь!»
280 Уж скоро вечер; для чего
Ты мне печали не расскажешь?
И я бы плакала с тобою.
А то...» — И хлынули рекою
Слезы невинной красоты.
«И ты заплакала... Прости,
Что о моих сердечных ранах
Я не беседую с тобой.
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
290 Я не прерву твой сон прекрасный.
И о судьбе моей несчастной
Узнаешь ты не от меня.
Тебе расскажут злые люди,
Они тебя не пощадят,
И много, много горя будет.
А горе даром не пройдет.
Озlobят сердце пустотою,
Оно возьмет любовь с собою
И все наилучшее возьмет.
300 Не плачь, Оксано!» — И, рыдая,
Она Оксану утешает:
«Не плачь, дитя мое, усни!
Ты рано плакать начинаешь;
Придет пора твоей весны,
И тайну слез моих узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна бездомной сиротою,
И будет то моя вина,
Что не поделишь...» — «А с тобою?

310 Разве тебя я не люблю!
Ах, мне с тобой и горе люблю,
Я все с тобою разделю.
Не понесу я чужим людям
Мою сердечную слезу,—
К тебе на грудь я принесу.
Только не плачь! Делись со мною
Своею тяжкою тоскою.
Не плачь одна, откройся мне,
И будет легче. Ах, послушай
320 О том, что видела во сне,—
Я расскажу тебе.

Чаще, гуще
Как будто лес, а мы вдвоем
Так наобум себе идем.
Потом темно, потом светло.
Потом гляжу —тебя не стало;
Я — ну бежать, кричать, устала,
Села и плачу. Вдруг село;
Большая улица, большая,
330 И я по улице иду.
Мне грустно так, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду,
Мне тяжело, мне давит грудь,
А люди смотрят и смеются.
Мне больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюсь.
Потом отáман мне кричит:
«Вот я тебя!» Я испугалась,
И ну бежать... Бегу... упала.

340 А сын отáмана стоит
Как будто грустный, над водою
И тихо машет мне рукою.
Вот я к нему и подошла,
А он схватил меня руками.
«Зачем в лесу ты не жила?
Зачем ты в поле не росла?
Такими он сказал словами.—
И мне нельзя тебя любить,
Нельзя с тобою мне венчаться:
350 Над нами будут все смеяться,

А без тебя мне скучно жить.
Я утоплюся», — он сказал
И так меня поцеловал!
Не так, как ты... И я проснулась.
Не правда ли, мудреный сон?
Должно быть, худо значит он.
Или не худо — ты не знаешь?
Мне страх как хочется узнать.
О чем же снова ты вздыхаешь?
360 Или боишься рассказать,
Что значит сон? Ах, расскажи!
Ну, что же делать? Если худо,—
Мы в лес уйдем и будем жить
С тобой вдвоем, и будет любо
С тобою вместе мне грустить.
Ну, что ж? Расскажешь?» «Да,— сказала,
Вздыхнув, слепая: — рассказать
Тебе должна я. Я устала.
Устала горе выливать
370 Неразделенными слезами.
Тебе уже пятнадцать лет.
Твой сон зловещий, сон ужасный.
Ты встретишь горестный привет
Своей весне, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости —
И на просторе и на воле
С унылым ветром погрусти,
Как я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль
380 Как я лишь ветру поверяла.
Но и ему меня не жаль;
Он даже слез сушить не хочет,
А их так много сердце точит.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой деве в час прескорбный
И за него и за меня.
Неправдой люди все живут,
Ты их не слушай! Сказкой злою
390 Они мой жребий понесут
И посмеются над тобою.

И ты не будешь правды знать;
На суд ты будешь призывать
Свою родную,— а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я расскажу, не потаю,
С ее весельями и мукой,
400 Да будет для тебя наукой!

Своих родных не знала я,
В чужой семье я выростала,
Чужая добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала вырастать,
Что мать родная, умирая,
Просила их не покидать —
Меня, малютку, покидая.
410 Но кто она, ее как звали,—
Потом узнать я не могла.
И я росла себе, росла;
Меня сироткой называли,
Потом красавицей слыла;
Меня любили, и ласкали,
И даже сватали! Но я...
Ах, знать, моя такая доля!
Перед людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Девичью волю, берегла.
420 Как тяжело люди отплатили!
Недолго косу я плела —
Ее накрыли. Вот как было.
Весною умер дидыч * старый,
А летом дидыч молодой
В село приехал. Злые чары
Он из Московщины с собой
Привез, красавец, для меня;
И я веселье разлюбила,
И Маковеевого дня
430 Я не забуду до могилы.

* Помещик (укр.).

Как ясно солнышко светило,
Как закатилось... и ночь!..
Мое дитя! Моя ты дочь!
Не обвиняй меня, несчастной —
Я стыд и горе понесла!
И Маковеев день ужасный
И день рожденья прокляла.
Мы были в поле, жито жали;
Окончив жатву, шли домой;
440 Подруги пели и плясали,
А я с распущенной косой,
В венке из жита и пшеницы
Вела перед *, была царица.
Нас встретил дидыч молодой.
Никто так мной не любовался.
Я трепетала, тихо шла,
А он смотрел и улыбался.
О, как я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
450 Забилось сердце у меня...
На третий день... О мой покою!
Зачем покинул ты меня?
На третий день... и я в палатах
Была, как пани на пиру.
Недолго я была богата.
Зимою рано поутру
Проснулась я,— все пусто было,
И сердце холодом заныло.
А слуги... бог им судия!
460 С насмешкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я села здесь, под этим пнем,
И долго плакала... Потом
Едва протоптанной тропую
В село забытое пошла,
И долю горшую нашла:
Меня и в хату не пустили,
Все посмеялись надо мной

* Шла впереди (укр.).

И хусткой * черною, простой
470 Косу шелковую накрыли.
И я, рыдая, из села
Иной дорогою пошла
В село чужое. Ах, Оксано!
И в шитом шелковом жупане
И в серой свите люди злы!
Я из села в село ходила,
А горе шло передо мной.
Я горько плакала, молилась,
И все смеялись надо мной.
480 Покрыткой, дурой называли,
И даже нищие чуждались.
Во всей Украине родной
Мне места не было одной.
В лесу дремучем, в чистом поле
Я не боялась исчевать:
Там без свидетелей, на воле
Могла свободно петь, рыдать.
А песня горе облегчает,
Хоть и унылая она.
490 Спасибо, нищая одна,
Такая же, как я, слепая,
Меня учила песню петь;
И я пою ее, рыдая,
И до могилы буду петь.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни песню ты мою
И пой ее, как я пою,
Она умалит сердца рану.
500 Пришла и красная весна,
Запели пташки, все проснулось,
Все засмеялось — я одна
Святой весне не улыбнулась...
Она мне слезы принесла.
Занемогла я на дороге,
Кой-как до хутора дошла...
И ты на хуторе убогом

* Платком (укр.).

Узрела милый божий свет.
О сколько радости у бога
510 Для наших слез, для наших бед!
Твой первый звук... Ах, нет, не стану...
Нет... Поцелуй меня, Оксано!
Я не умею рассказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать —
То выше счастья людского.
И как несчастлива, убога
Жена бесплодная... С тобой
620 Мне снова счастье возвратилось,
Я любовалась весной,
Цветы я снова полюбила,
Цветы я снова берегла.
С восходом солнца я вставала.
Ты на груди моей спала.
Никем невидима, бывало,
Прокрадусь в лес, найду цветок
И сяду у цветка с тобою.
Ты тихо спишь, а он цветет,
530 И я гордилась тобою
Пред распускавшимся цветком.
Бывало, я сорву тайком
Листочек розовый, румяный,
И тихо, тихо положу
Тебе на щечку... погляжу
И оболью тебя слезами.
Была ты розовой цветка
И утренней зари румяней.
Так мне господь добро творил
640 В тебе и розовых листках.
Но... как тебя ни забавляла,
Какие песни ни певала,
Как ни играла я с тобой.
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мне было не с кем поделиться
Твоею детскою красой.
Ты слово «мама» лепетала,

Но слова лучшего не знала,
550 Как и теперь не знаешь ты.
Я не могла с тобой идти
Через село; я не стыдилась —
Пусть люди смотрят, как хогят!
Я стыд любовью заменила.
Тебе боялась показать,
Как дети меж собой играют,
Боялась видеть, как дитя
Отца усталого ласкает.
Так время шло; ты вырастала,
560 И любо было мне смотреть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе-горькое терпеть
Судил господь мне до могилы
За юность грешную мою.
Свет гаснуть стал... О боже милый.
Я над могилою стою,
Пошли мне мудростью своею
Взглянуть на милый божий свет,
Проститься с грешною землею,
570 Хотя на место посмотреть,
Где я усну, усну навеки!
.
И я ослепла. Слезы-реки,
Молитвы теплые — ничто,
Ничто творца не умолило,
И все, что душу веселило,
Как будто в гробе заперто.
Потом что было, я не знаю:
Смеялись люди или нет.
580 Мои беды вспоминая,
Мне только жаль, что божий свет
Не скрылся в юности беспечной;
Тогда б не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь к печали бесконечной
Пристала горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мне жаль —

590 Твой сон недобрый очень рано
Тебе приснился».

О к с а н а

Какое зло нам предвещает?

С л е п а я

Он для меня всех бед страшнее,
А для тебя еще ужасней.
И ты погибнешь от людей,
Как я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встретишь между ними
Змею, ужасную змею!
И ты пойдешь за нею следом,
600 Покинешь голову мою,
Как я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.

О к с а н а

Ведь ты не знала, что так будет,
Что насмеются злые люди,
Что он недобрый человек,
Что он покинет. Мамо, мамо!
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Где же он,
Мой злой отец? Ты говорила,
610 Что здесь увижу я его.
И сколько лет уже с тобою
Сижу я здесь — его все нет.
Он не приедет, он покинул:
Тебя он, видно, не любил.
Зачем же ты его любила?
Уйдем из этого села —
Мне страшно стало...

С л е п а я

Ах, Оксано!

Куда уйдем мы от людей?
620 Где молодость твою укрою?
А он приедет... и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слепая грустно замолчала.
Оксана с детской тоской
К ней на колени тихо клала
Головку смуглую свою.
«Усни, Оксано! — говорила, —
Я тихо песенку спою,
Спою любимую твою,
630 Как братья брата продавали
В чужую, дальнюю страну». —
И отходящую ко сну,
Лелея, нежно целовала,
Читая тихо ей псалом:

«Храни тебя святая дева,
От злых напастей, бурь земных!
Да будет сон твой сладок, тих,
Как непорочные напевы
Небесных ангелов святых!
640 Да не дерзает искуситель
В сердечну храмину войти,
И по терновому пути
Да волит ангел охранитель
На лоно рая привести.
Храни тебя, святая дева,
От злых напастей, вражьих ков,
Свой найбожественный покров
Пошли тебе, святая дева,
Мое дитя, моя любовь!»

650 Наутро юная Оксана,
Как утро осени в тумане,
Скорбя невинною душой,
У ног страдалицы слепой
Уныла, бледная сидела.
Слепая ту же песню пела,
И тот же в сердце непокой!
Не скоро дни текут над ними,
Не ясно солнышко горит.
Пришла весна, и двор пустынный
660 Вдруг оживился, все кипит

Веселой жизнью, как бывало.
Приехал дидыч на покой.
Чету страдалиц разлучили:
Оксана в доме заперта,
А одинокую слепую
Одеть велели и прогнать
С наказом строгим: не шататься
Вокруг господского двора.
И рада, бедная, была,
670 Что так сбылося, как мечтала.
«Теперь,— так думала слепая,—
Теперь Оксаночка моя
Укрылася от непогоды,
Будет счастливою...» И шла
С любимой песнью из села,
Из обновленного села,
Моля небесную царицу,
Да благо дщерино хранит.

.
680 Оксана грустная сидит
В роскошно убранной светлице,
Одета бархатом, парчой,
И не любит себя
Перед большими зеркалами.
Проходят месяцы за днями;
Как панне, все готово ей,
И ходит сторож у дверей.
Сам дидыч сласти ей приносит,
Дарит алмазом, жемчугом
690 И на коленях ее просит
Не звать ни паном, ни отцом.

.
Зачем все это!? И рыдала...
Запел весною соловей,
Запел не так, как он, бывало,
Поет пред утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашик делает с бурьяну,
700 Чтоб маму солнце не пекло,—
Когда ходила умываться

Она в долину, и потом
Барвинком, рутой наряжаться,
И ненароком повстречаться
С черночупринным казаком.
Печальный вечер ночь сменила
Еще печальней. Тяжко ей,
Она сидела и грустила
О прошлой бедности своей.
710 И слышит песню за оградой,
Знакомый голос ей поет
Печально, тихо:

«Текла речка в чистом поле,
Орлы воду пили;
Росла дочка у матери,
Казачи любили.
Все любили, все ходили
И все сватать стали,
И одного между ними
720 Казака не стало.
Куда скрылся, дивилися,
И никто не знает.
Поселился в темной хатке
За тихим Дунаем».

Оксана молча трепетала,
Ей каждый звук рождал мечту.
«Он не забыл,— она шептала,—
Он не покинет сироту...»
За каждым звуком вылетает
730 Из сердца черная тоска,
Она себя воображает
Уже в объятьях казака,
Уже за садом, за оградой,
Уже на поле... воля... рай...

.
«Держи, держи! Лови, стреляй!» —
Раздался хриплый голос пана,
И выстрел поле огласил.
«Убили!! — вскрикнула Оксана.—
740 Убили!! Он меня любил!

Любил!!!» — и замертво упала.
То был не сон. То пел казак,
Удалый, вольный гайдамак.
Оксана долго дождала
Любимца сердца своего
И не дождалась его.
Отрадный звук не повторился,
Надежды вновь не прошептал,
Он только снился, часто снился
750 И юный разум разрушал
Мечтой бесплодную.

«Птицы вольные, сестрицы,
Полетите в край далекий,
Где мой милый, кареокий,
Где родная край дороги!
Болят руки, болят [ноги],
А я долю проклинаяю,
С поля воли дожидаяю!»

Так пела бедная Оксана
760 Зимой в светлице у окна.
Неволя стерла цвет румяный,
Слезою смылась белизна.
«Быть может, здесь, — она шептала, —
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ее... а я...» —
И, содрогаясь, замолчала.
Темнело поле, из тумана
Луна кровавая взошла;
Взглянула с трепетом Оксана
770 И быстро молча отошла
От неприветного окна,
Страшась кровавого светила.

.
Завыли псы, рога трубили,
И шум и хохот у ворот —
Охота с поля возвратилась,
И пан к страдалице идет
Бесстыдно пьяный...
.

- 780 Слепая, бедная, не знала
Недоли дочери своей,
С чужим вожатым спотыкалась
Меж неприязненных людей.
Ходила в Киев и Почаев
Святых угодников молить
И душу страстную, рыдая,
Молитвой думала смирить.
И возвратилась зимою
В село страдания тайком.
- 790 Сердце недобрим чем-то ныло,
Вещало тайным языком
Весть злополучия и горя.
Со страхом в сердце и тоскою
Тихонько крадется она
Давно изведанной тропюю;
Кругом, как в гробе, тишина;
Печально бледная луна
С глубокой вышины сияла
И белый саван озаряла
- 800 На мертвой грешнице земле,
И вдруг открылася вдали
Картина страшная пожара.
Слепая, бедная, идет,
Не видя наших зол и кары,
И очутилась у ворот,
Весною кинутых. О боже!
Что она слышит? Треск и гром,
И визг, и крик, и гул протяжный,
И жаром хлынуло в лицо.
- 810 Она трепещет. Недалеко.
Вдруг слышит голос... Боже мой!
Чей это голос ты узнала?
Узнала... страшно... то Оксана!
На месте том, где столько лет
Они вдвоем, грустя, сидели,
Она, несчастная, сидит;
Едва одетая, худая,
И на руках, как бы дитя,
Широкий нож в крови качает.
- 820 И страшно шепчет:

«Молчи, дитя мое, молчи.
Пока спекутся калачи;
Будем медом запивать.
Будем пана поминать».

(Поет.)

«А у пана два жупана,
А третья свита,
 За то пана
 Утром рано
В дуброве убито.
830 А убили гайдамаки,
Жупаны делили:
Тому жупан, тому жупан,
А третьему свита,
И остался без свиты пан,
В снег белый зарытый.
 Ай да й гайдамаки!»

С л е п а я

Оксано! Где ты?

О к с а н а

Ах, молчи!

Дай убаюкать мне сынка!

(Поет.)

840 «Баю, баю, дитя мое,
В дремучем лесу,
А я тебе с поля волю,
Долю принесу.
Баю, баю, дитя мое,
Во сыром бору,
А я пойду погуляю,
Ягод наберу.
Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
850 Переломят люди руки
И белые ноги.
Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовом,

Полиняют кари очи
И черные брови.

Усни, дитя, усни, дитя,
Усни ты навеки,
А я одна на базар пойду,
У жида бублик украду
860 И тебя полечу».
А... уснул! Теперь возьми.
У! Какой черный... посмотри!

С л е п а я

Оксано! Где ты? Что с тобою?

О к с а н а

(быстро подходит к ней)

А ты где ходишь? Посмотри,
Какой веселый пир у пана!
Да пан не будет пировать —
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожгла, пойдем плясать.

(Поет и медленно пляшет.)

870 «Гой, гой, не беда!
Слезы тоже вода,
Слезы гасят печаль,
А печали мне жаль,
Жаль мне грусти моей,
Жаль подруги моей,
Моей черной тоски».
Моей... моей... Ах, нет, не то...
Теперь так весело, светло,
А я как будто на поклонах.

(Поет и пляшет.)

880 «Посеяла лебеду на беду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змеи-серьги в ушах.
Через плечи висят,
И шипят, и шипят.

Казак верно любил,
Казак серьги дарил.
Мать в могиле спала,
А я, знай себе, шла.
890 Шла дорогой большой,
А за мной, все за мной
По четыре, по три
Косари, косари
Бурьян косят, поют».

С л е п а я

Оксано бедная, молися,
Молися богу, ты поешь
Все песни страшные такие!

О к с а н а

А ты смеяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лет
900 Ты хохотала, я смеялась,—
Поплакать можно одну ночь.

С л е п а я

Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грех тебе, Оксано,
Ты насмеялася.

О к с а н а

Кто? Я?
Не насмеялася! Смотри,
Смотри, как падают стропила.
Гу!.. гу!.. гу!.. Ха, ха, ха, ха!
Пойдем плясать, его уж нет,
910 Он не разлучит нас с тобою.

(Поет и пляшет.)

«По дороге осокà,
А в болоте груши,
Полюбила казака,
Запродала душу;
А казак
Так и сяк,

Не любил,
Задушил,
В сыру землю зарыл.
920 В темной хате сырой
Спать ложилась со мной
Ведьма черная.
И смеялась,
Обнималась.
Ела, грызла меня,
Подложила огня,
И запела, заплясала,
И скакала, и кричала:
Жар, жар, жар!
930 Через яр
На пожар.
Все слетались,
Любовались
И смеялись:
Хи, хи, хи, тра, ла, ла, ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная черту свечка!
Через яр идет овечка.
Не ходи, казак, в дуброву.

940 Не ходи, Ивашечко,
Торною дорожкой,
Не носи гостинчики
Змее, черной гадине!
Чародейка лютая
Сотрет брови черные,
Выжжет очи карие».

С л е п а я

Опомнись, дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдем в село: здесь страшно стало!

О к с а н а

950 Пойдем в село: здесь душно мне,
Я босиком, как на огне,
На розовом снегу танцую.

Пойдем в село, переночуем.
А кто нас пустит ночевать?
Ведь люди, знаешь, нас боятся;
Пойдем мы в лес волков ласкать;
Ведь люди врут, что волки злые,
Волки нас любят — право, так!

А помнишь, ты мне говорила...

- 960 Ах, нет... не то... постой, забыла!
Я все забыла... Мой казак,
Мой кареокий... Я любила,
И он, казак, меня любил,
И темной ночью он ходил
В зеленый сад, где я гуляла.
Ах, как там весело бывало!
Как он, лаская, целовал,
Какие речи он шептал!
Ты так меня не целовала,
970 Как он, мой милый, дорогой,
Мой ненаглядный, мой сердечный!

.
Ты говорила, он не злой;
А он, твой пан, бесчеловечный,
Твой пан-палач его убил
За то, что я его любила,
За то, что он меня любил.
Злодей, в железа заковал.
Об этом я не говорила

- 980 С тобою даже. Он пропал...
Пропал без вести, как пропала
Моя девичья краса,
А ты слыхала чудеса...
Он в гайдамаках отаманом
И этот нож мне подарил.
Он приходил...

С л е п а я

Пойдем скорее!

Веди меня!

О к с а н а

Куда вести?

990 В болото, в лес? Постой, постой!
Я поведу тебя в село,
Где все бурьяном поросло,
Где вместо хат — кресты, могилы,
Где поселился друг мой милый
В светелке темной и сырой.

С л е п а я

Пойдем скорее. Бог с тобой!
Перекрестися!

О к с а н а

Я крестилась,
Я горько плакала, молилась,
1000 Но бог отверг мои кресты,
Мои сердечные молитвы.
Да, он отверг. А помнишь ты?
Нет, ты не помнишь, ты забыла.
А я так помню, ты учила
Меня, малютку, кровь сосать
Да «Отче наш» еще читать.

С л е п а я

Оксано, боже мой, молися,
Ты страшно говоришь!

О к с а н а

Да, да.
1010 Я страшно говорю, так что же?
Ты не боялася сидеть
Осенней ночью у забора
И просидела двадцать лет,—
Пойдем опять туда сидеть.
Пойдем же, мамо, будем петь,
Пока народ не пробудился,
И будем петь, как снаряжился
Казак с ордою воевать,
И как покинул он дивчину,
1020 И как другую полюбил.

Ведь это весело — покинуть
В чужой далекой стороне
Листок с любистка на огне.

(Поет тихо.)

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай;
За Дунаем погуляю молода
С казакáми молодцами мертвыми,
С казакáми-мертвецами».

Чур меня! Чур меня! Чур меня!
Пойдем скорее. Ах, постой!
1030 Я потеряла башмаки.
А башмаки вель дорогие,
Да ноги жгли мне, все равно
Мне их не жаль, и босиком
Дойдем до гроба...

(Поет.)

«Полетела пташечка
Через поле в гай,
Уронила перышко
На тихий Дунай.
Плыви, плыви, перышко,
1040 Плыви за водой!..» *

Я все молчала, все молчала,
А он шептал и целовал.
Сулил намисто с дукачами.
Зачем ты не велела брать?
Ведь им бы можно удавиться.
А знаешь что? Пойдем к реке
Купаться просто, и утонем,
И будем щуками в воде.
И пташкам воля в чистом поле,
1050 И пташкам весело летать;
А мне так весело в неволе
Девичью молодость терять.
Я разве грешница какая?
Отраву, что ли, я варю?

¹ По течению *(укр.)*.

Нет, я не грешница; ты знаешь,
Всему я верила, всему!
Но кто поверил моей вере?
Теперь не то. Летит, летит!
Нет, ты не вылетишь, проклятый.
1060 Я задушу тебя! Держите —
Красный змий! Красный змий!
Он рассыпается... Потом...
Га! га! ги!..»

И будто мщение живое,
Она с распущенной косой,
С ножом в руках, крича, летела
И с визгом скрылася в огне.
Вдруг крик пронзительный. Вздогнула
Слепая молча и, крестясь:
1070 «Аминь, аминь, аминь!» — шептала.
И крик сменил протяжный гул,
Стена упала, гул ревел
И смолк в долине безучастной,
Как в глубине души бесстрастной.
Пожар, лютея, пламенел;
Слепая, бедная, стояла
В дыму и пыли снеговой,
Она Оксаны дожидала
И «со святыми упокой»
1080 Невольно с трепетом шептала.
И не дождалася слепая
Своей Оксаночки; ушла
Из погорелого села,
Псалом любимый напевая:
«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?»

[Петербург 1842]

ГАМАЛИЯ

«Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра
От матери Украины;
Там идут ли речи про поход на турок —
Не слышно нам на чужбине.
Ой, подуй, подуй, ветер, через море
Да с казацкого поля,
Высуши нам слезы, утоли печали,
Облегчи неволю.
Ой, взиграй, взиграй синевою, море,
¹⁰ Колоти в борт волнами...
Лишь мелькают шлыки — то плывут казаки
К султану за нами.
Ой, боже наш, боже, хоть и не за нами —
Неси ты их с Украины:
Услышим про славу, казацкую славу,
Услышим и свет покинем».

Вот этак в Скутари казаки стонали,
Стонали бедняги, а слезы лились,
Казацкие слезы тоску разжигали...
²⁰ Босфор задрожал — потому не привык
К казацкому плачу: вскипел величавый
И серую шкуру подернул, как бык,
И дрожь пробежала далеко, далеко,
И рев его к синему морю дошел,
И море отгрянуло голос Босфора,

В Лиман покатило и дальше в просторы,
И в Днепр этот голос волной донесло.
Загрохотал старик, вскипая,
Аж ус от пены побелел:
³⁰ «Ты спишь? Ты слышишь! Сечь родная?»
И Луг Великий загудел
За Хортицею: «Слышу! Слышу!»
И Днепр покрыли челноки,
И так запели казаки:

«У турчанки — высок терем,
Богата светлица.
Гей, гей! Море, бей!
Выше скал волны взвей! —
Едем веселиться!

*

⁴⁰ У турчанки басурманки
Дукаты в кармане.
Не дукаты считать,
Едем вас выручать,
Братья-христиане!

*

У турчанки — янычары
Со своим пашою...
Гей, ги! Эй, враги!
Свою жизнь береги —
Мы смелы душою!»

⁵⁰ Плывут себе, поют они,
А ветер крепчает...
Впереди их Гамалия
Дубом управляет.

Гамалия, водяные
Взыграли просторы.
Ничего! И лодки скрылись.
Одни волны-горы.

Спит, дремлет в гареме в раю Византия,
И дремлет Скутари. Босфор же не спит,
60 Он, точно безумный, гнет волны крутые,
Он сон их встревожить желает, кипит.
«Не тебе, Босфору, вступать со мной в ссору! —
Шумит ему море: — Я твою красу
Песками закрою, коль дойдет до спору.
Разве ты не видишь, каких я несу
Посланцев к султану?..» Так море сказало.
(Любило отважных чубатых славян.)
Босфор усмирился. Турчанка дремала.
Ленивый — в гареме дремал и султан.
70 И только в Скутари очей не смыкают
Казачи-бедняги. Чего они ждут?
По-своему богу мольбы посылают,
А волны на берег бегут и ревут.

«О милый боже Украины,
Не дай погибнуть на чужбине
В неволе вольным казакам:
И тут позор, позор и там —
Встать из чужих гробов с повинной,
На суд твой праведный прийти,
80 В железах руки принести,
В цепях-оковах перед всеми
Предстать казакам...»

«Жги и бей,
Режь нечестивца-басурмана!» —
Крик за стеною. Голос чей?
Гамалия, глянь, какие
Янычары злые!
«Режьте! Бейте!» — над Скутари
Голос Гамалии.

- 90 Ревет Скутари, воеет яро,
Все яростнее пушек рев;
Но страха нет у казакòв,
И покатались янычары.
Гамалия по Скутари
В пламени гуляет,
Сам темницу разбивает,
Сам цепи сбивает.
«Птицы серые, слетайтесь
В родимую стаю!»
- 100 Встрепенулись соколята,
Распрямили плечи,
Давным-давно не слышали
Христианской речи.
Испугалась ночь глухая,
Тот пир наблюдая.
Не пугайся, полюбуйся,
Наша мать родная!
Темно всюду, точно в будни,
А праздник не малый:
- 110 Что ж, не воры у Босфора
Едят молча сало
Без шашлыка! — Осветим пир! —
До облак из гари —
С кораблями, с парусами
Пылает Скутари.
Византия пробудилась,
Глазищами блещет,
Плывет своим на подмогу —
Зубами скрежещет.
- 120 Ревет, ярится Византия,
Руками берег достает;
Достала, гикнула, встает —
И — на ножи валится злые.
Скутари, словно ад, пылает;
Через базары кровь течет,
Босфор широкий доливает.
Как птиц разбуженная стая,
В дыму казачество летает:
Никто от хлопцев не уйдет,

130 Их даже пламя не печет!
Ломают стены. Золотыми
До верху шапки их полны,
Ссыпают золото в челны...
Горит Скутари. В сизом дыме

Казачи сходятся. Сошлись,
От жара трубки закурили,
На челноки — и понеслись,
Меж волн багровых заскользили.

Плывут себе как из дому,
140 Будто бы гуляют.
И — конечно — запорожцы,
Плывя, распевают:

«Атаманом Гамалия
Стал недаром зваться:
Собрал он нас и поехал
В море прогуляться;
В море прогуляться,
Славы добиваться,
За свободу наших братьев
150 С турками сражаться.
Ой, добрался Гамалия
До самой Скутари,
Сидят братья-запорожцы,
Ожидают кары.
Ой, как крикнул Гамалия:
«Братья! Будем здоровы!
Будем здоровы, хлебнем славы,
Разметим оравы,
Рытым бархатом покроем
160 Курени дырявы!»
Вылетало Запорожье
Жать жито на поле,
Жито жали, в копны клали,
Дружно запевали:
«Слава тебе, Гамалия,
На весь мир великий,

На весь мир великий,
По всей Украине,
Что не дал ты запорожцам
170 Пропасть на чужбине!»

Плывут они, поют, плывет
В челне последнем Гамалия,
Своих орлят он стережет;
Догнать не смеет Византия
Казачьи лодки удалые;
Она боится, чтоб Монах
Не подпалил Галагу снова,
Не вызвал чтоб Иван Подкова
На поединок на волнах.
180 Встает волна за волною,
Солнце на волне горит;
Перед ними их родное
Море плещет и шумит.
Гамалия, вот родные
Пред нами просторы...
И не видно лодок, только
Волн живые горы.

[Петербург 1842]

ТРИЗНА*

*На память 9 ноября 1843 года
княжне Варваре Николаевне Репниной*

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Душе с прекрасным назначеньем
Должно любить, терпеть, страдать;
И дар господний, вдохновенье,
Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово!..
Для вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова,
И слезы в звуки перелил.
¹⁰ Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами
И тихостройными речами
Мечты о рае пробудил.*

*11 ноября 1843
Яготин*

* Поэма написана на русском языке.

Души ваши очистивше в послушании истины духом, в братолюбии нелицемерно, от чиста сердца друг друга любите прилежно: порождени не от семени исленна, но не исленна, словом живого бога и пребывающего во веки. Зане всяка плоть, яко трава, и всяка слава человека, яко цвет травный: изше трава и цвет ея отпаде. Глагол же господень пребывает во веки. Се же есть глагол, благовестванный в вас.

*Соборное послание первое
святого апостола Петра; 1, 22,25*

Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят;
И час уж проходит,
Никто не приходит;
Должно быть, друзьями
Забыты они.

Они не забыты,— в урочную пору,
Обет исполняя, друзья собрались
И «вечную память» пропели собором,
10 Отправили тризну — и все разошлись.
Двенадцать их было; все молоды были,
Прекрасны и сильны; в прошедшем году
Найлучшего друга они схоронили,
И другу поминки в тот день учредили,
Пока на свиданье к нему не сойдут.
«Счастливое братство! Единство любви
Почтили вы свято на грешной земле;

Сходитесь, други, как ныне сошлись,
Сходитесь долго и песнею новой
20 Воспойте свободу на рабской земле!»

Благословен твой малый путь,
Пришлец убогий, неизвестный!

Ты силой господа чудесной
Возмог в сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословен! Ты божью волю
Короткой жизнью освятил;
В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.
30 Когда брат брата алчет крови —
Ты сочетал любовь в чужих;
Свободу людям — в братстве их
Ты проявил великим словом:
Ты миру мир благовестил;
И, отходя, благословил
Свободу мысли, дух любви!
Душа избранная, зачем
Ты мало так у нас гостила?
Тебе здесь тесно, трудно было!
40 Но ты любила здешний плен,
Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетных людей.
Но ангела недоставало
У вечного царя царей;
И ты на небе в вечной славе
У трона божия стоишь,
На мир наш, темный и лукавый,
С тоской невинною глядишь.
Благоговею пред тобою,
50 В безмолвном трепете дивлюсь;
Молюсь тоскующей душою,
Как перед ангелом молюсь!
Сниди, пошли мне исцеленье!
Внуши, навей на хладный ум
Хоть мало светлых, чистых дум;
Хоть на единое мгновенье

- Темницу сердца озари
И мрак строптивых помышлений
И разгони и усмири.
- 60 Правдиво, тихими речами,
Ты Расскажи мне все свое
Земное благо-житие
И научи владеть сердцами
Людей кичливых и своим,
Уже растленным, уже злым...
Скажи мне тайное ученье
Любить гордящихся людей
И речью кроткой и смиреньем
Смягчать народных палачей,
- 70 Да провещаю гимн пророчий,
И долу правду низведу,
И погасающие очи
Без страха к небу возведу.
И в этот час последней муки
Пошли мне истинных друзей
Сложить хладеющие руки
И бескорыстия елей
Пролить из дружеских очей.
Благословлю мои страданья,
- 80 Отраднo смерти улыбнусь
И к вечной жизни с упованьем
К тебе на небо вознесусь.

Благословен твой малый путь,
Пришлец неславленный, чудесный!

- В семье убогой, неизвестной
Он выростал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный... В сердце рану
- 90 Змея прогрызла... Детский сон
Исчез, как голубь боязливый;
Тоска, как вор, нетерпеливо
В разбитом сердце притаясь,
Губами жадными впилась
И кровь невинную сосала...

- Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... ум горел,
В крови гордыня клокотала...
Он трепетал... он цепенел...
- 100 Рука, сжимаяся, дрожала...
О, если б мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой
Со всеми гадами земными;
Схватить, измять и бросить в ад!..
Он был бы счастлив, был бы рад.
Он хохотал, как демон лютой,
И длилась страшная минута,
И мир пылал со всех сторон;
Рыдал, немел он в испугенье;
- 110 Душа терзалась страшным сном;
Душа мертвела,— а кругом
Земля, господнее творенье,
В зеленой ризе и цветах,
Весну встречая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась,
И пробудилась... Он в слезах
Упал и землю лобызает,
Как перси матери родной!..
Он снова чистый ангел рая,
- 120 И на земле он всем чужой.
Взглянул на небо: «О, как ясно,
Как упоительно-прекрасно!
О, как там вольно будет мне!..
И очи в чудном полусне
На свод небесный устремляет
И в беспредельной глубине
Душой невинной утопает.
- По высоте святой, широкой
Платочком белым, одинока,
- 130 Прозрачна тучка вдаль плывет.
«Ах тучка, тучка, кто несет
Тебя так плавно, так высоко?
Ты что такое? И зачем
Так пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кем?..»
И тучка тихо растопилась

На небе светлом. Взор унылый
Он опустил на темный лес...
«А где край света, край небес,
140 Концы земли?..» — И вздох глубокий,
Не детский вздох, он испустил;
Как будто в сердце одиноком
Надежду он похоронил.

В ком веры нет — надежды нет!
Надежда — бог, а вера — свет.

«Не погасай, мое светило!
Туман душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
150 Небесным светом озаряй.
Пошли на ум твою святыню,
Святым наитием напой,
Да провещаю благостыню,
Что заповедана тобой!..»

Надежды он не схоронил,
Воспрянул дух, как голубь горний,
И мрак сердечный, мрак юдольный
Небесным светом озарил;
Пошел искать он в жизни доли,
160 Уже прошел родное поле.
Уже скрывалось село...
Чего-то жаль внезапно стало,
Слеза ресницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего-то жаль нам в прошлом нашем,
И что-то есть в земле родной...
Но он, бедняк, он всем не свой,
И тут и там. Планета наша,
Прекрасный мир наш, рай земной,
170 Во всех концах ему — чужой.
Припал он молча к персти милой
И, как родную, лобызал,
Рыдая, тихо и уныло
На путь молитву прочитал...

И твердой, вольною стопою
Пошел... и скрылся за горою.
За рубежом родной земли,
Скитаясь нищим, сиротою,
Какие слезы не лились!
180 Какой ужасною ценою
Уму познания купил
И девство сердца сохранил!

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы,
Все незаконные дела...
И сохранить полет орла
190 И сердце чистой голубицы!
Се человек!.. Без крова жить
(Сирот и солнышко не греет),
Людей изведать — и любить!
Незлобным сердцем сожалея
О недостойных их делах
И не кощунствуя впотьмах,
Как *царь ума*. Убогим, нищим,
Из-за куса насущной пищи
Глупцу могучему годить,
200 И мыслить, чувствовать и жить!.
Вот драма страшная, святая!..
И он прошел ее, рыдая,
Ее он строго разыграл
Без слова; он не толковал
Своих вседневных приключений,
Как назидательный роман;
Не раскрывал сердечных ран,
И тьму различных сновидений
И байронический туман
210 Он не пускал; толпой ничтожной
Своих друзей не поносил;
Чинов и власти не казнил,
Как N..., глашатай осторожный,
И тот, кто мыслит без конца

О мыслях Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судят люди, не жалея
Родного брата и отца;
Тот лжепророк! Его сужденья —
220 Полуидеи, полувздор!..

Провидя жизни назначенье,
Великий божий приговор,
В самопытливом размышленьи
Он подымал слезящий взор
На красоты святой природы.
«Как все согласно! — он шептал
И край родной воспоминал;
У бога правды и свободы
Всему живущему молил,
230 И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал...— О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована и я.
Великим словом божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
240 Пророка камнем побьют!
Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!
О боже! сильный и правдивый,
Тебе возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
250 Воскреснуть мертвым повели,
Благослови всеильным словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли,
Земли поруганной, забытой,

Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли».
 Как тучи, мысли расходились,
 И слезы капали, как дождь!..

Блажен тот на свете, кто малую долю,
260 Кроху от трапезы волен уделить
Голодному брату и злобного волю
Хоть властью суровой возмог укротить! —
Блажен и свободен!.. но тот, кто не оком,
А смотрит душою на козни людей
И может лишь плакать в тоске одинокой —
О боже правдивый, лиши ты очей!..

 Твои горы, твое море,
 Все красы природы
 Не искупят его горя,
270 Не дадут свободы.

И он, страдалец жизни краткой,
Все видел, чувствовал и жил,
Людей, изведавши, любил
И тосковал о них украдкой.
Его и люди полюбили *,
И он их братьями звал;
Нашел друзей и тайной силой
К себе друзей причаровал;
Между друзьями молодыми
280 Порой задумчивый... порой
Как волхв, вещатель молодой,
Речами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлял;
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укреплял.
Он говорил, что обще благо
Должно любовью купить;
И с благородною отвагой
Стать за народ и зло казнить.
290 Он говорил, что праздник жизни,
Великий праздник, божий дар,
Должно пожертвовать отчизне,

* Как цветок, процветший на их болоте. (Прим. Шевченко.)

Должно поставить под удар.
Он говорил о страсти нежной;
Он тихо, грустно говорил —
И умолкал!.. В тоске мятежной
Из-за стола он выходил
И горько плакал. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной,
200 Ни с кем страдалец не делил.
Друзья любили всей душою
Его, как кровного; но он
Непостижимою тоскою
Был постоянно удручен.
И между ними вольной речью
Он пламенел. Но меж гостей,
Когда при тысяче огней
Мелькали мраморные плечи,
О чем-то тяжко он вздыхал
310 И думой мрачною летал
В стране родной, в стране прекрасной,
Там, где никто его не ждал,
Никто об нем не вспоминал,
Ни о судьбе его неясной.
И думал он: «Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными,
Они все равны меж собой,—
320 А я!..» И тихо он выходит,
Идет, задумавшись, домой;
Никто из дому не выходит
Его встречать; никто не ждет,
Везде один... тоска, томлень!..
И светлый праздник воскресенья
Тоску сторичную несет.
И вянет он, вянет, как в поле былина.
Тоскою томимый в чужой стороне;
И вянет он молча... Какая кручина
330 Запала в сердечной его глубине?
«О горе мне, горе! Зачем я покинул
Невинности счастье, родную страну?
Зачем я скитался, чего я достигнул?

Утехи познаний?.. Клянущих их, клянущих!
Они-то мне, черви, мой ум источили,
С моим тихим счастьем они разлучили!
Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому сердца раны в слезах покажу?
Здесь нету мне пары, я нищий меж ними,
340 Я бедный поденщик, работник простой;
Что дам я подруге моими мечтами?
Любовь... Ах, любви, любви одной!
С нее на три века, на вечность бы стало!
В своих бы объятьях ее растопил!
О как бы я нежно, как нежно любил! —
И крупные слезы, как искры, низались,
И бледные щеки и слабую грудь
Росили и сохли.— О дайте вздохнуть,
Разбейте мне череп и грудь разорвите,
350 Там черви, там змеи,— на волю пустите!
О дайте мне тихо, навеки заснуть!»

Страдал несчастный сирота
Вдали от родины счастливой
И ждал конца нетерпеливо.
Его любимая мечта —
Полезным быть родному краю,—
Как цвет, с ним вместе увядает!
Страдал он. Жизни пустота
Пред ним могилой раскрывалась:
360 Приязни братской было мало,
Не грела теплота друзей:
Небесных солнечных лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что бог зажег
В стыдливом сердце голубином
Невинной женщины, где б мог
Полет превыспренный, орлиный
Остановить и соединить
Пожар любви, любви невинной;
370 Кого бы мог он приютить
В светлице сердца и рассудка,
Как беззащитную голубку,
От жизни горестей укрыть;

И к персям юным, изнывая,
Главой усталую прильнуть;
И цепenea и рыдая,
На лоне жизни, лоне рая,
Хотя минуту отдохнуть.
В ее очах, в ее томленьe
380 И ум и душу утопить,
И сердце в сердце растопить,
И утонуть в самозабвеньe.

Но было некого любить;
Сочетаваться не с кем было;
А сердце плакало, и ныло,
И замирало в пустоте.
Его тоскующей мечте
В грядущем что-то открывалось,
И в беспредельной высоте
390 Святое небо улыбалось.
Как воску ярого свеча,
Он таял тихо, молчаливо,
И на задумчивых очах
Туман ложился. Взор стыдливый
На нем красавица порой
Покоя, тайно волновалась;
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
И, может, многие грустили
400 Сердца девичие о нем,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокий до могилы
На камнях острых проведен.
Изнемогал он, грудь болела,
Темнели очи, за крестом
Граница вечности чернела
В пространстве мрачном и пустом.
Уже в постеле предмогильной
Лежит он тих, и — гаснет свет.
410 Друзей тоскующий совет
Тревожит дух его бессильный.
Поочередно ночевали
У друга верные друзья;

И всякий вечер собиралась
Его прекрасная семья.
В последний вечер собралися
Вокруг предсмертного одра
И просидели до утра.
Уже рассвет смыкал ресницы,
420 Друзей унылых сон клонил,
И он внезапно оживил
Их грустный сон огнем бывалым
Последних пламенных речей;
И други друга утешали,
Что через семь иль восемь дней
Он будет петь между друзей.
«Не пропою вам песни новой
О славе родины моей.
430 Сложите вы псалом суровый
Про сонм народных палачей;
И вольным гимном помяните
Предтечу, друга своего.
И за грехи... грехи его
Усердно богу помолитесь...
И «со святыми упокой»
Пропойте, други, надо мной!»

Друзья вокруг его стояли,
Он отходил, они рыдали,
Как дети... Тихо он вздыхал,
440 Вздохнул, вздохнул... Его не стало!
И мир пророка потерял,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
Наутро в церковь гроб дубовый,
Рыдая, предали земли
Остатки друга; и лавровый
Венок зеленый, молодой
Слезами дружбы оросили
И на могиле положили;
450 И «со святыми упокой»
Запели тихо и уныло.

В трактире за круглым, за братским столом
Уж под вечер други сидели кругом;
Печально и тихо двенадцать сидело:
Их сердце одною тоскою болело.
Печальная тризна, печальны друзья!..
Ах, тризну такую отправил и я.

Согласьем общим положили,
Чтоб каждый год был стол накрыт
460 В день смерти друга; чтоб забыт
Не мог быть друг их за могилой;
И всякий год они сходились
В день смерти друга поминать.

Уж многих стало не видать:
Приборы каждый год пустели,
Друзья все больше сиротели —
И вот, один уж, сколько лет,
К пустым приборам на обед
Старик печальный приезжает;
470 Печаль и радость юных лет
Один, грустя, воспоминает.
Сидит он долго; мрачен, тих,
И поджидает: «Нет ли брата
Хоть одного еще в живых?»
И одинокий в путь обратный
Идет он молча... И теперь,
Где круглый стол стоит накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И брат, что временем забытый,
480 Вошел согбенный!.. Грустно он
Окинул стол потухшим взором
И молвил с дружеским укором:
«Лентяи! Видишь, как закон
Священный братский исполняют!
Вот и сегодня не пришли,
Как будто за море ушли! —
И слезы молча утирает,
Садясь за братский круглый стол.—
Хоть бы один тебе пришел!»
490 Старик сидит и поджидает...

Проходит час, прошел другой,
Уж старику пора домой.
Старик встает. «Да, изменили!
Послушай, выпей, брат, вино! —
Сказал слуге он, — все равно
Я не могу; прошло, что было; —
 Да поминай за упокой;
 А мне пора уже — домой!»
 И слезы снова покатались.
500 Слуга вино, дивясь, выпил.
 «Дай шляпу мне... какая лень
 Идти домой!..» — и тихо вышел

И через год в урочный день
Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят.
 И день уж проходит,
 Никто не приходит, —
 Навеки, навеки забыты они.

[Яготин 1843]

РАЗРЫТАЯ МОГИЛА

Край мой тихий, мать Украина,
Чей ты искупаешь
Грех великий, за кого ты
В муках погибаешь?
Или ты молитвы ранней
Богу не творила?
Иль детей своих ты честно
Жить не научила?
«Я молилась, я трудилась,
10 Я глаз не смыкала,
И детей своих я в добрых
Нравах наставляла.
Как цветочки в чистом поле,
Вырастали дети,
Знала власть я, знала волю
На широком свете.
О Богдан мой, сын мой милый!
Горе мне с тобою,
Что ты сделал, неразумный,
20 С матерью родною?
Над твоею колыбелью
Песни злой неволи
Пела я и со слезами
Ожидала воли.
О Богдан, когда б я знала,
Что мне жизнь сулила,
Я тебя бы в колыбели

Насмерть задушила.
Овладели чужеземцы
30 Моими степями,
Дети мои на чужбине
Бродят батраками.
Днепр мой, брат мой, высыхает
Средь степей унылых,
А москаль по степи бродит,
Роется в могилах.
Не свое он роет, ищет,
Могилы тревожит;
Но растет уж перевертень...
40 Вырастет, поможет
Он хозяйничать в отчизне
Чужаку... Спешите
И рубаху вы с матери
Худую снимите!
Звери, звери, мать родную
Терзать помогите!»

Вся раскопана, разрыта
Старая могила...
Что нашли в ней? Что отцами
50 Закопано было?
Эх, когда бы отыскать нам...
Отыскать нам клады, что земля сокрыла,
Не плакали б дети, мать бы не тужила!..

*9 октября 1843
Березань*

* * *

Чигрине, Чигрине,
Все на свете минет!
И святая твоя слава,
Как пылинка, сгинет.
Мчит слава с буйным ветром,
В тучах пропадает...
Над землею летят годы,
А Днепр высыхает.
Рассыпаются курганы —
10 Гордые могилы —
Твоя слава... Не сберег ты,
Старче, прежней силы,
И никто не молвит слова,
Никто не покажет,
Где ты стоял, зачем стоял,
И в шутку не скажет!

За что же мы панóв рубили?
Орду бесчисленную били
И ребра пикой боронили
20 Царевым слугам?.. Засевали,
Жаркой кровью поливали
И саблями боронили.
Что ж мы сжали, что скосили??!
Злые травы... злые травы...
Воли горькую отраву.

А я, горемыка, на твоих руинах
Даром слезы трачу; дремлет Украина,
Бурьяном покрылась, цвелью зацвела,
Сердце молодое в сырости сгноила.
30 И в дупле холодном гадюк приютила,
А детям надежду в степи отдала.
 А надежду эту...
 Ветер гнал по свету,
 Сила моря разнесла.

Пускай же ветер все разносит
На трепетном своем крыле.
Пускай же сердце плачет, просит
Священной правды на земле.

Чигрине, Чигрине,
40 Друг ты мой единый!
Проспал простор степей и гор
И всю Украину.
Спи, опутанный корчмами,
Пока день не встанет,
Пока гетманам подняться
Время не настанет.
Помолившись, и я б заснул...
Так думы мешают,
Думы душу мне сжигают,
50 Сердце разрывают.
Ой, не жгите, подождите,
Может быть, я снова
Найду правду горестную,
Ласковое слово.
Может, выкую из слова
Для старого плуга
Лемех новый, лемех крепкий,
Взрежу пласт упругий...
Целину вспашу, быть может,
60 Загрущу над нею..
И посею мои слезы,
Слезы я посею.

Пусть ножей взойдет побольше
Обоюдоострых,
Чтобы вскрыть гнилое сердце
В язвах и коросте.
Пусть выцедят сукровицу,
А нальют горячей,
Светлой, свежей, чистой крови
70 Молодой — казачьей!!!

Может... может... А пока что
Меж ножами снова
Рута-мята расцветает,
И тихое слово,
Мое слово, слово песни
Богобоязливой
Вспомнят люди, и девушка
С сердцем боязливым
Встрепенется, будто рыбка,
80 Слыша это слово...
Слово мое, слезы мои,
Рай мой, рай суровый!

Спи, Чигрине! Пусть погибнут
Вражеские дети.
Гетман, спи, пока не встанет
Истина на свете.

*19 февраля 1844
Москва*

СОВА

Родила казачка сына
С карими глазами;
Наделила дорогого
Черными бровями.
Китайкою повивала,
Святых умоляла,
Чтобы их святая воля
Сыну счастье слала.
«Пошли тебе матерь божья
¹⁰ Своей благодати, —
Той, которой мать не может
Дать сама дитяти».
До восхода брала воду,
В барвинке купала,
До полночи колыхала,
До зари певала:

«Спи, мой милый...
Я в рощу ходила,
Кукушку слыхала,
²⁰ Она предсказала:
Сто лет любоваться
Я буду тобою,
В шелка наряжаться
И жить госпожою.
Не замечу даже,
Как промчатся сроки —

Станешь, словно княжич,
Как ясень, высокий,
Стройный и красивый,
30 Веселый, счастливый
И не одинокий.
Хоть со дна морского
Сыну я достану
Сотничью, купцову
Дочку черноброву,—
Панну так уж панну!
Вот она в сапожках красных.
В зеленом жупане
По светлице проплывает,
40 Как пава, как пани,
Говорит с тобой — ласкает
Райскими словами.
Я ж сижу под образами
Да люблюсь вами.

Ты, дитятко, сын мой,
Любимый, единый,—
Есть ли лучше в целом свете.
На всей Украине?
Нету лучше и не будет —
50 Удивляйтесь, люди!
Нету лучшего!.. А счастье...
Счастье он добудет».

Ой, кукушка, кукушечка,—
Зачем куковала?
Долгие зачем ей годы
Ты накуковала?
Только разве нам послушна
Счастливая доля?
Эх, когда бы... мать смогла бы
60 С далекого поля
Приманить для своих деток
И долю и волю!

Где там... Ведь беда-злосчастье
Встретить не забудет
На дороге ль, без дороги —
Всюду, где есть люди.
Как цветок в зеленой роще,
Сына мать растила,
Любовалась... В это время
70 Лег отец в могилу.
Мать осталась вдовою,
Хоть и молодою
И не одна... а все тяжко...
С горем да тоскою
Пошла она у соседей
Попросить совета.
Все один совет — батрачить —
Дали ей на это...
Бросила она хозяйство,
80 Худую, босою
Пошла внаймы... Не минуло
Ее горе злое.
Дни и ночи надрывалась,
Подати платила...
И за три полтины сыну
Одежу купила,
Чтоб и ее, вдовье, в школу
Дитяtko ходило.

Ой, вы, беды-напасти!
90 Вдовье горькое счастье!
Где с бурлацкою ватагой
В ясный день иль в ненастье
Гуляешь, бродяга?
Богатому и на гору
Вода потечь рада,
А бедняку и в овраге
Рыть колодец надо!
У богатых растут дети —
Вербы на раздолье;
100 У вдовы ж один,— и этот,
Что былинка в поле.

Дождалась батрачка счастья,
Вырастила сына:
И грамотный и красивый,
Хлопец — что картина.
Как у бога за дверями
Стала жить родная,
И на хлопца все дивчата
Глядели, вздыхая,
110 Полюбила богатая —
Не поцеловала,
Только зря ему платочек
Шелком вышивала.
Кралось горе из-за моря
Чрез леса и степи,
И подкралось... Стали хлопцев
Заковывать в цепи,
И по тракту потащились
К городу обозы.
120 Шла и вдова с матерями,
Проливая слезы.
Ночью на привале
Стражу выставляли,
Старую вдову к обозу
И не подпускали.
Ой, к приему привезли их —
Забривать в солдаты.
Все-то мелки, недомерки —
Все — сынки богатых;
130 Тот калека спокон века,
А тот — кривоногий,
Тот — горбатый, тот богатый,
А тех — в хате много;
А всех — долой, и всех — домой,
Всем счастье от бога.
У вдовы ж один лишь сын,
И тот — как раз под аршин!

Снова бросила хозяйство,
Сыновнюю хату.
140 Работала у евреев

За жалкую плату —
Ведь крещеные не брали.
«Стара, — молвят, — стала,
Не справится...» И огрызок
Подадут, бывало,
Христа ради... Не дай боже,
Лучше б не родиться!
Не дай бог от богатого
Ждать глотка водицы!
150 По копейке получала,
Полтинник собрала,
Письмо сыну написала
Да в войско послала.
Полегче стало. Год прошел;
И второй, и третий,
И четвертый, и десятый, —
А ответа нет ей.
Нет весточки, как тут быть?
Суму нужно брать ей
160 Да идти... собак дразнить,
В путь — от хаты к хате!
Взяла суму и побрела,
На выгоне села
И в село не возвращалась,
День и ночь сидела
За околицей. А годы
Пролетают глухо.
Сгорбилась да почернела —
Не узнать старуху!
170 Да кому и узнавать-то!
Нищенкой убогой
Знай сидит себе да смотрит
В поле, на дорогу.
День за днем и ночь за ночью,
Рассвет за рассветом.
А солдата, ее сына,
Все нету, все нету.

В час вечерний пруд темнеет,
Буйный ветер лозы гнет.
180 Ужинать родного сына
До утра старуха ждет.
В час вечерний пруд темнеет,
Шелестит камыш слегка.
Девушка ждет в темной роще,
Поджидает казака.
В час вечерний ветер веет,
Наклоняет лозы;
Плачет в хате мать, а в роще
Девушка льет слезы.
190 Поплакала молодая —
Запела на зорьке;
Поплакала мать седая —
Зарыдала горько.
И молилась, и рыдала,
Кляла все на свете.
Ох, тяжки для матерей вы,
Бездольные дети!

Искалеченные руки
К небу подымала,
200 Свою долю проклинала,
Сына призывала.
А, бывало, не рыдала,—
Лишь в немой печали
Очи, полные слезами,
Устремляла в дали.
День и ночь глядела. Стала
Всех встречать вопросом:
«Может, где-нибудь солдата
Видеть довелось им —
210 Ее сына». Не видели,
Не знают... Уныло.
Сидит она, уж не плачет,
Расспросы забыла.
Помешалась с горя! Камень
К сердцу прижимает,

То бранит, а то ласкает,
Сыном называет
И сквозь слезы тихонечко
Песню напевает:

220 «Змея хату подпалила,
Детям каши наварила,
Стаи тянутся солдат,
Гуси серые летят;
Разлетелись гуси шире —
По четыре, по четыре,
Полетели вдоль сел!
На кургане — орел,
На кургане среди ночи
Он клюет казачьи очи,
230 А девушка до восхода
Казака ждет из похода».

Днем на свалках по задворкам
Черепков искала,
Бормотала, что гостинцы
Сыну собирала;
Ночью же простоволосой
По селу бродила,
Все бродила, напевала,
А то страшно выла.
240 Люди злились... она, видишь,
Спать им не давала
И крапиву под их тыном
Да бурьян топтала.
Днем же с палками гонялись
Дети за вдовою
По улицам; и в насмешку
Дразнили — *Совою*.

6 мая 1844
СПБ

ДЕВИЧЬИ НОЧИ

Высушили карие очи
Девичьи ночи...

«Черница Марьяна».

Расплелася коса-краса
Вся до пояса;
Грудь открылась, словно в море
Волны на просторе;
Карие сверкнули очи —
Звезды среди ночи;
Руки в муке потянулись,
Взяли б — прикоснулись,
Обвились бы, — вокруг подушки
¹⁰ Холодной сомкнулись
И застыли, и замерли,
Без сил разомкнулись.

«Для чего мне коса-краса,
Зачем очи эти,
Стан мой гибкий... коль друга нет
У меня на свете.
Ведь не с кем мне полюбиться,
Сердцем поделиться...
Сердце мое, сердце мое!
²⁰ Трудно тебе биться
Одинокому. С кем жить мне.

С кем жить, мир лукавый,
Ты мне скажи. Зачем, скажи,
Эта слава... слава.
Я любить, я жить желаю
Сердцем — не красую!
А мне еще завидуют,
Гордою и злою
Злые люди называют.
30 А того не знают,
Что я в сердце затаила...
Пускай называют —
Грех им будет... боже правый!
Почему не хочешь
Укоротить жестокие,
Тяжелые ночи!..
Днем не так я одинока —
С полем говорю я,
Говорю — недолю в поле
40 Забываю злую.
А в ночи...» — да и замолкла,
Слезы навернулись...
Руки в муке протянулись,
Напрасно сомкнулись.

18 мая 1844

СПБ

СОП

Б о ж е д и я

Дух истины, егоже мир не может
приятн, яко не видит его, ниже знает
его.

Иоанна, глава 14, стих 17

У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, тот ломает,
Этот жадным оком
Высматривает повсюду
Землю, чтобы силой
Заграбастать и с собою
Утащить в могилу.
Третий з карты, словно липку,
¹⁰ Обдирает свата,
Тот тихонько в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, тихонький да трезвый,
Богобоязливый,
Как кошечка подкрадетсЯ,
Выждет несчастливый
День для вас, да как запустит
Когтища в печенку,—
Не разжалобят злодея
²⁰ И слезы ребенка!
А тот, щедрый, храмы строит.
Тысяч не жалеет,

А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит!..
Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может, так и надо?» —
30 Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом.—
Нет за гробом рая!
Образумьтесь! Поглядите:
Все на этом свете —
И нищие и царята —
40 Адамовы дети!
Тот... и тот... А что же я-то?
Я, добрые люди,
Лишь гуляю да пирую
И в праздник и в будень.
Вам завидно? Жалуетесь?
Слушать не хочу я!
Не бранитесь! Я свою пью,
А не кровь людскую!

Так, вдоль плетней тропой знакомой
50 Идя с пирушки в час ночной,
Болтал я пьяный сам с собой,
Покуда не добрел до дому.
Нет у меня детей; жена
 Не бранит, встречая.
 Дом отрадней рая,—
Кругом такая тишина
 И в сердце и в хате...
 Вот и лег поспать я...
А если пьяный да заснет,
60 Пусть хоть орудья катят,—
 Он усом не моргнет.

И сон же, сон на диво дивный
В ту ночь мне снился.
Тут и непьющий бы напился,
Последний скряга дал бы гривну,
Чтоб глянуть, хоть едва-едва...

Да — черта с два!

Вот вижу: вроде как сова
Летит над балками, прудами и лугами,
70 Над оврагами и рвами,
Над широкими степями
И пустырями.

А я за нею подымаюсь,
Лечу, лечу, с землей прощаюсь.

«Ты прощай, земля родная,
Край скорби и плача!

Мои муки, злые муки
В облаках я спрячу.

Ты ли стонешь, Украина,

80 Вдовой бесталанной!

Прилетать к тебе я стану

Полночью туманной.

Для печально-тихой речи

На совет с тобою

Буду падать в полуночи

Свежую росую.

Побеседуем, покамест

Утро не настанет,

Пока твои малолетки

90 На врага не встанут.

Так прощай, земля родная,

Отчий край убогий!..

Расти деток: жива правда

У господ бога!»

Летим... Гляжу — уже светает,

Край неба пылает,

Соловейко в темной роще

Солнышко встречает.

Степи грезят, голубея;

100 Тихо ветер веет;

Меж ярами над прудами

Вербы зеленеют.
Разрослись сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся родная Украина
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
110 Мелкою росою.
Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!
Не убьет ее, не сломит
Никакая сила...
Душа моя! ты о чем же
Снова загрустила?
Душа моя! ты о чем же
120 Горько зарыдала?
Чего тебе жалко? иль ты не видала,
Иль ты не слыхала рыданий людских
Гляди же и слушай! Я скроюсь от них
За синие тучи высоко, высоко;
Там нету ни власти, ни кары жестокой,
Там горем ничья не изранена грудь,
Гляди: в этом рае, что ты покидаешь,
Сермягу в заплатках с калеки снимают,
Со шкурой дерут, чтоб одеть и обуть
130 Княжат малолетних. А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут,—
Любимого сына, последнего сына,—
В солдаты опору ее отдают,—
А вон умирает в бурьяне под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.
А вон видишь? Очи, очи!
Куда деться с вами?
Лучше бы вас высушило,
140 Выжгло бы слезами!
То — покрытка вдоль забора
С ребенком плетется,—

Мать прогнала, и все гонят,
Куда ни толкнется!..
Нищий даже сторонится!..
А барчук не знает:
Он, щенок, уже с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
¹⁵⁰ Наши слезы, горе?
Видит он да помогает,
Как вон эти горы
Вековые, облитые
Кровищей людскою!
Душа моя мученица,
Горе мне с тобою!
Так уьемся горьким ядом,
Уснем под снегами,
Пошлем думу прямо к богу;
¹⁶⁰ Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Пановать над нами?

Лети ж, моя дума, моя злая мука!
Возьми это сонмище горя и зла —
Друзей своих верных! Ты с ними росла
Ты с ними сроднилась; их тяжкие руки
Тебя пеленали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!
Пускай чернеет, багровеет,
¹⁷⁰ Змей огнем повеет,
Изрыгает трупы, землю
Мертвыми усеет!
А пока ты не вернешься,—
Я, сердце скрывая,
Белый свет пройду до края,
Не найду ли рая.

И вновь я над землею рею,
И вновь прощаюся я с нею.
Тяжко бросить мать старуху
¹⁸⁰ Без крова, без хаты,
Но страшнее видеть всюду
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Глухие, топкие места,
Туман, туман и пустота.
Безлюдье, глушь, не знать и следу
Злой человеческой ноги.
Враги мои и не враги,

¹⁹⁰ Прощайте! в гости не приеду.

Упивайтесь и пируйте,
Не услышу боле,—
Я один себе, навеки
Заночую в поле...
И пока вы не узнали
О крае далеком,
Где не льются кровь и слезы,
Я усну глубоко.
Я усну...

²⁰⁰ Но вдруг я слышу —

Под землей неясно
Цепи звякнули... Я глянул...
О народ несчастный!
Ты откуда, чем ты занят?
Чего ищешь, роясь
Под землю?.. Нет, должно быть,
Я от вас не скроюсь
Даже на небе!.. За что же
Мне такие муки?

²¹⁰ Кому что я сделал злое?

Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Грудь испепелили
И, как тучи галок,
Думы распустили?
За что, не знаю, а карают,
И тяжело карают,
Иль не будет этим мукам
Ни конца, ни краю?

²²⁰ Не вижу, не знаю!

Пустыня вдруг зашевелилась...
Земля, как тесный гроб, раскрылась,

И из земли на страшный суд
За правдой мертвецы встают...
Не мертвы они, не просят
Жалости у судей!
То идут, гремя цепями,
Все живые люди,
Золото из нор выносят,
230 Чтоб жадности лютой
Заткнуть глотку. А за что ж их
В рудники сослали?
Знает бог... Хотя и сам-то
Знает он едва ли!

Вон — вор, клеймом отмеченный,
Гремит кандалами,
Другой, кнутами сеченный,
Скрежещет зубами —
Друга он зарезать хочет
240 Своими руками.
А меж ними, злодеями,
Вон — в одежде рваной
Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет
В муке бесконечной!
Кто согрет любовью к людям —
Не остынет вечно!

А где ж твои думы в их вешнем расцвете?
250 Любовно взращенные, смелые дети?
В чьи руки ты, друг мой, судьбу их вручил?
Иль, может быть, в сердце навек схоронил?
Не прячь! разбросай их, рассыпь их повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими будут!

Еще мытарство? иль уж будет?
Будет, будет, тут холодно!
Мороз разум будит.
И вновь лечу. Земля чернеет.
И дремлет ум, и сердце млеет.
260 Гляжу: дома стоят рядами,

Кресты сверкают над церквами.
По площадям, как журавли,
Солдаты на муштру пошли,
Хорошо обуты, сыты,
В цепи накрепко забиты,
Маршируют... Дальше глянул:
Вот в низине, словно в яме,
Город средь болот дымится.
Над ним тучами клубится
270 Мгла густая. Долетаю...
То город без края!
 То ли турецкий,
 То ли немецкий,
А быть может, даже русский?
 Господа пузаты,
 Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!

Смеркалося... Огнем, огнем
Кругом запылало.—
280 Тут я струхнул... «Ура! ура!» —
Толпа закричала.
«Цыц вы, дурни! образумьтесь!
Чему сдуру рады,
Что горите?» «Экой хохол!
Не знает парада!
У нас парад! Сам изволит
Делать смотр солдатам!»
«Где ж найти мне эту цацу?»
«Иди к тем палатам».
290 Я пошел. Тут мне, спасибо,
Землячок попался
С казенными пуговками.
«Ты откуда взялся?»
«С Украины». — «Ты ж ни слова
Молвить не умеешь
По-здешнему!» — «Э, нет, братец,
Говорить умею,
Да не хочу!» — «Вот чудак-то!
Я все входы знаю.
300 Я служу здесь... Если хочешь

- Вести попытаюсь
Во дворец тебя, но только,—
Здесь, братец, столица —
Просвещение! Дай полтинку!»
«Тьфу тебе, мокрица
Чернильная!..» Стал я снова,
Как дух бестелесный,
Невидим. Вошел в палаты.
Царь ты мой небесный,
310 Вот где рай-то! Блюдолизы
Золотом обшиты!
Сам по залам выступает
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
320 Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!
Не видал тебя ни разу
И попал впросак я,—
Тупорылому поверил
Твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
И лакейским перьям
Виршеплетов. Вот теперь их
И читай и верь им!
330 За двумя богами — бары
Выступают гордо.
Все, как свиньи, толстопузы
И все толстоморды!
Норовят, пыхтя, потея,
Стать к самим поближе:
Может быть получат в морду,
Может быть — облизнут
Царский кукиш!
Хоть — вот столько!
340 Хоть полфиги! Лишь бы только
Под самое рыло.

В ряд построились вельможи,
В зале все застыло,
Смолкло... Только царь бормочет,
А чудо-царица
Голенастой, тощей цаплей
Прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
Как сычи, надуты,
350 Что-то тихо говорили,—
Слышалось: как будто,
Об отечестве, о новых
Кантах и петлицах,
О муштре и маршировке...
А потом царица
Отошла и села в кресло.
К главному вельможе
Царь подходит да как треснет
Кулачищем в рожу.
360 Облизнулся тут бедняга
Да — младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
Как заедет в ухо
Меньшему, а тот утюжит
Тех, что чином хуже,
А те — мелюзгу, а мелочь —
В двери! И снаружи
Как кинется по улицам
И — ну колошматить
370 Недобитых православных!
А те благим матом
Заорали да как рявкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
Ура!.. Ура!.. Ура-а-а!»

Посмеялся я и — хватит;
И меня давнули
Все же здорово. Под утро
Битые заснули...
Православные все тише
380 По углам скулили
И за батюшкино здравье

Господа молили.
Смех и слезы! Вот смотрю я
На город богатый.
Ночь — как день! Куда ни глянешь,
Палаты, палаты...
А над тихою рекою
Весь каменный берег.
Я гляжу, как полоумный,
390 И глазам не верю,—
Не пойму, не разумею,—
Откуда взялося
Это диво?.. Вот где крови
Много пролилося
Без ножа! А за рекою
Крепость с колокольней,—
Шпиль, как шило,— как посмотришь,
Жуть берет невольно.
И куранты тельнекают...
400 Кругом озираюсь,
Вот — конь летит, копытами
Скалу разбивает.
Всадник — в свитке и не в свитке
Без стремян, как влитый
И без шапки, только листом
Голова повита.
Конь ярится,— вот-вот реку,
Вот... вот... перескочит!
Всадник руку простирает,
410 Будто мир весь хочет
Заграбастать. Кто ж такой он?
Подхожу, читаю,
Что написано на камне:
«Первому — вторая»
Поставила это диво.
О! Теперь я знаю:
Этот — *первый*, распинал он
Нашу Украину.
А — *вторая* доконала
420 Вдову-сиротину.
Кровопийцы! Людоеды!
Напились живую

Нашей кровью! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжело, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...
В это время — тихо, тихо
430 Запевает кто-то
Невидимый надо мною:

«Из города из Глухова
Полки выступали
На линию с заступами,
Наказным послали
Гетманом меня в столицу,
Вместе с казаками.
О боже наш милосердный!
О изверг поганый!
440 Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупах!
И в темной темнице
Умер я голодной смертью,
Тобою замучен,
450 В кандалах!.. О царь! Навеки
Буду неразлучен
Я с тобою! **Кандалами**
Скован я с тобою
На века веков! Мне тяжело
Витать над Невою!
Может быть, уж Украины
Вовсе нет... Кто знает!..
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
460 Может, всю ее спалили,
В море Днепр спустили,

Насмеялись и разрыли
Старые могилы —
Нашу славу! Боже милый,
Сжался, боже милый!»
Все замолкло. Вот я вижу:
Туча снегом кроет
Небо серое. А в туче
Зверь как будто воет.
470 То не туча — птицы тучей
Белой закружили
Над тем медным исполином
И заголосили:
«Кровопийца! Мы навеки
Скованы с тобою.
На суде последнем страшном
Мы бога закроем
От глазищ твоих несытых.
Ты нас с Украины
480 Гнал, холодных и голодных,
В снега, на чужбину!
Погубил нас, а из кожи
Нашей багряницу
Сшил ты жилами погибших,
Заложил столицу
В новой мантии! Любуйся ж
На свои палаты!
Веселись, палач свирепый,
Проклятый! Проклятый!»

490 Рассыпались, разлетелись.
Солнышко вставало.
Я стоял и удивлялся
Так, что жутко стало.
Вот уж голь закопошилась,
На труд поспешая,
Уж построились солдаты,
Муштру начиная.
Заспанные, проходили
Девушки устало,
500 Но — домой, а не из дому!..

Мать их посылала
На ночь целую работать,
На хлеб заработать.
Я стою, молчу, понурясь,
Думаю, гадаю:
Ох, как трудно хлеб насущный
Люди добывают.
Вот и братия рысцою
Сыплет в дверь сената,
510 Скрипеть перьями да шкуру
Драть с отца и брата.
Землячки мои меж ними
Шустро пробегают;
По-московски так и режут,
Смеются, ругают —
На чем свет — отца, что с детства
Трещать не учил их
По-немецки, — мол, теперь вот
Прокисай в чернилах!
520 Эх, ты, пьявка! Может, батько
Продавал корову
Последнюю, чтоб выучил
Ты столичный говор!
Украина! Украина!
Твои ль то родные
Чернилами политые
Цветы молодые,
Царевою беленою
В немецких теплицах
530 Заглушены!.. Плачь, Украина,
Сирая вдовица!

Глянуть, что ли, что творится
В царевых палатах?
Как-то там у них? Вхожу я, —
Множество пузатых
Ждет царя. Сопят спросонья,
Все надувались
Индюками да на двери
Косо озирались.
540 Вот и двери отворились.

Словно из берлоги
Медведь вылез, еле-еле
Подымает ноги.
Весь опухший, страшный, синий:
Похмельем проклятым
Мучился он. Да как крикнет
На самых пузатых.
Все пузатые мгновенно
В землю провалились!
550 Тут он выпучил глазища, —
Затряслись, забились
Уцелевшие. На меньших
Тут как заорал он, —
И те в землю. Он на мелочь —
И мелочь пропала.
Он — на челядь, и челяди
Словно не бывало.
На солдат, и солдатики —
Только застонало —
560 Ушли в землю!.. Вот так чудо
Увидал я, люди!
Я гляжу, что дальше будет,
Что же делать будет
Медвежонок мой? Стоит он,
Печальный, понурый.
Эх, бедняжка!.. Куда делась
Медвежья натура?
Тихий стал, ну — как котенок!..
Я расхохотался.
570 Он услышал да как зыкнет —
Я перепугался
И проснулся...
Вот какой мне
Привиделся странный,
Дикий сон. Такое снится
Разве только пьяным
Да юрóдивым. Простите,
Сделайте мне милость,
Что не свое рассказал вам,
580 А то, что приснилось.

8 июля 1844
С.-Петербург

* * *

В воскресенье не гуляла,—
На шелк денег добывала
Да платочек вышивала,
Вышивая, напевала:

«Платочек ты мой вышитый,
Узорчатый мой!
Вышиваю для подарка,
Поцелует милый жарко...
Платочек ты мой,
¹⁰ Раскрашенный мой!
Пусть увидят утром люди,
Сироте платочек будет
Узорчатый мой,
Раскрашенный мой!
А я косу расплетаю,
С милым-суженым гуляю...
Долюшка моя,
Мамонька моя!»

Шила девушка и пела
²⁰ И в оконце все глядела:
Что не слышно круторогих;
Не идет чумаки с дороги?

Он идет из-за Лимана
С чужим добром, бесталанный,

Чужих волов погоняет,
Погоняя, напевает:
«Доля моя, доля!
Что ж ты не такая,
Как вон та, чужая?
30 Пью ли я, гуляю?
Силы ль не хватает,
Иль к тебе дороженьки
Я в степи не знаю?
Иль тебе своих подарков
Я не посылаю?
Одарю дарами —
Карими очами.
Молодую мою силу
Богачи купили,
40 Может, без меня невесту
С другим обручили...
Научи же меня, доля,
Гулять научи».

И заплакал горемыка,
Степью идучи.

Ой, заухал серый филин
В степи на могиле:
Загрустили чумаченьки,
Тяжко загрустили.
50 «Атаман, дай позволение
Здесь остановиться
И товарища снести нам
В село причаститься!»
Грех прощали, причащали,
Ворожею звали,—
Да все зря... с неисцеленным
Дальше выступали.
То ль работа задавила
Молодую силу?
60 То ль бессонная кручина
С ног его свалила?

То ли люди пожелали
Ему, молодому,
На возу приехать с Дона
Мертвой кладью к дому?
Думал хоть бы повидаться
С невестой своею,
Да не вышло... Схоронили —
И кто пожалеет?

70 Поставили товарищи
Крест над сиротою,
Разошлись... И, как былинка
Смытая волною,
Ушел казак прочь со света,
Все забрал с собою.
А где же тот узорчатый
Вышитый платочек?
Где ж веселая такая
Девушка-цветочек?!

80 На кресте могильном ветер
Платок развевает,
А девушка в темной келье
Косу расплетает.

18 октября 1844
С.-Петербург

* * *

Что же мне так тяжело, что же мне так скучно?
Что же мое сердце рыдает, кричит
Голодным дитятей! Что же сердцу нужно?
Трудное ты, сердце, что ж тебя томит?..
Голод, или жажда, или спать ты хочешь?
Засни, успокойся, замолкни навек,
Открыто, разбито... А злой человек
Пускай сатанеет... Закрой, сердце, очи...

13 ноября 1844
СПБ

* * *

Зачаруй меня, волшебник,
Друг мой седоусый!
Ты уж сердце запечатал,
Я — еще боюсь!
Погорелое жилище
Разрушать нет силы!
Голубь мой, как страшно сердце
Зарывать в могилу!
Может, явится надежда
10 С чистою водою —
Целительной, живительной
Светлою слезою,
Может, зимовать придется
В брошенном жилище!
Обгоревшие бы стены
Побелить почище!
Озарить бы ясным светом
Снова стены эти!
Может быть, опять проснутся
20 Мои думы-дети!
Помолюся вместе с ними,
С ними зарыдаю
И еще раз солнце правды
Хоть сквозь сон узнаю.
Обмани, но будь мне братом!
Помоги советом:
Иль молиться, иль проститься
Пора с белым светом??!

*13 ноября 1844
С.-Петербург*

ГОГОЛЮ

За думою дума летит, вылетает:
Одна давит сердце, другая терзает,
А третья тихонечко плачет в обиде
У самого сердца — и бог не увидит!

Кому ж ее покажу я,
Где найду такого,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,
¹⁰ В кандалах... поникли...
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий.
Что ж из плача уродится?
Лишь трава дурная...
Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
²⁰ Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отдаст: «Примите, дескать,
Нашу лепту вдовью».
Он отдаст царю-престолу
Да немцам-собакам...
Что же, пусть их. — А мы будем
Смеяться и плакать.

*30 декабря 1844
С.-Петербург*

* * *

Не завидуй богатому:
Богатый не знает
Ни любви, ни уваженья,—
Он их покупает.
Не завидуй могучему,—
Тот всех угнетает.
Не завидуй и славному:
Хорошо он знает,
Что не его люди любят,
¹⁰ А тяжкую славу,
Что добыл он со слезами
Людям на забаву.
А сойдутся молодые —
Любовно, не споря,
Как в раю, а присмотреться —
Шевелится горе...

Не завидуй никому ты,
Приглядишься ты к свету:
На земле не видно рая
²⁰ И на небе нету!

*4 октября 1845
Миргород*

* * *

Не женися на богатой,
Выгонит из хаты.
Не женися на убогой —
Знать не будешь сна ты,
Ты женись на вольной воле,
На степном раздолье,
Хоть на босой, хоть на голой,
Да казацкой доле.
Пусть никто не утешает
10 И не докучает,
И что болит, и где болит,
Пусть никто не знает.
Говорят, что с другом плакать
Легче, больше толку.
Ты не верь, неправда, плакать
Легче втихомолку.

4 октября 1845
Миргород

ЕРЕТИК

Шафарик

Подожгли соседи злые
У соседа хату,
И лежат они, погревшись,
Мирным сном объаты.
Да забыли серый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распутье,
А в том пепле тлеет
Искра пламени большого
¹⁰ И не погасает,
Ждет поджога, точно мститель
Часа ожидает,
Злого часа! Тлела искра,
Тлела — ожидала
На широком раздорожье,
Да и гаснуть стала.

Вот так и немчура спалила
Большую хату. И семью,
Семью славян разъединила
²⁰ И тихо-тихо к ним впустила
Усобиц лютую змею.

Полилися реки крови,
Пожар потушили,
А сирот и пепелище
Немцы поделили.

И в оковах вырастали
Славянские дети
И в неволе позабыли,
Кто они на свете.
30 А на старом пепелище
Искра братства тлела,
Дотлевала, ожидала
Крепких рук и смелых —
И дождалась!.. Ты увидел
Под пеплом глубоко
Огонь добрый смелым сердцем
И орлиным оком!
И зажег ты яркий светоч,
Светоч правды, воли...
40 И славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина —
Сосчитал лишь трупы,
А не славян. И восстал ты
На крутых уступах —
На всемирном раздорожье —
Иезекиилем.
И — о чудо! — трупы встали
И глаза раскрыли;
50 Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!
И слились в едином море
Славянские реки!

Слава тебе, ученому,
Чеху-славянину,
Что не дал ты уничтожить
Немецкой пучине
60 Нашу правду. И родное
Славянское море
Снова станет многоводным,
И в его просторе,
С верным кормчим, под ветрилом,
Свежим ветром полным,

Поплывет наш челн по морю,
По широким волнам,
Будь же славен ты, Шафарик,
Во веки и веки,
70 Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

Так прими же в своей славе,
Повстречай приветно
Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный,
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче. А я тихо
Богу помолюся,
80 Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцкий,
Муж великий, правый!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

22 ноября 1845
в Переяславе

Камень, егоже небрегоша зижлу-
щий, сей бысть в главу угла: от гос-
пода бысть сей, и есть дивен во оче-
сах наших.

Псалом 117, стих 22

«Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
90 А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит,
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!
О царь небесный! Суд твой всеу,
И всеу царствие твое.

Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,
И силу, и волю!
100 Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За евангелие правды,
За народ забитый?
Некому! Неужто ж, боже,
И не ждать защиты?
Нет, ударит час великий,
Час небесной кары!
110 Распадутся три короны
Высокой тиары!
Распадутся! Благослови
На смерть и на муки,
Благослови мои, боже,
Нетвердые руки!»

Так в келье Гус с неправдой злою
Решил бороться — разорвать
Оковы ада... и святое,
Святое чудо показать
120 Очам незрячим.
«Поборюсь...
Со мной всевышний!.. Да свершится!»
И в Вифлеемскую каплицу
Пошел молиться добрый Гус.

«Во имя господа Христа,
За нас распятого на древе,
И всех апостолов святых,
Петра и Павла особливо,
Мы отпускаем все грехи
130 Вот этой буллою... святою
Рабыне божьей...»
«Этой самсой,

Что позавчера водили
 По улицам Праги.
 Этой самой, что шаталась,
 Упившись хмелем,
 По шинкам да по казармам,
 По монашьим кельям.
 Эта деньги раздобыла
 140 Да буллу купила —
 И теперь свята... О боже!
 Великая сила!
 Великая слава! Помилуй людей!
 Отдохни от гнева в светлых сенях рая!
 За что погибают? За что ты караешь
 Своих и покорных и добрых детей?
 За что ты ослепил им очи
 И вольный разум их сковал
 Оковами кромешной ночи?..
 150 Прозрейте, люди, день настал!
 Глаза раскройте, шире груди!
 Проснитесь, чехи! Вы же люди,
 А не потеха чернецам!
 Злодеи, палачи в тиарах
 Всё обратили в прах и дым,
 Как там, в Московии, татары,
 И догматы свои слепым —
 Нам навязали!.. Кровь, пожары,
 Все зло на свете, войны, свары,
 160 Мученья адские, а Рим
 Распутством одержим.
 Вот все их догматы и слава!
 Чего славней!.. А нынче — вот
 Установление конклава:
 Кто, буллы не купив, умрет,
 Тот — прямо в ад; а если плату
 Ты внес двойную, режь хоть брата,
 Всех, кроме пап и чернецов,
 И в рай ступай в конце концов!
 170 И вор у вора без пощады
 Ворует... тут же, в церкви. Гады!
 Насытились ли вы вполне
 Людскою кровью?.. Нет, не мне,

Великий господи, простому
Рабу, судить твои дела
Великие. Ведь людям зла
Не причинишь ты попустому!

Молю я, господи, помилуй,
Спаси ты нас, святая сила,
180 Язык мой язвами клейми,
Но язвы мира изыми.
Не дай глумиться ты лукавым
Над вечною твоею славой
И над смиренными людьми...»

И плакал Гус, творя молитву,
Слезами тяжкими. Народ
Дивился молча: что творит он?
И на кого он восстает?

«Глядите, люди: вот вам булла,
190 Что я читал...» — и показал
Ее народу. Всколыхнуло
Толпу: он буллу разорвал!!.
Из Вифлеемской той каплицы
До самой мировой столицы
Грозами это понеслось.
Монахи скрылись... Грозной карой
В конклаве это отдалось —
И дрогнула, кренясь, тиара!

Зашипели в Ватикане
200 Змеями монахи.
Авиньон с монашьям Римом
Зашептался в страхе,
Зашептались антипапы —
Потолки трясутся
От шепота. Кардиналы
Гадюками вьются
Вкруг тиары. И украдкой
Меж собой грызутся,

Что коты замышляю... И как же!
210 Тут ведь меху, кожи
Горы целые... а мяса!!!
Даже стены тоже,
Вздвинули при вести: в Праге
Уж гогочут гуси
И летят с орлами биться...
Всполошился, струсив,
Собрался конклав. Решили:
Меж собой не споря,
Встать на Гуса. И в Констанце
220 Воронью быть в сборе!
Да стеречь сверху и снизу
Зорче, чтоб дотоле
Не укрыться серой птахе
На славянском поле.

То не воронье слеталось —
Монахи толпою
Повалили; степь, дороги
Точно саранчою
Покрылись: герцоги, бароны,
230 Псаря, герольды, шинкари •
И трубадуры-кобзари —
Змеются латников колонны.
За герцогинями без счета
Все немцы: соколов несут,
Те едут, те пешком идут...
Кишат! Всяк рвется на охоту,
Как гад на солнышко спеша!
О чех! Жива ль твоя душа?
Глянь, сколько силы повалило,
240 Ну, хоть на сарацина, в бой,
Иль на великого Аттилу!

А в Праге ропот, гул глухой,
И кесаря и Вячеслава,
И весь собор тысячеглавый
Там вслух бранят наперебой,
В Констанц не отпуская Гуса.
«Жив бог! Жива душа моя!

Я смерти, братья, не боюсь!
Я докажу тем змеям! Я
250 У них, насытых, вырву жала!..»
И Гуса Прага провожала,
Как дочь — отца...

На заре Констанц проснулся
В колокольном звоне.
Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;
Прелатов орава,
Трое пап, князья, баронство,
260 Венчаные главы
Собралися, как иуды
На суд нечестивый
Над Христом. И брань и ссоры,
Вой и крик визгливый,
Будто в лагере татарском
Иль в еврейской школе.
И вдруг разом онемели!..

Как в ливанском поле
Гордый кедр — так Гус, в оковах,
270 Встал перед собором,
И окинул нечестивых
Он орлиным взором.
Задрожали, побледнели,
Молча взор вперили
В мученика. «Что ж, меня вы
Спорить звали или
Любоваться оковами?»
«Стой, предерзкий, молча!» —
Гадюками зашипели,
280 Завыли по-волчьи.
«Еретик ты! Еретик ты!
Ты погряз в расколе!
Ты усобицы лишь сеешь,
Ты святейшей воли
Не приемлешь!..» — «Одно слово!..»

«Господом проклятый,
Еретик ты! Еретик ты! —
Ревели прелаты.—
Ты усобник!..» — «Одно слово».
290 «Замолчи, проклятый!..»
Гус взглянул на пап и молча
Вышел из палаты!..
«Победили! Победили!..»
Как обезумели
«Аутодафе! Аутодафе!..»
Разом заревели.

И всласть монашеская братья
Всю ночь с баронами пила.
На Гуса сыпались проклятья...
300 Но вот гудят колокола.
Идут молиться в церковь божью
За грешника монахи в ряд.
Горит багровая заря.
И солнце хочет видеть тоже,
Что с Гусом праведным творят?!

Загудел Констанц от звона.
В кандалах, под стражей,
На Голгофу ведут Гуса...
И не дрогнул даже
310 Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело:
«О господи милосердный,
Что, скажи, я сделал
Этим людям? твоим людям!
За что меня судят!
За что меня распинают?
О, молитесь, люди
Неповинные! И с вами
То же, то же будет!
320 Лютый зверь пришел, овечьей
Шкурою покрытый!
Точит когти... Горы, стены
От него защиты
Не дадут вам!.. Разольется

Багряное море
Крови, крови детей ваших...
О горе! О горе!
Вон те звери! В светлых ризах,
Злостью полон каждый...
330 Жаждают крови...»
«Жги! Пожарче!»
«Крови! Крови жаждут!
Вашей крови!..» — И за дымом
Праведника скрыло.
«О, молитесь же! Молитесь!
Господи! Помилуй,
Прости ты им — ведь не знают...» —
И не слышно стало!
Вкруг огня, как псы на страже,
340 Цепь монахов встала —
Всё боялись, чтоб не выполз
Он змеей из жара,
Не обвил кольцом корону
Или же тиару.

Погас костер; дунул ветер,
Всюду пепел сея.
Видели простые люди
Огненного змея
На тиаре. Расходились
350 И «Те деум» пели
Чернецы и за трапезой,
Вкушая, сидели
День и ночь — опухли даже.
Малою семьею
Сошлись чехи. Из-под пепла
Горсть земли с собою
Взяли в Прагу. Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но божье слово
360 С ним не умертвили,—
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орел с неба и расклюет
Гордую тиару.

Да и что им, разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Черные вороны.

370 Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомнят!
Знай пируют да порою
«Te deum» затянут.
С корнем вырвали... Пойдите!
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою.

*10 октября 1845
с. Марьинское*

СЛЕПОЙ

(НЕВОЛЬНИК)

Поэма

Думы мои молодые,
Те, что в небе реют,
Не вернутся с того света,
Стен не обогреют.
Оставили сиротою,
С тобою одною —
Сердцем моим, светом моим
Раем, тишиною!
Никому мой рай неведом,
10 Ты сама не знала,
Что звездою путеводной
Надо мной сверкала.
Я гляжу, не налюбуюсь,
Вот сверкнула снова,
Вот склонилась, уронила
Ласковое слово,
Вот мелькнула, улыбнулась.
Гляжу — и не вижу;
А проснусь — и плачет сердце,
20 Из глаз слезы брызжут.

Спасибо, звездочка! Темнеет
Денек мой хмурый. Вечереет.
Над головой уже трясет
Косою смерть. Срок подоспеет, —

Умру, и след мой занесет
Холодный ветер. Все стареет.
Быть может, и тебя овеет,
Брызнувши слезами,
Моя дума. И тихими,
30 Тихими речами
Ты промолвишь: «Я любила,
Я его любила,
А он не знал...» — Звезда моя!
Над моей могилой
Гори, звезда! А я буду,
Святая, родная,
Петь о тебе, с того света
К тебе прилетая.

Этот — бродит за морями
40 По белому свету,
Ищет счастья — не находит:
Нету его, нету!
Как вымерло. Другой рвется
Из последней силы
За удачей... Вот-вот — догнал
И — сразу в могилу!
А вот третий — словно нищий:
Ни хаты, ни поля,
Одна сума, а из сумы
50 Глядит его доля,
Как ребенок; а он ее
Хаает, проклинает, —
Продает и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей от нищей свитки,
Отстать не желает.
А он бродит в чужом поле,
Колоски собирает.
А там снопы... а там — скирды,
60 А там... и в хоромах
Сидит себе наш сирота,
Как у себя дома.

Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо!
А полюбит — дастся в руки
С колыбели самой.

На праздник троицы зеленый
После обедни, у дверей,
В рубахе чистой, отбеленной
70 Сидел с бандурою своей
Седой казак.
«И так и сяк...
И нужно бы, да неохота...
А все же нужно! Хоть два года
Пускай по свету он порыщет
И сам судьбы своей поищет,
Как я искал ее... Ярина!
А где Степан?» — «А вон под тыном
Стоит как вкопанный!» — «Гляди,
80 Я и не вижу. Друг, иди,
Иди сюда! Идите оба!..
Как вам такая дробь на пробу?» —
И грянул по струнам.
И Ярина со Степаном
Танцуют. А старый,—
Он играет, подбавляет
Каблуками жару:

«Кабы мне да такого горя,
Кабы жить со свекровью не споря,
90 Кабы мне да муженек молодой,
Кабы он да не вздыхал по другой!
Ой, гоп, того мало,—
Кабы башмачки достала,
Скрипку, бубен да цимбалы,
Я бы только и знала,—
Молодого обнимала!»

«Ой, гоп гопака,
Оженили казака,
Он печь затопил,
100 Он нажарил, наварил!»

Встал старик. «Пляшите, детки!
Пускай знают наших!»
Как ударит, как ушкварит,
Подбоченясь, пляшет.

«И то не беда,
Что выросла лобода!
Кроши густо,
На капусту —
Будет добрая еда!
110 А вот это — так беда,
Что женили смолода,
Он женатый —
Бросил хату
И пропал без следа».

«Нет, не тот уж,— подкосилась
Бывалая сила;
Утомился. А это вы
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-годочки
120 К земле клонят низко...
Состарился. Иди, дочка,
Готовь чашки, миски;
Сказать правду,— подкрепиться
Неплохо едою.
А ты, сынок, а ты, Степан,
Останься со мною,
Садись, сынок. Как отец твой
В Польше пал убитым,
Ты после него остался
130 Сиротой забытым...»
«Так я, значит, не родной вам,
Я не сын ваш? Боже!..»

«Слушай дальше! Вот вскорости
Мать умерла тоже.
Остался ты, я и сказал
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем его
Себе вместо сына»,—
Тебя, значит. Она рада.

140 Вот вы близнецами
С Яриною и выросли...
А что дальше — сами
Посудите. Вы — взрослые,
Тебе холостому
Долго ли гулять, Степане,
У меня по дому!
И Ярине... Что ты скажешь?»
«Не знаю... Я думал...»
«Что Ярина сестра твоя?»

150 Неверно ты думал...
Дело просто: если любя,
Можно обвенчаться,
Только вот что: нужно раньше
В людях потолкаться.
Приглядеться, как живут,
То ль пашут,
То ль по непаханому сеют
И прямо жнут,
И не молоченое веют,

160 Как мелют люди, как едят,
Так вот что, брат,—
Ты поработай: надо в люди
Пойти хотя б на год.
Узнать народ,
Тогда и порешим, как будет.
Тому, чья не крепка спина,
И в жизни будет грош цена.
А ты как думаешь, дружище?
Но если хочешь точно знать,

170 Где легче горем торговать,
На Сечь иди: там хватит пищи.
Поможет бог — найдешь свой кус;
А мне на вкус

- До сей поры тот хлеб не сладок!..
Добра добудешь — принесешь,
А не добудешь — проживешь
Моим нажитым. Да повадок
Запорожских наберешься,
Увидишь широкий
180 Свет совсем иным, чем в Братстве.
Ты живые строки
В синем море прочитаешь,
В честном ружьях
Богу выучат молиться,
А не по-монашьи
Бормотать под нос. Вот так-то!
Помолимся богу
Да сивого оседлаем —
И айда в дорогу!
190 Идем, дружок, полудновать.
Ну, как там? Готово,
Яриночка?» — «Уже, отец!»
«Вот, сын, мое слово!»

Не естся, не пьется, и сердце не бьется,
И разум затмился, и взор не глядит,
Как будто глухой и незрячий сидит,
Не за кусок хлеба, — за кружку берется;
Ярина глядит и тихонько смеется:
«Что это с ним случилось? Не ест и не пьет!
200 Уж не разболелся ль? То бледен, то красен!»
Она его взгляда ответного ждет —
Глаза он отводит. Старик же бесстрастен,
Как будто не видит. «Что жать, что не жать,
А сеять-то нужно», — в усы рассуждает
Отец про себя. — Ну, пора и вставать!
А я, может, в церкви еще побываю,
А ты, Степан, ложись-ка спать,
Ведь завтра рано нам вставать
Да коня седлать».

-
- 210 «Степаночко, голубчик мой,
На что ты в обиде,
Улыбнись мне, усмехнись мне,

- Разве ты не видишь,
Как горько мне? Растревожил
Тебя насмерть кто-то,
И на меня глядишь так, что
Заплакать охота.
Я убегу, вот увидишь!
Ответь мне, Степанко!
- 220 Может — болен? Я достану
С настоями склянку.
Я побегу за бабкою...
Может, глаз нечистый?»
«Нет, Ярина, мое сердце,
Цветок мой душистый!
Я не брат тебе, Ярина,
Я завтра покину
Тебя с отцом сиротами
И навеки сгину.
- 230 И ты не вспомнишь обо мне,
Забудешь, Ярина,
Какой я был!..» — «Перекрестись!
То с дурного глазу!
Я не сестра! Кто ж тогда я?
Он потерял разум!
Что тут делать? Отца нету,
Кого пойду звать я?
А он, видно, в лихорадке —
Совсем без понятия.
- 240 Или ты меня дурачишь?
Разве ты не знаешь,
Что умрешь ты — и нас с отцом
В землю закопаешь!..»
«Нет, Ярина, не умру я,
Я только уеду
От вас завтра... А приеду...
Через год приеду —
Возвращусь я с Запорожья
Женихом, не братом.
- 250 Пойдешь замуж?» — «Да ну тебя
Со свахой и сватом!
Еще шутит!..» — «Не шучу я,
Ей-богу, Ярина!

Не шучу я!..» — «Значит, правда!
Ты завтра покинешь
Меня с отцом... отвечай же,
Это все не шутка!
Значит, правда — не сестра я?..»
«Нет, моя голубка,
²⁶⁰ Сердце мое!» — «Боже ты мой,
Как же я не знала!
Разве б так тебя любила,
Разве б целовала...
Ой, стыд какой! Отойди же,
Пусти мои руки!
Ты не брат мне. Ты не брат мне!
Муки мои, муки!»

И расплакалась Ярина,
Как дитя, рыдает:
²⁷⁰ «Он уедет! Он забудет!..»
Плачет, причитает.
И Степан склонился, словно
Явор над водою.
И обжег свое он сердце
Горючей слезою,
Как смолою... А Ярина
Молит, попрекает,
То замолкнет... Поцелует,
То вновь зарыдает.
²⁸⁰ Не видели, как стемнело...
И сестру и брата,
Словно скованных друг с другом,
Застал старый в хате!

И день настал. А Ярина
Не знает покою.
Вот уже Степан выводит
Коня к водопою.
Подхватила ведра, мчится,
Будто бы не тужит,
²⁹⁰ Хозяйствует. В это время
Старое оружие
Отец вынес из чулана,

Глянул, веселеет,
Примеряет... Будто снова
Старый молодеет!
Прослезился. «Сабля моя,
Сабля золотая,
Годы мои молодые,
Сила молодая!
300 Послужи, мое оружие,
Юношеской силе!
Той же верной, той же службой,
Что и мне служила!..»

И Ярина держит саблю,
А Степан седлает
Коня — друга боевого,
Жупан надевает.
Он берет кривую саблю,
Копье боевое.
310 Самопал семипядевый
Повис за спиною.
Поглядела — обомлела,
И старик заплакал,
Оглядевши молодого
Конника-рубаку.

Ведет коня за уздечку
И плачет Ярина.
Седой отец идет рядом,
Наставляет сына:
320 «Нужно в войске так держаться:
С рыцарством считаться,
Старшему повиноваться,
В обозе не жаться.
Пускай бог тебе поможет!»
Как за селом стали,
Сказал отец, и все трое
Вместе зарыдали.
Степан свистнул — пыль взлетела,
Закрыла дорогу.
330 «Возвращайся, сын, скорее
К родному порогу!»

Сказал старый и заплакал...
Как елка в долине,
Пошатнулась, наклонилась
Без слова Ярина.
Только слезы утирает
Да путь озирает;
Там лишь тень в пыли мелькает
И вновь пропадает.
§40 Будто шапка через поле
Катится, чернеет...
Будто мошка исчезает,
Только пыль над нею...
И пропала... Долго, долго
Вдаль на ту дорожку
Грустно девушка глядела,
А уже той мошки
Нет, исчезла. И Ярина
Тяжело вздохнула
350 И с отцом своим печально
К дому повернула.

Проходят дни, проходит лето;
Настала осень, шелестит
Лист пожелтевший. Радость, где ты?
Старик, потупившись, сидит.
Ярина не слышно смеха,—
Отца единая утеха
Больна; с кем будет век дожит?
Чем старость обогреть? И снова
360 Он вспомнил сына молодого,
Свой хорошие лета.
Вспомнил и заплакал
Седой богатый сирота.
Как будто заплату
К заплате нашили на сердце лета.
«В твоих руках все на свете,
Святая твоя воля!

Что случится — тому и быть,
Знать такая доля!»

- 370 И барвинком, и мятою,
Травой-повиликой
Весна землю одевает
В радости великой,
И солнышко среди неба
Рассиялось смело,
Землю — как жених невесту —
Взглядом обогрело.
И Ярина, улыбаясь,
Хату покидает,
- 380 Чуть выходит на свет божий —
Слабая такая.
И глядит и наглядеться,
Кажется, не может.
Родилась вчера как будто,
А скорбь сердце гложет,
Ножом в груди повернулась
И свет заслонила,
Как былинка под косою,
Ярина склонилась.
- 390 Как с цветика роса утром,
Слезы полилися.
Старый отец над несчастной,
Как дуб, наклонился.
-

- Ко всем киевским святыням
С мольбой обращалась,
У Межигорского спаса
Трижды причащалась
И в Почаеве священном
Рыдала, молилась,
- 400 Чтобы счастье со Степаном
Хоть во сне приснилось.
Не приснилось! Возвратилась,
Снова забелела
Зима снегом. Новой весной
Все зарозовело.

И Ярина вновь выходит
Любоваться светом,
Не молиться, а к знахарке
Идет за советом.

⁴¹⁰ Ворожея ворожила,
Порчу отвращала,
За три деньги судьбу-счастье
Воском выливала.
«Вон видишь: конь оседланный
Машет головою.
А вот казак. А вот идет
Старик с бороною.
Это к деньгам. Глянь — сопливый!
Вот бы догадался
¹²⁰ Пугнуть деда! А и пугнул:
За курган забрался,
Видишь, вон считает деньги
И дальше по шляху,
Вишь, с сумою, закрыл глаза.—
Это он от страху,
Чтоб татары или ляхи
Его не узнали».
И Ярина веселюю
Домой возвращалась.

⁴³⁰ Уже третье, четвертое
И пятое лето
Кончается — немалый срок,
А Степана — нету.
И тропочки-дороженьки
Яром да горою,
Где хожено к знахарке той,
Заросли травою.
И Ярина в монашенки
Постричься решает,
⁴⁴⁰ Старый отец на коленях
Просит, умоляет —
Лета хоть бы, Петрова дня
Только бы дожидаться,
Хоть троицы. И дождались,

Стали прибираться,
Хату зеленью убрали
И в рубахах белых
Тихонечко перед домом,
Как сироты, сели.
450 Сидят они печальные,
Вдруг — слышат: играет
И под тихий ропот кобзы
Кто-то напевает.

«В воскресенье раним-рано
Сине море выло;
Казачество кошевого
На кругу просило:
«Разреши ты, атамане,
Парусам подняться,
460 Чтоб за Тендер прогуляться,
С турком потягаться».
Чайки-челны спускали,
Пушками их уставляли,
Из широкого устья днепровского выплывали.
Среди ночи темная,
Среди моря синего
За островом Тендером утопали.
Погибали...
Один утопает,
470 Другой выплывает,
К казакам-товарищам из волны тяжелой
Руку подымает, окликает:
«Пускай вам, товарищи, господь помогает!»
И в волне тяжелой утопает,
Погибает.
Лишь три челна, слава богу,
Атамана куренного
Сироты Степана молодого,
Сине-море не разбило,
480 В турецкую землю, к нечестивцам
Без рулей и весел относило.
Тогда сироту Степана,
Казака молодого,

Атамана честного,
Турки-янычары ловили,
Из пушки стреляли,
В кандалы ковали,
В Царьградскую башню заключали,
Тяжелой работой отягчали.
⁴⁹⁰ Ой спасе наш чудотворный,
Межигорский спасе!
И лютому врагу
Не дозвошь попасться
В турецкую землю, в тяжкую неволю!
Кандалы там по три пуда,
Атаманам по четыре.
И света божьего не видят, не знают,
Под землею камень ломают,
Без напутствия святого умирают.
⁵⁰⁰ Погибают.
Вспомнил сирота Степан в неволе
Матерь свою Украину,
Неродного батька седого
И коника вороного,
И сестру Ярину,
Плачет, рыдает,
Руки к небу подымает,
Кандалы ломает,
Убегает на вольную волю...
⁵¹⁰ На третьем уж его поле
Турки-янычары ловили
Да к столбу вязали,
Глаза вырывали,
Горячим железом выжигали,
В кандалы забили,
В тюрьму посадили
И замуровали».

Вот так, на улице, под тыном,
Еще не стар, кобзарь стоял
⁵²⁰ И про неволю распевал.
За тыном слушала Ярина,
Не дослушала — упала.

«Степаночко! Степаночко! —
Рыдала, кричала.—
Степаночко, сердечный мой,
Что ж ты затаился?
Отец! Отец! то — Степан наш
Там остановился!»
Вышел отец за ворота,
⁶³⁰ Насилу, насилу
Признает его; так горе
Хлопца подкосило.
«Сыночек мой бесталанный!
Дитя дорогое,
Где скитался ты по свету,
Гонимый бедою?»
Плачет старый, обнимает,
И слепой заплакал,
Точно солнце он увидел
⁶⁴⁰ Из вечного мрака.
И берут его под руки
И приводят в хату,
И Ярина ему служит,
Как родному брату,
Голову ему помыла,
И ноги обмыла,
И в сорочке тонкой, белой
За стол усадила.
Накормила, напоила
⁶⁵⁰ И спать уложила,
Вышла с отцом из горницы
И двери прикрыла.

«Нет, не надо, батько милый,
Милая Ярина!
Я уже навек пропащий
И вновь вас покину.
За что ты свой век девичий
Со мною загубишь,
С калекою?.. Нет, Ярина!
⁶⁶⁰ Засмеют нас люди,
И бог святой покарает,—

Наше счастье-долю
Из веселой этой хаты
На чужое поле
Он выгонит! Нет, Ярина!
Ты найдешь другого,
А я уйду в Запорожье,—
Кобзаря слепого
Хлопцы любят...» — «Нет, Степане,
570 Ты мне — ближе сына!
И бог тебя покарает,
Если нас покинешь».
«Оставайся, Степаночко,
Не хочешь венчаться,—
Станем жить, как брат с сестрою,
И не разлучаться,
Будем радостью, опорой
Старика седого.
Сердце мое, Степаночко,
580 Не бросай нас снова!
Не покинешь?..» — «Нет, Ярина!..» —
И Степан остался.
Весел старый, как ребенок,—
И за кобзу взялся;
Хотел струнным перебором
Возвратить веселье;
На завалинке у хаты
Втроем они сели.
«Расскажи теперь, Степане,
590 Как беда случилась.
Ведь и мне в плену турецком
Бывать приходилюсь».

«Вот меня, уже слепого,
Турки выпускали
С казаками... Товарищи
На Сечь отбывали
И меня с собой забрали
И через Балканы
Поспешали на Украину
600 Вольными ногами.
И на тихом на Дунае

Тогда догоняют
Товарищи-запорожцы
Нас и возвращают.
И рассказывают, плача,
Как Сечь разоряли,
По церквам оклады-ризы,
Свечи забирали.
Как казаки-запорожцы
610 Ночью отступали
И на тихом на Дунае
Новой Сечью стали.
Как царица по Киеву
С Нечосом гуляла,
Как Спас она Межигорский
Ночью поджигала,
Как с Днепра на это пламя
Тайно любовалась,
В золотой своей галере
620 Плыла, улыбалась.
Как степями Запорожья
Немцев наделяла;
За своими хахалями
Народ закрепляла.
Как Кирилл со старшинами
Пудрой посыпались
И царицыны сапожки,
Словно псы, лизали.
Вот так, батько! Я и счастлив,
630 Что слепцом блуждаю,
Что всего того на свете
Не вижу, не знаю.
Шляхта была и все взяла,
Кровь повыпивала,
А царица даже воздух
В цепи заковала.
Вот что было. Тяжко, батько,
От своего дому
Уходить, просить защиты
640 К нехристю, к чужому!
Теперь будто Головатый
Остатки собирает,

На Кубань их подбивает,
Черкеса пугает.
Пускай ему бог поможет!
А что с того будет,—
Святой знает. Послушаем,
Что расскажут люди».
Вот так они каждодневно
650 Вдвоем до полночи
Рассуждают; а Ярина
Хозяйкой хлопочет.
Вспоминают Запорожья
Казацкую славу
И тихонько напевают
Про Чалого Савву,
Про Хмельницкого Богдана,
Злосчастливого сына,
И про Гонту-мученика,
660 Про славу Максима.
А Ярина их слушала
Да святым молилась.
Умолила... Перед постом
Они поженились.

Вот и конец моей думе.
Не дивитесь, люди!
Что бывало — миновало,
Того уж не будет.
Позабыты мои слезы,
670 Не бьется в обиде
Сердце старое, черствеет,
И очи не видят
Ни вот этой хатки белой
Под синью небесной,
Ни долины приветливой,
Ни темного леса;
Ни девической улыбки,
Ни красы ребячьей
Светлой, радостной не вижу:
680 Все гибнет, все плачет.
Я и рад бы где укрыться,
Только где — не знаю.

Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклинаят.
Сердце вянет, слезы сохнут...
И не носят ноги,
Позабытый, одинокий,
Устал я в дороге,
Каркаю, как будто ворон,
690 Не дивитесь,— это
Оттого, что я не вижу
Солнечного света.
Еле-еле к полуночи
Сердцем прозреваю,
За водой живой и мертвой
Думу посылаю.
Немощная прочь со света
Летит, улетает,
Случается и приносит,
700 Хату окропляет.
Зажигает огонь чистый,
С темнотою споря,
Свой рассказ начнет про счастье,
А свернет на горе.
Вот и нынче про слепого
Сироту кончает,
А свести концы с концами
Как складней — не знает.
Не бывало ведь на свете
710 Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожила счастливо.
А вот — случилось это диво!
Время пролетает,
А они — все неразлучны.
Все вместе гуляют.
И седой старик счастливый
Перед светлым домом
Учит маленького внука
720 Вежливым поклонам.

16 октября 1845
с. Марьинское

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Мистерия

Положил еси нас [поношение] соседом нашим, подражание и поругание сущим окрест нас. Положил еси нас в притчу во языцех, покиванию главы в людех.

Псалом 43, ст. 14 и 15

Т Р И Д У Ш И

Как снег, три пташечки летели
Через Субботово и сели
На крест, который чуть стоит
На старой церкви. «Бог простит:
Мы — пташки-души, а не люди.
Отсюда нам виднее будет,
Как разрывать начнут подвал.
Хоть бы скорей уж начинали,
Тогда б и в рай нас повпускали,—
¹⁰ Ведь так господь Петру сказал:
«Тогда ты в рай их повпускаешь,
Когда начальство раскопает
И славный обкрадет подвал».

ПЕРВАЯ ДУША

Как была я человеком,
То Присею звалась;
Здесь-то вот и родилась я,

Здесь и вырастала.
Здесь, бывало, на погосте
Я с детьми гуляю,
20 Да с Юрусем гетманичем
В жмурки я играю.
Гетманша, бывало, выйдет,
Позовет, бывало,
В дом — вон там, где клуня нынче,
И всего немало
Даст — инжиру да изюму
И на руках носит.
Если ж к гетману приедут
Из Чигрина гости,
30 Так вот и шлют вновь за мною.
Оденут, обуют,
На руки берет сам гетман,
Носит и целует.
Вот так-то я в Субботове
Росла-вырастала!
Как цветочек; и меня все
Любили, ласкали.
Не сказала я вовеки
Даже слова злого
40 Никому. Была красива,
Да и черноброва.
Все-то мною любовались,
Уж и сватать стали;
У меня ведь в это время
Полотенца ткались.
Вот-вот скоро б подавала,
Да вдруг наважденье!
Ранним-рано, в пост филиппов,
Как раз в воскресенье,
50 Я шла за водою...
Уж давно криница
Обвалилась и высохла,
А я-то — все птица!..
Вижу: гетман и старшины.
Я воды набрала,
С полными прошла пред ними;
А того не знала,

Что все царю в Переяслав
Присягать летели!..

- 60 И уж как, сама не знаю,
Воду еле-еле
Донесла до хаты. Что ж я
Ведер не разбила!
Мать, отца, себя и брата,
Собак отравила
Этою водой проклятой!
Вот за что терзаюсь,
Вот за что меня, сестрички,
И в рай не пускают.

ВТОРАЯ ДУША

- 70 А меня, мои сестрички,
За то не пустили,
Что московскому царю я
Коня напоила —
Там, в Батурине; как ехал
В Москву из Полтавы.
Я была еще подросток,
Как Батурин славный
Рать царева подпалила,
Чечеля убила,
- 80 И малого, и старого
В Сейме потопила.
Я валялась среди трупов,
И рядом со мною
Тут же, во дворце Мазепы,
Моя мать с сестрою
(Их зарезали обеих),
Обнявшись, лежали;
И насили-то, насили
Меня оторвали
- 90 От покойной, от родимой.
Уж как я просила
Московского капитана,
Чтоб меня убили!
Не убили, на забаву
Солдатам пустили!

И насили я спряталась,
И меня забыли.
А в Батурине один лишь
Домик сохранился.
100 В этой хате уцелевшей
Царь остановился,
Едучи из-под Полтавы.
Я шла от криницы
По задворкам, и он меня
Поманил рукою,
Просит дать коню напиться.
А я — напоила!..
И не знала, что я тяжко,
Тяжко согрешила!
110 Я едва дошла до хаты,
Замертво упала.
А как только царь уехал,
Бабка, что осталась
После этого пожара,
Та, что приютила
Меня в хате непокрытой,
Меня же зарыла
И умерла на другой день
И в хате истлела,
120 Никого-то из народа
Там не уцелело.
Уж и хату раскидали,
И пожрало пламя
Бревна, балки и стропила!..
А я над ярами
И степями казацкими
И досель летаю!
А за что меня карают,
И сама не знаю!
130 Может быть, за то, что всем я
С радостью служила...
Что московскому царю я
Коня напоила!..

Я же в Каневе, сестрицы,
 На свет народилась.
 Я была еще в пеленках
 И не говорила
 Я еще, когда царица
 В Канев проезжала.
¹⁴⁰ С матерью мы над Славутой
 Были, я кричала,
 Плакала, сама не знаю,—
 Есть ли мне хотелось,
 Иль, быть может, у малютки
 Что-нибудь болело?
 Мать, чтобы меня забавить,
 Реку озирала,—
 Мне галеру золотую
 Она показала,
¹⁵⁰ Словно домик; на галере
 Вельможи сидели,
 Воеводы... и меж ними
 Царица сидела.
 Я взглянула, засмеялась,—
 Дух перехватило!
 Умерла и мать! В могиле
 Одной схоронили.
 Вот за что, мои сестрицы,
 Я теперь терзаюсь!
¹⁶⁰ Вот за что меня на тот свет
 Досель не пускают.
 Разве знала я дитятей,
 Что это царица —
 Лютый враг Украины,
 Алчная волчица!..
 Скажите, сестрицы?

«Вечереет. Полетим-ка,
 Заночуем в Чуте,
 Если будет что твориться,
¹⁷⁰ Близко нам вернуться».

Беленькие вострепнулись,
В рощу полетели
И на ветке на дубовой
Ночевать присели.

ТРИ ВОРОНЫ

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Кар! Кар! Кар!
Крал Богдан товар,
 Да в Киев собрался,
 С ворами связался,
Продад, что накрал.

ВТОРАЯ ВОРОНА

¹⁸⁰ Я в Париже была,
Да три злота с Радзивиллом
Да с Потоцким пропила.

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

Через мост идет черт,
 А коза по воде:
Быть беде! Быть беде!

Вот так кричали и летели
Вороны с трех сторон и сели
Средь леса на холме крутом,
На дереве сторожевом.
¹⁹⁰ Как на мороз понадувались
И друг за другом наблюдали,
Как три сестры, что встарь цвели,
Но в девках век провековали,
Доколе мхом не поросли.

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Вот так тебе, а так тебе!
Я в Сибирь летала,
Далеконько и немного
Желчи я украла
Там у декабриста. Гляньте —
200 Есть чем разговляться!
А в твоей земле царевой
Есть ли чем питаться?
Иль черт знает, как убого?

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

Э... сестрица, много!
Три указа накаркала
На одну дорогу...

ПЕРВАЯ ВОРОНА

На какую? На чугунок?
Ну уж натворила...

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

Да шесть тысяч в одной версте
210 Душ передушила...

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Да ты не лги, ведь только пять,
Да и то с фон Корфом!
Еще чванится чужою —
Не своей работой!..
Капустница несчастная!
Ваша ж милость, пани,
Угощается в Париже
У панов поганых?
Пролили вы реки крови
220 Да в Сибирь загнали

Свою шляхту, и уж как же
Тем гордиться стали!
Вишь какая пани-пава...

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОРОНЫ

Ну, а ты, что скажешь?

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Мне ль вам отвечать! На свете
Вас не было даже,
Как я здесь шинок держала
Да кровь проливала!
Посмотрите! Карамзина,
230 Значит, прочитали
И думают: какие мы!
Нет, уж помолчите!
Мне, бесперые калеки,
В ровню не спешите!..

ВТОРАЯ ВОРОНА

Ишь какая! — Вовсе не та
Рано встать поспела,
Что до света упилася...
Та, что протрезвела!

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Без меня ты б упилася
240 С твоими ксендзами?
Где тебе уж! Я свалила
Польшу с королями;
При тебе же, щебетуха,
Польша бы стояла
А с вольными казаками
Что я вытворяла?
Кому их не выдавала
И не продавала?

Нет, проклятые, живучи!
250 Думала, с Богданом
Я уже их схоронила,—
Встали ведь с поганым,
С этим шведским проходимцем...
Что тогда творилось!
Злюсь, как вспомню, что Батурин
Сожгла, разорила,
Сулу в Ромнах запрудила
Только старшинами
Казацкими... а такими,
260 Просто казаками,
Финляндию засеяла,
Сыпала буграми
На Орели... Выгоняла
Толпы за толпами
Я на Ладогу, царю там
Болота мостила.
И гетмана Полуботка
В тюрьме задушила.
Вот тогда-то был мне праздник!
270 Пекло испугалось,
А в Иржавце мать божья
Ночью зарыдала.

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

И я-таки пожила:
С татарами помутила,
С Мучителем покутила,
С Петрухою попила
Да немцам запродала.

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Да, ты славно начудила:
Так народ свой закрепила —
280 Немцы так им занялись,
Что хоть помирать ложисьь,
У меня же, враг их знает,
Все кого-то поджидают.

Я и в рабство их сдала,
И дворян я расплодила,
И в мундиры нарядила,
Словно вшей, их развела
Все вельможные щенята!
Уж и Сечь, хоть бесновата,
²⁹⁰ Корчмарями обросла.
Русские царицы слуги
Тоже греть умеют руки!
Хоть люта я, а все-таки
Сделать не сумею,
Что те слуги на Украине
С казаками деют!
Напечатать им не трудно:
«Милостию божьей
И вы — наши, и все — наше,
³⁰⁰ Гоже ли,— не гоже!»
В хатах стало уже пусто,
Вот они и рыщут
В степи, роют все курганы,
Древностей там ищут.
Все любёхонько забрали,
Да лихой их знает,
Для чего с подвалом этим
Гадким поспешают:
Чуть бы, чуть бы подождали,
³¹⁰ Церковь бы упала...
И тогда бы две руины
В «Пчеле» описали.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОРОНЫ

Для чего ж ты нас позвала?
Что глядеть в подвале?

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Что ж подвал! Два дива будут,
Их вы и не ждали.
В эту ночь на Украине
Близнецы родятся.

320 Будет первый, словно Гонта,
С панством расправляться!
Другой будет... этот уж наш!
С этим панством знаться.
Наш кусается и в чреве...
Сестры, я читала,
Что, как вырастет тот Гонта,
Все наше пропало!
Все разрушит, уничтожит,
Брата не покинет!
330 Даст он правду и свободу
По всей Украине!
Так смотрите же, сестрицы,
Что тут замышляют!
Палачам и всем, кто с ними,
Цепь готовят.

ВТОРАЯ ВОРОНА

Я золотом расплавленным
Залью ему очи!..

ПЕРВАЯ ВОРОНА

А золота он — проклятый
Ирод — не захочет.

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

340 Я царевыми чинами
Скручу ему руки!..

ВТОРАЯ ВОРОНА

Со всего сберу я света
Все зло и все муки!..

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Нет, сестрицы. Не так надо.
Пока слепы люди,

Похоронить его надо,
А то плохо будет!
Гляньте-ка вы: над Киевом
Вон метла взвилася,
Над Днепром и над Тясмином
350 Земля затряслася.
Слышите ли? Застонала
Гора над Чигрином.
Чу!.. Смеется и рыдает
Наша Украина!
Близнецы уж родились,
Станет мать смеяться,
Обезумев, что обоим
Иванами зваться.
360 Полетим-ка!..
Полетели,
На лету запели:

ПЕРВАЯ ВОРОНА

Поплывет наш Иван
По Днепру на Лиман
С кумою.

ВТОРАЯ ВОРОНА

Побежит наш ярчук *
В теплый край есть гадюк
За мною.

ТРЕТЬЯ ВОРОНА

370 Как хвачу да помчу,
В самый ад полечу
Стрелюю.

* Собака с волчьими зубами.

Т Р И Л И Р Н И К А

Шли слепой, хромой, горбатый —
Нищие к мирянам,
Путь держали в Субботово,
Чтоб петь про Богдана.

ПЕРВЫЙ НИЩИИ

Вот-то, сказано, ворóны —
Нашли себе место,
Москали для них как будто
Сделали насесты.

ВТОРОЙ НИЩИИ

А для кого ж? Человека,
380 Верно, не посадят
Числить звезды...

ПЕРВЫЙ НИЩИИ

Ты уж скажешь!
Может, и посадят
Пана, москаля иль немца;
Пан, москаль и немец
И там найдут хлебец.

ТРЕТИИ НИЩИИ

Что болтаете пустое?
Что там за ворóны?
Да москали да насесты?
390 Бог нам оборона.
Иль еще нестись заставят,—
Солдат им рожай-ка!
Полонить весь мир царь хочет,
Есть такая байка.

ВТОРОЙ НИЩИИ

Что ж, быть может! Так на черта ж
На горах их ставить?
Да высокие такие,
Что до туч достанешь,
Если взлезешь...

ТРЕТИЙ НИЩИИ

400 А для того:
Вот потоп настанет,
Все паны туда полезут,
Да и смотреть станут,
Как мужики тонуть пойдут.

ПЕРВЫЙ НИЩИИ

Умные вы люди,
А ничего не знаете!
Там понаставляли
Для того насесты эти,
Чтоб воды не крали
410 Люди в речке, да чтоб тайно
Песку не пахали,
Что лежит вот, за Тясмином.

ВТОРОЙ НИЩИИ

Потерял ты разум!
Раз не знаешь, помолчал бы.
Что как под тем вязом
Мы, приятели, присядем
Отдохнуть немного!
В торбу две краюхи хлеба
Взял я на дорогу,—
420 Вот и поедем мы кстати,
До солнышка, рано...—
И уселись.— А кто ж, братцы,
Споет про Богдана?

ТРЕТИЙ НИЩИЙ

Я петь буду. И про Яссы,
И Желтые Воды,
И местечко Берестечко

ВТОРОЙ НИЩИЙ

Славные доходы
Нам дадут они сегодня!
Там ведь у подвала,
430 Как на торг, сошлись люди,
И панства немало.
Вот где нам нажива будет!
Что же, запоем-ка
Пробы ради...

ПЕРВЫЙ НИЩИЙ

Ну их, песни!
Лучше отдохнем-ка,
День велик: мы напоемся,
А ты — петь, туда же...

ТРЕТИЙ НИЩИЙ

Это верно. Помолимся,
440 Да и спать заляжем.

Певцы под деревом заснули,
Спит солнце, пташечки молчат,
А у подвала уж проснулись
И раскопать его спешат.

Копают день, копают два,
На третий едва лишь
Докопались до стенки,
Ночку переспали,
Караул везде поставив,
450 А исправник просит,

Никого чтоб не пускали,
В Чигирин доносит
По *начальству*. И *начальство*,
Прибыв, посмотрело
И сказало: «Ломай стены!
Так вернее дело!»
Послушали. Разломали —
И перепугались!
Всё скелеты там лежали,
460 Словно ухмылялись,
Что опять им видно солнце.
Вот богатство это:
Черепок, корыто, тут же
В кандалах скелеты!
Если б в *форменных*, тогда бы
Хотя пригодились...
Засмеялись... А исправник
Чуть-чуть не взбесился,
Нечем ему, вишь, разжиться;
470 А уж как трудился!
Он и день и ночь старался,—
В дураках остался.
Уж ему бы только в руки
Тот Богдан попался,—
В рекруты его забрил бы,
Не мани обманом
Правительство!! Рвет и мечет,
Словно одурманен.
Яременка * в рыло тычет,
480 Крепкой бранью осыпает
Весь народ, да и на нищих
Моих налетает.
«Вы что делаете, плуты!»
«Мы, смотрите, пане,
Распеваем о Богдане...»
«Я вам дам Богдана!
Мошенники, дармоеды!
И песню сложили

* Казака Яременко гумно на том месте, где стояли Богдановы кандалы. (Прим. Шевченко.)

Про такого ж мошенника...»
490 «Да нас так учили...»
«Я научу! Эй, всыпать им!»
Взяли, разложили
Да попарили в царевой,
Непрохладной бане.
Вот какой дала барыш им
Песня о Богдане!!.
Так подвал Богданов малый
Тогда раскопали,
А большого подземелья
500 И не доискались.

[*Миргород 1845*]

* * *

Стоит в селе Субботове
На горе высокой
Надмогильник Украины,
Широкий, глубокий.
Это церковь Богданова:
Там-то он молился,
Чтоб москаль добром и лихом
С казаком делился.
Мир душе твоей, Богдане!
10 Не так оно стало:
Царских слуг объяла зависть,
Всё поразоряли,—
Вкруг курганов наших рыщут,
Роют, деньги ищут,
Погреба твои разрыли,
Да тебя ж ругают,
Что они трудились даром!
Так-то вот, Богдане!
И тоскует Украина
20 Сиротой бессильной!
Вот тебе и благодарность:
Церковь-надмогильник
Даже некому поправить!
Вот ту Украину,
Что в былые дни с тобою
Шляхту задавила,—
Байстрюки Екатерины
Саранчой покрыли.

Так-то сталося, Зиновий,
30 С Алексеем дружный!
Всё приятелям ты отдал,
Им-то что же нужды!
Говорят, слышь, что все наше
Искони здесь было,
Только мы сдавали, чтобы
Татарва кормилась
Да поляки!.. Так, быть может!
Пускай и так будет!
Так смеются ж над Украиной
40 И чужие люди!
Нет, чужие, вы не смейтесь!
Церковь-надмогильник
Рухнет, и тогда над нею,
И доброй и сильной,
Вновь восстанет Украина,
Свет правды засветит,
И помолются на воле
Невольничьи дети!..

*21 октября 1845
Марьинское*

НАЙМИЧКА

ПРОЛОГ

В воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает,
Горько плачет, причитает:

«Ой, туман мой, ненастье,
Мое горе-злосчастье!
10 Отчего меня не скроешь
От беды-напасти?
Что меня ты не задавишь
И в землю не вдавишь?
Отчего мне тяжелой доли,
Веку не убавишь?
Нет, не дави, туман белый!
Укрой только в поле,
Чтоб не знал никто, не видел
Горькой моей доли!..
20 Я не одна: есть у меня
Отец и мать в хате...
Есть у меня... туман белый,
Туман милый, братец!..
Есть сыночек некрещеный,

Сынок мой родимый!
Не я тебя крестить буду
На горе, любимый.
А чужие крестить будут,
Я и не узнаю,
30 Как звать сына... Дитя мое!
Богатой была я...
Не брани! Молиться стану,
Слезами своими
Счастье вымолю у неба
Для тебя, родимый!»

Пошла полем, рыдаючи,
В тумане таилась,
И сквозь слезы тихонечко
Запела уныло,
40 Как вдова в Дунае синем
Детей схоронила:

«У кургана-могилы
Вдова в поле ходила,—
Там ходила, гуляла,
Яду-зелья искала.
Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
Китаечкой повила
И на Дунай отнесла:
50 «Тихий-тихий Дунай!
Моих деток забавляй.
Ты, песочек, их прими,
Моих деток накорми!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I

Жил себе дед и баба.
В роще кудрявой на хуторе старом
Вдвоем весь век свой долгий провели
В тишине, в покое,
60 Как деточек двое.

Вдвоем ягнят пасли детьми когда-то,
А там обвенчались,
Скотины дождалися
И хуторок приобрели,
И сад и пчельник завели,
И мельницу купили,—
В достатке жили.
Лишь деток не дал бог,
А смерть с косою у порога.

70 Кто же старость их пригреет,
Для них сыном станет,
Похоронит, пожалеет,
Кто душу помянет?
Кто на счастье добро примет,
Трудом нажитое,
Будет помнить благодарно,
Как дитя родное?..
Трудно вырастить ребяток
В непокрытой хате.

80 А еще труднее в белых
Стариться палатах,
Стариться и дом богатый,
Угол непочатый,
Умирая, чужим детям
Отдать на растрату.

II

Раз в воскресенье, в день погожий,
У хаты в праздничной одеже
Сидели старики вдвоем.
Сияло солнышко; кругом,
90 Как бы в раю, так славно было,
На небесах ни тучки!
А в сердце горе затаилось,
Как зверь в лесу дремучем.
В таком раю отчего бы
Старикам грустилось?

Горе ль давнее какое
В хате пробудилось?
Иль заглохшее недавно
Вновь зашевелилось?
100 Или новое рай светлый
Огнем охватило?

Не знаю, сидя у порога,
О чем грустят они. Как знать,—
Уж собрались, быть может, к богу,
Но кто в далекую дорогу
Коней им станет запрягать?

«А кто нас, Настя, в гроб положит,
Когда помрем?»

«Великий боже!
110 Я о том же размышляла,
Да так горько стало:
В одиночестве старели...
Для кого держали
Добро наше?..»

«Погоди-ка!
Словно плачет, слышишь,
За воротами ребенок!
Побежим-ка!.. Видишь —
Так и знал я, что-то будет!»

120 И оба вскочили,
И к воротам... Прибегают —
Да так и застыли.
Перед самым перелазом
Младенец повитый —
Но не туго; и новенькой
Свиткою прикрытый.
Видно, мать запеленала —
Хоть лето,— укрыла
Последнюю одежду!..
130 Глядели, молились
Дед и баба. А младенец

Словно умоляет:
Ручки выпростал, бедняжка,
И к ним простирает
Крохотные... и умолкнул,
Как будто не плачет,
Только хнычет.

«А что, Настя?

Видишь! Теперь, значит,
140 Мы с тобой не одиноки!
Вот судьба, вот счастье!
Ишь какое, чтоб не сглазить!
Бери ж дитя, Настя,
Неси в хату, а я съезжу
Вмиг за кумовьями
В Городище...»

Чудно́, право,
Бывает меж нами!
Один сына проклинает
150 И прочь выгоняет.
Другой свечечку, сердечный,
Потом добывает
И, рыдая, ее ставит
Перед образами —
Нету детей!.. Чудно, право,
Бывает меж нами!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев набрали,
И мальчика окрестили,
160 И Марко́м назвали.
Растет Марко; старики же
Души в нем не чают,
Усадить где, уложить где,
Хлопочут — не знают.
Год проходит. Растет Марко,

- Дойная корова
Живет в холе, в роскошестве.
Но вот черноброва,
Молода и белолица
- 170 Пришла молодлица
На тот хутор благодатный
Работать проситься.
«А что ж? — молвит. — Возьмем, Настя!»
«Возьмем, Трофим, — нужно ж,
Ведь стары мы и хвораем,
И дитя к тому же.
Хоть подрос Марко немножко,
Но все ж таки надо
Заботиться о ребенке».
- 180 «Твоя правда, надо;
Век, мне данный, слава богу,
И я прожил, знаю, —
Уходился. Ну, так как же,
Что возьмешь, родная,
За труды?» — «Да что дадите».
«Э, нет, дочка, что ты!
Это ж плата за работу,
За твою работу.
Говорят: кто не считает,
- 190 Тот не наживает.
Вот уж разве так, голубка:
Ни ты нас не знаешь,
Ни мы тебя; а поживешь,
Оглядишься в хате,
Да тогда и сговоримся
С тобою о плате.
Так ли, дочка?»
- «Ну что ж, ладно!»
«Так входи же в хату».
- 200 Сговорились. Молодлица
День встречает песней;
Словно с паном обвенчалась,
Купила поместье!
От рассвета до заката

И в поле и в хате,
И за скотом ходит Ганна;
А вокруг дитяти
Так и вьется; в воскресенье
И в будни ребенка,
210 Словно мать, головку моет,
Ему рубашонку
Каждый божий день меняет,
Строит, с ним играя,
Повозочки, а уж в праздник
И с рук не спускает.
Старики мои дивятся,
Богу бьют поклоны...
Работница ж сна не знает,
По ночам со стоном
220 Свою долю проклинаят,
Плачет горько, тяжко;
Да никто того не знает,
Не слышит бедняжки,
Кроме Марка маленького.
Да и он не знает.
Отчего слезами Ганна
Его умывает;
Отчего его целует
И молится жарко,
230 Сама не съест и не допьет,
А накормит Марка.
Не знает он. Когда в люльке
Порой среди ночи
Пробудится, шевельнется,—
Она сразу вскочит,
Крестит его, баюкает,—
За стеною слышит,
Спит спокойно ли ребенок,
Как во сне он дышит.
240 Утром Марко к своей Ганне
Ручки простирает —
И с улыбкой работницу
Мамой величает...
Не знает он. Растет себе,
Растет, подрастает.

Немало лет уже минуло,
 Воды немало утекло.
 На хутор горе завернуло
 И слез немало принесло.
 250 Бабусю Настю схоронили
 И еле-еле отходили
 Трофима-деда. Пронеслось
 Несчастье злое и уснуло —
 На хутор снова благодать
 Из-за лесов седых вернулась
 К Трофиму в хату отдыхать.

Уже Марко чумакует
 И осенью не ночует
 Ни у хаты и ни в хате,—
 260 Кого-нибудь нужно сватать!
 Задумался Трофим старый,
 Спросить Ганну надо б!
 Да к работнице. А Ганна
 К королевне б рада
 Сватов слать: «Марка спросить бы,
 Ему лучше знать-то».
 «Ладно, дочка, Марка спросим,
 Да и станем сватать».

Расспросили, столковались,
 270 Сватов снарядили.
 С полотенцами к ним в хату
 Люди воротились,
 С хлебом святым обменным.
 В жупане богатом
 Панночку нашли такую,—
 Хоть гетману сватай,
 Так не стыдно. Вот какое
 Выискали диво.
 «Спасибо вам! — старик молвит.—
 280 А теперь счастливо
 Довести нам нужно дело
 До конца бы, люди,—

Обвенчать их. Да еще вот:
Кто ж матью будет
Посаженой? Нет ведь Насти!..» —
И заплакал тяжко.
А работница у двери
За косяк, бедняжка,
Ухватилась и застыла.
290 Смолкли в хате люди;
Лишь работница шептала:
«Кто ж матью будет!..»

v

Время шло. Уж молодицы
Каравай месили
На хуторе. Отец старый,
Не жалея силы,
С молодницами танцует
И двор подметает
Да прохожих, да проезжих
300 К себе зазывает,
Варенухой угощает
И на свадьбу просит.
Знай бегаёт — а самого
Еле ноги носят.
Во дворе и в хате хохот
И шум небывалый,
И бочонки выкатили
С громом из подвала.
Прибирают, пекут, варят...
310 Да только чужие.
Где же Ганна? На святое
Богомолье в Киев
Пошла она. Молил старый,
Просил Марко слезно
Матью быть посаженой.
«Нет, Марко! Как можно!
Я ж работница, — неловко
Сидеть-величаться
Мне на свадьбе... Станут люди

320 Над тобой смеяться.
Пусть господь вам помогает!
Пойду помолюсь я
Святым в Киеве, а там уж
Домой возвращуся
В вашу хату, коль примете.
Пока будут силы,
Потружусь я...»

С чистым сердцем

Крестом осенила
330 Марка Ганна... Заплакала
И вышла в ворота.

Зашумела свадьба в доме,
И пошла работа
Музыкантам и подковкам,
Столы поливают
Варенухою. А Ганна
Бредет, ковыляет,
Пришла в Киев, у мещанки
Стала, поселилась,
340 Нанялась носить ей воду —
Денег не хватило,
Чтобы отслужить молебен.
Носила, носила,
Заработала немного
И в лавре купила
Марку шапочку святую
С Ивана святого,
Чтоб голова не болела
У Марка родного.
350 И колечко от Варвары
Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Домой возвращалась.

Возвратилась. Катерина
И Марко встречают
За калиткой, ведут в хату
И за стол сажают;

Напоили, накормили,
Про Киев спросили,
360 Ей в горнице Катерина
Постель постелила.

«За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный,
Может, они знают...
Может, они догадались...
Нет, не догадались —
Они добрые...»

И Ганна
370 Тяжко зарыдала.

VI

Трижды речка замерзала
И трижды вскрывалась;
Трижды в Киев работницу
Катря провожала,
Как мать свою. И в четвертый
Ее проводила
До кургана в поле чистом
И бога молила,
380 Чтоб скорее возвращалась,
А то пусто в хате,
Словно мать ушла куда-то,
Покинула хату.

В воскресный день после Пречистой —
После успенья, дед Трофим,
Надевши брыль, в сорочке чистой
Сидел у хаты. Перед ним
Играл с собакой внучек малый,
А внучка, в кофту нарядясь
В Катрусину, как бы пришла
390 Проведать дедушку. Смеясь,

Старик с шалуньей говорил,
Как с настоящей молодой:
«А что же ты без паляницы?
Иль по дороге кто стащил?
Или забыла взять из хаты?
А может, вовсе не пекла?
Э, стыдно как! Ну, хороша ты!..»
Вдруг глядь! — работница вошла
Во двор. Со стариком внучата

⁴⁰⁰ Бегут встретить свою Ганну...

«А Марко?» — в тревоге

Деда спрашивает Ганна.

«Все еще в дороге».

«А я нынче утомилась,

Дошла к вам насилу.

Не хотелось на чужбине

Ложиться в могилу.

Только б Марка мне дожждаться...

Так тяжело вдруг стало!» —

⁴¹⁰ И внукам из узелочка

Гостинцы достала —

И образки и крестики,

Да бусы цветные

Яриночке, да из фольги

Образки святые;

Карпу глиняную птичку

И лошадок пару,

И четвертый уже перстень

От святой Варвары

⁴²⁰ Катерине. Деду свечки

Из воска святого,

Лишь себе с Марком подарка

Ганна никакого

Не принесла, не купила —

Денег не хватило,

А работать не могла уж.

«А тут где-то было

Полбубличка!»

По кусочку

⁴³⁰ Детям разделила.

Вошла в хату. Катерина
 Ей ноги помыла
 И полдничать усадила.
 Не до того было
 Старой Ганне.

«Воскресенье

Когда?» — вдруг спросила.
 «Через день». — «Молебен нужно
 Справить, — помолиться
 440 Николаю-чудотворцу,
 Вынуть бы частицу, —
 Что-то долго Марка нету...
 Сохрани нас боже, —
 Он в пути не заболел ли,
 Вернуться не может?»
 Заплакала работница,
 Еле-еле встала
 Из-за стола.

«Катерина!

450 Не та уж я стала:
 Состарилась, силы нету
 На ноги подняться.
 Тяжко, Катря, в чужой хате
 Смерти дожидаться».

Захворала несчастная.
 Уж и причащали
 И соборовали Ганну, —
 Да легче не стало!
 Возле хаты Трофим старый,
 460 Как убитый бродит.
 Катерина ж от болящей
 На шаг не отходит;
 День и ночь она над Ганной
 Очей не смыкает,
 А сычи с амбара ночью
 Худое вещают.
 Ни минуты болящая

Покоя не знает,
Все выпрашивает Катрю:
470 «Катруся родная!
Что, Марко не воротился?
Ох, если б я знала,
Что дождусь его, увижу,
Может, легче б стало».

VIII

Идет Марко с чумаками;
Идет, распевает,
Не спешит, волов пастися
В степи отпрягает.
Везет Марко Катерине
480 Сукна дорогого.
Шелком шитый пояс красный
Для отца седого.
Красный с белою каймою
Платок старой Ганне,
А еще ей на очипок
Золоченой ткани.
А для деточек сапожки,
Фиг и винограду,
А всем вместе им — красного
490 Вина из Царьграда
Ведро три везет в бочонке,
Еще икры с Дона,—
Всего везет, да не знает,
Что творится дома.

Идет Марко, не горюет,
Пришел — слава богу!
И ворота отворяет,
И молится богу!
«Слышишь ли ты, Катерина?»
500 Марко воротился!
Беги встречать! Скажи ему,
Чтоб поторопился!..
Слава тебе, Христе боже!

Дождалась насилу!» —
И «Отче наш» — тихо-тихо
Как сквозь сон, твердила.

Старик волов распрягает
И ярма снимает
Узорные. А Катруся
510 Марка обнимает.
«Где же Ганна? Не спросил я
Про нее ни слова...
Да жива ли?»

«Жива, Марко,
Только нездорова,
Худо ей. Пойдем скорее,
Пока распрягает
Отец. Давно тебя, Марко,
Ганна ожидает».

520 Пошел Марко с Катериной
И стал у порога
Испуганный... Ганна шепчет:
«Слава... слава богу!
Иди, Марко... Слышишь, Катря,
Ты выйди, родная:
Расспросить его должна я,
Поведать, что знаю».

Тихо вышла Катерина,
А Марко к постели
530 Подошел и наклонился.
Ганна молвит еле:
«Марко, в лицо погляди мне,
Видишь, какой стала.
Не работница я, слушай,
Я...»

И замолчала.
Марко плакал и дивился,
Вновь глаза открылись,
Грустно, грустно поглядела —
540 Слезы покатались.

«Прости меня. В чужой хате
Свой век прожила я...
Прости меня... я, сыночек,
Твоя мать родная».
И умолкла...

Марко обмер,
Земля содрогнулась.
Очнулся он... к ней,— к родимой —
А мать уж заснула.

[13 ноября 1845
Переяслав]
[1860]

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

Кто даст главе моей воду и очесем
моим источник слез, и плачуся и день
и ночь о побивенных...

Иеремии. Гл. 9, стих 1

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон века Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра.
Сердце разбивает,
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной,
Вновь и вновь смеется сердце
¹⁰ И живет упорно,
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы бога,
Вечного, живого.

Не нам с тобой затеять распрю!
²⁰ Не нам дела твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить

Кровавым пото́м и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
 Так когда ж она проснется?
 И когда ты ляжешь
 Опочить, усталый боже,
 Жить нам дашь когда же?
30 Верим мы творящей силе
 Господа-владыки.
 Встанет правда, встанет воля,
 И тебя, великий,
 Будут славить все народы
 Вовеки и веки.
 А пока — струятся реки,
 Кровавые реки!..

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
40 Вот там-то милостивцы мы
 Отняли у голодной голи
 Всё, что осталось — вплоть до воли,—
 И травим... И легло костями
 Людей муштрованных немало.
 А слез! А крови! Напоить
 Всех императоров бы стало.
 Князей великих утопить
 В слезах вдовиц! А слез девичьих,
 Ночных и тайных слез привычных,
50 А материнских горьких слез!
 А слез отцовских, слез кровавых!
 Не реки — море разлилось!
 Пылающее море... Слава
 Борзым, и гончим, и псарям,
 И нашим батюшкам-царям
 Слава!

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым!
Слава витязям великим,
60 Богом не забытым!

Вы — боритесь — поборете!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

- Чурек и сакля* — все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же! Грамотеи мы,
70 Читаем господа глаголы...
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане: храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только *сакля* колет:
Зачем она стоит у вас,
80 Не нами данная... и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано... зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам... И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились,—
У нас же и простор на то,
90 Одна сибирская равнина.
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его, а как скончался,—
100 Так в рай попал. Вот как у нас.
Пускают в рай! Вы не учены,

Святым крестом не просвещены!
Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем? —
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
¹¹⁰ Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но *простых*,
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону...
По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
¹²⁰ Возлюбили вы не душу,—
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке — на наряды,
На житье — сынкам побочным,
Жене — на браслетки,
А себе на что — не знают
Ни жена, ни детки.
За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
¹³⁰ В искупленье нам? За слово
Истины!.. Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны —
За кражу, за войну, за кровь,—
Ту братскую, что льют ручьями,—
¹⁴⁰ Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!!

Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки ту же,
150 Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали,
И поле и море!

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину, —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови! Довелось испить
160 Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчишь над берегами,
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.

А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды,
Буду сеять я. Пусть крепнут
170 В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь, —
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

18 ноября 1845
в Переяславе

**И МЕРТВЫМ, И ЖИВЫМ, И НЕРОЖДЕННЫМ
ЗЕМЛЯКАМ МОИМ, НА УКРАИНЕ И НЕ НА УКРАИНЕ
СУЩИМ, МОЕ ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ**

Аще кто речет, яко люблю бога, а
брата своего ненавидит, ложь есть.

*Соборн. послание Иоанна,
гл. 4, стих 20*

И темнеет, и светает,
И ночь наступает.
Люд — работой утомленный —
И все засыпает.
Лишь я плачу, как проклятый,
Дни и ночи сидя
На распутьях многолюдных.
И никто не видит
Слез моих! Ослепли, видно,
¹⁰ Не слышат — не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмеваются над богом,—
В ярмо запрягают
Человека. Пашут горе,
Бедой засевают...
Что ж вырастет? Погодите,
Увидите всходы!
²⁰ Опомнитесь вы, нелюди,
Жалкие юроды!
Поглядите на рай тихий,
На мать Украину,
Полюбите чистым сердцем
И ее руины!

Сбросьте цепи, станьте снова
Братьями, а где-то
На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
30 Что на чужом поле.
В своем доме — своя правда,
И сила, и воля.

Другой нигде нет Украины,
Нигде другого нет Днепра:
А вы? Вы рветесь на чужбину
Искать великого добра,
Добра святого. Воли! Воли!
И братства братского... Нашли,
Несли, несли с чужого поля
40 И на Украину принесли
Великих слов запас немалый —
И все тут. Вы кричите всем,
Что бог вас создал не затем,
Чтоб вы неправде поклонялись!
Чем были вы, тем и остались,
Все гнетесь. С тех, кто слеп и нем,
Дерете с братьев-гречкосеев
Три шкуры. И опять скакать
Спешите к немцам поскорее
50 За правдою. Вот если б взять
И скарб свой вы могли с собою,
Добытый кражей с давних пор,
Тогда б остался сиротою
Днепр со святой семьею гор!

О, если б вы больше к нам не возвращались,
А сдохли, забившись в чужие углы!
Не плакали б дети, мать бы не рыдала,
Не слышали б вашей на бога хулы;
Дыханьем воздух вы бы не отравляли
60 В степях, что свободны, чисты и светлы,
И люди б не знали, что вы за орлы.
Они б с презреньем на вас не кивали.
Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет:

Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы,
Детей ваших кровь польется
70 В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется,
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами.
Умойтесь! Образ божий
80 Грязью не поганьте!
Дурь в голову детям вашим
Вбивать перестаньте,
Что они — паны по крови:
Мужицкое око
Им заглянет прямо в душу
Глубоко! Глубоко!
Чья на вас надета шкура,
Дознаются люди,—
И немудрые премудрых
90 Навеки осудят!

Когда б учились вы, как надо,
И мудрость бы была своя.
А то залезть на небо рады!
«И мы — не мы, и я — не я!
И все-то видел, все-то знаю,
И нет ни ада и ни рая,
И бога нет, есть только я
Да куций немец с постной рожей
И больше никого...» — «Добро же!
100 А кто ж ты сам?»

«Пускай немец
Скажет; мы не знаем». —
Так-то учитесь вы, в чуждых

Странах разъезжая!
Немец скажет: «Вы монголы!»
«Монголы, монголы!»
Золотого Тамерлана
Внуки, только голы!
Немец скажет: «Вы славяне!»
110 «Славяне, славяне!»
Славных прадедов потомки,
Достойные брани!
Изучаете Коллара
Изо всей-то силы
И Шафарика, и Ганку,
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки
Славян изучили,
О своем же, о природном
120 Языке забыли.
Будет время — и свой вспомним,
Коль немец укажет
Да историю сначала
Нашу нам расскажет.
Тут-то мы распетушимся!..
И распетушились
По немецкому указу:
Так заговорили,
Что не понял даже немец,
130 Учитель великий,
Где уж тут понять народу!
А шуму, а крику!
«И гармония и сила!
Музыка — и полно!
А история! Поэма
Народности вольной!
Что там Рим? Какие Бруты?
Жалкое явление...
Те Коклеса, Бруты — мусор
140 С нашими в сравненье!
У нас воля вырастала,
Днепром умывалась,
Под голову горы стлала,
Степью укрывалась!»

Кровью она умывалась,
Спать ложилась плача
На обкраденные трупы,
На тела казачьи!
Еще раз пересмотрите,
150 Прочитайте снова
Книгу славы. Да читайте
От слова до слова;
Все проверьте: и все титулы,
И все запятые,
И тогда себя спросите:
Кто же мы такие?
Чьи мы дети? Кем? За что мы
Закованы в путы?..
И увидите, какая
160 Цена вашим Брутам.
Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны,—
И гетманы и атаманы!
Так чем вы чванитесь, вы!
Сыны сердечной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!
Не чваньтесь: с вас дерут ремень,
Ну, а из них и жир топили.

170 Иль гордитесь, что казаки
Веру защитили?
Что в Синопе, в Трапезунде
Галушки варили?
Правда, вам лишь не досталось
Ни капли, ни крошки,
А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку
И вам продает. Берите,
Ешьте на здоровье,
180 Прославляйте Запорожье!
А чьей жаркой кровью
Та земля была полита,
Что картошку рóдит,—
Все равно вам, лишь бы овощь

Росла в огороде!
А хвалитесь, что когда-то
Польшу повалили!
Правда ваша: пала Польша
И вас раздавила!
190 Так вот как кровь пришлось отцам
Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И кандалы свои и славу!

Доборолась Украина...
И за что страдает:
Хуже ляха свои дети
Ее распинают.
Вместо пива праведную
Кровь из ребер точат;
200 Просветить хотят сыночки
У матери очи
Современными огнями.
Чтобы шла за веком,
Шла за немцами слепая
Бедная калека.
Что ж, ведите, укажите
Путь! А мать родная
Пусть прозреет, сыновей тех
Новых узнавая.
210 Укажите! И не бойтесь,—
Наградит вас честно
За науку мать родная:
Слепота исчезнет
В глазах ваших ненасытных;
Увидите славу,
Вживе славу ваших дедов
И отцов лукавых...
Так не лгите ж сами себе! —
Учитесь, читайте —
220 И чужому научайтесь
И свое познайте,
Кто про мать свою забудет,
Того бог карает,

Того собственные дети
В хату не пускают,
И чужие прогоняют,
Не найдется злomu
На всей земле бесконечной
Ни ласки, ни дома.

230 Тяжело мне, только вспомню
Печальные были
Дедов наших. Что мне сделать,
Чтоб о них забыл я?
Я бы отдал за забвенье
Жизни половину.
Такова-то наша слава,
Слава Украины.
И вы также прочитайте,
Чтоб неспящим снились

240 Все неправды, чтоб могилы-
Курганы раскрылись
Перед вашими глазами,
Чтоб вы расспросили
Мучеников: где, какого
И за что убили?
Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные —
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!

250 Всех детей своих обнимет
Твердыми руками
И деточек поцелует
Вольными устами,
И забудется позора
Давняя година,
Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный невечерний
Тихо засияет.

260 Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

*14 декабря 1845
Вьюница*

ХОЛОДНЫЙ ЯР

Каждому свои напасти,
Да и мне нет счастья,
Хоть не свои, а пришлые,
Но все же напасти.
К чему, скажем, вспоминать бы,
Что давно минуло,
Будить старое, бывшее!
Ладно, что заснуло...
Взять хоть этот Яр. Ведь ныне
10 К дикому оврагу
Даже тропки не осталось;
Кажется, и шагу
Там никто вовек не делал,
А вспомнишь — путь старый
От монастыря Матрены
До страшного Яра...
В Яру этом гайдамаки
Лагерем стояли,
Самопалы проверяли
20 Копья заостряли.
Шли туда по всем дорогам,
Будто с креста сняты,
Отец с сыном и брат с братом
Для страшной расплаты,
Чтобы сгинул лях жестокий
От того удара.
Где же ты, идущий к Яру
Путь широкий, старый?

Сам зарос ты лесом темным
30 Или засадили
Палачи другие, чтобы
Люди не ходили
За советом, что им делать
С добрыми панами,
Людоедами — со злыми
Новыми врагами?
Вам не скрыть пути! Над Яром
Железняк витает
И на Умань взор бросает,
40 Гонту поджидает!
Вы не прячьте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобным
Николу-Нерона!
Вы святой войны царицей —
Не кичитесь славой —
Ведь вы сами не знаете
Царских дел кровавых,
А кричите, что кладете
50 И душу и шкуру
За отечество... Ей-богу,
Овечья натура!
Дурень шею подставляет,
Сам за что не зная,
Да еще бесчестит Гонту —
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории!»
60 Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
Не раскует народ темный,
Что вами обманут
И закован; не зарежет
Лукавого сына;
Не отдаст живое сердце
Он за Украину!
Нет! Вы сами разбойники,

- 70 Хищные вороны!
По какому праведному,
Святому закону
И народом замученным
И землей, всем данной,
Торгуете? Берегитесь:
Грянет долгожданный
Грозный суд!.. Детей дурачьте,
Темный люд убогий,
Самим себе, чужим лгите,
- 80 Но не лгите богу!
Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Снова запылает пламя
Холодного Яра!

Вьюница
17 декабря 1845

ДАВИДОВЫ ПСАЛМЫ

1

Блажен тот муж, что не ходит
На совет лукавых
И не встанет на путь злого,
Не сядет с неправым.
Лишь господнему закону
Он послушен волей,
Лишь ему внимает сердцем.
Как на добром поле,
Над студеною водою
¹⁰ Древо расцветает
Плодоносное,— так честный
В доброте мужает.
А лукавых, нечестивых
И след пропадает,—
Их, как пепел над землею,
Ветер развевает.
Не подняться с праведными
Злым из домовины;
Дела добрых возродятся,
²⁰ Дела злобных сгинут.

12

Боже милый, неужели
Навек забываешь?
Отвращаешь лицо свое,
Меня покидаешь?

Долго ль буду мучить сердце,
Терзаться душою?
Долго ль будет враг мой лютый
Глядеть и смеяться
Надо мною!.. Спаси, боже,
30 Укрепи мне силы.
Да не скажет хитрый враг мой:
«Я его осилил!»
Да не посмеются злые
Над попавшим в руки,
В руки вражьи! Спаси, боже,
От жестокой муки!
Спаси меня. Помолюся
И восславлю снова
Твои блага чистым сердцем,
40 Псалмом тихим, новым.

43

Боже, нашими ушами
Слышим твою славу.
Нам рассказывают деды
О годах кровавых,
Тех годах, когда своею
Твердою рукою
Развязал ты наши руки
И покрыл землю
Вражьи трупы. И господню
50 Силу восхвалили
Твои люди и в покое
И в добре почили,
Славя господа... А ныне!..
Покрыл еси снова
Свой народ стыдом и срамом,—
Враг нагрянул новый:
Нас крадут и пожирают,
Как овец!.. Без платы,
Не за что ты отдал, боже,
60 Нас врагам проклятым.
Отдал нас на поруганье

И на смех соседям,—
Отдал словно для примера
Неразумным людям.
И, смеясь, они кивают
На нас головами,
Каждый день встает укором
Стыд наш перед нами.
Обокрадены, забиты,
70 В цепях умираем.
Не молимся чужим богам,—
Тебя умоляем:
Помоги, избави, боже,
Нас от поруганья!
Ты одну развеял силу,
Но пришла другая,
Злее первой!.. Встань же, боже,
Долго ль спать ты будешь,
Отвернув лицо, не видя,
80 Как страдают люди?
Мы устали, мы смирились —
С тяжкими цепями.
Помогай вставать нам, боже,
На бой с палачами.

52

Обезумевшие в сердце
Бога отрицают,
В беззаконии коснеют,
Блага не свершают.
А господь все ищет в мире
90 Взыскующих бога.
Нет нигде творящих блага,
А злодеев много!
Скоро ль их, в грехах погрязших,
Гнев твой покарает?
Нас едят, как хлеб, а бога
И не вспоминают.
Всюду страх. А там, где людям
Нечего страшиться,

Человек в своем лукавстве
100 Сам себя боится.
Кто же нам пошлет спасенье,
Даст благую долю?
Полно, бог вернет нам волю,
Разобьет неволю.
Мы тебя восславим, боже,
И восхвалим всяко,
Возрадуется Израиль
И святой Иаков.

53

Боже, рассуди, помилуй,
110 Весь в твоей я воле,
Господи, молю, внуши им
Уст моих глаголы.
Ибо сильные, чужие
Душу мне терзают,
Не зрят бога над собою,
Что творят — не знают.
И господь мне помогает,
Меня защищает,
Чистой правдою своею
120 Зло их разрушает.
Помолюся я господу
В сердце одиноком
И взгляну на злых, жестоких
Добрым моим оком...

81

Меж царями-судиями
Правил суд великий
Над владыками земными
Небесный владыка.

«Доколь, в стяжательстве коснея,
130 Вам кровь невинных проливать,

Кровь бедняков? А богатеям
Судом лукавым помогать?
Вдове убогой помогите,
Не осудите сироты
И, выведя из тесноты
На волю тихих, охраните
От рук насытых!» Не хотят
Познать, разрушить тьму неволи,—
И всеу господа глаголы,
140 И всеу плачется земля.
Царь и раб — одна им участь:
Все равны пред богом,
Все умрете с вашим князем
И рабом убогим!
Встань же, боже, суди землю
И судей лукавых!
На всем свете твоя правда,
И воля, и слава!

93

Господь бог лихих карает,
150 Душа моя знает;
Встань же, боже,— твою славу
Гордый попирает.
Вознесись же над землею
Высоко, высоко,
Ослепи своею славой
Надменное око.
Долго ль, господи, лукавым
Ложью жить? Доколе
Хвастаться грехом? Народ твой
160 В темноте, в неволе
Заковали... Мир твой, боже,
Кровью затопили,
Зарезали прохожего,
Вдову задушили
И сказали: — Бог не видит,
Ниже́ знает это! —
Образумьтесь вы, безумцы:

Он владыка света.
Он и сердце ваше знает
170 И ваш ум лукавый,
Удивляйтесь же сиянью
Его вечной славы!
Благо тому, кого господь
Карает меж нами
И не ждет, когда злодеям
Выроется яма.
Наш господь народ свой любит,
Любит, не оставит,
Ждет, пока святая правда
180 Пред ними не встанет.
Кто бы спас меня от лютых
И деющих злая?
Если бы не он, не бог наш,
То душа б живая
Во тьме ада потонула,
Проклятая светом.
Ты мне, боже, помогаешь
Ходить в мире этом.
Успокаиваешь душу,
190 Сердце мне врачуешь;
И пребудет твоя воля
И твой труд не все.
И в тот час, когда злодеи
Праведных осудят,
Мне господь мой пристанищем
И покровом будет.
И воздаст им по делам их,
Кровавым, лукавым,
И погубит, и позором
200 Им станет их слава.

132

Есть ли что-нибудь на свете
Радостнее братства,
Наслаждения плодами
Общего богатства?

Яко с головы склоненной
Мирро пресвятое
На бороду Аарона
Упадет росую,
И на ризы дорогие
210 Шитье золотое;
Или капли рос ермонских,
Землю орошая,
Склоны гор святых сионских
Напоят, свершая
Благо тварям земнородным,
И земле, и людям,—
Так своих блаженных братьев
Господь не забудет,
Воцарится в доме тихом
220 И в семье великой,
Наградит их доброй долей
Небесный владыка.

136

На реках вокруг Вавилона,
Под вербами в поле,
Сидели мы и плакали
В далекой неволе.
Мы на вербах повесили
Органы глухие,
И над нами издевались
230 Едомляны злые:
«Спойте песню вашу, может,
Мы тоже заплачем.
Или нашу запевайте,
Невольники наши!»
Что же петь! Какое пенье...
Средь чужого поля?
Не поются наши песни
В далекой неволе.
Если я тебя забуду,
240 Иерусалиме,—

Пусть умру, забвен навеки,
Рабом на чужбине!
Пусть отсохнет, онемееет
Мой язык лукавый,
Если вспоминать не буду
Тебя, наша слава.
И господь наш вас помянет,
Едомские дети.
Как кричали вы в Сионе:
250 «Жгите его, бейте!»
Смерть, проклятье окаянной
Дщери Вавилона!
Счастлив тот, кто ей заплатит
За все наши стоны!
Счастлив, кто застанет злую
За ее делами
И детей ее ударит
О холодный камень.

149

Снова господа восхвалим;
260 Слово новой славы
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
Во псалтыри и тимпане
Господа восславим,
Яко он крушит неправых,
Помогает правым.
Сонмы праведных во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
270 Хвалят имя божье.
В их руках мечи стальные,
Остры обоюду,
На отмщение языкам
И в науку людям.
Свяжут всех царей насытых
Крепкими цепями,
Им — прославленным — их руки

Стянут кандалами.
И осудят губителей
280 Судом своим правым,
И вовеки будет слава,
Праведникам слава.

19 декабря 1845
Вьюница

МАЛЕНЬКОЙ МАРЬЯНЕ

Расти, расти, моя пташка,
Мой мак нераскрытый,
Расцветай, цвети, покуда
Сердце не разбито,
Пока люди не добрались
До тихой долины,
Доберутся,— насмеются,
Иссушат да кинут.
И ни годы молодые,
¹⁰ Что красой повиты,
Ни карие твои очи,
Что слезой омыты,
Ни девичье твое сердце
Кротостью глубокой
Не разжалобят, не тронут
Несытого ока!
Люди сыщут и погубят
И тебя, родная,
Кинут в омут... и погибнешь,
²⁰ Бога проклиная.
Не цвети ж, цветок мой вешний.
Вешний, нераскрытый!
Увядай скорей, покуда
Сердце не разбито.

*20 декабря 1845
Вьюница*

* * *

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит.
И все заснуло... И не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Или по свету так влачусь,
Ведь уж не плачу, не смеюсь...

Доля, где ты? Доля, где ты?
¹⁰ По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,—
Дай хоть злую, злую!
Но не дай спать ходячему,—
Спать не просыпаться
И гнилою колодою
По свету валяться.
Дай мне жить, дай жить всем сердцем,
Чтоб людей любило,
А не дашь.. так — злости, чтобы
²⁰ Мир испепелила!
Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,

Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить!..
Доля, где ты? Доля, где ты?
30 По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую! злую!

21 декабря 1845
Вьюница

ТРИ ГОДА

И день — идет и не идет, —
А года стрелою
Пролетают, забирают
Доброе с собою,
Добрые уносят думы,
Сердце разбивают
О холодный, острый камень,
Аминь распевают,
Аминь всему веселому
¹⁰ Отныне до века
И бросают на распутье
Слепое калеку.
Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.
Бедное опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
²⁰ Разожгли все злое.
Высушили мои слезы —
Добрые, святые,
Что лились в краю московском
С Катрешей в дни былые;
Что молились с казаками
В турецкой неволе
И звезду мою, Оксану,
Счастливую долю,

Что ни день, то умывали...

30 Пока не подкралась
Злые годы — да все это
Сразу не украли.
Горько, тяжело утратить
Родителей милых,
Жаль супругу молодую
Опускать в могилу,
Тяжело растить, лелеять,
Братья мои, братья,
Малых деток неумытых

40 В нетопленной хате!
Горе им... Но как же горько
Глупому такому,
Что женой обзаведется,
А она другому
За три гроша продается
Да еще смеется.
Вот где горе! Вот где сердце
Тотчас разорвется!
Вот такое злое лихо

50 И со мною было:
Сердце людям доверяло
И людей любило.
И они его встречали,
Хвалили, ласкали,
А года тихонько кралась,
Слезы осушали,
Слезы искреннего сердца.
И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул,—

60 Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди,— змеи,
Только змеи злые!..
И высохли мои слезы,
Слезы молодые.
И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.
Так-то, люди. Поступайте,

70 Как вы там хотите:
Или громко осуждайте,
Иль тайно хвалите
Мои думы,— чтоб ни было,
Не вернутся снова
Годы мои молодые,
Веселое слово
Не вернется!.. И я сердцем
К вам не возвращуся.
И не знаю, где я буду
80 И где я приткнуся,
Кто поговорит со мною,
Кого успокою,
Перед кем родные думы,
Не боясь, открою?
Думы мои! Годы мои,
Три тяжелых года!
Кто ж детей моих пригреет —
Злых и невеселых?
Не ищите, где погреться,
90 Спите дома, дети...
Я ж собрался встретить новый,
Год четвертый встретить.
Здравствуй, в свитке прошлогодней
Новый год! Четвертый!
Что несешь ты Украине
В котомке потертой?
«Благоденствие, что бедным
С манифестом снится».
Ну что ж, иди, да не забудь
100 Нужде поклониться.

22 декабря 1845
Вьюница

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.
И когда с полей Украины
10 Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы —
Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А куда
Я не знаю бога.
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
20 Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрим тихим словом.

*25 декабря 1845
в Переяславе*

ЛИЛЕЯ

«За что меня, как росла я,
Люди не любили?
За что меня, как выросла,
Бедную, убили?
За что они теперь меня
В дворцах привечают,
Царевною называют,
Очей не спускают
С красоты моей? Дивятся,
¹⁰ Меня ублажают!
Брат мой, цвет мой королевский,
Ответь, умоляю!»
«Я, сестра моя, не знаю»,
И, сестру жалея,
Королевский цвет склонился;
Наклонился, рдея,
Он к белому, склоненному
Личику лилеи.
И заплакала лилея
²⁰ Росою-слезою...
Заплакала и сказала:
«Братец мой! С тобою
Мы давно друг друга любим,
А не рассказала,
Как была я человеком,
Сколько я страдала...

Мать моя... о чем она,
О чем так скорбела,
На меня, на свою дочку,
30 Смотрела, смотрела
И плакала.. Я не знаю,
Мой любимый братец,
Кто принес ей столько горя?
Я была дитятей,
Я играла, забавлялась,
А она все вяла
Да нашего злого пана
Кляла-проклинала.
И умерла. А меня пан
40 Воспитал проклятый.
Я росла и подрастала
В хоромах, в палатах.
И не знала, что я дочка,—
Дочь его — родная.
Пан уехал в край далекий,
Меня покидая.
И прокляли его люди,
В пепел обратили
Дом. Меня — за что не знаю,
50 Убить — не убили,
Только длинные мне косы
Остригли, накрыли
Меня, стриженую, тряпкой,
Еще и смеялись.
А евреи — и те даже
На меня плевали.
Так-то вот на свете, брат мой,
Со мной поступали;
Молодого, короткого
60 Мне дожить не дали
Люди веку. Умерла я
Зимою под тыном,
А весною расцвела я
Цветком при долине —
Цветком белым, как снег белым!
Лес развеселила.
Зимою люди... боже мой!

В хату не пустили.
А весною, словно диву,
70 Мне они дивились,
Я девушек украшала,
И для них я стала
Лилеею-снегоцветом;
И я расцветала
И по рощам, и в теплицах,
И по светлым залам.
Скажи ты мне, милый братец,
Королевский цветик,
Зачем меня бог поставил
80 Цветком на сем свете?
Чтоб людей я веселила,
Тех, что погубили
И меня и мать?.. Всещедрый,
Святой боже милый!..»
И заплакала лилея,
И, ее жалея,
Королевский цвет склонился;
Наклонился, рдея,
Он к белому, склоненному
90 Личику лилеи.

[Киев 25 июля 1846]

[Нижний-Новгород 6 марта 1858]

РУСАЛКА

«Родила меня родная
В палатах красивых
И сошла со мною ночью
Вниз к Днепру с обрыва.
И в Днепре она купала
Меня темной ночью,
Поучала: «По теченью
Плыви, моя дочка.
Да выплывай русалкою.
10 Завтра, среди ночи,
Я выведу гулять пана,
Ты и защекочешь
Того пана, моя радость:
Пускай не смеется
Надо мною, молодою,
Пускай пьет-упьется
Не моими кровью-слезами —
Синею водою
Днепровскою... Пусть гуляет
20 С дочкою, с тобою.
Плыви ж, моя родимая.
Моей дочки малой
Не обидьте, волны! волны!»
Да и зарыдала,—
Убежала. А я плыла —
Гонима волною.
Пока сестры не встретили,

Не взяли с собою...
Уж неделю, как расту я,
30 С сестрами гуляю.
В час полуночный из дому
Отца поджидаю.
А быть может, как бывало
Под тем грешным кровом,
С паном любитя-пирует
Мать родная снова?..»
Тут умолкла русалочка
И в Днепре плеснулась,
Как плотичка. Только ветка
40 Тихо покачнулась.

Что-то матери в богатых
Не спится палатах:
Пана Яна нету дома.
Тоскою объята —
Вышла, подошла к обрыву,
Вспомнила тут дочку,
Как купала, не молчала,
Дитя поучала.
Ну, да что об этом думать!
50 Что прошло, то сплыло.
И в палаты пошла к себе,
Да не тут-то было!
Не опомнилась, — догнали
Ее водяницы,
Да как начали, как стали
С ней играть-возиться.
Радешеньки, что поймали —
Вот была потеха!
Под конец швырнули в невод...
60 Что тут было смеха!
Одной только русалочке
Было не до смеха.

[Киев 9 августа 1846]

[Нижний-Новгород 6 марта 1858]

ВЕДЬМА

Поэма

Молюсь и снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тяжкую свою
Безмолвным стенам отдаю.

Отзовитесь мне, немые,
Заплачьте со мною
Над неправдою людскою,
Над невзгодой злою.

Отзовитесь! А за вами,

¹⁰ Может, отзовется

Жизнь несчастная, глухая
И нам усмехнется.

И с несчастьем примирится

И с людьми, и скажет

Нам спасибо, и с молитвой

Спать спокойно ляжет.

И примиренному приснится

Людская мирная любовь

И доброта. И, встав с денницей,

²⁰ Веселый, он забудет вновь

Свои несчастья. И в неволе

Узнает рай, узнает волю

И всетворящую любовь.

В канун осеннего Николы,
Ободраны, едва не голы,
Цыгане из Бендер толпой
Шли по степи в тиши ночной

И — вольные, конечно, пели.
Всё шли, всё шли и захотели
30 Передохнуть. Разбив шатры,
Раздули жаркие костры
И у огня на отдых сели,—
Кто с шашлыком, а кто и так...
Зато он — вольный как казак
Былой. Поют они, гудят,
Вдруг слышат: из степи им вторит
Какой-то хриплый голосок,—
Похоже,— пьяной молодежи:

«Ой ты, ночка, ночка,
40 Спят и мать и дочка,
Девушке приснилось:
Мать ее взбесилась,
Свекор-черт женился,
Отец утопился...
И... гу...»

Цыгане слушают, смеются:
«Откуда люди там возьмутся?..
В степи поют?.. Из-за Днестра?
Иль нам приснилось у костра?»
50 Кричат, вскочили. И несмело
То существо, что песню пело,
К ним приближалось... Грусть и страх!
Под рваной свиткою дрожала
Та женщина. А на руках
И на ногах повыступала
От стужи кровь — и засыхала.
Коса, в репьях и колтуне,
О свитку билась на спине.
Бедняга подошла и села
60 К огню и молча руки грела
Над жарким пламенем. «Ну, так!
Женился, стало быть, бедняк»,—
Так про себя она шептала
И странно, дико усмехалась...
Нет, то не призрак у костра,
То мать моя или сестра,—
То ведьма, если вы не знали!

Цыгане

Откуда же ты, молодлица?

Ведьма

Кто, я?

(Поет.)

⁷⁰ «Как была я молодичка,
Целовали меня в личко,
А как старой стала бабой,
Целовать сама я рада».

Цыган

Певица, нечего сказать!
Себе такую бы достать,
Водить с медведем...

Ведьма

Напеваю,

Когда сижу, когда гуляю...
Все напеваю, напеваю,

⁸⁰ Уж разучилась говорить,
А раньше ловко я болтала,

Цыган

Где ж ты была, что заплутала?

Ведьма

Кто, я?.. Иль ты?..

(Шепчет.)

Тсс... не шуми!

Глянь, глянь,— со мною пан лежит.
Огонь погас, луна восходит,
В овраге ходит вурдалак...

(Усмехнувшись.)

На свадьбе я пила, гуляла.
Себя не слишком соблюдала

⁹⁰ Невеста... Ироды-паны
Творят с дивчатами такое...
Теперь пойду других женить,—
Там без меня — я беспокоюсь —
И в гроб не смогут положить.

Цыган

Постой, побудь, бедняга, с нами!
У нас, ей-богу, славно жить.

Ведьма

А дети есть у вас?

Цыган

Нет, нету.

Ведьма

Кого же вам поить-кормить?
100 Кого спать на ночь уложить?
Кого баюкать и беречь?
Кому помочь и встать и лечь?
Молиться за кого? Ох, дети!
И всё дети, и всё дети!
Куда бежать, куда мне деть их,
Куда ни глянь — они со мною,
Съедят еще, того гляди...

Цыгане

Не плачь, старуха, погоди:
У нас детей нет и заводу.

Ведьма

110 Хоть с горы да в воду!

И ведьма глухо зарыдала.
Цыгане слушали устало,
Потом уснули, где кто мог,
Она же не спала, сидела,
Не плакала и ноги грела
В горячем пепле. И стерег
Щербатый серп, встав над курганом,
Шатры окрай ночных дорог,
Пока не скрылся за туманом.

120 Что не спится богатею,
Сытому, седому?

Что же старому не спится —
Сироте худому?
Тот гадает, как бы это
Достроить палаты,
Этот — как собрать бы денег
На гроб небогатый.
Один — старый — в пышном склепе
Отмолен собором,
130 Другой — старый, — как пришлось,
Заснул под забором.
Ничего уж не желают
Оба, — отдыхают.
Бедняка все позабыли,
Богача ругают.

А старик цыган о смерти
И не вспоминает,
Дремлет с трубкой да на гостью
Сонный взгляд бросает.

Цыган

140 Легла бы лучше, отдохнула.
Денница всходит, погляди.

Ведьма

Я-то видала, сам гляди!

Цыган

Уйдем мы рано, не проспийся, —
Тебя оставим!

Ведьма

Не просплюсь,
Я никогда уж не просплюсь,
В бурьяне и умру, напившись,
Вот этак...

(Тихо поет.)

«Ой, дуброва ты родная!
150 Берега Дуная,
Я в дуброве погуляю,

В реке искупаюсь,
Да в густой зеленой тине
Отдохну в сторонке...
Еще, может, хоть калеку,—
А рожу ребенка...»

Да нет, куда! Когда бы жил он,
Взял бы да проклял мать свою.
Вон, за курганом, за могилой,
160 Смотри, глаза таращит кот.
Кись-кись! А он, видать, боится:
Молчит, бесенок, не идет!
А то б дала тебе напиток
Я свежей ключевой водицы.

(Поэт.)

«Вон кутья под образами,—
А за печкой дети,
Наплодила, народила,
Да некуда деть их:
Утопить их, что ли?
170 Задушить — их? То ли
Деток шинкарю продать
Да напиток вволю?»

Что,— наши хорошо поют?
Присядь-ка ближе, друг, вот тут.
Вот так-то! Видно, ты не знаешь,
Что я в Валахии была?
Все расскажу тебе, что вспомню.
Детей в Бендерах родила
Да в белых Яссах их качала,
180 В Дунае синем искупала,
В Туретчине повила.
И домой их принесла
В город Киев. Там уж — дома,
Без кадила, без кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила,
Упилась, упилась!
Пьяна и ныне!..

И никогда уж не просплюся,
190 Я бога больше не боюсь
И больше не стыжусь людей.
Ох, если бы моих детей
Найти когда-нибудь! Не знаешь,
Идет в Туретчине война?

Цыган

Была недавно, да прошла.
Скончался старший старшина.

Ведьма

А я думала — воюют,
Ан войны и нету.
Слушай дальше! Расскажу я,
200 Как ищу по свету
Наталочку, свою дочку,
Да сына Ивана.
Все Наталоньки не встречу
Да не встречу пана,
Того Ирода, что, знаешь?..
Дай мне вспомнить только,
Как была я молодою,
Думой не томилась,
Я в саду плела веночек,
210 Красотой гордилась.
Тут меня он и увидел.
Мне ведь и не снилось,
Что была я крепостною;
А то б утопилась,—
Легче было б. Посмотрел он,
Да и взял в покои
И остриг меня, как хлопца,
И в поход с собою
Захватил. Пришли в Бендеры,
220 И там мы стояли
С солдатами на квартирах,—
А солдаты за Дунаем
Турка воевали.
Близнецов господь тогда-то
Подарил мне к спасу.

Барин тут меня и бросил,
Не зашел и в хату,
На детей своих не глянул,
Сатана проклятый!

230 И увел солдат. Одна я,
С детками плутая,
Возвращалась на Украину,
Дороги не зная.
Стриженная, — что поделать! —
Спрашивала в селах
Путь на Киев. От насмешек
От людских веселых
Чуть было не утопилась,
Да жаль было кинуть

240 Бедных деток. Так да этак
Шла на Украину.
И пришла. Вздохнула легче.
Вечера дождалась,
Чтобы люди не видали,
Во тьме пробиралась.
Вот крадусь за тыном к хате,
Мимо темных окон, —
Видно, отца нету дома,
Либо спать уж лег он, —

250 Мой батюшка — одинокий.
И сама не знаю,
Как вошла я в хату. Стонет
Кто-то, помирает, —
Это мой отец родимый!
И никто на свете
Не помолится над бедным.
Лукавые дети!
Вы — проклятые — в ответе.
Я перепугалась...

260 Хата пахла запустеньем...
Тут я прятать стала
Деток в клетки, возвратилась:
Отец еле дышит.
Я скорей к нему: «Родимый!
Родименький, слышишь,
Это я к тебе вернулась!

За руки хватаю.
И тогда мне слабый голос
Прошептал: «Прощаю.
270 Все прощаю!» — И как будто
Тут же я упала
И заснула. Если б можно,
Век бы свой проспала!
Но к полуночи очнулась.
В хате — как в могиле.
Мне отец сжимает руку.
«Что ты, что ты, милый?»
А уж он — как лед холодный.
Я насили руку
280 Вырвала. Цыган, подумай,—
Ты такую суку
Взял бы в дочери? Что скажешь?

Цыган

Ей-богу, не знаю.

Ведьма

Так молчи, не то забуду,
Что сказать желаю.
Накормила я ребяток,
В сусек уложила.
Уже утром под очипок
Пакли я набила,
290 Чтoб не видно было стрижки,
Прибрала по дому.
А под окнами тесали
Гроб отцу седому,
Дотесали, положили,
Взяли, закопали,
И, как на поле былинка,
Я одна осталась
На сем свете... Были дети,—
И тех не осталось.

300 «Через яр ходила
Да воду носила,
Каравай месила.

Дочку отдавала,
Сына оженила
И... гу...»

Цыган

Да не скули,— ты всех разбудишь.

Ведьма

Разве скулю я, что с тобой?

Цыган

Ну, ладно. Что же дальше будет?
Рассказывай.

Ведьма

310

А за рассказ
Мне сварить завтра мамалыги?
Я кукурузы принесу.

Все припомнила! Все помню!

С дочкой спал проклятый...

Сына отдал он в лакеи,

А меня из хаты

Выгнала мирская сходка.

Я собак дразнила:

Пела с нищими у окон,

320 А ребят носила

За спиной. Чтоб приучались.

Пан приехал вскоре,

С лаской кинулась к нему я,

Не судя за горе.

Сатана меня не выгнал,

И сына и дочку

Приласкал и взял в хоромы...

Там мои цветочки

И росли. Сынка Ивана

330 Он какой-то пани

Продал. Ну а дочь Наталью...

Что, твои цыгане

Все уснули?

Цыган

Все уснули.

Ведьма

- Только б не слышали
Слова страшного про дочку;
Да и ты от слова
Вздрогнешь, может, как услышишь...
Сколько, было злого.
- 340 Наталоньку! Дитя свое!
Ирод нечестивый!..
Взял, погубил... А перед тем
Посылает в Киев
Меня, видишь, помолиться.
Сдуру я ходила
И молилась. Только бога,
Знать, не умолила.
Есть ли бог у вас, цыгане?
У нас его нету...
- 350 Господà его в шкатулку
Спрятали от света.

- Как из Киева вернулась,—
Заперты покои.
Пан с Наталочкой уехал,
Взял ее с собою,—
Дочку взял. Ты слышишь, старый?
Он остриг девчонку,
Как меня. И полетела
Я за ним вдогонку.
- 360 До Валахии добралась
И совой летаю
Над леском, над буераком,
Деточек скликаю.
Где Наталонька?.. Не слышит!
Отыщу я пана —
Разорву его!.. Примите
В табор свой, цыгане,
Я водить медведя стану,
А как встречу ката,—

- 370 На него спущу медведя —
Вот тогда, проклятый!..
Не медведя. Сама брошусь,
Загрызу!.. Иль, знаешь? —
Поженемся, мое сердце,
Чем не хороша я?
Ну, а сына я женила,
Дочка — так и будет.
Ползать стану я под тыном,
Найдут меня люди —
- 380 Только мертвой. Посмотри-ка,
Там такой хороший
Мой сын Иван... Ух, холодно!
Одолжи мне грошик.
Монисто славное куплю,
Сдавлю тебе им шею.
Ну, а сама пойду домой.
Смотри-ка скорее —
Вон в Киев мышь несет мышат.
Не донесешь, утопишь их
- 390 Или пан отнимет.
Найду ли я моих деток,
Иль без них погибну?

И замолкла — как уснула.
Поднялись цыгане,
Сняв шатры, пошли в дорогу
На заре на ранней.
Сразу двинулись. Шли степью.
А ведьма убога,
Бесталанна, встала молча

400 И как будто богу
Тихонечко помолилась,
И заковыляла
Вместе с табором, и тихо,
Тихо напевала:

«Говорят, что суд мне будет,
А суда не будет,
Без суда уж осудили
Меня злые люди».

И за Днестр пошли цыгане,
410 И на Волынь, и на Украйну.

Шли, селенья проходили,
В города входили
И приبلудную повсюду
За собой водили.
Она пела, танцевала,
Не пила, не ела...
Шла, словно смерть, с цыганами,
Отстать не хотела.
Жить потом как будто сразу
420 Стала по-другому,
Стала пить и есть, молиться
Господу святому.
Помогла ей, видно, чем-то
Бабка Мариула.
Может, зельем напоила
И к жизни вернула.
После врачевать недуги
Ее обучала;
Где искать какие травы,—
430 Все ей рассказала,
Как сушить их, как варить их...
Всему научила,
А — бедняга — та слушала
И богу молилась.
И прошло уже два лета,
И третье настало.
Как пришли на Украину,
Вновь затосковала,
Поклонилась Мариуле
440 За науку в ноги,
Стала с табором прощаться,
Помолилась богу
И пошла путем знакомым
В сторону родную.
Говорит: «Взглянуть на деток —
Одного хочу я».
Да не вышло. Пан вернулся,

Оставил Наталью
В Московщине. А ты ее
450 За Днестром искала.
А Ивана молодого
В солдаты забрили:
Уважать господ, как видно,
Ты не научила.
Где приют себе отыщешь?
Ни души на свете!..
Поклонись хоть добрым людям,
Может, лаской встретят.

Пан, вернувшись, занедужил,
460 Умирает, бредит.
А она набрала зелья
И пошла в усадьбу.
Не проклясть его хотела,
Только помощь дать бы.
Не помогла недужному,—
К нему не пустили..
Умер пан. Она за пана
Богу помолилась,
А потом дивчат учила:
470 Не любить, не знаться
Ни с какими господами,—
Людей не чураться.
«Бог за это покарает,
Еще горше люди;
Люди злы, несправедливы,
Своим судом судят». —
Так она их поучала,
Недужных лечила
И с убогим последнею
480 Коркою делилась.
Люди умные, незлые
Ее уважали,
А все-таки покрыткою
И Ведьмою звали.

[7 марта 1847 Седнев] —
1858 марта 6
[Нижний-Новгород]

* * *

Припомним, братия моя...
Чтоб той беде не возвратиться!
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы
И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,—
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?»
Нет, братья, ни в какие годы
¹⁰ Не встанем вместе над Днепром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем.
Среди людей, как люди...
А пока то будет,
Друг друга вы, друзья мои,
Украину любите,
За нее, несчастную,
²⁰ Господа молитесь!
А его забудьте, други,
И не проклиняйте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте.

[Орская крепость 1847]

I

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле,
Позабыл меня бог,
Не дал счастья и воли.
Только дал мне красу,
Дал мне карие очи,
Но их слезы сожгли
В одинокие ночи.
Я не знала родных,
¹⁰ Я не знала участья,
Я росла среди чужих
И не ведала счастья!
Где же он, где дружок,
К чьей груди мне прижаться?
Никого... Я одна,
А дружка — не дожждаться!

[В каземате 1847]

II

Лес, овраг, буерак,
 А там степь да могила.
 И выходит казак
 Из могилы унылый.
 Он выходит в ночи,
 В степь идет, идучи
 Песню грустную тянет:
 «Наносили земли
 Да по хатам пошли,—
¹⁰ Нас никто не помянет;
 Нас тут триста пришло,
 В поле чиетом легло!
 Ни один и не встанет.
 Гетман, славный наш пан,
 В рабство сдал христиан.
 Мы их гнали, как стадо.
 Кровь в родимом краю
 Мы разлили свою
 И зарезали брата.
²⁰ Пили кровь твою, брат,
 И легли все подряд
 Здесь в могиле проклятой».

Замолчал, унялся,
 На копье оперся,
 На кургане-могиле
 Стал и Днепр озирал,
 Тяжко плакал, рыдал,

Волны выли, голосили.
Через Днепр из села
30 Эхо ночь донесла,
Петухи закричали,
Провалился казак,
Задрожал буерак,
А могила застонала.

[В каземате 1847]

III

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос меж чужими,
И не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.

¹⁰ Не вспомнят обо мне в кручине
На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Родной отец не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молился, сын, за Украину
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно,
Одно лишь — мне не все равно:

²⁰ Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят.
Ох, это мне не все равно!

[В каземате 1847]

IV

«Останься с матерью!» — сказали,
А ты покинула, ушла,
Мать все искала — не нашла
Тебя, бедняга; перестала
Искать и умерла. Давно
Безлюдно там, где ты играла.
Собака — и она сбежала,
И в хате выбито окно.
В заглохшем садике ягнята
¹⁰ Весь день пасутся. А в ночи
Колдуют совы и сычи,
Спать не дают соседним хатам.
И твой барвиночек крещатый,
Тебя к себе не залучив,
Среди бурьяна погибает,
Прудочек чистый высыхает,
Где некогда купалась ты.
И грустно клонятся кусты...
И птица в них не распевает.
²⁰ Не ты ль ее с собой взяла?
В яру криница завалилась,
Засохла верба, покривилась;
И тропочка, где ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда ты сгнула, где скрылась?
В какой ты край переселилась?
В чужой семье чужой земли

Кого ты радуешь? К кому же,
К кому же, руки приросли?
30 Вещает сердце, что в хоромах
Живешь ты праздно, и не жаль
Тебе покинутого дома...
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила
И в тех палатах не нашла...
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.

[В каземате 1847]

V

«Зачем ты ходишь на могилу? —
 Ей мать с тоскою говорила.—
 Довольно слезы проливать!
 Не спится почему опять
 Моей голубке сизокрылой?»
 «Так, мама, так».— И вновь ходила,
 А мать ждала, томилась мать.

Не сон-трава на могиле
 Ночью расцветает,—
 10 То калину на могиле
 Невеста сажает,
 И слезами поливает,
 И господу просит,
 Чтоб послал дожди ночные,
 Обильные росы,
 Чтоб калина принялася,
 Распустила ветки.
 «Может, прилетит, как пташка,
 Милый с того света!»
 20 Совью гнездо я милому
 Над самой могилой.
 Прилечу и защебечем
 На калине с милым.
 Защебечем да поплачем
 Тихими слезами.
 На тот свет летать мы станем
 Ранними утрами».

И калина принялася,
Ветки распустила.
30 И три года на могилу
Невеста ходила.
На четвертый... не сон-трава
Ночью расцветает,
То с калиною невеста
Говорит, рыдает:
«Широкая, высокая
Калина моя,
Не водою ключевою
Ты политая!
40 Широкие реки — слезы
Тебя полили!
Люди славою лукавой
Меня доняли.
Обижают подруженьки
Подругу свою,—
Обижают румяную
Калину мою.
Обвей мою головоньку,
Росою умой
50 И ветвями широкими
От солнца укрой.
Поутру меня увидят,
Меня засмеют,
Широкие твои ветки
Дети оборвут».
Утром рано на калине
Пташка щебетала.
Под калиною невеста
Спала — не вставала:
60 Утомилась молодая,
Навек опочила.
Всходило солнце, людям было
Отраднo, весело вставать.
А мать еще и не ложилась,
Не ужинала,— все томилась,
Ждала свою голубку мать.

[В каземате 1847]

VI

Три широкие дороги
Пролегли куда-то...
С Украины на чужбину
Шли-ушли три брата.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Милую дивчину.
Посадила мать-старуха
10 Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине...
А дивчина молодая —
Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
20 Ясени завяли.
Не идут назад три брата,—
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину...

А дивчину молодую
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
30 По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

[В каземате 1847]

VII
Н. КОСТОМАРОВУ

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучках золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали
Да часовых в тюрьме сменяли,
Синемундирных часовых.
И с дверью запертой, с проклятой
Решеткой на моем окне
Немного свыкся я... И мне
¹⁰ Не вспоминались ни утраты,
Ни горечь пролитых когда-то
Моих кровавых, тяжких слез,
А их немало пролилось
На поле сирое. Ни мяты,
Ни чахлой травки не взошло.
И вспомнил я свое село...
Кого со мною разлучили?
Отец и мать мои в могиле...
И грустью сердце запеклось:
²⁰ Никто меня не вспоминает.
Вдруг вижу, брат: твоя родная
Старуха мать, черней земли,
Идет, едва-едва шагает...
И стал я господу хвалить.
Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

[В каземате 1847]

VIII

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то,
¹⁰ Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребятюк маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

[В каземате 1847]

IX

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
¹⁰ А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменилось.
Только крайняя пустая
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одиноко бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
²⁰ Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались
И узорами, шелками
Платки вышивались.

Думал — будут жить в согласье
Да господу славить,
А пришлось ему навеки
30 Надежды оставить,
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

[В каземате 1847]

Х

В неволе тяжко — хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.
Но все же кое-как жилось
Хоть на чужом, а все ж на поле.
Теперь и этой — жалкой — доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее, и к ней взываю,
Свой глупый разум проклиная,
Что нас позволил с толку сбить,
¹⁰ Свободу в луже утопить.
Подумаю — и сердце стонет,—
А вдруг не дома похоронят,
Не на Украине буду жить,
Людей и господа любить.

[В каземате 1847]

ХІ
КОСАРЬ

Он полями идет,
Не покосы кладет,
Не покосы кладет — горы.
Стонет суша, стонет море,
Стонет и ревет.

Косаря средь ночи
Повстречали сычи,
А косарь не отдыхает;
Никого не замечает —
10 Проси не проси;
 Не моли, не проси;
 Он не точит косы,—
То ли пригород, то ль город,—
Бреет он без разговора
 Все, что на пути:

Мужика, шинкаря,
Сироту кобзаря;
Подпевая, старый косит,
Горами кладет покосы,
20 Найдет и царя.

И меня в мой черед
На чужбине найдет,
За решеткою задавит,
Креста никто не поставит —
 И память пройдет.

[В каземате 1847]

ХІІ

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли.
Пускай и так!.. Мать не родную
Пришлось нам уважать — чужую!
То — воля божья! Нужно ждать!
Смиряться и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,
¹⁰ Друг другу обещанье дать
Любить свою Украину... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать!

[30 мая 1847
В каземате] —
Москва 1858
Марта 18

* * *

Не спится мне, а ночь — как море...
Душа и ум угнетены
Неволей. Для глухой стены
Рассказа не начнешь про горе
И про младенческие сны!
Ворочаюсь и жду рассвета,
А часовые у дверей
Толкуют о судьбе своей,
Припоминая то да это.

Первый

- ¹⁰ Такая баба — ой-ой-ой!
И меньше белой не дарила.
А барин бедненькой такой!
Меня-то, слышь ты, и накрыли,
Свезли в Калугу и забрили.
Так вот те случай-то какой!

Второй

- А я... со страхом вспоминаю!
Ведь я в солдаты сам пшел.
Я девушку в селе нашел.
К ней зачастил. Соединяет
²⁰ Нас мать-вдова, благословляет,
Но пан проклятый не дает:
Твердит — мала, пускай дождусь я.
Я ж знай хожу к своей Ганнусе.

- Год кончился — я за свое:
Мы с матерью пошли с поклоном,
А он — все просьбы ни к чему,
Пятьсот рублей давай ему...—
Не верит ни слезам, ни стонам:
Где ж взять-то столько! Занимать?
- 30 Никто не даст, хотя б и были...
Трудом пошел их добывать.
Где только ноги не носили!..
Пока я деньги раздобыл,
Пожалуй, года два ходил
По Черноморью и по Дону...
Подарков разных накопил
Своей Ганнусе... Возвращаюсь
В деревню к девушке в ночи,—
Но лишь старуха на печи,
- 40 И та, бедняга, умирает.
Хатенка жалкая гниет,
Я к матери бегу со страхом...
А от нее уж веет прахом,
Она меня не узнает!
Я — за попом, бужу соседа...
Привел попа, да опоздал,—
Мертва старуха. Нет и следа
Моей невесты. Но узнал
Я у соседа про Ганнусю:
- 60 «Ты разве до сих пор не слышал?
В Сибирь несчастная ушла.
Она ведь к панычу ходила,
Потом ребенка родила
И здесь в колодце утопила!»
Меня — как жажда обожгла...
Шатаясь, вышел я из хаты...
С ножом в господские палаты
Я шел, не чувствуя земли...
Но паныча уж отвезли
- 60 Учиться в Киев... Вот как, друже!
Отец и мать мои все тужат,
А я сюда пошел служить,
Хотел, со страхом вспоминаю,
Я дом господский подпалить

Иль самого себя убить,
Но бог помиловал... А, знаешь,
К нам паныча перевели
Из армии, видать.

Первый

Так что же?

⁷⁰ Ну вот, теперь и приколи!

Второй

Зачем? Господь забыть поможет:
Те дни давно уже прошли.

—

Солдаты долго говорили.
Я на рассвете стал дремать;
И тут мне панычи приснились
И не дали, злодеи, спать.

[В каземате 1847]

КОММЕНТАРИИ

ПОРЧЕНАЯ («Причинна»)

Впервые опубликовано в альманахе «Ластовка» (Ласточка), СПб. 1841, сс. 230—242. Альманах подготавливался Е. П. Гребенкой в продолжение нескольких лет, начиная с 1838 г.; в 1838—1839 гг. Гребенка предполагал сделать альманах периодическим приложением к «Отечественным запискам». В письмах этого времени он не раз упоминал о Шевченко как о ближайшем своем помощнике. Он писал Г. Ф. Квитке (18 ноября 1838 г.): «А еще есть здесь у меня один земляк, Шевченко. Ну, до чего же хорошо пишет стихи! Как напишет что, только языком шелкни да руками всплесни! Он мне дал хорошие стихи для сборника». «У меня здесь есть чудесный помощник — Шевченко, человек удивительный» (13 января 1839 г.). Однако участие поэта в сборнике выразилось только в том, что он дал Гребенке несколько своих стихотворений; из них четыре были напечатаны. Кроме того, в «Ластовке» был помещен отрывок из поэмы Шевченко «Гайдамаки» (см. ниже).

Первый русский перевод (Вс. Крестовского) — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербея. СПб. 1860, сс. 39—47.

«Порченая» — один из немногих дошедших до нас образцов самого раннего творчества Шевченко. Стихотворение написано, вероятно, в 1837 г., то есть еще до освобождения поэта из крепостной неволи. Впоследствии поэт вспоминал, что, «несмотря ни на какие стеснения, он в светлые летние ночи бегал в Летний сад рисовать с безобразных неуклюжих статуй, — достойные украшения Петровского сада». В этом саду и в то же время начал он делать этюды в стихотворном искусстве; из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну балладу «Причинна» (см. «Автобиография», т. 5 наст. изд.). А в ответах на

«вопросные пункты» в III Отделении он сообщал: «Стихи я любил с детства и начал писать в 1837 г.».

Строка 33. *«Не китаикой ему очи...»* — По старинному казацкому обычаю, умерших казаков при погребении покрывали китаякою, красной шелковой материей.

«ВЕТЕР БУЙНЫЙ, ВЕТЕР БУЙНЫЙ...» («Думка.
Вітре буйний»)

«Ластовка», сс. 23—25. Русские переводы: Н. Берга — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербея, СПб. 1860, сс. 50—52; П. Ковалевского — «Библиотека для чтения», 1860, № 4, отд. I, сс. 1—2.

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ КОТЛЯРЕВСКОГО (На вічну пам'ять
Котляревському)

«Ластовка», сс. 306—313. Дата написания стихотворения определяется датой смерти И. П. Котляревского — 29 октября 1838 г. Русский перевод — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белосова», М. 1911.

Иван Петрович Котляревский (1769—1838) — выдающийся украинский поэт и драматург. В поэме «Энеида» («Енеида, на малороссийский язык перелицёванная»; первое издание — СПб. 1798), в пьесах «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей» («Москаль-чарівник») он первый из украинских писателей обратился к художественному изображению народной жизни, используя при этом средства народного языка, громадные сокровища народного творчества. Эти положительные черты творческого облика Котляревского и привлекли к нему внимание Шевченко. Высокая оценка роли Котляревского в развитии украинской литературы не помешала Шевченко позднее характеризовать «Энеиду» как «хорошую» «смеховину», созданную по образцам русской дворянской литературы. Отдельные намеки стихотворения («Энеева ватага», «руины Трои» и др.) имеют в виду ту же «Энеиду».

«ТЕЧЕТ ВОДА В СИНЕ МОРЕ...» («Думка. Тече вода в синє
море...»)

«Ластовка», сс. 312—313. Русские переводы: Н. В. Гербея — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов»,

ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 48—49; И. Ваненко — «Развлечение», 1861, № 8, сс. 85—86.

«ТЯЖКО, ТЯЖКО ЖИТЬ НА СВЕТЕ...» («Думка. Тяжко, важко в світі жити...»)

Альманах «Молодик», кн. II, СПб. 1843, сс. 91—92. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 53—54.

«ДУМЫ МОИ...»

«Кобзарь», 1840, сс. 5—11. Русские переводы: Н. Гербеля — «Сын отечества», 1857, № 17, с. 391 («С малороссийского. Ох! вы думы, мои думы»); Л. Мея — «Общезанимательный вестник», 1858, № 3, с. 150 («Отголоски думок. I»). Ср. И. Суриков — «Развлечение», 1868, № 40, с. 226 («Думы. Подражание Шевченко»).

О настроениях, вызвавших стихотворение, поэт впоследствии вспоминал в Дневнике (запись 1 июля 1857 г.).

ПЕРЕБЕНДЯ

«Кобзарь», 1840, сс. 13—20, с посвящением *Евгению Павловичу Гребенке* (1812—1848), русско-украинскому поэту и беллетристу, автору известных в истории украинской поэзии басен («Приказки»), переводчику пушкинской «Полтавы» на украинский язык. Гребенка принимал участие в устройстве судьбы юноши Шевченко еще в бытность его крепостным, а также в первое время после освобождения. Однако позднее Шевченко начал отдаляться от Гребенки из-за его консервативно-патриархальных настроений. Идейным расхождением поэтов объясняется то, что в следующих прижизненных изданиях «Кобзаря» посвящение Гребенке было снято. Русский перевод Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 18—21.

В стихотворении упоминается ряд украинских народных песен: бурлацкая песня «*Ой, не шуми, луже*» («*Не шуми, дуброва*»); о *Чалом* — историческая песня о Савве Чалом, одном из предводителей крестьянских восстаний на Украине XVIII в., убитом товарищами за измену; о *дивчине*, *злой судьбине* — бытовая песня о злой свекрови, которая своими чарами превра-

щает невестку в иву или в тополь; «У гаю» («в роще») — бытовая песня; о Лазаре — лирическая песня на евангельский сюжет о бедном Лазаре, которого не пожалел Лазарь богатый; «Как Сечь разорjali» — историческая песня о разрушении Запорожской Сечи по приказанию Петра I (1709) и Екатерины II (1775); *горлица*, *шинкарка* — танцевальные песни; *веснянка* — весенняя обрядовая песня. Перечисление разнообразных народных песен довольно полно характеризует репертуар народного певца-кобзаря.

КАТЕРИНА

«Кобзарь», 1840, сс. 21—67. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Русское слово», 1860, № 9, отд. I, сс. 215—234.

В своих показаниях на допросе в III Отделении Шевченко называл поэму первым своим «стихотворением»; оно «возбудило энтузиазм в малороссиянах, и я стал продолжать писать стихи, не оставляя живописи». Посвящение Василию Андреевичу Жуковскому (1783—1852) было подсказано участием, которое он принял в освобождении Шевченко из крепостной неволи (22 апреля 1838 г.); подробно об этом поэт рассказал в повести «Художник». К сюжету поэмы — рассказу о судьбе обольщенной офицером (помещиком, паном) и брошенной девушки, к центральному образу «покрытки» (девушки-матери, которую «покрывают», то есть повязывают ей голову как замужней женщине) поэт впоследствии обращался много раз в различных вариациях.

Строка 3. *Москали* — солдаты, вообще военные. В данном случае имеется в виду офицер, как отметил в свое время еще Добролюбов: «В «Катерине» вы видите несчастье бедной девушки, которая полюбила москаля, офицера» (Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, М. 1935, с. 567).

Строка 68. *Запоет о Грице* — имеется в виду народная песня «Ой не ходи, Грицю, та на вечорниці».

Строка 365. «*Ой, далекая дорога! Мне она известна*». — Со слов самого Шевченко, весной 1831 г. он был отправлен вслед за своим помещиком Энгельгардтом по этапу в Петербург. В дороге у него порвался один сапог, так что отпала подошва, и он, чтобы не отморозить ноги, вынужден был переменять сапоги, надевая целый сапог попеременно то на одну, то на другую ногу; см. Н. Белозерский, Т. Г. Шевченко по воспоминаниям разных лиц. 1831—1861 гг. («Киевская старина», 1882, № 10, сс. 68—69).

Строка 394. *Чумаки* — украинские крестьяне, возившие зерно на продажу в порты Черного (Одессу) и Балтийского (Гданск) морей и привозившие на Украину соль и рыбу с Черного моря (Перекоп). С чумаками связан богатый песенный фольклор.

Строка 395. *Пугача* <...> *распевают* — народная песня «Ой, сів пугач на могилі». Пугач — сын.

Строка 419. *Бровары* — село неподалеку от Киева, на противоположном берегу Днепра. Через Бровары проходила большая дорога на Москву.

Строка 717. *Исуса* <...> *напевает* — имеется в виду одна из кобзарских «псалм».

ТОПОЛЬ (Тополя)

«Кобзарь», 1840, сс. 69—82, с посвящением П. С. Петровской, матери товарища поэта по Академии художеств. В следующих изданиях посвящение было поэтом снято. Русские переводы П. Вейнберга — «Библиотека для чтения», 1860, № 3, сс. 1—8; Н. В. Гербеля — «Современник», 1860, № 3, отд. III, сс. 109—115; И. Сурикова — «Развлечение», 1868, № 41, с. 244 («Верба»).

Стихотворение использует тему украинских народных песен о превращении девушки посредством ворожбы в дерево.

«НА ЧТО ЧЕРНЫЕ МНЕ БРОВИ...» (Думка. «Нащо мені чорні брови...»)

«Кобзарь», 1840, сс. 83—87. Стихотворение очень быстро получило широкое распространение как народная песня. В 1856 г. Н. В. Гербель напечатал русский перевод стихотворения — первый известный нам печатный русский перевод Шевченко: «Дума (с малороссийского)» — «Библиотека для чтения», № 11, отд. I, сс. VII—VIII. Имени поэта при этом названо не было, так как Шевченко находился еще в ссылке, с запрещением не только печататься, но и писать. Приводим здесь текст этого первого перевода:

Для чего мне черны брови,
Молодые годы?
Для чего мне кари очи,
Девичья свобода?
Даром годы молодые

Блекнут, увядают;
 Очи плачут, черны брови
 С ветром зыпадают.
 Сердце пташкою в неволе
 Вянет без участия...
 Чтó мне в том, что я пригожа,
 Если нету счастья!
 Тяжело на белом свете
 Жить мне сиротою:
 Меж своими, меж родными
 Стала я чужою.
 Чтó им в том, что плачут очи,—
 Кто меня расспросит?..
 Да и некому поверить,
 Чтó так сердце просит,—
 Чтó так сердце, как голубка,
 День и ночь воркует...
 И никто его не спросит,
 Сердцем не почувет.
 И никто меня не спросит,—
 И к чему тревожить!..
 Разве скажут: пусть поплачет,
 Если плакать может.
 Плачь же, сердце, плачьте, очи,
 Если плакать в силах,
 Громче, жалобней, чтоб слышал
 Ветер на могиле;
 Чтобы снес те слезы, буйный,
 За леса, за море,
 Чернобровому злодею
 На лихое горе.

На этот перевод Шевченко обратил внимание еще в ссылке. 22 апреля 1857 г. он писал А. Н. Маркевичу: «Не встретишься ли ты случайно с Гербелем, переводчиком «Слова о полку Игореве»? Он хоть по фамилии Гербель, а такой же серый хохол, как и мы с тобою, молодой мой друже. Так вот, увидишь его, поблаговари за перевод «Малороссийской думы», напечатанной в «Библиотеке» для чтения».

К ОСНОВЬЯНЕНКО (До Основ'яненка)

«Кобзарь», 1840, сс. 89—96. Русский перевод М. Л. Михайлова — в кн. «Стихотворения Михайлова», Берлин, 1862, сс. 289—293. Перевод, вероятно, сделан в процессе подготовки статьи о Шевченко, 1860. Об этом стихотворении Михайлов писал в своей статье: «Особенно полно гайдамацкой грусти и силы посла-

ние к Основьяненко: могучие стихи этой пьесы сразу западают в память и уже не забываются. В звуках этих стихов есть что-то родное и стону ветра, рыскающего по казачьей степи, и ропоту днепровских порогов, и заунывному воплю чайки» («Русское слово», 1860, № 4, отд. II, с. 32).

Основьяненко — псевдоним Григория Федоровича Квитки (1778—1843), украинско-русского писателя, автора многих повестей, а также романов «Пан Халявский» и «Похождения Столбикова», пользовавшихся успехом. В начале своего творческого пути Шевченко ценил Основьяненко как одного из выдающихся своих литературных предшественников; в 1840—1841 гг. оба писателя переписывались. Впоследствии поэт точнее определил собственное отношение к творчеству Квитки. «Покойный Основьяненко,— писал он,— очень хорошо присматривался к народу, но не прислушивался к языку, потому, может быть, что не слышал его в колыбели от матери».

Строка 101. *Гриця запеває* — возможно, в данном случае имеется в виду украинская народная песня «Пішов Гриць, зажурились», авторство которой приписывалось Квитке.

ИВАН ПОДКОВА

«Кобзарь», 1840, сс. 97—103. Русский перевод М. Л. Михайлова — «Русское слово», 1860, № 4, сс. 41—42; в исправленном виде перепечатано в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 57—60.

В первых двух прижизненных изданиях «Кобзаря» стихотворение было напечатано с посвящением *Василию Ивановичу Штернбергу* (1818—1845), художнику, ученику Брюллова, ближайшему товарищу и другу Шевченко, его сожителю первых лет учения в Академии художеств. В 1839 г. Штернберг путешествовал по Оренбургским степям, а в следующем году уехал в Италию. Теплые, дружеские воспоминания о друге Шевченко оставил в повестях «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали».

Исторический Иван Подкова был одним из казацких предводителей XVI в. Он возглавил походы казаков против турецкого султана и его вассала, молдавского господаря. Приписываемое поэтом Подкове участие в походе запорожцев против Царьграда-Константинополя является анахронизмом (походы эти начались в действительности только во втором десятилетии XVII в.), основанном на рассказе известного казацко-старшин-

ского памфлета «Истории Русов». Поэта привлек образ Подковы как собирательный образ былой казацкой вольности, державшей в страхе даже таких сильных своих соседей, как султанская Турция.

Строка 29. *Лиманом* запорожцы назвали устье Днепра и Буга; название это сохранилось вплоть до настоящего времени.

ТАРАСОВА НОЧЬ (Тарасова ніч)

«Кобзарь», 1840, сс. 105—114. Русский перевод Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченка в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 61—66.

Поэма основана на рассказе «Истории Русов» о казацком гетмане Тарасе Федоровиче, прозванном запорожцами Трясилом, который возглавил в 1630 г. восстание украинского народа против польской шляхты. Войско наемников во главе с Конецпольским должно было «погасить пламя хлопской кровью». Действительно, войско Конецпольского зверски расправилось не только с казацкими отрядами, но также с мирным украинским населением; в частности, поголовно были вырезаны жители сел Лысянка и Дымер. По свидетельству современника, польские войска «убивали людей невинных только за то, что они были русскими». Украинский народ начал широкую партизанскую войну; многие партизанские отряды присоединялись к главному войску Тараса Федоровича. 22 мая 1630 г. войско Конецпольского было разгромлено казаками. Как рассказывает «История Русов», «казаки, дождавшись польского праздника, Панским телом называемого, который они отправляют с пальбою и пиршествами, выслали в ту ночь ползком знатную часть пехоты своей в одну ближайшую балку, и на рассвете ударили с двух сторон на стан польский, вломились в него и, застав многих поляков полунагими, перекололи их, всех противившихся им истребили, а прочих перетопили в реке и разогнали, получив стан их со всеми запасами и артиллериею в свою добычу». По сообщению того же источника, это поражение шляхетского войска было названо народом «Тарасовою ночью», — отсюда и название шевченковской поэмы. Рассказ «Истории Русов» не во всем соответствует подлинным историческим событиям, но живо перекликается с народными песнями о событиях тех лет.

В первом издании «Кобзаря» поэма была посвящена П. И. Мартосу, богатому украинскому помещику, крепостнику и

реакционеру, который,— должно быть, по совету Гребенки и других лиц,— ссудил Шевченко средствами на издание книжки. В следующих изданиях посвящение было поэтом снято. После смерти Шевченко Мартос выступил в печати с клеветническими «воспоминаниями» о нем, вызвавшими резкие возражения со стороны лиц, близких к поэту (см., например, А. Л а з а р е в с к и й, По поводу статьи о Т. Шевченко в «Вестнике юго-западной и западной России» — «С.-Петербургские ведомости», 1863, № 207).

Строка 41. *Поднимался Наливайко*.— Имеется в виду Северин Наливайко, один из казачьих предводителей в народной войне с польской шляхтой (конец XVI в.). Попав в плен, Наливайко был злодейски замучен (четвертован); согласно же народным преданиям, он был заживо сожжен в медном быке (котле).

Строка 43. *Павлюга* (или Павлюк) — предводитель казачьего противошляхетского восстания 1637 г. Восстание закончилось неудачей; сам Павлюк попал в плен и был казнен (1638). Упоминание в поэме Павлюка среди соратников Тараса Трясила является анахронизмом, также основанным на данных «Истории Русов».

Строка 79. *Трубайло* — народное название реки Трубеж, одного из левых притоков Днестра, где происходила описываемая битва.

Строка 114. *Альта* — приток Трубежа.

Н. МАРКЕВИЧУ

Альманах «Молодик», кн. II, СПб. 1843, сс. 108—109. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь». В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906.

Стихотворение обращено к Николаю Андреевичу Маркевичу (1804—1860), украинскому помещику, выступавшему в печати как поэт («Украинские мелодии», СПб. 1831), историк, этнограф. В 1840 г. Маркевич приехал в Петербург хлопотать о цензурном разрешении написанной им «Истории Малороссии» в пяти томах (вышла в свет в 1842—1843 гг.). Школьный товарищ М. И. Глинки, Маркевич при его посредстве познакомился также с Брюлловым и его учениками, с Кукольником, со многими литераторами. Стихотворение Шевченко, датированное в автографе 9 мая 1840 г., приурочено ко дню именин Маркевича. В своем

неизданном дневнике, хранящемся в архиве Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Маркевич упоминает, что на именинах присутствовало пятьдесят три человека, в том числе личные знакомые хозяина (М. И. Глинка, Ф. П. Толстой, Г. С. Тарновский, В. И. Штернберг, Т. Г. Шевченко, Н. В. и П. В. Кукольники, С. И. Соболевский), журналисты (А. В. Никитенко, Н. А. Полевой, Ф. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский, А. Н. Струговщиков, Э. И. Губер), музыканты (А. Дрейшок, М. Серве, П. Лоди и др.). А. В. Никитенко также упомянул в своем Дневнике об этом вечере, заметив, что там «играл Дрейшок и пел Глинка». Позднее, во время пребывания на Украине в 40-х годах, Шевченко еще несколько раз встречался с Маркевичем, обменялся с ним несколькими шутивными записками, однако близко не сошелся. 22 апреля 1857 г., в письме А. Н. Маркевичу, поэт упоминал: «С отцом твоим, друже мой, мы были когда-то большие приятели». Тем не менее, после возвращения из ссылки, Шевченко не делал каких-либо попыток встретиться с Маркевичем, который к концу жизни стал крепостником-реакционером. Вероятно, по этой причине Шевченко не ввел данного стихотворения в «Кобзарь», 1860, хотя первоначально собирался сделать это.

НА ПАМЯТЬ В. И. ШТЕРНБЕРГУ (Не забудь Штернбергові)

«Киевская старина», 1902, № 2, с. 73. Стихотворение написано поэтом на экземпляре «Кобзаря», 1840, подаренном В. И. Штернбергу перед его отъездом в Италию.

ГАЙДАМАКИ

«Гайдамаки. Поэма», СПб. 1841; цензурное разрешение — 29 ноября 1841 г. Отрывок поэмы (глава I) был также напечатан в альманахе «Ластовка», СПб. 1841, сс. 371—377. Русские переводы: Л. Мея — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 141—171; П. Гайдебурова — «Современник», 1861, № 5, отд. I, сс. 45—104.

Текст поэмы в первом издании сопровождался примечаниями автора (мы даем их в самом тексте после поэмы), а также «Предисловием», точнее говоря послесловием, также помещенным в нашем издании в конце поэмы.

Кроме того, на последней странице обложки было помещено шутивное обращение поэта к подписчикам («субскрибентам») (текст см. в конце поэмы).

Историческая основа поэмы — большое крестьянское восстание на правобережной Украине в 1768 г., так называемая «Колывщина». Восстание было вызвано жестоким национальным и религиозным угнетением массы украинского крестьянства со стороны польской шляхты, стремившейся, для пущего закабаления украинского народа, насильственно насаждать унию. Угнетение принимало настолько вызывающий характер, что российское правительство не раз было вынуждено выступать на защиту населения искони русских земель. В частности, по настоянию русского правительства шляхетская Польша в конце 1767 года издала «акт терпимости» к православному населению, а в начале 1768 г. провозгласила равенство в правах православных с католиками. Специальное постановление сейма запрещало называть православных «еретиками», подчинять их суду католической церкви, освобождало их от сборов и податей в пользу католического духовенства:

Эти законы и постановления вызвали раздражение католического духовенства и польской шляхты, чьи доходы уменьшились, власть урезалась. Наиболее реакционные и фанатичные представители шляхетства, собравшись в феврале 1768 г. в г. Баре на так называемую «Барскую конфедерацию», подняли мятеж против короля, за восстановление своих привилегий. «Конфедераты» провозгласили «крестовый поход» против православного украинского крестьянства, против православия («схизмы») вообще. Для борьбы с конфедератами по просьбе короля в Польшу были введены русские войска; это обстоятельство масса украинского населения восприняла как сигнал к восстанию против шляхтичей-помещиков. Стихийно стали возникать повстанческие отряды; значительная их часть вскоре объединилась под руководством Максима Зализняка (Железняк). Повстанцы захватили ряд городов и местечек Правобережья (Жаботин, Смелу, Черкассы, Корсунь, Богуслав, Лысянку, Умань и др.); повсюду их силы умножались присоединявшимися крестьянами и казаками. В частности, под Уманью на сторону повстанцев перешел целый отряд дворовых казаков князя Потоцкого под командованием сотника Ивана Гонты. На Правобережье действовали также другие отряды повстанцев, которыми руководили Яков Швачка, Иван Бондаренко, Семен Неживой и др. Имена некоторых из них сохранила

народная память в песнях и преданиях, хорошо известных и Шевченко (см. ниже, примечания к стихотворению «Швачка» и др.).

Колиивщина входит в число так называемых гайдамацких восстаний украинского народа против польско-шляхетского гнета, которые непрерывно, одно за другим, возникали на протяжении почти всего XVIII века. Размах Колиивщины напугал царское правительство, которое направило войска на борьбу с повстанцами — из опасения, что восстание против помещиков может перебраться на территорию России.

Как писал Шевченко в послесловии, он не ставил перед собой задачу дать широкое изображение Колиивщины: для этого в его распоряжении было слишком мало исторического материала, да и сам сюжет был противоцензурен. На цензурные придирки к своей поэме намекал и Шевченко. 26 марта 1842 г. он писал о «Гайдамаках»: «Было мне с ними горя, насилу выпустил Цензурный комитет — *возмутительно*, да и кончено, насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились» (письмо Г. С. Тарновскому).

Шевченко, опираясь на фольклорные источники, на народное представление о гайдамацком движении, своей поэмой сознательно полемизировал с немногочисленными упоминаниями о Колиивщине в исторических работах того времени. Официальной дворянской точке зрения на крестьянское движение как на бессмысленно-жестокый «бунт» (эту же точку зрения проводили в своих работах польско-шляхетские историки и беллетристы) поэт противопоставлял иное, демократическое понимание событий, в наиболее общей форме выраженное в «Интродукции» к поэме. Вынужденный, по свойствам жанра, кое-где отступать от исторической правды, поэт тщательно оговаривал эти отступления в специальных примечаниях, а в конце 50-х годов задумал даже коренную переработку поэмы.

«Гайдамаки» посвящены Василию Ивановичу Григоровичу (1786—1865), конференц-секретарю Академии художеств. Дата посвящения имеет в виду роль Григоровича в освобождении поэта от крепостной неволи. Об этом Шевченко рассказал в автобиографии. (См. т. V наст. изд.) и в повести «Художник» (см. т. IV наст. изд.).

Строка 142. *Скутари* — предместье Стамбула.

Строка 152. *Хортица* — остров на Днепре, где одно время находилась Сечь.

Строка 225. *Тма, мна знаю, а оксию || Не знаю доньне.*—

Имеется в виду слоговое обучение грамоте по старым церковнославянским букварям. *Оксия* — название ударения в церковнославянской азбуке.

Строка 229. *Есть у меня батько славный.*— Здесь и ниже поэт имеет в виду Григоровича.

Строки 279—280. *Не Ян Собеский, || Не Степан Баторий.*— Положительная оценка деятельности польских королей Стефана Батория (1576—1587) и Яна Собеского (1674—1697) обусловлена бывшими в распоряжении Шевченко польскими историческими материалами, в частности упомянутой в первом же примечании самого Шевченко к поэме книгой Бандтке.

Строка 286. *Короли сбегают* — намек на польского короля Генриха Валуа (1572—1575), бежавшего во Францию из-за своих разногласий с шляхтой.

Строка 289. «*Nie pozwalam!*» — Все решения в польском сейме должны были быть приняты единогласно. Достаточно было заявления одного из участников о своем несогласии, чтобы решение считалось отвергнутым.

Строка 295. *Да уселся Понятовский || На престол в Варшаве.*— Станислав Август Понятовский — последний король Польши (1764—1795).

Строка 307. *На клич Пулавского и Паца* — имена вожakov конфедератов. Пац не принимал участия в Барской конфедерации и присоединился к движению позже.

Строка 493. *Еще Польша не згинела* — начальные слова польского гимна.

Строка 687. *Завтра ночью нож свяченный || В Чигрине достану.*— Согласно народному преданию, в Мотронинском монастыре гайдамаки освятили свое оружие на борьбу с врагами.

Строки 729—731. *Отец строгий, || Либо мать, когда застанет || Вас за книжкой этой, || Тут греха не оберешься.*— Имеются в виду читательские суждения о «непристойности» некоторых сцен в «Гайдамаках»; с суждениями этими Шевченко столкнулся еще до появления поэмы в свет. В письме к Г. С. Тарновскому 26 марта 1842 г. он писал иронически: «Я слышал, что у вас есть молодые девушки. Пожалуйста, не давайте им и не показывайте моих «Гайдамаков», потому что в них много такого, что самому даже стыдно. Пускай подождут немного, я пришлю им «Черницу Марьяну», к пасхе думаю напечатать. Это уже будет не возмутительное».

Строка 824. *«И темень в хате наступила.»*— Сам Шевченко,

в примечании к этому эпизоду, отметил его анахронизм. В основу эпизода положен случай, происшедший в 1766 г. в Млиеве. Ктитор Данило Кушнир был замучен шляхтичами за то, что, выполняя волю односельчан, спрятал церковные ценности, которые шляхта намеревалась отобрать для униатской церкви. Предание о страшной смерти млиевского ктитора получило широкую известность и сохранилось в памяти народной. Перерабатывая поэму в 1859—1860 гг., Шевченко предполагал перенести место действия этого эпизода из Ольшан в Млиев.

Праздник в Чигирине.— Весь этот эпизод, также целиком основанный на народных преданиях, не соответствует исторической действительности. Гайдамаки начали свой поход из Мотронинского монастыря (ср. также ниже, примечание к стихотворению «Холодный Яр»).

Строка 858. *В ночь под праздник Маковая, || Как ножи святили.*— Праздник «Маковая» (Маккавеев) — 1 августа ст. ст. Народная память перенесла на этот день события, происшедшие 18 мая 1768 года, в праздник троицы, храмовой праздник Мотронинского монастыря.

Строка 864. *Тясьмин* — приток Днепра, на нем стоит Чигирин.

Строка 980. *Летит орел, летит сизый.*— Песня Кобзаря получила широкую известность отчасти благодаря музыке Н. В. Лысенко, который ввел эту песню в оперу «Тарас Бульба».

Строка 1155. *Ингул* — приток Южного Буга.

Желтые Воды — приток реки Ингульца. Под Желтыми Водами поляки потерпели поражение от повстанцев в войне 1648 г.

Альта — приток Трубежа.

Строка 1432. *Пиши Галайдою.*— Гайдамаки переняли старый запорожский обычай давать прозвища присоединявшимся к ним.

Строка 1682. *Тикич* — приток Буга.

Строка 1847. *Вот копейка — знак имею.*— Народные предания утверждали, что русские деньги — копейки — служили гайдамакам знаком, посредством которого они узнавали друг друга.

Строка 1894. *Ой, гоп-гопака.*— На слова этой песни написана музыка М. П. Мусоргским («Гопак»).

Строка 1928. *Загоняйте квочку в бочку, || А цыпляток в вершу.*— Здесь и далее поэтом использованы шуточные народные песни непристойного содержания; точки обозначают строки, неудобные для печати.

Строка 2101. *Загребай, мама, жар, жар.*— Подлинная свадебная песня.

Строка 2113. *Исайя, ликуй* — церковное песнопение во время свадебного обряда.

Строка 2133. *Проходят дни, проходит лето*. — Эти и следующие строки создают неверное представление о продолжительности восстания; в действительности оно продолжалось менее двух месяцев: 9 июня ст. ст. гайдамаки взяли Умань, а 27 июня царскими войсками были схвачены Зализняк и Гонта.

Строка 2245. *Католичка || Вас на свет родила*. — Как видно из примечания Шевченко, он изложил весь этот эпизод согласно народным преданиям. У Гонты был только один сын.

Строка 2451. *Где Гонта когда-то с Максимом гулял*. — Родные места Шевченко находились в самом центре бывлой Колиивщины.

Строка 2461. *Дед еще гуляет, а батько в гробу*. — Дед поэта, Иван Андреевич Швец, родился в 50-х годах XVIII в. и был живым свидетелем Колиивщины. Его рассказы и послужили поэту основным источником. Отец поэта, Григорий Иванович Шевченко, умер в 1825 году.

«ВЕТЕР ВЕЕТ, ПОВЕБАЕТ...» («Вітер з гаєм розмовляє...»)

«Вестник Европы», 1909, № 5, сс. 195—196. Поэт предназначал это стихотворение для второго выпуска украинского альманаха «Сніп» («Сноп»), не увидевшего свет; автограф стихотворения сохранился в архиве издателя альманаха, А. А. Корсуна. Русский перевод Г. Литвака — «Красное знамя», 1938, № 224, 6.Х.

МАРЬЯНА-ЧЕРНИЦА

Впервые напечатана по черновым отрывкам, «Основа», 1861, кн. IX, сс. 1—12; по белой рукописи (незаконченной) «Записки історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук», т. IV, 1924, сс. 20—30. Первые 14 строк посвящения были напечатаны в «Основе», 1861, кн. 3, с. 4, как отдельное стихотворение, и в таком виде перепечатывались вплоть до 1924 года. Поэма предназначалась поэтом для альманаха «Сніп»; посылая рукопись А. А. Корсуну, Шевченко писал: «Вот так начинается моя. «Черница», — а что дальше будет, я и сам не знаю. Кажется, и трубки не курю, а клочки бумаги, на которых была написана «Черница», затерялись, — надо будет сочинять наново. А пока это случится, напечатайте хоть то, что имею». Поэма осталась незаконченной.

Русский перевод поэмы — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М. 1874, сс. 1—14; вступление — Ивана Белоусова в кн. «Из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко и украинские мотивы», Киев, 1887, с. 8.

Поэма посвящена подруге детских лет поэта, крепостной девушке Оксане Коваленко; о ней, об ее позднейшей судьбе, близко похожей на судьбу «покрыток», печальных героинь ряда шевченковских поэм и стихотворений, он рассказал впоследствии в стихотворениях «Мы вместе некогда росли», «Три года», «Не молилась мать за сына», Н. Н. («Тогда мне лет тринадцать было»).

Строка 21. *С кем пела Петруся, чтоб горе забыть.* — Имеется в виду народная песня «Люблю, мамо, Петруся» (см. о ней также запись в Дневнике поэта 19 июля 1857 г.).

Строка 49. *Ну, точь-в-точь — сынок Катруси!* — то есть Катерины, из одноименной поэмы Шевченко.

Сюжет неоконченной поэмы можно представить по отдельным намекам в сохранившемся тексте. Намерение Петруся «найти свою долю» в боях с врагами родины позволяет думать, что поэт предполагал в дальнейшем рассказать о его плене, ослеплении, возвращении на родину не сотником, а оборванным кобзарем; эта часть замысла впоследствии была осуществлена в ином сюжетном варианте в поэме «Слепой» (см. ниже). Название поэмы, с другой стороны, подсказывает предположение о том, что Марьяна, отчаявшись дожидаться своего милого и не чувствуя в себе силы противиться навязываемому ей браку, губит свою жизнь в монастыре, монахиней.

УТОПЛЕННИЦА (Утоплена)

«Молодик», кн. II, 1843, сс. 114—121. Русский перевод Вс. Крестовского — «Кобзарь Т. Шевченко в переводах русских поэтов», ред. Н. В. Гербея, СПб. 1860, сс. 31—38.

Посылая балладу вместе с другими стихотворениями Г. Ф. Квитке (принимавшему участие в подготовке альманаха «Молодик»), поэт писал: «Простите, отец мой, что нашлось, то и посылаю, а Ганнусю сегодня наспех сочинил, да и сам не знаю, хороша или нет. Посмотрите вы на нее хорошенько и скажите сущую правду. Если увидите, что она очень бесстыдна (так, по крайней мере, мне кажется), то не отдавайте в печать. Пускай идет, откуда взялась» (8 декабря 1841 г.). Упоминание о «бесстыдности» баллады могло быть вызвано сценой купания матери с

дочерью и, возможно, имело в виду предупредить недовольство престарелого Квитки. Последнему, однако, стихотворение понравилось.

ПЕСНЯ КАРАУЛЬНОГО У ТЮРЬМЫ

«Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 5, М. 1939, с. 5. Рукопись «Песни» была послана поэтом Г. Ф. Квитке при письме 8 декабря 1841 г., для напечатания в альманахе «Молодик», с просьбой поместить ее, «если подходит», в противном же случае — «трубку зажечь» ею.

Самая драма Шевченко, из которой была извлечена песня, до нас не дошла. А. О. Козачковский в своих воспоминаниях называет ее «мелодрамой в прозе», «содержание которой отнесено к периоду гетманства Выговского <то есть к середине XVII в.— И. А.>,— образец неподражаемой, не удавшейся Основьяненку передачи местным русским языком быта Украины с полным соблюдением оборотов родной речи и народного характера действующих лиц» («Киевский телеграф», 1875, № 25).

СЛЕПАЯ

«Киевская старина», 1886, № 6, сс. 310—338.

В письме к Г. Ф. Квитке (8 декабря 1841 г.) Шевченко писал: «Я еще одну драму пишу. Будет называться *Слепая красавица*. Не знаю, что из нее выйдет: боюсь, чтоб не сказали москали — *tauvais sujet*¹, ибо она, видите ли, из украинского простого быта». Над заинтересовавшим его замыслом Шевченко работал в продолжение нескольких месяцев и в конце концов вместо драмы написал поэму «Слепая» на русском языке. 30 августа 1842 г. он извещал Я. Г. Кухаренку о том, что закончил переписывать набело свою поэму, хотя остался ею неудовлетворенным. «Не хочется, очень не хочется мне печатать *Слепую*, но я уже не волен над нею; бог с нею, надоела уже она мне». Хотя из писем как будто явствует, что поэма вскоре должна была появиться в печати, все же при жизни Шевченко она не была опубликована.

Шевченко, во время поездки на Украину в 1843—1844 гг., читал поэму знакомым. А. О. Козачковский в своих воспоминаниях о Шевченко особо отметил «прекрасную повесть в стихах

¹ Дурной сюжет (франц.).

«Слепая», написанную кипучим, вдохновенным стихом» («Киевский телеграф», 1875, № 25). А В. Н. Репнина, в письме от 19 июня 1844 г., припоминая собственные впечатления от поэмы, писала: «Полагаю, что вы кое-что изменили: я нахожу, что там, где говорится о любви атаманского сына, есть какая-то темнота. Когда вы были у нас, я хорошо не разобрала впечатления, а сочувствие, возбужденное красотами природы, драматическим концом поэмы вашей, помешало мне отдать себе отчет в том, что казалось недоступным моему пониманию; теперь же передаю вам свои замечания довольно запутанно, но полагаю, что вы меня поймете. Посвящение прекрасно и гармонирует с содержанием милой Оксаночки».

После смерти Шевченко рукопись поэмы, вместе с рукописями ряда других его произведений, попала «на сохранение» к Н. И. Костомарову и пролежала под спудом еще двадцать пять лет. Только после смерти Костомарова поэма была опубликована; в редакционном примечании к ней указывалось, что «до прошлого года о существовании этой поэмы известно было только по слухам и лишь в прошлом году в Петербурге нашелся список ее, писанный рукою самого поэта» («Киевская старина», 1886, № 6, с. 308).

ГАМАЛИЯ

«Гамалія, соч. Шевченки», СПб. 1844 (цензурное дозволение 7 марта 1843 г.). Русский перевод Н. Берга — в кн. «Кобзарь Т. Шевченко в переводах русских поэтов», ред. Н. В. Гербея. СПб. 1860, сс. 67—74. Написана поэма была осенью 1842 г., во время неудачной попытки Шевченко уехать за границу. 18 ноября 1842 г. он писал об этом одному из знакомых (Ф. Н. Королеву): «Позавчера вернулся в Петербург.— Меня носил проклятуший пароход в Швецию и Данию. Плывя в Стокгольм, я сочинил «Гамалию», небольшую поэму. Да так расхворался, что едва привезли меня в Ревель, там малость отошел...»

Поэма воспроизводит исторически верную картину одного из казацких набегов на Стамбул, о которых неоднократно упоминают казацкие летописи, народные предания, думы и исторические песни. Начало поэмы — удачное и для своего времени новаторское подражание народному песнетворчеству. Существенно в этой связи отметить, что за несколько месяцев до написания «Гамалии» поэт от Ф. Н. Королева получил «Запорожскую ста-

рину» И. И. Срезневского, сборник исторических украинских дум, песен и преданий. Под свежим впечатлением этого сборника Шевченко писал Королеву: «Хорошая книга, спасибо вам и Срезневскому. Я думаю кое-что из нее сделать, ежели здоров буду,— там много такого, от чего даже облизываешься» (22 мая 1842 г.). Поэма дорабатывалась в феврале 1844 г., после знакомства поэта с О. М. Бодянским, ученым историком-славистом и фольклористом, отличным знатоком исторического прошлого Украины. Никаких следов этой доработки не сохранилось; из письма Шевченко к Бодянскому 13 мая 1844 г. явствует, что поэма была напечатана в первоначальном виде.

Страница 191. *Гамалия*.— Поэт использовал часто встречающееся в казацких летописях имя, однако стремился дать не портрет «ватажка» одного какого-либо казацкого похода, но обобщенный образ.

Строка 11. *Лишь мелькают шлыки*.— *Шлык* — цветной (чаще всего красного бархата) верх казацкой меховой шапки.

Строка 17. *Скутари* — часть Стамбула, на азиатском берегу Босфора, с тюрьмой, в которой содержались пленные.

Строка 31. *Великий Луг* — так называлась низменность по левому берегу Днепра, входившая в состав земель Запорожской Сечи.

Строка 52. *«Гамалия || Дубом управляет»*.— Дубами назывались казацкие весельные лодки, делавшиеся из выдолбленного цельного ствола дерева.

Строка 176. *Монах*.— Так Шевченко, вслед за народными преданиями, называет гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, не раз возглавлявшего казацкие походы в Турцию. Исторический Сагайдачный, однако, монахом не был, а умер от ран, полученных в бою.

ТРИЗНА

«Маяк», 1844, т. XIV, отд. «Стихотворения», сс. 17—30 под заглавием «Бесталанный». Тогда же появилась отдельным изданием под заглавием «Тризна», СПб. 1844 (цензурное разрешение 3 апреля 1844), с посвящением В. Н. Репниной, «на память 9-го ноября 1843 года».

Поэма написана в октябре—ноябре 1843 г., в имени Репниных. 9 ноября — дата первого ее чтения, о котором Репнина рассказывала: «Шевченко начал; я была в таком расположении духа, что мне хотелось все находить дурным; но я снова была

побеждена. О, какой чудесный дар ему дан! Я не могла сдерживать рыдания, Капнист молчал, Лиза тоже, Таня была почти растрогана, Глафира окаменела, у меня блестели глаза, лицо горело. Капнист подозвал к себе Шевченку, который остановился было предо мною,— и тут этот милый Капнист, который весь — сердце, начал расчленять и обсуждать поэму, хотел выказать себя холодным, рассудочным, положительным, но это ему не удалось. Шевченко отдал мне тетрадь, всю писанную его рукою, и сказал, что к этой рукописи принадлежит еще портрет автора, который он и вручит мне завтра» (М. Гершензон, Русские пропилеи, т. 2. М. 1916, с. 210).

В журнале Шевченко напечатал поэму с измененным заглавием и тотчас же поспешил выпустить ее отдельным изданием. Живое участие в распространении поэмы приняла В. Н. Репнина, а также О. М. Бодянский, сочувственно отозвавшийся о поэме.

РАЗРЫТАЯ МОГИЛА (Розрита могила)

«Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, сс. 19—21. Русский перевод Е. Чернобаева — «Кобзарь», М. 1911. сс. 4—6.

«ЧИГРИНЕ, ЧИГРИНЕ!..»

Львовский журнал «Вечорниці», 1863, № 11, сс. 81—82. Стихотворение вызвано впечатлениями от поездки на Украину (весна 1843 г.— февраль 1844 г.) и написано в Москве, где поэт пробыл несколько дней в феврале 1844 г. и где познакомился с великим актером Михаилом Семеновичем Щепкиным (1788—1863); в ознаменование знакомства стихотворение и посвящено ему. Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1908, № 9, сс. 83—85.

Чигирин — в XVII в. на протяжении нескольких десятилетий являлся резиденцией гетманов, преемников Богдана Хмельницкого. Во время Колиивщины (см. примечания к поэме «Гайдамаки») был центром восстания.

СОВА

Журнал «Нова громада», 1906, № 10, сс. 60—67. Современникам поэма была известна в рукописи. В частности, знала ее (возможно, от самого Шевченко) В. Н. Репнина; упомянув в письме к поэту 20 декабря 1844 г. об одном из его почитателей, она

просила: «Обрадуйте его и всех любителей малороссийского языка вашей «Совой». Ср. также в письме В. Н. Репниной к Шевченко 19 июня 1844 г.: «Я непременно примусь за малороссийский язык: я хочу наслаждаться всеми вашими цветами и представляю, как будет грудь болеть от чтения <...> «Соѣы». Вы избрали один из тех случаев, из которых поэт и такой, как вы, может извлечь глубокое, раздирающее...» (продолжения письма не сохранилось). Русский перевод В. Уманова-Каплуновского — «Мир», 1909, № 21—24, сс. 13—14.

Строка 116. *Стали хлопцев || Заковывать в цепи.*— Во времена Шевченко отданных в рекруты крестьян заковывали в цепи во избежание побегов. Это укрепляло в народных массах взгляд на солдатчину как на наказание.

ДЕВИЧЬИ НОЧИ (Дівичії ночі)

Журнал «Нова громада», 1906, № 10, сс. 67—68, Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, сс. 26—27.

СОН

«Сон. Поема», Львів, 1865. Русские переводы: И. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь», М. 1918, сс. 3—19; А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь, избранные стихотворения», ГИХЛ. 1933, сс. 30—46.

На протяжении многих лет, вплоть до революции 1905 года, поэма в царской России была настрого запрещена, хотя широко распространялась в многочисленных списках. Это одно из наиболее значительных произведений Шевченко, насыщенное страстной ненавистью к самодержавию и его представителям. Содержавшиеся в поэме остро сатирические характеристики самого Николая и его жены привлекли особо пристальное внимание III Отделения и более всего определили участь поэта.

Строка 244. *Царь, клеймом венчаный,*— обобщенный образ политического ссыльного.

Строка 310. *Это ты и есть богиня?*— Имеются в виду многочисленные восхваления поэтами «неземной» красоты императрицы Александры Федоровны. Ср., например, «Явление поэзии в виде Лалла Рук» В. А. Жуковского. При всей своей сатирической заостренности портрет императрицы, данный в «Сне», ближе соответствовал оригиналу, нежели многочисленные восторженные

восхваления. Ср., например, в воспоминаниях современника: «При торжественном выходе в церковь императрица была сильно взволнована и казалась мне почти умирающей. Нервные конвульсии безобразили черты ее лица, заставляя иногда даже трести головой. <...> Императрица преждевременно одряхла, и, увидев ее, никто не может определить ее возраста, она так слаба, что кажется совершенно лишенной жизненных сил» (Маркиз де-Кюстин, Николаевская Россия. М. 1930, с. 83).

Строка 316. *Как дурак бумаге верил || И лакейским перьям Виришплетов.*— О лакействе некоторых поэтов дает представление запись цензора А. В. Никитенко. В. Н. Олин выпустил книжку «Картина восьмилетия России с 1825—1834 гг.», в которой «автор называл Николая I богом». «Эта книжонка была мне поручена на цензуру,— писал Никитенко.— В безвыходном положении оказывается цензор в таких случаях: по духу — таких книг запрещать нельзя, а пропускать их как-то неловко».

Строка 385. *А за рекою || Крепость с колокольной, шпиль как шило.*— Петропавловская крепость с собором в Петербурге.

Строка 392. *Вот конь летит, копытами || Скалу разбивает* — известный памятник Петру I на Сенатской площади.

Строка 407. *Этот — Первый, распинал он || Нашу Украину.*— Петр I щедро раздавал своим приближенным земли на Украине, требуя взамен отправления казаков и крестьян на строительные работы, в частности на строительство Петербурга; ср. ниже: «Засыпал трясину Благодородными костями!»

Строка 409. *А Вторая доконала || Вдову-сиротину.*— Екатерина II закрепила крестьянство на Украине (3 мая 1783 г.). «Одним росчерком пера Екатерина II превратила в крепостных 4 или 5 млн. сравнительно свободных крестьян во вновь завоеванных западных и южных областях» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, с. 537). В 1775 г. она уничтожила также Запорожскую Сечь.

Строка 423. *Полки выступали || На линию с заступами.*— «Линией» в XVII—XVIII вв. называлась укрепленная граница русского государства; Шевченко имеет в виду большие работы по копанью рвов и насыпке валов, производившиеся казацкими полками по приказу Петра.

Строка 438. *Умер я голодной смертью, || Тобою замучен в кандалах.*— Подразумевается гетман Павло Полуботок, настойчиво добивавшийся у Петра I расширения гетманских прав, сильно ограниченных после измены Мазепы и уничтожения специально

организованной в Москве «Малороссийской коллегии». За свои домогательства Полуботок был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер (1724). После его смерти создавалась легенда о нем как о замученном борце за украинский народ. Легендой этой пользуется и Шевченко.

Строка 531. *Словно из берлоги || Медведь вылез.*— Эту выразительную характеристику Николая I Шевченко позднее повторит в Дневнике (31 марта 1858 г.).

«В ВОСКРЕСЕНЬЕ НЕ ГУЛЯЛА...» («У неділю не гуляла...»)

Альманах «Луна» («Эхо»), ч., Киев, 1881, сс. 3—6. В стихотворении широко использованы мотивы чумацких песен, например «Смерть чумака в дороге», «Смерть чумака и милая-кукушка» и др.

«ЧТО ЖЕ МНЕ ТАК ТЯЖКО...» («Чого мені тяжко...»)

«Основа», 1861, кн. 3, с. 4. Русские переводы: Н. А. Чмырева — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М. 1874, с. 162; Л. Н. Трефолева — «Будильник», 1878, № 21, с. 293; С. Д. Дрожжина — кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, сс. 28—29.

«ЗАЧАРУЙ МЕНЯ, ВОЛШЕБНИК...» («Заворожи мені, волхве...»)

«Основа», 1861, кн. I, с. 6. Русский перевод И. Белоусова — «Искра», 1906, № 9, с. 55. В автографе стихотворение не имеет ни заглавия, ни посвящения. В первой публикации оно называлось «Пустка» (то есть нежилая, заброшенная хата) и было снабжено посвящением М. С. Щепкину. Во время ссылки поэта Щепкин не раз читал это стихотворение многочисленным знакомым, не скрывая дружеских своих отношений с ссыльным. Об одном из таких чтений упоминает Шевченко в Дневнике (10 февраля 1858 г.).

ГОГОЛЮ

«Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, сс. 22—23. Русские переводы: В. Уманова-Каплуновского — «Наблюдатель», 1900, № 7, сс. 105—106; С. Дрожжина — в кн.

«Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 30; без цензурных урезок: И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1919, с. 129.

Н. В. Гоголь был одним из любимейших писателей Шевченко на протяжении всей его жизни. Он неоднократно перечитывал произведения Гоголя, оценивая их с позиций передовой, демократической критики и перекликаясь в своих оценках с суждениями Белинского, а позднее Добролюбова и Чернышевского. Характерна в этом отношении дневниковая запись Шевченко, 5 сентября 1857 г., по поводу «Губернских очерков» Щедрина, в которых поэт справедливо увидел продолжение дела, начатого Гоголем. Еще раньше Шевченко писал из ссылки В. Н. Репниной (7 марта 1850 г.), что «перед Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям!»

Обращение Шевченко в этом стихотворении к творчеству Гоголя следует связывать с петербургскими гастролями Щепкина осенью 1844 г. Белинский в театральном обзоре, помещенном в ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1844 г., писал, что «появление Щепкина на сцене Александринского театра — событие весьма важное и в области искусства и в сфере общественного понятия об искусстве» (Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. IX, СПб. 1910, с. 70). В стихотворении Шевченко рассыпаны намеки также на повествовательное творчество Гоголя («Тарас Бульба»), на свойственный Гоголю, по известной характеристике Белинского, «смех сквозь слезы».

«НЕ ЗАВИДУЙ БОГАТОМУ...» («Не завидуй багатому...»)

«Основа», 1861, кн. III, с. 2. Русский перевод Н. М<изко> — «Дон», 1871, № 63, 26 августа.

«НЕ ЖЕНИСЯ НА БОГАТОЙ...» («Не женися на багатій...»)

«Основа», 1861, кн. III, с. 2. Русский перевод Н. М<изко> — «Дон», 1871, № 63, 26 августа.

Оба стихотворения, написанные в один день, являются вариациями одной и той же мысли.

ЕРЕТИК

«Основа», 1861, кн. I, сс. 2—4 (вступление «Послание славному П. И. Шафарику»); отрывки из поэмы — «Основа», 1861, кн. VIII, сс. 15—16; «Правда», 1873, № 16, сс. 542—544; «Кобзарь», 1876, т. II, сс. 29—36. Полностью — «Былое», 1906, № 6, сс. 1—5. Русские переводы Н. М. <изко> — «Дон», 1871, № 61, 19 августа (отрывок — первые 36 строк); И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1919, сс. 130—140.

Судьба рукописи «Еретика» весьма показательна. Переписанная поэтом набело в альбом «Три года» («Три літа»), поэма, после ареста Шевченко, попала в III Отделение и, хотя не привлекла к себе специального внимания жандармских следователей, однако была «приобщена к делу» — без малейших шансов быть возвращенной поэту даже после его освобождения. Приводя в порядок свое рукописное хозяйство после ссылки, Шевченко, в частности, очень интересовался судьбой «Еретика», надеясь, что случайный список поэмы мог сохраниться у кого-либо из знакомых, в свое время читавших ее. Он просил, например, П. Кулиша отыскать ее, но тот настойчиво уговаривал Шевченко написать поэму заново, пытаясь отвлечь поэта от политической поэзии (только что были написаны «Неофиты», испугавшие Кулиша своей очевидной злободневностью и давшие повод к обмену резкими письмами с Шевченко), либо направить ее в более безопасное русло давних исторических событий. Проездом в Москве, в марте 1858 г., поэту удалось обнаружить список части поэмы, и это побудило его продолжать поиски второй половины, «потому что без нее я ничего не поделаю» (письмо к М. А. Максимовичу, 5 апреля 1858 г.). Ф. Г. Лебединцев позднее вспоминал, что в бытность Шевченко в Киеве, летом 1859 г., «просил он меня поискать, не найдется ли где в Киеве списка его поэмы «Иван Гус» <второе название поэмы>... Поиски за «Гусом» оказались совершенно безуспешными... В поисках за «Гусом» Шевченко припоминал некоторые места из этой поэмы и мурлыкал их про себя; но и то, что можно было расслышать, давно улетело из памяти моей» (Ф. Лобода, «Мимолетное знакомство мое с Т. Г. Шевченко и мои об нем воспоминания» — «Киевская старина», 1887, № 11, сс. 572—573). Только в 1906 г. революция на короткое время сделала доступным для исследователей архив III Отделения, тогда и была опубликована поэма целиком.

Благородная деятельность вождя чешского народа Яна Гуса

(1369—1415) интересовала Шевченко как одно из исторических свидетельств извечной народной борьбы с поработителями и угнетателями, в данном случае — борьбы чешского народа с политическим угнетением германских императоров и религиозным гнетом католического духовенства, во главе с папою.

Представление о личности Гуса и о его деятельности, какое дано в поэме Шевченко, перекликается с трактовкой исторической роли Гуса в современной чешской исторической поэзии, в трудах чешского историка-марксиста З. Неедлы. Едва ли не единственным источником исторических познаний поэта в данном вопросе была работа С. Палаузова «Иоанн Гус и его последователи», М. 1845. И Палаузов и Бодянский (обративший внимание поэта на работу Палаузова и помогавший ему советами и указаниями) не поднимались в своем понимании Гуса выше обычных в то время представлений о нем как об исключительно религиозном реформаторе. Между тем для Шевченко Гус — прежде всего народный вождь, а его борьба с сильными мира сего — борьба за права народа, за осуществление его чаяний. Это гениальное прозрение украинского поэта обеспечило «Еретику» почетную известность в сегодняшней народной Чехословакии.

Поэма посвящена Павлу Иосифу Шафарику (1795—1861), выдающемуся чешскому ученому и одному из идеологов национального освобождения чешского народа. С его деятельностью Шевченко также познакомился, вероятно, со слов Бодянского, который лично хорошо знал Шафарика и переписывался с ним. Характеристика Шафарика в «Послании» несколько идеализирует его личность и деятельность; в действительности общественно-политические взгляды Шафарика были весьма умеренны.

Строка 42. *Сосчитал ты до едина, || Сосчитал лишь трупы.* — Имеется в виду книга Шафарика «Славянские древности» («Slovanské Starozitnosti», 1837), русский перевод которой (неполный) О. Бодянского вышел в 1837—1838 гг. В этой книге упоминались также славянские племена, прекратившие историческое свое существование под воздействием германской экспансии.

Строки 84—85. *Констанцкий, || Муж великий, правый,* — то есть сам Гус. В 1414 г. в г. Констанце был созван церковный собор, потребовавший от Гуса явки для оправдания от обвинений в ереси. Несмотря на то, что личная неприкосновенность Гуса была при этом гарантирована императором, — по прибытии в Констанц он был заточен в темницу, а затем осужден на

смерть и сожжен (6 июля 1415 г.) как «нераскаившийся еретик».

Страница 251. *Камень егоже небрегоша* и далее.— Камень, которым пренебрегли строители, стал краеугольным камнем: господом он дан и дивен в глазах наших (церк.-слав.).

Строка 92. *Он кровью, как в шинке, торгует. || Твой светлый рай сдает внаем!* — Имеется в виду широкая продажа католической церковью индульгенций — папских грамот, объявлявших «прощение божие» за всевозможные грехи.

Строка 110. *Распадутся три короны || Высокой тиары.* — Папская тиара (головной убор) увенчивалась тремя коронами.

Строка 123. *Вифлеемская каплица* — часовня в Праге, в которой проповедовал Гус.

Строка 125. *Во имя господа Христа* и далее.— Весь этот эпизод является пересказом следующего эпизода из упомянутой выше работы С. Палаузова: «Случилось, что Иероним <один из ближайших последователей Гуса.— И. А.>, дабы показать свою ревность партии Гуса и презрение к католикам, подговорил одну женщину подозрительного поведения повесить себе на шею письменное отпущение папы и в сопровождении бесчисленного множества народа стал водить ее по улицам Праги. Потом торжественно сжег его. Католики были осмеяны. Несколько молодых людей всенародно стали на церковные кафедры, проповедуя обман этого отпущения» (С. Палаузов, Иоанн Гус и его последователи. М. 1845, с. 6).

Строка 164. *Конклав* — собрание высшего католического духовенства (кардиналов), избирающее папу.

Строка 203. *Зашептались антипапы.* — Во время острых распрей внутри католической церкви (XIV—XV вв.) неоднократно бывали случаи, когда князья церкви, недовольные деятельностью папы, объявляли его низложенным и избирали нового. Папы, не признанные позднейшей церковной историей, и называются антипапами. В конце XIV — начале XV в., в продолжение нескольких десятилетий, существовало одновременно не менее двух пап, в Риме и Авиньоне. В 1409 г. Пизанский церковный собор объявил лишенными власти двух пап (Григория XII и Бенедикта XIII) и избрал третьего — Александра V. Через несколько лет, в 1417 г., Констанцкий собор низложил всех трех пап и избрал четвертого (Мартина V), однако и позднее, например Бенедикт XIII, уехавший в Испанию, проклинал оттуда и отлучал от церкви своих противников — вплоть до самой своей смерти (1424).

Строка 214. *Уж гогочут гуси* — то есть поднимаются на борьбу народные массы, во главе с последователями и сторонниками Гуса.

Строка 243. *И кесаря, и Вячеслава*.— Имеются в виду немецкий император Сигизмунд (1368—1437) и чешский король Вячеслав (Вацлав IV, 1376—1419), брат императора Сигизмунда.

Строка 372. *Te deum!* — то есть «*Te deum laudamus!*» («Тебя бога славим!»), начало католической молитвы.

Строка 375. *Старый Жижка*.— Ян Жижка (1360—1424), военный руководитель народной войны (так называемые «гуситские войны») против немецко-католического владычества, вспыхнувшей в Чехии вскоре после убийства Яна Гуса.

СЛЕПОЙ (Сліпий)

«Основа», 1861, кн. IV, сс. 1—20; 1862, кн. VI, сс. 1—2 («Эпиплог»). Русский перевод (под названием «Невольник» — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М. 1874, сс. 105—122. Поэма существует в двух редакциях: обычно теперь публикуемая (по автографу, отобранному у поэта при аресте и сохранившемся в архиве III Отделения) редакция 1845 г. сделалась известной только в 1906 г. и, начиная с 1925 г., признается основной. По возвращении из ссылки Шевченко восстановил утраченный текст поэмы и значительно ее переработал, предполагая включить в сборник своих произведений; при этом поэт старался по возможности обезопасить поэму от цензуры, исключив или смягчив ряд «неудобных» мест в ней. В таком виде, под заглавием «Невольник», поэма и была напечатана в «Основе».

В поэме Шевченко осмысляет исторические судьбы запорожского казачества XVIII в. и всего украинского народа (последние годы гетманщины, разрушение Запорожской Сечи, основание А. Головатым Черноморско-Кубанского казачьего войска).

Строка 180. *Братство* — так обычно называлась школа, основанная в 1615 г. при Богоявленском монастыре Киевским братством, — религиозно-просветительной организацией, поддерживавшейся казачеством и цеховым мещанством. На протяжении XVII—XVIII вв. киевская школа Братства, вместе с киевской же академией, были основными рассадниками грамотности и просвещения на Украине.

Строка 396. *Межигорский спас* — мужской монастырь неподалеку от Киева, считавшийся «запорожским»: запорожское каза-

чество поддерживало монастырь материально, в него удалялись престарелые казаки — «спасаться» (см. ниже примечание к поэме «Чернец»).

Строка 398. *Почаев* — местечко на Волыни, известное с давних пор Почаевской лаврой, существовавшей с XIII в. и привлекавшей своими «святынями» массу богомольцев.

Строка 454. *В воскресенье раным-рано...* — Дума, которую поет кобзарь Степан, справедливо считается одним из самых блестящих и проникновенных подражаний народному песенному творчеству во всей украинской литературе; не случайно дума эта давно уже вошла в репертуар народных кобзарей и сохраняется в нем вплоть до настоящего времени. Сам Шевченко очень высоко ценил народные думы и считал их высшими достижениями народной поэзии. Выпуская в 1861 году свой «Южно-русский букварь», он включил в него «Думу про Олексия-поповича» и «Думу про Марусю Богуславку». А в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» поэт очень выразительно рассказал о порывах высокого вдохновения, внушенных ему народными думами.

Строка 460. *За Тендер прогуляться* — то есть выйти в открытое море. Тендер — некогда остров, ныне — коса на Черном море, в Днепровском лимане.

Строка 612. *Новой Сечью стали.* — Часть запорожцев, после разрушения Запорожской Сечи (1775), перебралась на Дунай, где основала так называемую Задунайскую Сечь; в 1828 г. казаки, во главе со своим кошевым атаманом Гладким, возвратились обратно в Россию.

Строка 613. *«Как царица по Киеву || С Нечосом гуляла...»* — Здесь и дальше имеется в виду поездка Екатерины II на Украину и в Крым (1787). Нечоса — прозвище, данное запорожцами Потемкину.

Строка 625. *Кирилл* — К. Разумовский, последний «гетман малороссийский» (1750—1764).

Строка 641. *Головатый* — войсковой (то есть войска запорожского) старшина Антон Головатый, после ликвидации Сечи перешел на службу в русскую армию и в конце 80-х гг. XVIII в. получил задание создать из бывших запорожцев особое казачье войско на Кубани как надежный заслон от нападений «немирных черкесов». Среди фольклорных записей Шевченко, до сих пор еще не опубликованных полностью, находится запись песни о переселении казаков на Кубань; авторство этой песни приписывалось самому Головатому.

Строка 655. *И тихонько напевают...*— далее перечисляются названия нескольких исторических украинских песен.

Строка 660. *Про славу Максима.* — Максим Зализняк (Железняк) — один из руководителей Колиивщины (см. выше, примечания к «Гайдамакам»).

ПОДЗЕМЕЛЬЕ (Великий льох)

«Кобзарь», Львов, 1867, т. II, сс. 323—333 (без первой части); полностью — «Кобзарь», 1876, т. II, сс. 36—53. Русский перевод М. Славинского в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, стр. 98—106; Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь, Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, сс. 196—211. В автографе (рукописный сборник «Три літа») поэма не датирована, но дата — октябрь 1845 г.— довольно точно устанавливается как по содержанию (археологические раскопки в селе Субботове) и по связи поэмы со стихотворением «Стяг в селе Субботове» (датировано поэтом «21 октября 1845 г., с. Марьинское»), так и по упоминанию о ней А. Чужбинского, который рассказывает о своей встрече с Шевченко осенью 1845 г.: «В два дня Т<арас> Г<ригорьевич> прочел мне несколько своих сочинений. Дивные вещи были у Шевченко. Из больших в особенности замечательны: «Иоанн Гус», поэма, и мистерия без заглавия. В первой он возвысился, по моему мнению, до своего апогея, во второй, уступавшей «Гусу» по содержанию, он рассыпал множество цветов чистой украинской поэзии» (А. Чужбинский, Воспоминания о Т. Г. Шевченко, СПб. 1861, с. 13).

Строка 2. *Субботово* — село неподалеку от Чигирина, принадлежавшее Богдану Хмельницкому; здесь он был похоронен. В середине 40-х годов XIX в. в Субботове велись большие археологические раскопки.

Строка 20. *Да с Юрусем гетманичем* — то есть с Юрием Хмельницким, младшим сыном Богдана, гетманом Украины в 1659—1663 и в 1677—1681 гг.

Строка 48. *Ранним-рано, в пост филиппов* — Филипповка (Пилиповка) — предрождественский пост, начинавшийся 14 ноября.

Строка 56. *С полными прошла пред ними.* — По старинным народным приметам, если дорогу перейдет женщина или девушка с полными ведрами, — к счастью.

Строки 74—75. *Как ехал || В Москву из Полтавы.* — Имеется

в виду Петр I, возвращавшийся в Москву после Полтавской победы над шведами 27 июня 1709 г.

Строки 77—79. *«Как Батури́н славный || Рать царева подпалила, || Чечеля убила».*— Казацкий полковник Чечель — сторонник Мазепы — оказал в Батурине упорное сопротивление русским войскам; во время бессмысленного боя погибло много мирных жителей и сам город — резиденция Мазепы — был сожжен. Шевченко рассказывает о разрушении Батурина, основываясь на свидетельствах «Истории Русов»; в последней об этом событии повествуется так: «Весь город и все публичные его здания, то есть церкви и присутственные места с их архивами, арсеналы и магазейны с запаса́ми со всех сторон зажжены и превращены в пепел. Тела убиенных христиан и младенцев брошены на улицах и стогнах града «и не бѣ погребаяй их!»

Строка 138. *Когда царица || В Канев проезжала.*— В 1787 г. Екатерина II совершила поездку по Украине и Крыму. Из Киева, вниз по Днепру, поездка совершалась на галерах.

Строка 168. *Чута* — лес, неподалеку от Запорожской Сечи на о. Хортице.

Строка 205. *Три указа накаркала || На одну дорогу.*— Имеется в виду железная дорога между Петербургом и Москвой, строительство которой было начато в 1843 г. и велось с небывало жестокой эксплуатацией рабочих, в том числе и крепостных. Один из инженеров, участвовавших в стройке, впоследствии вспоминал, что рабочие походили скорее «не на людей, а на рабочий скот, от которого требовали в работе нечеловеческих сил без всякого, можно сказать, вознаграждения» («Русская старина», 1901, № 7, с. 39). Ср. дальше: «Шесть тысяч в одной версте Душ передумали!..»

Строка 212. *«С фон Корфом»* — барон Ю. Ф. Корф, управляющий новгородской палатой государственных имуществ и крупный подрядчик на строительстве Петербург-Московской железной дороги. Его имя получило широкую известность в связи с большими волнениями рабочих в декабре 1843 г. (см. «Красный архив», 1937, № 4, сс. 45—106; «Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, Госполитиздат, 1951, сс. 650—652).

Строка 229. *Карамзина <...> прочитали!* — то есть «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

Строка 253. *С этим шведским проходимцем* — с Карлом XII (1682—1718), королем шведским.

Строка 257. *Сулу в Ромнах запрудила || Только старшинами.*—

В Ромнах в 1708—1709 гг. располагалась главная квартира Карла XII и Мазепы. «История Русов», следы внимательного чтения которой отчетливо видны в «Подземелье», очень подробно рассказывает, как русские войска, овладев Ромнами, «руйнували свою невинную братию, роменцев, прямо как неприятелей своих: жилища их были разорены и сожжены, скот отогнан и роздан по армии как добычный, и все приведено в запустение».

Строка 267. *И гетмана Полуботка || В тюрьме задушила* — см. выше, примечание к поэме «Сон».

Строка 271. *И в Иржавце мать божья || Ночью зарыдала.*— Легенду о «чудесной» иконе, оплакивавшей народные бедствия, Шевченко использовал позднее в поэме «Иржавец»; о ней упоминается также в повести «Музыкант».

Строка 275. *С Мучителем покутила, || с Петрухою попила.*— Мучитель — вероятно, Иван Грозный; Петруха — Петр I.

Строка 312. *В «Пчеле» описали* — то есть в реакционной газете «Северная пчела», издававшейся в 1825—1859 гг. Ф. Булгариным и Н. Гречем и являвшейся неофициальным правительственным органом.

Строка 347. *Над Киевом || Вон метла взвилася.*— Имеется в виду большая комета, наблюдавшаяся в начале 1845 г.

Строка 349. *Над Днепром и над Тясмином || Земля затряслася.*— О легком землетрясении в районе Киева 1 мая 1845 г. рассказывают современники.

Строка 424. *И про Яссы, || И Желтые Воды, || И местечко Берестечко.*— В 1652 г. войска Богдана Хмельницкого совершили успешный поход на столицу княжества Молдавии Яссы. Желтые Воды — проток около устья реки Тясмина. 8 мая 1648 г. казачье войско наголову разбило здесь войска Стефана Потоцкого. Под Берестечком (на Волыни) в июне 1651 г. произошла кровавая битва между казачьим войском под командованием Богдана Хмельницкого и польско-шляхетской армией. Из-за неожиданной измены союзника Хмельницкого, крымского хана, казаки понесли большие потери, хотя вывели из-под удара основные свои силы.

«СТОИТ В СЕЛЕ СУББОТОВЕ...» («Стоить в селі Суботіві...»)

«Основа», 1862, кн. VII, сс. 6—7, с цензурными купюрами и под названием «Суботів» (дано Кулишом). Русский перевод И. Белоусова в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М.

1919, сс. 47—48; Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь, Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, сс. 212—213.

Строка 27. *Байстриюки Екатерины*.— Байстриук (укр.) — внебрачный ребенок; имеются в виду потомки тех приближенных Екатерины II, которым она щедро раздавала земли на Украине.

Строки 29—30. *Зиновий, || С Алексеем дружный!* — Зиновий — второе имя Богдана Хмельницкого; Алексей — царь Московский (1645—1676).

НАЙМИЧКА

«Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш», т. II, СПб. 1857, сс. 149—168. Так как Шевченко в это время еще находился в ссылке, то имя поэта в публикации не было названо. В «Предисловии издателя» Кулиш сочинил целый рассказ о счастливой находке поэмы в «альбоме какой-то уединенной мечтательницы». «Имя автора в ней не означено, и я даже не знаю, кто бы мог быть ее автором» (с. 147).

При самом своем появлении поэма обратила на себя внимание критики. А. Н. Пыпин, в «Современнике», заявил, что в «чисто литературном отделе» «Записок» первое место, «без сомнения», принадлежит «Наймичке», «поэме не названного автора». «Поэма действительно хороша,— продолжал критик,— теплота чувства, разлитая в стихотворении, легкость и разнообразие оригинального стиха напомнят, конечно, любителям малорусской поэзии другие прекрасные произведения, с которыми «Наймичка», по нашему мнению, может быть поставлена совершенно наряду» («Современник», 1857, № 5, отд. III, с. 5). Последние слова убедительно показывают, что редакция «Современника» разгадала имя автора.

Очень теплые отзывы о поэме Шевченко дали также Н. И. Костомаров («Отечественные записки», 1857, № 9, отд. «Критика», сс. 23—26) и Н. А. Ригельман («Русская беседа», 1857, № 4, отд. «Критика», с. 4). Подобно Пыпину, оба критика пытались подсказать читателям имя автора поэмы.

Русские переводы: Л. Мея — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля. СПб. 1860, сс. 111—138; А. Плещеева — «Современник», 1860, № 4, отд. I, сс. 457—472. В связи с последним переводом А. Н. Плещеев писал Ф. М. Достоевскому 17 марта 1860 г.: «Не знаю, каков вы-

шел перевод,— но в оригинале это вещь удивительно поэтическая. Трудно переводить. Просто, безыскусственно, простосердечно,— до невероятности» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, под ред. А. С. Долинина, Л. 1935, с. 452).

«Наймичка» примыкает к циклу шевченковских поэм о женской доле, о девушках-матерях. Особенно близко связана «Наймичка» с поэмой «Катерина». И. Франко дал сравнительную характеристику центральных образов обеих поэм. Он писал, что в них, на общей идейной основе, «выступают две героини, относящиеся друг к другу как огонь и вода. Катерина — натура простая, пылкая, впечатлительная, сангвиническая; обманутая офицером, покинутая, в своем тяжелом горе она думает только о себе, бросает ребенка на дороге, а сама ищет в своем горе единственного оставшегося ей лекарства,— в воде подо льдом. Наймичка — натура неизмеримо более глубокая, ее чувство не только живо, но сильно и высоко, любовь к ребенку настолько могуча, что побеждает все остальное, заслоняет перед нею весь мир, заставляет забыть о самой себе, отдать всю свою жизнь не мгновенному искуплению, но — долгой жертве на благо собственного ребенка» («Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка», Львов, 1895, кн. 2, с. 20).

О большом интересе самого поэта к сюжету «Наймички» говорит также то обстоятельство, что в ссылке (приблизительно в 1853—1854 гг.) Шевченко написал на этот же сюжет повесть «Наймичка» (см. т. III наст. изд.).

Строка 274. *С хлебом святым обменным.*— По украинскому народному обычаю, девушка, соглашаясь на брак, подавала жениху полотенце и обменивала хлеб, который приносили сваты.

Строка 294. *Уж молодицы || Каравай месили.*— То есть готовились к свадьбе.

Строка 302. *Варенуха* — водка, сваренная с медом, плодами и пряностями.

КАВКАЗ

«Новые произведения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, сс. 7—13. Русские переводы: И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, сс. 41—46.

Поэма посвящена Якову Петровичу де Бальмену (1813—1845), офицеру и художнику. Шевченко сблизился с ним в 1843 г.,

во время странствований по Украине. Де Бальмену принадлежит ряд иллюстраций к произведениям Шевченко, до сих пор полностью не изданных. В 1845 г. де Бальмен, состоявший адъютантом при генерале Лидерсе, был убит во время так называемой даргинской экспедиции.

Несмотря на политическую нецензурность, поэма быстро распространилась в списках; один из них, видимо, лег в основу первопечатного текста. Отдельные выражения поэмы сделались распространёнными поговорками, особенно строки:

Од молдаванина до фіна
На всіх языках все мовчить,
Бо благоденствує!

Эти строки использовал Чернышевский в заключительных абзацах статьи «Национальная бестактность» («Современник», 1861, № 7), вычеркнутых цензором и опубликованных лишь в 1932 году. Посвятив свою статью разоблачению реакционных взглядов на национальный вопрос, Чернышевский в заключение настойчиво, — явно с намерением отвести внимание цензуры в сторону, — подчеркивал, что статья «относится исключительно к делам Галиции». «Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, М. 1950, с. 793). Иронический характер этих благонамеренных по внешности замечаний оказался настолько ощутительным, что привлек внимание цензуры.

Страница 314. *Кто даст главе моей воду* и т. д.— Кто даст главе моей воду и глазам моим источник слез, я буду плакать и день и ночь об убиенных (церк.-слав.).

Строка 97. *Царь свиней когда-то нас, || С женой приятеля спознался, || Убил его, а как скончался, || Так в рай попал.*— Поэт имеет в виду рассказанную в библии историю царя Давида, который отобрал у своего военачальника Урия жену, Вирсавию, а самого Урия послал на войну, где тот и был убит. Позднее Шевченко воспользовался этим же библейским сказанием для разоблачения самого существа царской власти, связанных с нею произвола, жестокости и насилия («Цари», отчасти «Саул»).

И МЕРТВЫМ, И ЖИВЫМ, И НЕРОЖДЕННЫМ ЗЕМЛЯКАМ МОИМ (І мертвим, і живим, і ненарожденним землякам моїм)

«Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, сс. 24—34. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, сс. 158—164.

Строки 113—115. Ян Коллар (1793—1852), Павел Иосиф Шафарик (см. выше, примечания к «Еретику»), Вацлав Ганка (1791—1861) — деятели чешского национально-освободительного движения, идеологи культурно-политического сближения славянских народов.

Строка 137. *Бруты*.— Имя Марка Юния Брута, убившего Юлия Цезаря, сделалось нарицательным для страстных и принципиальных сторонников республиканского строя.

Строка 139. *Коклеса*.— Публий Гораций Коклес, по преданию, один оборонял Сублициев мост в Риме от нападения этрусков, несших гибель римской республике.

Строка 176. *А на Сечи мудрый немец* || *Вырастил картошку*.— Намек на начавшееся со времен Екатерины II заселение украинских степей выходцами из стран Западной Европы.

ХОЛОДНЫЙ ЯР

«Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, сс. 14—17. Русский перевод А. П. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, сс. 119—120.

Стихотворение написано в связи с выходом клеветнической по отношению к украинскому народу книги А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст. (1738—1768)» (Одесса, 1845). Скальковский, реакционер, видный чиновник канцелярии новороссийского генерал-губернатора, писал о гайдамаках с яростной ненавистью,— Шевченко совершенно точно приводит некоторые бранные эпитеты, которыми Скальковский наделяет гайдамаков. Причина ярости чиновного историка в том, что в середине 40-х гг. все учащались, несмотря на жестокие усмирения, крестьянские восстания на всей территории Российской империи. Эти восстания и имеет в виду Шевченко, напоминая в своем стихотворении о «пламени Холодного Яра».

Холодный Яр — лес неподалеку от Чигирина и Мотронинского монастыря («Монастыря Матрёны»); в нем собирались крестьяне — участники восстания 1768 г.

ДАВИДОВЫ ПСАЛМЫ

«Кобзарь», 1860, сс. 223—244; три псалма (12, 53, 132) напечатал Кулиш в своей «Грамматке», СПб. 1857, сс. 41—43. Русские переводы — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911; А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911.

Обращение к произведениям библейской поэзии — псалмам, — конечно, не было следствием «глубокой религиозности» поэта, как утверждали буржуазные шевченкоеды. Поэт в данном случае, впервые в своем творчестве, приходит к мысли использовать образы и фразеологию «священного писания» в публицистических целях, подобно тому как это много раз делалось в литературе, начиная с крестьянских войн XVI в.

МАЛЕНЬКОЙ МАРЬЯНЕ

«Нова громада», 1906, № 10, сс. 68—69. Русский перевод И. Белоусова — «Искра», 1907, № 9. К кому обращено стихотворение, — неизвестно.

«ПРОХОДЯТ ДНИ, ПРОХОДЯТ НОЧИ...» («Минають дні,
минають ночі...»)

«Основа», 1861, кн. III, сс. 1—2. Русский перевод А. Н. Плещеева — «Современник», 1858, № 10, отд. I, с. 470 (перевод сделан с рукописи).

ТРИ ГОДА (Три літа)

«Нова громада», 1906, № 10, сс. 69—72. Русский перевод — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, сс. 58—60.

Название этого стихотворения Шевченко распространил на весь цикл произведений, написанных в 1843—1845 гг. и составивших отдельную объемистую тетрадь, отобранную у поэта при аресте; настоящее стихотворение, заключая цикл, одновременно подводило итог настроениям, владевшим поэтом в продолжение переломных для него в идейном отношении «трех лет». Об этих настроениях можно судить также по письмам Шевченко того времени и по более поздним его показаниям на допросе в III Отделении. Так, В. Н. Репниной поэт писал: «Я, как мастер, выученный не горем, а чем-то страшнее, рассказываю себя людям, но рассказать вам то чувство, которым я теперь живу, все мое горе — мастерство бессильно и ничтожно» (конец ноября 1843 г.).

А 21 апреля 1847 г., отвечая на «вопросные пункты» жандармских следователей, Шевченко писал, что, «возвратясь в Малороссию» (в 1843 г., после почти двенадцати лет отсутствия), он «увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, помещиками и экономами-шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства».

Строка 21. *Высушили мои слезы.*— Далее поэт припоминает ряд своих ранних произведений: «Катерина», «Иван Подкова», «Гамалия», «Марьяна-черница».

ЗАВЕЩАНИЕ (Заповіт)

Впервые — не полностью — напечатано в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», Лейпциг, 1859, с. 18, под заглавием «Думка». В «Кобзаре», 1867, получило, — на основании ряда списков, из которых часть была просмотрена поэтом, — название «Заповіт», утвержденное затем многолетней традицией. В автографах поэта стихотворение не имеет заглавия. Начиная с 1863 г. («Воскресный досуг», 1863, № 12, с. 190), не раз переводились первые 8 строк (Н. В. Гербель, Н. Д. Мизко, Н. А. Чмырев, И. А. Бунин, П. А. Грабовский и др.); полностью стихотворение переведено А. Колтоновским — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, с. 122. Стихотворение много раз было положено на музыку (Н. В. Лысенко, К. Стеценко, Я. Степовый, В. Заремба и др.); особенной популярностью пользуется музыка Г. П. Гладкого для смешанного хора, написанная в конце 60-х гг.

ЛИЛЕЯ

«Слово» (Львов), 1862, № 16. Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1908, № 11, сс. 88—89.

Эту поэму, вместе с написанными в августе 1846 г. «Русалкой» и в марте 1847 г. «Осиной» (впоследствии «Ведьмой»), Шевченко предполагал издать отдельной книжкой как второй выпуск «Кобзаря». Выбор для издания именно этих трех поэм легко может быть объяснен. Поэту неоднократно — и в Петербурге и, особенно, во время странствований по Украине — приходилось слышать читательские требования новых стихов. Между тем подавляющее большинство произведений, написанных после выхода в свет «Гайдамаков» и «Гамалии» и составивших рукописный

сборник «Три года», были такого рода, что на опубликование их не приходилось рассчитывать.

Включая в предположенную книгу «Второго Кобзаря» три поэмы, Шевченко стремился поделиться с читателями своими изменившимися эстетическими взглядами. Книга должна была сопровождаться предисловием, утверждавшим взгляды поэта на народность литературы. Это предисловие, ставшее известным много лет спустя после смерти поэта, утверждает переход его на новые позиции, позиции последовательного и твердого критического реализма.

РУСАЛКА

«Вечорниці» (Львов), 1862, № 22, с. 185. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, сс. 85—87.

ВЕДЬМА

«Вечорниці», 1862, № 16, сс. 121—122; № 17, сс. 129—130; № 18, сс. 137—138. Русский перевод Н. Пушкарева — «Московское обозрение», 1878, №№ 14—19.

Написанная первоначально перед самым арестом Шевченко, 7 марта 1847 г., поэма носила название «Осина» («Осика»). Заглавие это разъяснялось в первых строках поэмы, впоследствии отброшенных автором,— в сравнении осины, проклятого по фольклорным представлениям, дерева, с судьбою отверженной людьми героини поэмы, «ведьмы»:

Есть курган в степи широкой
С осиной заклятой.
Под ней ведьму схоронили...
Креститесь, дивчата!
Креститесь и не зарьтесь
На панов лукавых,
Пропадете от насмешек,
От недоброй славы.
С ней вам жить на этом свете.
А на том... О, боже!
Искупить вам грех великий
Сам бог не поможет.
Издеваются пусть паны,
Братьями торгуют,
С сатаной от слез кровавых,
Ваших слез, ликуют.

Они души запродали.—
Им чего ж бояться?
А вот вам всем очень надо
Их остерегаться!
Берегитесь и любитесь
Хотя б с батраками,
С кем хотите, дорогие,
Только не с панами!

(Перевод Вс. Рождественского.)

Осенью 1857 г., дожидаясь в Нижнем-Новгороде разрешения поселиться в Петербурге, Шевченко получил от приятелей рукописи многих своих произведений и исподволь занялся их правкой, «приведением в порядок». 4—6 марта 1858 г. он усердно занимался переработкой «Осины», которая получила теперь название «Ведьма». 4 марта поэт записал в Дневнике, что «принялся переписывать *Видьму* для печати», причем «нашел много длинного и недоделанного». А 6 марта он отмечал: «Я слишком плотно принялся за свою *Видьму*. Так плотно, что сегодня кончил; а работы было порядочно, и, кажется порядочно кончил».

Сюжет «Осины»-«Ведьмы» развивает тему девушки-покрытки, соблазненной паном (офицером, помещиком) и покинутой им,— тему, не раз привлекавшую к себе внимание поэта, начиная с «Катерины». С последней «Осина» даже непосредственно перекликалась: последние строки приведенного выше начала поэмы являлись совершенно очевидной перифразой начала «Катерины». Как бы продолжая эту перекличку с прежней своей поэмой, Шевченко в «Осине» также сталкивает соблазненную девушку с отцом и заставляет последнего перед смертью простить ее.

В отличие от «Катерины» Шевченко в «Осине» настойчиво подчеркивает основную причину всех бедствий героини,— распущенность и своеволие помещиков, безнаказанно попиравших человеческое достоинство своих крепостных. Противопоставляя свою «ведьму» развратнику помещику, поэт делает ее победительницей в остром конфликте, однако победа эта — прежде всего морального, этического порядка.

Перерабатывая «Осину» в «Ведьму», поэт стремился углубить и обосновать этот конфликт средствами реалистического письма, снять романтические черты, идеализацию героини. Собираясь напечатать поэму, Шевченко, по цензурным соображениям, вынужден был убрать из текста указанные выше выпады против помещиков, панов, но зато убрал он и большую сцену встречи больного пана с «ведьмой» и предсмертного его раскаяния.

«ПРИПОМНИМ, БРАТИЯ МОЯ...» («Згадайте, братія моя...»)

«Основа», 1862, кн. III, с. I. Русский перевод И. Белоусова в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, сс. 197—198.

Стихотворение написано уже в Орской крепости, повидимому во второй половине 1847 г. В 1858 г., подготавливая свои произведения для печати, Шевченко, нарушив хронологическую последовательность, открыл этим стихотворением «казематный» цикл, посвященный «моим соузникам», то есть киевским знакомым и товарищам поэта, привлеченным вместе с ним по делу «Украино-славянского» (по официальной терминологии) или «Кирилло-Мефодиевского» (по традиционному обозначению) общества.

Строка 21. *А его забудьте, други.*— Имеется в виду студент Киевского университета А. М. Петров, донесший киевским властям о существовании тайного общества и о его участниках.

Строка 23. *И меня в неволе лютой || Порой вспоминайте.*— Говоря о «неволе», поэт распространял на товарищей собственную тяжелую судьбу. В действительности почти все участники Кирилло-Мефодиевского общества отделались более или менее коротким заключением, после которого были отправлены в различные губернские города и определены на службу. Только Н. И. Гулак, занимавший революционную позицию, отказавшийся отвечать на вопросы следственной комиссии III Отделения и свидетельствовать против своих товарищей, был присужден к трехлетнему заключению в Шлиссельбургской крепости; затем он был выслан в отдаленные губернии.

I. «ОИ, ОДНА Я, ОДНА...»

«Народное чтение», 1860, № 3, с. 151. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 2-е, СПб. 1869, с. 286.

Этим стихотворением открывается в рукописях Шевченко цикл, названный им «В каземате»; цикл объединяет тринадцать стихотворений, написанных поэтом во время заключения в III Отделении, с 17 апреля по 30 мая 1847 г. Записаны в первую «захлявную» книжечку (см. комментарии, т. II наст. изд.) все эти стихотворения были позже, уже в ссылке, а объединены в цикл —

при переписке набело, в 1858 г. При этом Шевченко, по неизвестным причинам, не включил в цикл стихотворение «Не спится мне, а ночь — как море».

II. «ЛЕС, ОБРАГ, БУЕРАК...» («За байраком байрак...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 385—386. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, сс. 192—193.

Используя в стихотворении один из распространенных в украинской романтической поэзии образов — старого казака (гетмана, бандуриста), сравнивающего идеализированное прошлое Украины с ее настоящим («Козак та буря», «Гетьман», «Козача смерть» А. Метлинского, «Могила» Н. Костомарова и др.), — Шевченко совершенно переосмысляет его. Казак выходит из могилы отнюдь не для того, чтобы прославить героические дела прошлого, — его, изменника, не принимает земля, так как он, в свое время, по приказу гетмана, гнал, «как стадо», украинских крестьян в неволю к крымскому хану, безжалостно проливая братскую кровь. Имеется в виду гетман Петр Дорошенко (1665—1676), который, по договору с крымским ханом, отдал ему в рабство многие тысячи украинских казаков и мирных крестьян.

III. «МНЕ, ПРАВО, ВСЕ РАВНО, Я БУДУ...»

(«Мені однаково, чи буду...»)

«Мета» (Львов), 1863, № 4, сс. 272—273. Русский перевод Н. Пушкарева — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, сс. 117—118.

Стихотворение отражает отдельные моменты допросов поэта в III Отделении. Судя по официальным документам, Шевченко был вызван на допросы дважды: 21 апреля 1847 г. для ответа на «вопросные пункты» и 15 мая — для очной ставки с одним из участников Кирилло-Мефодиевского общества Г. Андрузским. Обстановка обоих допросов не нашла отражения в официальных документах, но о ней можно составить представление по записанному в Дневнике «отвратительному сновиденью»: поэту приснилось, «будто бы Дуббельт с своими помощниками <...> в своем уютном кабинете перед пылающим камином, меня тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой и в заключение плю-

нул и назвал меня извергом рода человеческого» (15 сентября 1857 г.).

Основным обвинительным материалом против Шевченко явились его поэтические произведения, а также то обстоятельство, что «Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя». Громадная популярность поэта, о которой твердили буквально все привлеченные по делу «общества», привела жандармов к мысли о том, что стихи Шевченко «вдвойне вредны и опасны», так как «с любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье вернуть эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства» (из доклада А. Ф. Орлова Николаю I, 28 мая 1847 г.). Эти жандармские измышления, несколько не связанные с подлинным духом шевченковского творчества, определяли и содержание и характер тех «навращений» Дуббельта, о которых с содроганием вспоминал поэт даже спустя десять лет. Ответом на эти «навращения» и является стихотворение.

IV. «ОСТАНЬСЯ С МАТЕРЬЮ! — СКАЗАЛИ...» («Не кидай матері! — казали»)

«Кобзарь», 1867, сс. 387—388. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 27, сс. 17—18.

V. «ЗАЧЕМ ТЫ ХОДИШЬ НА МОГИЛУ?...» («Чого ти ходиш на могилу?...»)

«Хата», СПб. 1860, сс. 73—75, под заглавием «Калина». Тот же заголовок в русском переводе М. А. Козырева — «Грамотей», 1871, № 12, сс. 33—34; ср. также И. Суриков — в кн. «Стихотворения И. Сурикова», СПб. 1871, с. 98 («Песня»).

Образ калины на могиле близкого человека в украинском песенном фольклоре неизменно связывается со слезами, с печалью близких:

А в тій долині стоїть кущ калини,
Аж на землю вітки гнуться...
Плаче дівчинонька, плаче молодая,
Аж на землю сльози ллються.

Ср. также:

Насип мені високу могилу,
Та посади червону калину:
На калині зозуля кувала,
Вона мені всю правду казала.

VI. «ТРИ ШИРОКІЕ ДОРОГИ...» («Ой три шляхи широкіі...»)

«Основа», 1861, кн. I, сс. 5—6. Русский перевод И. Белоусова — «Звезда», 1886, № 7, сс. 163—164 («Три дороги»).

В стихотворении широко использованы приемы и мотивы украинского песенного фольклора. Поэт создал вариации известного песенного сюжета.

VII. Н. КОСТОМАРОВУ

«Мета» (Львов), 1863, № 4, с. 273. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, сс. 122—123.

Николай Иванович Костомаров (1817—1885), историк, беллетрист и поэт, организатор и идеолог Кирилло-Мефодиевского общества. В молодости — умеренный либерал, после 1861 г. перешел в буржуазно-националистический лагерь. С Шевченко познакомился в Киеве в начале 1846 г.; один из первых читателей революционных произведений поэта, от которых был, по собственному признанию, «в совершенном восторге» («Русская мысль», 1885, № 5, с. 211). Однако идейной близости между Шевченко и Костомаровым не возникло: к идеям Кирилло-Мефодиевского общества, в том виде, как их пропагандировал Костомаров, поэт отнесся «с большим задором и крайней нетерпимостью», пугая своего собеседника тем, что, «по своему обыкновению, выражался не совсем цензурно о существующем порядке» (там же, сс. 211, 212). По возвращении Шевченко из ссылки его отношения с Костомаровым сделались настолько сдержанными и сухими, что Костомаров, в позднейшем письме к М. И. Семевскому, считал необходимым специально это оговорить: «Вообще, тот ошибся бы, кто бы стал думать, что я был особенно с ним близок и дружен <...> Многое из случавшегося с ним оставалось для меня неизвестным, и я узнавал о том от других его друзей: со мной он гораздо менее был дружен и откровенен, чем со многими иными» («Русская старина», 1880, № 3, с. 597). Под этими «иными» Костомаров разумел таких деятелей, как Чернышевский, Сераковский, Некрасов, Михайлов, братья Курочкины и др.

В основе стихотворения лежит подлинный случай, когда поэт из окна своей камеры увидел во дворе мать Костомарова, пришедшую на свидание к сыну. Этот эпизод настолько крепко запал в память Шевченко, что он вспомнил о нем и десять лет спустя, навестив в Саратове по дороге из ссылки Т. П. Костомарову (см. запись в Дневнике 31 августа 1857 г.).

VIII. «ВИШНЕВЫЙ САДИК ВОЗЛЕ ХАТЫ...» («Садок вишневый коло хати...»)

«Русская беседа», 1859, № 3, сс. 4—5. Одновременно было напечатано в «Народном чтении», 1859, № 3, с. 152, вместе с русским переводом Л. А. Мея, который первоначальный текст сделал еще в апреле 1858 г. В Дневнике своем Шевченко отметил (16 апреля 1858 г.) получение этого перевода и выразил благодарность переводчику. Для печати Мей несколько переработал перевод; текст первоначальной редакции см.: Л. А. Мей, Стихотворения и драмы, «Советский писатель», Библиотека поэта, большая серия, 1947, с. 546. Характерна здесь, в примечании к переводу, жалоба переводчика на специфические трудности, обусловленные близостью языков — русского и украинского: «Многие истово малороссийские слова перевести нельзя, так не уловим их тонкий оттенок, но *переписать* по-русски можно». См. также перевод К. Станюковича — «Северный цветок», 1860, № 45, с. 293.

«Вишневый садик» — одно из любимейших стихотворений Шевченко; он охотно записывал его в альбомы, дарил знакомым автографы и т. д. В некоторых автографах стихотворение называлось «Вечер», «Весенний вечер», «Майский вечер». Популярности стихотворения много содействовали музыкальные его обработки (романсы Н. В. Лысенко, П. И. Чайковского и др.).

Даем перевод Л. Мея, как первый русский перевод:

ВЕЧЕР

Вишневый садик возле хаты;
Жуки над вишнями гудят;
Плуг с нивы пахари тащат;
И, распеваячи, девчаты
Домой на вечерю спешат.
Семья их ждет, и все готово;
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает,

А мать сказала бы ей слово,
Да соловейка не дает.
Мать уложила возле хаты
Малюток — деточек своих;
Сама заснула возле них...
Затихло все: одни девчаты
Да соловейка не затих.

14 мая 1859 г.

IX. «РАНО ВСТАЛИ, ВЫСТУПАЛИ...» («Рано-вранці
новобранці»)

«Хата», СПб. 1860, сс. 76—77, под заглавием «Пустка» (дано Кулишом). Русский перевод Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 182—183 («Покинутая избушка»).

X. «В НЕВОЛЕ ТЯЖКО...»

«Основа», 1861, кн. V, с. 14. Русский перевод Ив. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, с. 198.

XI. КОСАРЬ

«Основа», 1862, кн. XI, сс. 5—6. Русский перевод в кн. «Кобзарь в переводе Н. А. Чмырева». М. 1874, сс. 157—158.

В автографе стихотворение, в отличие от других стихотворений цикла, датировано — 30 мая 1847 г. Это — день, когда, после утверждения Николаем приговора и объявления его всем участникам Кирилло-Мефодиевского общества, Шевченко уезжал в далекую ссылку. Ср. в «Автобиографии» Н. И. Костомарова: «30 мая мы, заключенные, видели из окон, как вывели на двор Шевченко в солдатской шинели. Он улыбнулся, прощаясь с друзьями. Я заплакал, глядя на него, а он, не переставая улыбаться, снял шляпу, садясь в телегу, а лицо было такое же спокойное, твердое» («Русская мысль», 1885, № 5, с. 219).

XII. «СОЙДЕМСЯ ЛИ МЫ С ВАМИ СНОВА?..» («Чи ми ще
зійдемося знову?..»)

«Основа», 1861, кн. X, с. 2. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Маленький кобзарь из Т. Г. Шевченки. Переводы И. А. Белоусова», Киев, 1892, сс. 30—32.

Стихотворение обращено к «союзникам» поэта и написано под свежим впечатлением прощания с ними, о котором рассказал в «Автобиографии» Костомаров (см. примечание к предыдущему стихотворению).

«НЕ СПИТСЯ МНЕ, А НОЧЬ — КАК МОРЕ...» («Не спалося,—
а ніч як море...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 400—402. Русский перевод Н. А. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 40, сс. 186—188 («В тюрьме»).

Строка 11. *И меньше белой не дарила* — то есть меньше асигнации в двадцать пять рублей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Белецкий и А. Дейч. Жизнь и творчество Т. Г. Шевченко</i>	5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Порченная. <i>Перевел М. Исаковский</i>	97
«Ветер буйный, ветер буйный...» <i>Перевел Л. Длигач</i>	103
Вечной памяти Котляревского. <i>Перевел С. Тарковский</i>	105
«Течет вода в сине море...» <i>Перевел Н. Браун</i>	109
«Тяжко, тяжко жить на свете...» <i>Перевел А. Твардовский</i>	110
«Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами!...» <i>Перевел А. Сурков</i>	112
Перебендя. <i>Перевел Г. Петников</i>	116
Катерина. <i>Перевел М. Исаковский</i>	119
Тополь. <i>Перевел А. Безыменский</i>	139
«На что черные мне брови...» <i>Перевела В. Звягинцева</i>	146
К Основьяненко («Бьют пороги; всходит месяц...») <i>Перевел В. Державин</i>	148
Иван Подкова. <i>Перевел М. Михайлов</i>	151
Тарасова ночь. <i>Перевел Б. Турганов</i>	154
Н. Маркевичу («Хорошо тебе, орел мой...»). <i>Перевела Т. Волгина</i>	159
На память Штернбергу. <i>Перевел С. Олендер</i>	161
Гайдамаки. <i>Перевел А. Твардовский</i>	162
«Ветер веет, повеваает...» <i>Перевел Н. Асеев</i>	232

Марьяна-черница. <i>Перевел Л. Вышеславский</i> . . .	233
Утопленница. <i>Перевел М. Зенкевич</i>	245
Песня караульного у тюрьмы	251
Слепая	252
Гамалия. <i>Перевел Н. Асеев</i>	282
Тризна	287
Разрытая могила. <i>Перевел М. Славинский</i>	302
«Чигрине, Чигрине...» <i>Перевел Л. Длигач</i>	304
Сова. <i>Перевел П. Карабан</i>	307
Девичьи ночи. <i>Перевел Н. Ушаков</i>	314
Сон («У всякого своя доля...»). <i>Перевел В. Державин</i>	316
«В воскресенье не гуляла...» <i>Перевела М. Комиссарова</i>	331
«Что же мне так тяжело...» <i>Перевела Ел. Благинина</i>	334
«Зачаруй меня, волшебник...» <i>Перевел С. Олендер</i> .	335
Гоголю («За думою дума летит-вылетает...»). <i>Перевел М. Исаковский</i>	336
«Не завидуй богатому...» <i>Перевел Е. Нежинцев</i> . .	337
«Не женися на богатой...» <i>Перевела Е. Шумская</i> .	338
Еретик. <i>Перевел П. Карабан</i>	339
Слепой (Невольник). <i>Перевел Н. Асеев</i>	350
Подземелье. <i>Перевел Ф. Сологуб</i>	369
Стоит в селе Субботове. <i>Перевел Ф. Сологуб</i> . . .	386
Наймичка. <i>Перевела Т. Волгина</i>	388
Кавказ. <i>Перевел П. Антокольский</i>	404
И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дру- жеское послание. <i>Перевел В. Державин</i>	409
Холодный Яр. <i>Перевел А. Дейч</i>	416
Давидовы псалмы. <i>Перевел В. Россельс</i>	419
Маленькой Марьяне. <i>Перевела В. Звягинцева</i> . . .	428
«Проходят дни, проходят ночи...» <i>Перевел Н. Ушаков</i>	429
Три года. <i>Перевел П. Панченко</i>	431
Завещание («Как умру, похороните...»). <i>Перевел А. Твардовский</i>	434
Лилея. <i>Перевела М. Комиссарова</i>	435
Русалка. <i>Перевела В. Инбер</i>	438
Ведьма. <i>Перевел П. Антокольский</i>	440
«Припомним, братья моя...» <i>Перевел А. Чачиков</i> .	454
I. «Ой, одна я, одна...» <i>Перевел А. Колтоновский</i> . .	455
II. «Лес, овраг, буерак...» <i>Перевела Ел. Благинина</i>	456

III. «Мне, право, все равно, я буду...»	<i>Перевела В. Звягинцева</i>	453
IV. «Останься с матерью! — сказали...»	<i>Перевел В. Луговской</i>	459
V. «Зачем ты ходишь на могилу?..»	<i>Перевел Н. Ушаков</i>	461
VI. «Три широкие дороги...»	<i>Перевел М. Исаковский</i>	463
VII. Н. Костомарову («Играя, солнышко скрывалось...»)	<i>Перевела В. Звягинцева</i>	465
VIII. «Вишневый садик возле хаты...»	<i>Перевел Н. Ушаков</i>	466
IX. «Рано встали, выступали...»	<i>Перевел Н. Ушаков</i>	467
X. «В неволе тяжко — хоть и воли...»	<i>Перевел Л. Вышеславский</i>	469
XI. Косарь.	<i>Перевел Г. Владимирский</i>	470
XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?..»	<i>Перевел Н. Панов</i>	471
«Не спится мне, а ночь — как море...»	<i>Перевел Л. Длигач</i>	472
Комментарии.	<i>Составил И. Айзеншток</i>	477

Редактор *Е. Цинговатова*
Оформление художника *Г. Фишера*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *А. Типольт*

•

Сдано в набор 9/V 1955 г. Подписано
к печати 2/IX 1955 г. А 05110. Бумага
84×108¹/₃₂— 33 печ. л. = 27,06 усл.-печ. л.,
26,41 уч.-изд. л. + 1 вкл. = 26,46 л.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 419.
Цена 10 р.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

•

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.